ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Жестокие слова

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Annotation

Роман «Жестокие слова» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша — нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Ночью в уединенной хижине в глуши леса сидят и разговаривают двое людей. Спустя короткое время один из них умирает, унося в могилу все свои тайны. Его убийство — очередная загадка, которую предстоит разгадать старшему инспектору Арману Гамашу и его команде. Поначалу у них нет ни орудия убийства, ни мотива, одни лишь подозрения. Очевидно одно: этот человек предательски убит кем-то, кого хорошо знал. И даже после его смерти паутина предательства продолжает плестись…

Луиза Пенни
Жестокие слова

Обществу защиты животных области Монтережи и всем людям, что «звонят в колокола небес».

А также Мэгги, которая целиком, без остатка отдала свое сердце

Louise Penny
THE BRUTAL TELLING

Издательство АЗБУКА®

*** * ***

ЛУИЗА ПЕННИ — канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека (в настоящее время вышло 11 романов). Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger». Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни — первый пятикратный лауреат премии «Agatha Award».

> Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.
>
> *Publishers Weekly*

Изобретательно и неожиданно.

Guardian

Убийство, обаятельный детектив и пугающая атмосфера — впечатляет!

The Times

Гамаш — удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.

Kirkus Reviews

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте… хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.

The Chicago Tribune

Читать романы Луизы Пенни — редкостное удовольствие.

People

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Глава первая

— Все? Даже дети?

Огонь в камине потрескивал, пощелкивал, тяжело вздыхал.

— Убиты?

— Хуже.

Наступило молчание. И в этой тишине обитало все, что могло быть хуже убийства.

— Они близко?

По его спине поползли мурашки, когда он представил, как что-то ужасное движется по лесу. В их направлении. Он оглянулся, готовый к тому, что увидит красные глаза, которые смотрят на него сквозь темное стекло. Или из углов. Или из-под кровати.

— Они повсюду. Ты видел свет в ночном небе?

— Я думал, это северное сияние.

Розово-зелено-белые переливы, колышущиеся на фоне звезд. Словно нечто живое, сияющее и растущее. И приближающееся.

Оливье Брюле опустил взгляд, не в силах больше смотреть в беспокойные, безумные глаза своего визави. Он давно сжился с этой историей, убеждая себя, что она не имеет отношения к действительности. Она была мифом, историей, которую рассказывают, повторяют и приукрашают снова, и снова, и снова, сидя, как в их случае, перед огоньком.

Всего лишь история — ничего более. Какой от нее вред?

Но в этой простой бревенчатой хижине, затерявшейся в глуши Квебека, казалось, что за ней стоит нечто большее. Даже Оливье чувствовал, что верит в нее. Может быть, потому, что Отшельник явно не испытывал ни малейшего сомнения.

Старик сидел в легком кресле по одну сторону камина, а Оливье — по другую. Оливье смотрел в огонь, горевший вот уже более десятилетия. Старое пламя, которому не позволяли умереть, бормотало и потрескивало в камине, слабо освещая хижину. Оливье взял простую металлическую кочергу и пошуровал в углях, вздымая фонтан искр. Пламя свечи отражалось в тусклых предметах, которые в темноте напоминали глаза, выхваченные огнем.

— Уже скоро.

Глаза Отшельника были похожи на металл, достигший точки

плавления. Старик подался вперед, как делал почти всегда к концу истории.

Оливье обвел взглядом комнату. Темнота подчеркивалась горящими свечами, образующими фантастические, немыслимые тени. Ночь просочилась внутрь сквозь щели в бревнах и обосновалась в хижине, свернулась калачиком в углах и под кроватью. Многие местные племена верили, что зло обитает в углах, а потому их традиционные дома были круглыми. В отличие от квадратных домов, которые построило для них правительство.

Оливье не верил, что зло обитает в углах. Сказки. По крайней мере, не при свете дня. Но он верил в то, что в темных углах этой хижины затаились духи зла, о которых знает лишь Отшельник. Те духи, при мысли о которых сердце Оливье начинало биться быстрее.

— Продолжай.

Это прозвучало с напускной уверенностью.

Было уже поздно, а Оливье еще предстояло совершить двадцатиминутную прогулку по лесу назад в Три Сосны. Он совершал это путешествие каждые две недели и хорошо знал дорогу, даже в темноте не заблудился бы.

Только в темноте. Их взаимоотношения существовали только после полуночи.

Они прихлебывали черный чай. Оливье знал, что это угощение припасено для почетного гостя Отшельника. Единственного его гостя.

Но сейчас подошло время рассказывать историю. Они подались поближе к огню. Стояло начало сентября, и вместе с ночью в хижину прокрался холод.

— Так на чем я остановился? Ах да, вспомнил.

Руки Оливье еще крепче сжали теплую кружку.

— Эта страшная сила уничтожила все на своем пути. Старый Свет и Новый. Все исчезло. Кроме…

— Кроме?

— Осталась одна маленькая деревенька. Она расположена в уединенной долине, а потому страшная армия пока не заметила ее. Но она заметит. И когда это случится, их великий вождь встанет во главе армии. Он громаден. Выше любого дерева. Облачен в доспехи из камня, колючих ракушек и костей.

— Хаос.

Произнесенное шепотом слово растворилось в темноте, улеглось в уголке. И принялось ждать.

— Хаос. И фурии. Болезни, Голод, Отчаяние. Все они множатся.

Рыщут. И никогда не остановятся. Никогда. Пока не найдут то, что ищут.

— То, что было похищено.

Отшельник кивнул с мрачным лицом. Он как будто видел бойню, разрушение. Видел мужчин, женщин, детей, спасающихся бегством от безжалостной, бездушной силы.

— Но что это такое было? Ради чего они готовы уничтожить все, лишь бы вернуть утраченное?

Оливье с трудом заставлял себя смотреть на грубое морщинистое лицо, а не стрелять глазами в темноту. В угол, где, как было известно им обоим, кое-что лежало в плохоньком полотняном мешочке. Но Отшельник словно прочел его мысли, и Оливье увидел на лице старика гаденькую ухмылку. Правда, она тут же исчезла.

— Его возвращения хочет не армия.

И тут они оба увидели то, что маячило за страшной армией. То, чего страшился даже Хаос. То, что гнало перед собой Отчаяние, Болезни, Голод. С единственной целью — чтобы они вернули похищенное у их хозяина.

— Это хуже бойни.

Они говорили тихими, едва слышными голосами. Словно заговорщики, чье дело уже проиграно.

— Когда армия найдет то, что ищет, она остановится. И отойдет в сторону. И тогда произойдет худшее, что можно себе представить.

Снова наступило молчание. И в этом молчании таилось худшее, что можно себе представить.

Снаружи завыла стая койотов. Они загнали в угол какого-то зверька.

«Миф это, и ничего другого, — успокоил себя Оливье. — Просто выдумки». Он снова посмотрел на угли и потому не увидел ужаса на лице Отшельника. Затем он взглянул на свои часы, наклонив циферблат к огню, пока тот не засветился отблесками оранжевого пламени и не сказал ему: пора. Половина третьего ночи.

— Хаос наступает, старичок, и его не остановить. На это ушло немало времени — но вот теперь он здесь.

Отшельник кивнул, его глаза повлажнели, заслезились, может, от дыма, может, от чего-то другого. Оливье откинулся назад и удивился, когда боль внезапно пронзила его тридцативосьмилетнее тело. И тут он понял, что просидел, напрягшись, в течение всего этого страшного рассказа.

— Извини. Час поздний, Габри будет беспокоиться. Мне пора идти.

— Уже?

Оливье встал, налил холодной свежей воды в эмалированную раковину и сполоснул свою чашку. Потом повернулся к хозяину.

— Я скоро приду снова, — сказал он с улыбкой.

— Дам-ка я тебе кое-что, — пробормотал Отшельник, оглядывая хижину.

Взгляд Оливье метнулся в угол, где лежал полотняный мешочек. Нераскрытый. Перевязанный бечевкой.

Отшельник хохотнул:

— Возможно, когда-нибудь, Оливье. Но не сегодня.

Он подошел к вырубленной топором каминной полке, взял с нее какой-то крошечный предмет и протянул его обаятельному светловолосому мужчине.

— Это за еду. — Он показал на консервные банки, сыр, молоко, кофе и хлеб на столе.

— Нет-нет, что ты. Мне это совсем нетрудно, — стал отказываться Оливье.

Но они оба не раз играли в эту игру и знали, что он возьмет маленький подарок.

— Merci,[1] — сказал Оливье, остановившись в дверях.

В лесу поднялась неистовая суматоха — это обреченный зверек попытался сбежать от своей судьбы, а койоты погнались за ним.

— Будь осторожен, — сказал старик, обведя быстрым взглядом ночное небо.

Прежде чем закрыть дверь, он прошептал одно-единственное слово, мгновенно поглощенное лесом. Оливье представил себе, как Отшельник крестится и шепчет молитвы, прислонившись к двери, прочной, но все же, наверное, недостаточно крепкой.

Он не мог понять, верит ли старик в эти истории о великой и страшной армии, возглавляемой Хаосом, который ведет за собой фурий. Армии неумолимой, всесокрушающей. Подступившей совсем близко.

А позади армии — что-то еще. Что-то такое, что и выразить нельзя.

И еще Оливье не мог понять, верит ли Отшельник в молитвы.

Он включил фонарик, пошарил в темноте лучом света. Вокруг стояли серые стволы деревьев. Оливье посветил фонариком туда-сюда в поисках узкой тропинки, бегущей через осенний лес. Найдя дорогу, он пошел быстрым шагом. И чем быстрее он шел, тем страшнее ему становилось, а чем страшнее ему становилось, тем быстрее он бежал, пока не начал спотыкаться, преследуемый темными словами среди темных деревьев.

Наконец деревья остались позади, и он, обессиленный, остановился и упер руки в согнутые колени, глотая ртом воздух. Потом медленно выпрямился и посмотрел на деревеньку, приютившуюся в долине.

Три Сосны спали — казалось, они спали всегда. Не знали, что происходит вокруг. А может быть, и чувствовали, но все равно предпочитали покой. В нескольких окнах светился огонек. В застенчивых старых домах были задернуты занавески. До Оливье донесся сладковатый запах первых осенних костров.

А в самом центре маленькой квебекской деревеньки стояли, как часовые, три громадные сосны.

Оливье был в безопасности. И тогда он ощупал карман.

Подарок. Крохотная плата. Он забыл ее взять.

Выругавшись, Оливье обернулся через плечо и взглянул на лес, сомкнувшийся за его спиной. И снова подумал о маленьком полотняном мешочке в углу хижины. О той штуке, которой дразнил его Отшельник. Которую обещал ему, которой водил перед его носом. О той вещи, которую спрятал прячущийся человек.

Оливье устал, был недоволен и зол на себя за то, что забыл подарок. И был зол на Отшельника за то, что тот не отдает ему той, другой вещи. Вещи, которую он давно заработал.

Он помедлил, потом повернулся и снова пошел в лес, чувствуя, как растет страх, подкармливая его злость. Постепенно он перешел на бег, сопровождаемый голосом, который звучал у него в ушах. Подгонял его.

«Хаос уже здесь, старичок».

Глава вторая

— Возьми трубку.

Габри натянул на голову одеяло и замер. Однако телефон продолжал звонить, а Оливье, спящий рядом с ним, ничего не слышал. Габри видел, что за окном моросит дождичек, и чувствовал, как сырость воскресного утра проникает в спальню. Но под пуховым одеялом было уютно и тепло, и он не имел ни малейших намерений вылезать оттуда.

Он толкнул Оливье:

— Просыпайся.

В ответ — только храп.

— Пожар!

По-прежнему никакой реакции.

— У нас Этель Мерман![2]

Ничего. Господи боже, уж не умер ли он?

Габри наклонился над своим партнером, увидел чудесные редеющие волосы, разметавшиеся по подушке и по лицу. Спокойные глаза закрыты. Габри ощутил запах пота Оливье с мускусным привкусом. Скоро у них появится душ, и тогда они будут пахнуть мылом от «Проктер энд Гэмбл».

Телефон зазвонил снова.

— Это твоя мать, — прошептал Габри в ухо Оливье.

— Что?

— Звонит твоя мать — ответь.

Оливье сел, с трудом открыл глаза — в них стоял туман, будто он только что вышел из длинного туннеля.

— Моя мать? Но она давным-давно умерла.

— Если кто и мог бы восстать из мертвых, чтобы тебя оттрахать, то лишь она одна.

— Пока меня трахаешь ты.

— По твоему желанию. Возьми трубку.

Оливье протянул руку через гору, которая была его партнером, и взял трубку.

— Oui, allô?[3]

Габри снова зарылся в теплую кровать, скользнув взглядом по светящемуся циферблату часов: шесть сорок три. Воскресного утра. Длинного уик-энда Дня труда.

Кто, черт побери, может звонить в такой час?

Габри сел и посмотрел на лицо своего партнера, изучая его, как пассажир изучает лицо стюардессы при взлете. Не обеспокоено ли оно? Не испугано ли?

Он увидел, как меняется выражение лица Оливье: сначала немного озабоченное, потом недоуменное, а еще через мгновение светлые брови Оливье опустились, кровь отхлынула от его лица.

«Господи боже, — подумал Габри. — Мы пропали».

— Что там? — одними губами произнес он.

Оливье молча слушал. Но его красивое лицо красноречиво говорило за него. Произошло что-то ужасное.

— Что случилось? — прошипел Габри.

* * *

Они неслись по деревенскому лугу, даже не запахнув плащи. Мирна Ландерс, сражавшаяся со своим громадным зонтиком, шла к ним навстречу, и все вместе они поспешили в бистро. С наступлением рассвета стало ясно, что мир серый и промозглый. За те несколько шагов, что они сделали, торопясь в бистро, волосы прилипли к их головам, плащи промокли. Но на сей раз и Оливье, и Габри было все равно. Они резко остановились рядом с Мирной перед кирпичным зданием.

— Я позвонила в полицию. Они вот-вот должны быть здесь, — сказала Мирна.

— Ты уверена? — Оливье уставился на свою подружку и соседку.

Она была крупная и округлая, а теперь еще и промокшая, несмотря на красный зонт, зеленоватый плащ и резиновые сапоги. Вид у нее был как у взорвавшегося пляжного мяча. Но при этом она никогда не выглядела серьезнее. И конечно, была уверена.

— Я вошла внутрь и проверила.

— О боже, — прошептал Габри. — Кто это?

— Не знаю.

— Как это не знаешь? — спросил Оливье.

Он прильнул к двустворчатому окну бистро, приставив тонкую руку козырьком ко лбу, чтобы загородиться от слабого утреннего света. Мирна держала над ним свой яркий красный зонт.

От дыхания Оливье стекло запотело, но прежде он увидел то, что видела Мирна. Внутри кто-то был. Лежал на старом сосновом полу. Лицом вверх.

— Что это? — спросил Габри, вытягивая шею, чтобы увидеть, что там, за его партнером.

Но лицо Оливье сказало ему все, что нужно было знать. Габри повернулся к крупной чернокожей женщине:

— Он мертв?

— Хуже.

«Что может быть хуже смерти?» — удивился он.

Настоящего доктора в деревне не было — только Мирна, которая прежде работала психотерапевтом в Монреале, пока множество печальных историй и избыток здравого смысла не заставили ее бросить это дело. Она затолкала вещи в машину, собираясь поездить месяц-другой, прежде чем осесть где-нибудь. Где угодно — лишь бы ей понравилось.

Она отъехала на час от Монреаля, остановилась в Трех Соснах, чтобы выпить кофе с молоком и съесть круассан в бистро, принадлежащем Оливье, да так и осталась тут навсегда. Она вытащила вещи из машины, арендовала соседнее помещение и квартиру над ним и открыла магазин старой книги.

Люди заходили к ней купить книгу и поболтать. Они приносили ей свои истории — кто в переплете, кто заученные наизусть. Некоторые из этих историй она принимала как настоящие, другие — как выдуманные. Но она чтила их все, хотя покупала далеко не каждую.

— Мы должны войти, — сказал Оливье. — Чтобы никто не мог тронуть тело. Ты готов?

Габри стоял с закрытыми глазами, но теперь он снова открыл их и собрался.

— Я готов. Просто меня ошарашило. Судя по всему, это кто-то чужой.

И Мирна увидела на его лице то же облегчение, какое испытала она, войдя внутрь в первый раз. Грустная реальность состояла в том, что мертвый чужак гораздо лучше мертвого друга.

Один за другим они вошли в бистро, держась друг возле друга, словно мертвец мог протянуть руку и схватить одного из них. Медленно приблизившись к трупу, они посмотрели вниз; вода капала с их голов и носов на его поношенные одежды, собиралась лужицами на дощатом полу. Потом Мирна осторожно отодвинула их от края.

Именно так — на краю — и чувствовали себя оба мужчины. Утром праздничного уик-энда они пробудились в своей удобной кровати, в своем удобном доме, в своей удобной жизни и неожиданно обнаружили, что стоят на краю пропасти.

Все трое отвернулись, потеряв дар речи. И уставились друг на друга

широко раскрытыми глазами.

В бистро лежал мертвец.

И не просто мертвец — хуже.

В ожидании полиции Габри приготовил кофе, а Мирна сняла плащ и села у окна, за которым рождался пасмурный сентябрьский день. Оливье растопил два камина по концам освещенного зала. Он принялся энергично шуровать кочергой в одном из каминов и вскоре почувствовал тепло огня на своей влажной одежде. Он весь словно занемел. И не только от холода.

Когда они стояли над мертвым телом, Габри пробормотал:

— Бедняга.

Мирна и Оливье кивнули, соглашаясь. Перед ними лежало тело пожилого человека в поношенной одежде, уставившего на них мертвый взгляд. У него было бледное лицо, удивленные глаза, приоткрытый рот.

Мирна показала на его затылок. Лужица дождевой воды приобретала красный цвет. Габри пригнулся, чтобы увидеть получше, а Оливье не шелохнулся. Его поразил и ошарашил не проломленный затылок мертвеца, а другая сторона его головы. Лицо.

— Mon Dieu, Оливье, его убили. Боже мой.

Оливье продолжал смотреть в глаза покойника.

— Но кто он такой? — прошептал Габри.

Это был Отшельник. Мертвый. Убитый. В бистро.

— Не знаю, — сказал Оливье.

*** * ***

Вызов поступил к старшему инспектору Арману Гамашу, когда они с Рейн-Мари заканчивали мыть посуду после воскресного позднего завтрака. Из столовой их квартиры, расположенной в монреальском квартале Утремон, Гамаш слышал голоса своего заместителя Жана Ги Бовуара и своей дочери Анни. Они не разговаривали. Они никогда не разговаривали. Они спорили. В особенности если между ними не было такого амортизатора, как Энид, жена Жана Ги. Энид нужно было составить план школьных занятий, и она извинилась и на завтрак не пришла. А Жан Ги никогда не отвергал предложений бесплатно поесть. Даже если за это приходилось платить. А ценой всегда была Анни.

Началось все за свежевыжатым апельсиновым соком, продолжалось за яичницей и сыром, а после тянулось за свежими фруктами, круассанами и конфитюрами.

— Но как ты можешь оправдывать использование электрошокеров? — раздался из столовой голос Анни.

— Еще один превосходный завтрак, merci, Рейн-Мари, — сказал Дэвид, который принес тарелки из столовой, поставил их перед раковиной и поцеловал тещу в щеку.

Тридцатилетний Дэвид, мужчина среднего сложения с короткими редеющими темными волосами, был на несколько лет старше своей жены Анни, хотя нередко казался младше. Главной его чертой, как это часто ощущал Гамаш, была активность. Нет, не гиперактивность, а просто избыток жизненных сил. Он понравился старшему инспектору с самой первой минуты, когда его дочь пять лет назад познакомила их. В отличие от других молодых людей, которых Анни приводила в дом (в основном юристов, как и она сама), этот не пытался превзойти старшего инспектора в брутальности. Такие игры Гамаша не интересовали. И не впечатляли. Что произвело на него впечатление, так это реакция Дэвида, когда тот впервые увидел Армана и Рейн-Мари Гамаш. Он широко улыбнулся — эта улыбка заполнила всю комнату — и просто сказал: «Bonjour».[4]

Он не походил ни на одного из прежних ухажеров Анни. Дэвид не занимался наукой, природа не наделила его атлетическим сложением, он не был поразительно красив. Ему не суждено было стать следующим премьером Квебека или даже хозяином собственной юридической фирмы.

Нет, Дэвид был просто открытым и добрым парнем.

Анни вышла за него замуж, и Арман Гамаш с радостью повел ее к алтарю, а Рейн-Мари шла с другой стороны их единственной дочери. С радостью наблюдали они обряд венчания этого хорошего парня с Анни.

Арман Гамаш прекрасно знал противоположность хорошему. Он знал, что такое жестокость, отчаяние, ужас. И он знал, какое это забытое и драгоценное качество — «хороший».

— Ты предпочитаешь, чтобы мы пристреливали подозреваемых? — Голос Бовуара в столовой зазвучал громче, приобрел другой оттенок.

— Спасибо, Дэвид, — сказала Рейн-Мари, забирая посуду.

Гамаш протянул зятю свежее полотенце, и они принялись вытирать тарелки, которые мыла Рейн-Мари. Дэвид повернулся к старшему инспектору:

— Как вы считаете, у «Абов»[5] есть шансы выиграть кубок в этом году?

— Нет! — вскричала Анни. — Я надеюсь, что в полиции научатся арестовывать людей, не калеча и не убивая их. Я надеюсь, что в полиции

научатся смотреть на подозреваемого как на подозреваемого, а не как на животное, которое можно побить, оглушить электрошокером, застрелить.

— Я думаю, шансы у них есть, — сказал Гамаш, взял две тарелки и одну передал Дэвиду. — Мне нравится их новый вратарь, а нападающие теперь вполне зрелые ребята. Этот год определенно их.

— Но их слабое место по-прежнему защита, верно? — спросила Рейн-Мари. — «Канадиенс» всегда отдают приоритет нападению.

— Попытайся-ка арестовать вооруженного преступника! Хотел бы я посмотреть, что у тебя получится! Ты, ты… — От возмущения Бовуару не хватало слов.

Разговор в кухне прекратился — все ждали, что скажет Бовуар. Этот спор происходил на каждом завтраке, на каждом Рождестве, Дне благодарения, на днях рождения. Лишь слова слегка менялись. Анни и Бовуар спорили всегда, если не о тазерах,[6] то о медицинской помощи, об образовании, об экологии. Если Анни говорила «синее», то Бовуар — «оранжевое». Так повелось с тех самых пор, когда инспектор Бовуар двенадцать лет назад поступил работать под начало Гамаша в отдел по расследованию убийств Квебекской полиции. Он стал членом команды и членом семьи.

— И что я?

— Ты — жалкий образчик правозащитной чуши!

Рейн-Мари махнула рукой в сторону двери, ведущей из кухни на маленький металлический балкон и пожарную лестницу:

— Не пора ли?

— Спасаться бегством? — прошептал Гамаш, надеясь, что она это серьезно, но подозревая, что нет.

— Может, вам попытаться их пристрелить, Арман? — спросил Дэвид.

— Боюсь, у Жана Ги реакция побыстрее моей будет, — отказался старший инспектор. — Он пристрелит меня первый.

— И все же попытаться стоит, — заметила его жена.

— Жалкий образчик правозащитной чуши? — переспросила Анни голосом, исполненным отвращения. — Отлично. Фашистский дебил!

— Пожалуй, я мог бы воспользоваться тазером, — сказал Гамаш.

— Фашистский? Фашистский? — Голос Жана Ги срывался на писк.

В кухне немецкая овчарка Гамаша по кличке Анри проснулась, села и наклонила голову. У Анри были огромные глаза, и Гамашу нравилось думать, что у него не чистокровный пес, а помесь овчарки и спутниковой тарелки.

— Ох-ох, — сказал Дэвид.

Анри свернулся калачиком на своей подстилке, и, судя по виду Дэвида, он сделал бы то же самое, если бы мог. Все трое задумчиво уставились через окно на улицу, где хмурилось сентябрьское утро. В Монреале в этот уик-энд отмечали День труда. Анни произнесла что-то неразборчивое. Но ответ Бовуара был абсолютно ясен:

— Иди в задницу!

— Ну, пожалуй, на сегодня диспут закончен, — сказала Рейн-Мари. — Еще кофе? — Она показала на кофемашину.

— Non, pas pour moi, merci,[7] — с улыбкой ответил Дэвид. — И Анни тоже больше не наливать.

— Глупая женщина, — пробормотал Жан Ги, входя в кухню. Он схватил полотенце с крючка и принялся яростно вытирать тарелку (Гамаш даже подумал, что цветочного рисунка на ней они больше никогда не увидят). — Признайтесь, вы ее удочерили.

— Нет, изготовили в домашних условиях. — Следующую тарелку Рейн-Мари протянула мужу.

Темная голова Анни на секунду появилась в кухне:

— Сам иди в задницу! — и исчезла.

— Господи помилуй! — сказала Рейн-Мари.

Из двоих детей Гамашей на отца больше походил Даниель. Крупный, задумчивый, усердный. Он был добрым, нежным и сильным. Когда родилась Анни, Рейн-Мари вполне естественно надеялась, что этот ребенок будет похож на нее — добрую, умную, яркую. Одержимая любовью к книгам Рейн-Мари Гамаш работала библиотекарем в Национальной библиотеке Монреаля.

Но Анни удивила их обоих. Она была сообразительной, склонной к соперничеству, веселой. Если она делала что-то, то отдавалась этому всей душой.

Они должны были предвидеть это. Когда она была еще совсем младенцем, Гамаш брал ее в свои бесконечные поездки на автомобиле и пытался успокаивать плачущую малышку, напевая своим низким баритоном песни «Битлз», Жака Бреля. «La Complainte du phoque en Alaska»[8] группы «Beau Dommage».[9] Это была берущая за душу баллада, и Даниель любил ее больше всего. Но на Анни она не действовала.

Однажды, когда Гамаш засунул орущее дитя в машину, пристегнул и включил зажигание, в кассетнике у него заиграла стоявшая там старая пленка «Weavers».[10]

Они запели фальцетом, и девочка успокоилась.

Поначалу это казалось каким-то чудом. Но после сотого круга по кварталу, когда девочка смеялась под пение «Weavers», голосивших «Уимове, Уимове»,[11] Гамаш затосковал о прежних деньках и сам готов был завопить. Однако пение продолжалось, и маленькая львица уснула.

Анни Гамаш стала их львенком. А выросла львицей. Но иногда во время тихих совместных прогулок она рассказывала отцу о страхах, разочарованиях и ежедневных печалях своей молодой жизни. И старшего инспектора Гамаша охватывало желание обнять дочку, прижать ее к себе, чтобы хоть в эту минуту ей не нужно было изображать отвагу.

Из-за своих страхов она и была такой непримиримой. А боялась она всего.

Весь остальной мир видел сильную, благородную львицу, а старший инспектор, глядя на свою дочь, видел Берта Лара,[12] хотя никогда не говорил ей об этом. Ни ей, ни ее мужу.

— Мы можем поговорить? — спросила Анни у отца, не обращая внимания на Бовуара.

Гамаш кивнул и передал полотенце Дэвиду. Они прошли по коридору в гостиную, где книги ровными рядами стояли на полках и не столь ровными стопками — под столами и рядом с диваном. На кофейном столике лежали газеты «Ле девуар» и «Нью-Йорк таймс», в камине неторопливо горел огонек мягким, жидким пламенем ранней осени. Время ревущего пламени морозной зимы еще не наступило.

Несколько минут они разговаривали о Даниеле, живущем в Париже с женой и дочерью. И еще одной дочерью, чье появление ожидалось до конца месяца. Они поговорили о муже Анни, Дэвиде, и о его хоккейной команде, которой предстоял новый зимний сезон.

Гамаш в основном слушал. Он не знал, хочет ли Анни сказать ему что-то конкретное или просто поболтать. В комнату притрусил Анри и положил голову на колени Анни. К восторгу пса, она потрепала его за уши, после чего он удалился к камину и улегся перед огнем.

В этот момент зазвонил телефон. Гамаш проигнорировал его.

— Это, кажется, тот, что в твоем кабинете, — сказала Анни.

Она видела этот телефон, стоящий на старом деревянном столе рядом с компьютером и ноутбуком в заполненной книгами комнате с тремя стульями, где пахло сандаловым деревом и розовой водой.

Когда-то они с Даниелем садились на вращающиеся стулья и крутили друг друга чуть ли не до тошноты. А их отец неподвижно сидел в это время в своем кресле и читал. А иногда просто смотрел.

— Я тоже так думаю.

Телефон зазвонил снова. Они хорошо знали этот звук. Он чем-то отличался от звона других телефонов. Его звук извещал о смерти.

У Анни был смущенный вид.

— Ничего, подождет, — спокойно произнес Гамаш. — Ты ведь хотела что-то мне сказать?

В комнату заглянул Жан Ги:

— Ответить? — Он улыбнулся Анни, но тут же перевел взгляд на старшего инспектора.

— Будь добр. Я подойду через минуту.

Гамаш повернулся к дочери, но тут в гостиную вошел Дэвид, и Анни снова надела маску, которую носила на людях. Эта маска не слишком отличалась от той, что она носила дома. Разве что выражение уязвимости было менее заметно. И у ее отца промелькнула мысль: зачем ей понадобилась эта маска в присутствии мужа?

— Произошло убийство, сэр, — прошептал инспектор Бовуар, остановившись в дверях.

— Oui, — сказал Гамаш, глядя на дочь.

— Иди, папа. — Она махнула рукой, не прогоняя его, а освобождая от необходимости выслушать ее.

— Придется идти. Ты не хочешь прогуляться?

— Там льет как из ведра, — со смешком сказал Дэвид.

Гамаш искренне любил своего зятя, но иногда тот мог бы проявлять больше чуткости. Анни тоже рассмеялась:

— Нет, папа, правда, в такую погоду даже Анри не стал бы гулять.

Анри вскочил и побежал за своим мячиком. Два произнесенных одно за другим знаковых слова «Анри» и «гулять» произвели ожидаемое действие: сработал непреодолимый собачий инстинкт.

— Ну что ж, — сказал Гамаш, когда немецкая овчарка прыжком вернулась в комнату. — Мне нужно на работу.

Он выразительно посмотрел на Анни и Дэвида, потом на собаку. Смысл его взгляда не ускользнул даже от Дэвида.

— О боже, — добродушно проговорил тот и, встав с мягкого дивана, отправился вместе с Анни на поиски поводка и ошейника Анри.

* * *

К тому времени как старший инспектор Гамаш и инспектор Бовуар

прибыли в Три Сосны, местная полиция уже перекрыла доступ в бистро, и местные жители толклись рядом под зонтиками, глазея на старое кирпичное здание — место проведения стольких торжеств и вечеринок. Теперь оно стало местом преступления.

Когда Бовуар выехал на дорогу, ведущую под уклон в деревню, Гамаш попросил его остановиться.

— Что-то случилось? — спросил инспектор.

— Просто хочу посмотреть.

Сидя в теплой машине, двое мужчин под неторопливые взмахи дворников разглядывали деревню. Перед ними был деревенский луг с прудом и скамьей, клумбами роз и гортензий, поздноцветущих флоксов и алтея. А в конце луга, соединяя его и деревню, стояли три высокие сосны.

Гамаш обвел взглядом дома, приютившиеся в долине. Тут были траченные временем, обшитые вагонкой коттеджи с широкими крылечками и плетеными стульями. Тут были сложенные из плитняка домишки, построенные столетия назад первыми поселенцами, которые расчистили эту землю и извлекли из нее этот камень. Но большинство домов в долине были из розового кирпича, их построили лоялисты,[13] бежавшие сюда после Американской революции. Три Сосны располагались всего в нескольких километрах от границы с Вермонтом, и если теперь отношения со Штатами стали дружественными и близкими, то в давние времена их трудно было назвать таковыми. Люди, основавшие деревню, пребывали в отчаянии и искали убежище, прячась от войны, цели которой были так от них далеки.

Старший инспектор скользнул взглядом по рю Дю-Мулен и там, на склоне холма на краю деревни, увидел маленькую белую англиканскую церковь Святого Томаса.

Гамаш снова перевел взгляд на небольшую толпу, стоящую под зонтиками, — люди разговаривали, показывали пальцами, смотрели. Бистро Оливье находилось ровно в середине полукружья магазинов, каждый из которых соседствовал со следующим. Гастроном, принадлежащий месье Беливо, пекарня Сары, бистро Оливье и, наконец, магазин новой и старой книги Мирны.

— Поехали, — сказал Гамаш.

Бовуар ждал этого слова, и машина медленно тронулась с места. К сбившимся в кучку подозреваемым, к убийце.

Но один из первых уроков, усвоенных Бовуаром от старшего инспектора, когда он поступил в отдел по расследованию убийств Квебекской полиции, состоял в том, что для поимки убийцы не следует

идти вперед: нужно двигаться назад, в прошлое. Именно там начиналось преступление, там родился убийца. Какое-то событие, возможно давно забытое всеми остальными, укоренилось в памяти убийцы и с тех пор не давало ему покоя.

То, что убивает, невидимо, предупреждал Бовуара старший инспектор. Поэтому-то оно так опасно. Это не пистолет, не нож и не кулак. Его наступления нельзя увидеть. Это эмоция. Отвратительная, тошнотворная. Она только и ждет минуты, когда можно будет нанести удар.

Машина медленно подъехала к бистро, к телу.

— Merci, — сказал Гамаш спустя минуту, когда местный полицейский открыл ему дверь бистро.

Молодой человек хотел было остановить чужака, но что-то ему помешало.

Бовуару нравилась неизменная реакция местных копов, которых неожиданно осеняло, что этот крупный человек пятидесяти с небольшим лет не просто любопытствующий обыватель. Молодым полицейским Гамаш напоминал их отцов. В нем была какая-то вежливость. Он всегда носил костюм или пиджак с галстуком и серые фланелевые брюки, как сегодня.

Бросались в глаза его усы, аккуратно подстриженные и с сединой. В его темных, чуть вьющихся около ушей волосах тоже начала появляться седина. В такие дождливые дни, как сегодня, старший инспектор надевал шляпу, которую снимал, входя в дом, и тогда молодые полицейские видели его лысеющий затылок. А если этого было недостаточно, они заглядывали в глаза Гамаша. Все это делали. Глаза были темно-карие, задумчивые, умные. И в них присутствовало еще какое-то качество, отличавшее знаменитого главу отдела по расследованию убийств Квебекской полиции от других старших офицеров.

Глаза у него были добрые.

Бовуар знал, что в этом состоит его сила и его слабость.

Гамаш улыбнулся удивленному полицейскому, оказавшемуся лицом к лицу с самым знаменитым копом Квебека. Он протянул руку, и молодой полицейский после нескольких мгновений растерянности пожал ее.

— Patron,[14] — произнес он.

— О, я так надеялся, что приедете именно вы! — Из другого конца зала, мимо полицейских, склонившихся над телом, к Гамашу спешил Габри. — Мы спрашивали, не пришлет ли полиция именно вас, но, очевидно, подозреваемые не могут выбирать сыщика по своему хотению. — Он обнял старшего инспектора и повернулся лицом к

помещению, заполненному полицейскими. — Ну вот видите, я его знаю. — Он прошептал Гамашу: — Я думаю, нам лучше не целоваться.

— Мудрое решение.

У Габри был усталый, измученный, но собранный вид. Волосы растрепаны, впрочем, такое с ним случалось довольно часто. За его спиной стоял Оливье, тихий, почти незаметный. Он тоже был растрепан, хотя прежде за ним такого не замечалось. Вид у него был изможденный, под глазами синяки.

— Коронер сейчас будет, старший инспектор. — Агент Изабель Лакост подошла к нему поздороваться. Она была одета в простую юбку и легкий свитер, умудряясь при этом выглядеть стильной. Как и большинство квебекцев, она была миниатюрной и уверенной. — А вот и доктор Харрис.

Они посмотрели в окно и увидели, что толпа расступилась, пропуская женщину с медицинским саквояжем. В отличие от агента Лакост доктор Харрис умудрялась носить простую юбку и свитер так, что они выглядели немного безвкусно. Но доктор Харрис чувствовала себя в них удобно. А в такой промозглый день, как сегодня, «удобно» означало «очень привлекательно».

— Хорошо, — сказал старший инспектор, поворачиваясь к агенту Лакост. — Итак, что нам известно?

Лакост подвела Гамаша и инспектора Бовуара к телу. Они опустились на колени — это действие и ритуал они проделывали не одну сотню раз. Это был удивительно человеческий жест. Они не прикоснулись к телу, но склонились очень близко к нему, так близко, как бывали разве что с родней.

— Убитого ударили сзади по голове тупым предметом. Чем-то чистым, твердым и узким.

— Кочергой? — спросил Бовуар, кинув взгляд на камин, растопленный Оливье.

Гамаш тоже посмотрел в ту сторону. Утро стояло сырое, но вовсе не холодное. Растапливать камин не было нужды. Возможно, его растопили скорее для уюта, чем для тепла.

— Если это сделали кочергой, то она была чистой. Коронер, конечно, исследует этот вопрос досконально, но в ране нет очевидных следов грязи, сажи, дерева — ничего такого.

Слушая агента Лакост, Гамаш смотрел на дыру в голове убитого.

— Значит, орудие убийства не найдено? — спросил Бовуар.

— Пока нет. Мы, конечно, ищем.

— Кто он такой?

— Мы не знаем.

Гамаш оторвал взгляд от раны и посмотрел на Лакост, но ничего не сказал.

— Документов при нем никаких нет, — продолжала она. — Мы проверили все его карманы — безрезультатно. Даже носового платка нет. И никто, похоже, его не знает. Это белый мужчина лет семидесяти пяти. Худой, но не из-за плохого питания. Рост пять футов семь дюймов, может быть, пять и восемь.

Несколько лет назад, когда агент Лакост только поступила в отдел по расследованию убийств, ей казалось странным говорить о таких вещах — старший инспектор и сам прекрасно это видел. Но он учил их всех делать это, и она делала. И лишь несколько лет спустя, когда она уже сама шефствовала над новичками, ей стала очевидна ценность такого упражнения.

Благодаря ему они оба убеждались, что видят одно и то же. Полицейские подвержены ошибкам и субъективны в той же мере, что и все остальные. Они могли не заметить чего-то, неверно интерпретировать увиденное. А такое проговаривание снижало эту вероятность.

— В руках у него ничего нет. И под ногтями тоже, кажется, ничего. Никаких синяков. Никаких видимых следов борьбы.

Они поднялись с колен.

— Состояние помещения подтверждает это.

Они огляделись.

Все на своих местах, ничто не перевернуто. Всюду чистота и порядок.

Это помещение располагало к покою. Камины по обоим концам освещенного бистро делали атмосферу не такой мрачной. Свет отражался от полированных досок пола, потемневших под воздействием времени и фермерских подошв.

Перед каждым из каминов стояли диваны и удобные кресла с подвыцветшей обивкой. Вокруг темных деревянных столов были расставлены старые стулья. Перед двустворчатыми эркерными окнами три или четыре глубоких кресла ждали, когда в них сядут посетители с горячим кофе с молоком и круассанами, или с виски, или с бургундским вином. Гамаш подозревал, что люди, толкущиеся под дождем, не отказались бы от горячительного стаканчика. Он подумал, что Оливье и Габри наверняка не отказались бы.

Старший инспектор Гамаш и его команда много раз бывали в этом бистро, с удовольствием ели перед ревущим камином зимой или попивали холодные напитки на террасе летом. И почти всегда говорили об убийствах. Но прежде ни разу перед ними не было мертвого тела.

К ним подошла Шарон Харрис, сняла свой дождевик, улыбнулась агенту Лакост, торжественно обменялась рукопожатием со старшим инспектором.

— Доктор Харрис, — сказал он, слегка кивнув, — прошу прощения, что пришлось потревожить вас в этот долгий уик-энд.

Она сидела дома, переключала телевизионные каналы, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто бы не учил ее жить, и тут зазвонил телефон. Этот звонок был как дар божий. Но теперь, глядя на мертвое тело, она понимала, что к Богу это не имело никакого отношения.

— Я оставляю вас здесь, — сказал Гамаш.

Через окно он видел местных жителей — они все еще толпились там, ждали новостей. Высокий красивый седой человек наклонился, чтобы слышать, что говорит невысокая женщина с всклокоченными волосами. Питер и Клара Морроу — местные жители и художники. Рядом с ними стояла прямая как жердь Рут Зардо, глядя в окно немигающими глазами, а при ней — ее утка, довольно надменное, судя по виду, существо. Непромокаемая шапка на Рут сверкала от влаги. Клара что-то сказала ей, но Рут ее проигнорировала. Гамаш знал, что Рут Зардо — злобная старая ведьма, любящая выпить. К тому же она была его любимым поэтом. Клара заговорила снова, и на сей раз Рут прореагировала. Даже через стекло Гамаш знал, что она сказала: «Пошла ты в жопу».

Гамаш улыбнулся. Тело в бистро явно было чем-то необычным, но все остальное не менялось.

— Старший инспектор.

Его приветствовал знакомый низкий певучий голос. Он повернулся и увидел Мирну Ландерс, которая шла к нему через комнату, шаркая по полу ядовито-желтыми сапогами. В сапоги были заправлены розовые тренировочные штаны.

Она была цветной женщиной во всех смыслах этого слова.

— Мирна. — Гамаш улыбнулся и поцеловал ее в обе щеки, вызвав недоуменные взгляды со стороны местных полицейских, которые никак не ждали, что старший инспектор будет целоваться с подозреваемыми. — Почему вы здесь, когда все остальные — там? — Он махнул в сторону окна.

— Это я его нашла, — ответила она, помрачнев.

— Вот как? Мне жаль. Представляю, какой это был шок. — Он подвел ее к креслу у огня. — Насколько я понимаю, вы уже сделали соответствующее заявление?

Она кивнула:

— Да. Агенту Лакост. Хотя сказать особо мне было не о чем.

— Хотите кофе или чашечку доброго чая?

Мирна улыбнулась. Именно она довольно часто предлагала ему и то и другое. Предлагала всем налить из чайника, который булькал на ее дровяной плите. А теперь то же самое предлагали ей. И она почувствовала, насколько это ласкает душу.

— Чая, будьте добры.

Пока она согревалась у огня, старший инспектор Гамаш направился к Габри попросить чайник, потом вернулся. Он сел в кресло, откинулся на спинку.

— Так что случилось?

— Каждое утро я выхожу на долгую прогулку.

— Это что-то новенькое? Не знал раньше, что вы этим занимаетесь.

— Да, новенькое. С весны. После пятидесяти я решила поддерживать форму. — Она улыбнулась во весь рот. — Или, по крайней мере, другую форму. В смысле, скорее форму груши, чем яблока. — Она похлопала себя по животу. — Хотя подозреваю, что по природе я целый фруктовый сад.

— Что может быть лучше фруктового сада? — Гамаш улыбнулся и опустил глаза на собственный живот. — Про меня тоже нельзя сказать, что я похож на молодое деревце. И когда вы встаете?

— Ставлю будильник на шесть тридцать, еще через пятнадцать минут выхожу из дома. Сегодня утром я вышла и сразу увидела, что дверь у Оливье приоткрыта. Ну, я вошла, окликнула его. Обычно по воскресеньям Оливье открывается позже, поэтому я и удивилась.

— Но не забеспокоились.

— Нет. — Этот вопрос ее озадачил. — Я уже собиралась уходить, когда увидела его.

Мирна сидела спиной к залу, и Гамаш не стал искать взглядом тело. Напротив, он посмотрел прямо в глаза Мирне и молча кивнул, побуждая ее сказать больше.

Габри принес чай, и, хотя было ясно, что он не прочь остаться и послушать, он в отличие от зятя Гамаша, Дэвида, чутьем уловил идущие от этой пары сигналы и ретировался, поставив на стол две фарфоровые чашки, блюдца, молоко, сахар и вазочку с имбирным печеньем.

— Поначалу я решила, что это груда скатертей, оставленная официантами с прошлого вечера, — сказала Мирна, когда Габри отошел достаточно далеко и не мог их услышать. — Большинство из них такие молодые — никогда не знаешь, чего от них ожидать. Но потом присмотрелась и вижу: это тело.

— Тело?

Именно так люди говорят о мертвеце, а не о живом человеке.

— Я сразу же поняла, что он мертв. Знаете, навидалась мертвецов.

Гамаш знал.

— Он был точно в таком виде, как сейчас. — Мирна замолчала, глядя, как Гамаш разливает чай, показала, что хочет молоко и сахар, и приняла чашку вместе с печеньем. — Я подошла к нему близко, но не прикасалась. Не думала, что его убили. По крайней мере, поначалу не думала.

— А что вы подумали? — Гамаш держал чашку в своих больших руках. Чай был крепкий и ароматный.

— Что у него случился удар или инфаркт. Судя по выражению лица, что-то неожиданное. Лицо было удивленным, но не испуганным или искаженным от боли.

Гамаш подумал, что описание довольно точное. Смерть застала этого человека врасплох. Но так случается с большинством людей, даже если ты стар и немощен. Почти никто по-настоящему не предвидит свою смерть.

— Потом я увидела его голову.

Гамаш кивнул. Не заметить это было трудно. Не голову, а то, что с ней что-то не так.

— Вы его знаете?

— Никогда не видела. А мне кажется, такие лица запоминаются.

Гамаш не мог с этим не согласиться. Убитый был похож на бродягу. На таких вполне можно не обращать внимания, но забываются они с трудом. Арман Гамаш поставил хрупкую чашечку на хрупкое блюдце. Он не переставал искать ответ на тот вопрос, который возник у него в ту самую минуту, когда ему позвонили и сообщили об убийстве в бистро Трех Сосен.

Почему именно здесь?

Он кинул взгляд на Оливье, разговаривающего с инспектором Бовуаром и агентом Лакост. Оливье был спокоен и сдержан. Но он не мог не чувствовать, как все это выглядит.

— Что вы сделали после этого?

— Позвонила девять-один-один, потом — Оливье. Вышла на улицу и стала их ждать.

Она описала все, что происходило вплоть до прибытия полиции.

— Merci, — сказал Гамаш и поднялся.

Мирна взяла свой чай и присоединилась к Оливье и Габри в другом углу комнаты. Они стояли рядом перед камином.

Все в зале знали, кто здесь трое главных подозреваемых. То есть все, кроме самих подозреваемых.

Глава третья

Доктор Шарон Харрис поднялась, разгладила на себе юбку и слабо улыбнулась старшему инспектору.

— Не высшее общество, — сказала она.

Гамаш посмотрел на мертвеца.

— Он похож на бродягу, — заметил Бовуар, наклоняясь и разглядывая одежду убитого.

Она была вся разнотипная и поношенная.

— Вероятно, ему досталось в жизни, — сказала Лакост.

Гамаш присел и еще раз вгляделся в лицо убитого. Оно было грубое, морщинистое. Лицо, на котором оставили отпечаток все стихии: солнце, ветер, мороз. Все сезоны. Гамаш легонько провел большим пальцем по щеке мертвеца — она оказалась на удивление чисто выбритой, но то, что могло вырасти, было бы седым. Волосы мертвеца были белыми и подстриженными кое-как — выхвачено то здесь, то там.

Гамаш приподнял одну из рук убитого, словно чтобы утешить его. Мгновение он держал ее, потом повернул ладонью вверх и медленно потер своей ладонью о ладонь мертвеца.

— Кем бы он ни был, мозоли на ладонях натер. Большинство бродяг не работают.

Гамаш неторопливо покачал головой. «Так кто же ты такой? И как здесь оказался? В бистро, в этой деревне? В деревне, о существовании которой почти никто знает. А еще меньшее число людей находит ее. Но ты ее нашел, — подумал Гамаш, не выпуская холодной руки мертвеца. — Ты нашел эту деревню и нашел смерть».

— Он мертв часов шесть — десять, — сказала доктор. — Его убили после полуночи, но не позже четырех или пяти часов утра.

Гамаш посмотрел на затылок мертвеца, на рану, которая его убила.

Она была ужасна и, похоже, нанесена чем-то очень твердым. И очень разозленным человеком. Только злость могла объяснить удар такой силы. Силы, сокрушившей кости черепа. И то, что они защищают.

Все, что делало этого человека тем, кем он был, находилось в его голове. Кто-то покончил с этим одним жестоким, решительным ударом.

— Крови почти нет.

Гамаш поднялся, посмотрел, как работают криминалисты, отыскивающие улики в довольно большом зале. Порядок здесь был

нарушен. Сначала убийством, потом — ими. Незваными гостями.

Оливье стоял у огня, грелся.

— Тут есть одна проблема, — сказала доктор Харрис. — Обычно ранения головы сопровождаются обильным кровотечением. Здесь должно быть больше крови. Гораздо больше.

— Наверное, ее смыли, — предположил Бовуар.

Шарон Харрис снова склонилась над раной, затем выпрямилась:

— При такой силе удара кровотечение могло быть обильным и внутренним. А смерть — почти мгновенной.

Это была наилучшая из новостей, какие Гамаш когда-либо слышал на месте убийства. Смириться со смертью было хоть и трудно, но возможно. Даже с убийством. Страдания — вот что было для него неприемлемым. А он видел много страданий. И страшных убийств. Облегчением было узнать, что человек умер мгновенно и без страданий. Вот она, чуть ли не гуманная смерть.

Как-то раз он слышал сказанную одним судьей фразу о том, что самый гуманный способ казнить преступника — это сказать ему, что он свободен. А потом убить.

Гамаш возражал против этого, спорил, протестовал. Но, исчерпав все аргументы, вынужден был согласиться.

Глядя на лицо этого мертвеца, он видел, что тот умер без страданий. А поскольку удар был нанесен сзади, то он даже и не предвидел его.

Это почти как смерть во сне.

Но не совсем.

* * *

Тело уложили в мешок и увезли. Люди на улице мрачно расступились, образовав проход. Мужчины отряхивали воду с шапок, женщины стояли печальные, плотно сжав губы.

Гамаш отвернулся от окна и присоединился к Бовуару, который сидел с Оливье, Габри и Мирной. Бригада криминалистов переместилась в подсобные помещения бистро, в приватную столовую, комнату для персонала, кухню. Главный зал почти обрел свой обычный вид. Если не считать вопросов, висевших в воздухе.

— Я сожалею о том, что произошло, — сказал Гамаш, обращаясь к Оливье. — Как вы себя чувствуете?

Оливье тяжело вздохнул. Вид у него был измотанный.

— Мне все еще не по себе. Кто он был? Вы не знаете?

— Нет, — ответил Бовуар. — Никто не докладывал о появлении какого-нибудь незнакомого человека в деревне?

— Докладывал? — переспросил Оливье. — Кому?

Все трое обратили недоуменные взоры на Бовуара. Инспектор забыл, что в Трех Соснах собственного полицейского отделения не было, как не было светофоров, тротуаров или мэра. Добровольную пожарную команду возглавляла слабоумная старая поэтесса Рут Зардо, и большинство жителей предпочли бы погибнуть в огне, чем вызвать ее.

Да тут и преступлений-то не совершалось. Кроме убийств. Единственные преступления, случавшиеся в этой деревне, были и самыми тяжкими из всех возможных.

И вот перед ними еще одно тело. У остальных хотя бы имена имелись. А это словно свалилось с небес и упало им на голову.

— Летом немного труднее, — сказала Мирна, садясь на диван. — У нас больше посетителей. На каникулы приезжают семьи, дети возвращаются из школы. Это последний долгий уик-энд. А потом все разъезжаются по домам.

— Уик-энд ярмарки в округе Брум, — уточнил Габри. — Она заканчивается завтра.

— Верно, — сказал Бовуар, которого ярмарки ничуть не интересовали. — Значит, Три Сосны после этого уик-энда опустеют. Но приезжие, о которых вы говорите, — это друзья и родственники?

— По большей части, — сказала Мирна, поворачиваясь к Габри. — В твоей гостиничке ведь останавливаются незнакомые люди, верно?

Он кивнул:

— У меня тут яблоку негде упасть, когда дома у людей переполнены.

— Я вот что хочу понять, — раздраженно проговорил Бовуар. — Те люди, которые приезжают в Три Сосны, они на самом деле посторонние или нет? Объясните мне, бога ради, не через задницу.

— Не через задницу — это не наша специализация. Прошу прощения, — сказал Габри.

Его слова вызвали улыбку даже на усталом лице Оливье.

— Я слышала что-то о каком-то постороннем, но не придала этому значения, — сказала Мирна.

— И кто это говорил?

— Рор Парра, — неохотно ответила она. Это немного походило на наушничество, и всем стало явно не по себе. — Я слышала, как он говорил Старику Мюндену и Жене, что видел кого-то в лесу.

Бовуар записал это. Он не в первый раз слышал о Парра. Это была известная чешская семья. Но кто такие Старик Мюнден и Жена? Видимо, какая-то шутка. Бовуар поджал губы и строго посмотрел на Мирну. Ее взгляд тоже был строг.

— Да-да, — сказала Мирна, читая его мысли, что было не трудно. Их бы и чайник прочел. — Именно так их и зовут.

— Старик и Жена? — повторил Бовуар, уже не злясь, а немного озадаченно.

Мирна кивнула.

— А их настоящие имена?

— Это и есть настоящие, — ответил Оливье. — Старик и Жена.

— Ну хорошо, Старик еще куда ни шло. Но как можно назвать новорожденного младенца — Жена? Уму непостижимо!

Мирна улыбнулась:

— Вы правы. Просто я так привыкла к этим именам, что даже не задумывалась. Я понятия не имею, как ее зовут по-настоящему.

Бовуар подумал: это какой же степени убогости нужно достичь, чтобы позволять называть себя Жена! Впрочем, в этом было что-то библейское, старозаветное.

Габри поставил на столик пиво, лимонад и две вазочки с орешками. Жители, стоявшие снаружи, наконец разошлись по домам. День был мрачный и сырой, но внутри царили тепло и уют. Сидя здесь, можно даже было забыть о причине, которая привела их всех сюда. Криминалисты словно растворились в стенах, об их присутствии говорили лишь раздававшийся изредка скрежет и невнятное бормотание. Они как будто превратились в грызунов или призраков. Или детективов из отдела по расследованию убийств.

— Расскажите нам о событиях прошлого вечера, — предложил старший инспектор Гамаш.

— Это было какое-то безумие, — откликнулся Габри. — Последний долгий уик-энд лета, так что все сюда пришли. Большинство днем ездили на ярмарку, а потому устали. Не хотели стоять у плиты. В уик-энд Дня труда всегда так. Мы были готовы.

— И что это значит? — спросила агент Лакост, присоединившаяся к ним.

— Я нанял дополнительный персонал, — пояснил Оливье. — Но все прошло гладко. Люди неплохо отдохнули, и мы закрылись вовремя. Около часа ночи.

— Что было потом? — спросила Лакост.

Большинство расследований тяжких преступлений кажутся сложными, но на самом деле довольно просты. Иногда достаточно лишь снова и снова задавать вопрос «Что было потом?». Не помешает и хорошо слушать ответы.

— Обычно я снимаю кассу и оставляю ночной персонал, чтобы они навели порядок, но по субботам дела обстоят иначе, — сказал Оливье. — После закрытия приходит Старик Мюнден, приносит то, что отремонтировал за неделю, и забирает мебель, которую за это время успели сломать. Это происходит довольно быстро, пока официанты и кухонный персонал приводят все в порядок.

— Постойте, — перебил его Бовуар, — Мюнден делает это в полночь по субботам? А почему не утром в воскресенье? Или в любое другое разумное время? Почему поздно ночью?

Ему это показалось подозрительным, а Бовуар с сомнением относился ко всему тайному и скрытному.

Оливье пожал плечами:

— По привычке, я думаю. Когда он взялся за эту работу, у него еще не было Жены, поэтому вечерами в субботу он ошивался у нас. А когда мы закрывались, он забирал поломанную мебель. Мы не видели причин менять что-то.

В деревне, где почти ничто не менялось, это имело резон.

— Значит, Мюнден забрал мебель. А что было потом? — спросил Бовуар.

— Я ушел.

— Здесь уже никого не оставалось?

Оливье задумался.

— Не совсем так. Поскольку народа пришло вчера очень много, то и уборки было больше. У нас работают хорошие ребята. Ответственные.

Гамаш молча слушал все это. Он предпочитал работать именно так. Его подчиненные задавали вопросы, и это давало ему возможность наблюдать и слушать, что отвечают, как отвечают, о чем умалчивают. Сейчас он услышал какую-то настороженную нотку в спокойном и любезном голосе Оливье. Чем вызвана эта настороженность — его собственными поступками или же он хочет защитить своих людей, боится бросить на них тень подозрения?

— Кто ушел последним? — спросила агент Лакост.

— Молодой Парра, — ответил Оливье.

— Молодой Парра? — переспросил Бовуар. — Это как Старик Мюнден?

Габри поморщился:

— Нет, его не зовут Молодой. Это было бы странно. Его зовут Хэвок. [15]

Бовуар прищурился, недовольно глядя на Габри. Он не любил, когда над ним потешались, а этот крупный рыхлый человек, похоже, именно этим и занимался. Но потом Бовуар перевел взгляд на Мирну, которая вовсе не смеялась. Она кивнула:

— Так его и зовут. Рор так его назвал.

Жан Ги Бовуар записал это, но без удовольствия или убежденности.

— И он должен был запереть дверь? — спросила Лакост.

Гамаш и Бовуар оба знали, что это решающий вопрос, но его важность ускользнула от Оливье.

— Безусловно.

Гамаш и Бовуар переглянулись. Наконец-то они вышли на что-то. Убийца должен был иметь ключ. Мир, полный подозреваемых, значительно сузился.

— Позвольте посмотреть на ваши ключи, — сказал Бовуар.

Оливье и Габри достали свои ключи и передали их инспектору. Но был предложен и третий. Бовуар повернулся и увидел связку ключей в крупной руке Мирны.

— У меня тоже есть ключ на тот случай, если не удастся попасть к себе. Или произойдет что-то чрезвычайное.

— Merci, — произнес Бовуар с чуть меньшей уверенностью, чем прежде. — Вы их никому не давали в последнее время? — спросил он у Оливье и Габри.

— Нет.

Бовуар улыбнулся. Это было хорошо.

— Если, конечно, не считать Старика Мюндена. Он свой ключ потерял, и ему понадобился новый, — сказал Оливье.

— И Билли Уильямса, — напомнил ему Габри. — Ты забыл? Обычно он пользуется тем ключом, что лежит под цветочным горшком у входа, но он не хотел нагибаться, когда в руках у него дрова. Он собирался взять ключ, чтобы сделать еще несколько экземпляров.

Лицо Бовуара сморщилось, выражая крайнее недоверие.

— А зачем вообще запирать дверь? — спросил он.

— Таковы требования страховой компании, — ответил Оливье.

«Ну что ж, — подумал Бовуар, — кое-кого ждут повышенные страховые выплаты». Он посмотрел на Гамаша и покачал головой. В самом деле, они все заслуживали того, чтобы быть убитыми во сне. Но по иронии

судьбы, убивали именно тех, кто запирал двери и устанавливал сигнализацию. Собственный опыт подсказывал Бовуару, что Дарвин ошибался. Самые приспособленные как раз и не выживали. Они погибали из-за глупости соседей, которые по-прежнему не желали видеть очевидного.

Глава четвертая

— Ты его не узнала? — спросила Клара, нарезая свежий хлеб из пекарни Сары.

Подружка Мирны могла иметь в виду лишь одного человека. Мирна отрицательно покачала головой и занялась помидорами для салата, потом принялась за лук, тоже только что сорванный на огороде Питера и Клары.

— Оливье и Габри тоже его не знают? — спросил Питер.

Он нарезал приготовленную на огне курицу.

— Странно, правда? — Мирна перестала крошить лук и посмотрела на своих друзей.

Питер был высокий, седеющий, элегантный и аккуратный мужчина. Рядом с ним — его жена Клара, невысокая, пухленькая; в ее темных буйных волосах там и здесь виднелись крошки. Ее голубые глаза обычно смотрели с добродушным юмором. Но не сегодня.

Клара озадаченно помотала головой. Несколько крошек упали из ее волос на стол. Она рассеянно собрала их и сунула в рот. Теперь, когда первое потрясение от утренней находки прошло, Мирна была уверена, что все они думают об одном.

Это было убийство. Убитый был чужаком. А убийца?

И они, вероятно, пришли к одному выводу: вряд ли.

Мирна пыталась не думать об этом, но мысли ее все равно возвращались туда. Он взяла кусочек хлеба и принялась жевать. Он был теплый, мягкий, ароматный. Корочка хрустела.

— Бога ради, — сказала Клара, взмахивая ножом в сторону недоеденного ломтика в руке Мирны.

— Хочешь? — предложила ей кусочек Мирна.

Две женщины стояли у кухонного стола и ели свежий, теплый хлеб. Обычно в это время в воскресенье они ходили на ланч в бистро, но сегодня — когда там нашли мертвое тело и приезжала полиция — это было невозможным. Поэтому Клара, Питер и Мирна устроились рядом — в квартире Мирны на втором этаже. Внизу дверь в ее магазин была поставлена на сигнализацию на тот случай, если кто-то войдет. Впрочем, это была не совсем сигнализация — маленький колокольчик, который звонил, если дверь открывалась. Иногда Мирна спускалась на звон, иногда — нет. Почти все ее клиенты были местными жителями и знали, сколько денег нужно оставить у кассового аппарата. И потом, думала Мирна, если

кому-то так нужна старая книга, что он готов ее украсть, то пусть крадет.

Мирну пробрала дрожь, и она посмотрела на окно — не открыто ли, не проникает ли через него прохладный, влажный воздух. Она увидела голые кирпичные стены, прочные балки и несколько больших окон с переплетом в небольшую клетку. Подошла проверить, но все они оказались закрыты, кроме одного, да и то было приоткрыто чуть-чуть, чтобы в комнату проникал свежий воздух.

Она пошла назад по дощатому сосновому полу, остановилась у пузатой дровяной печки в середине большой комнаты. Пламя в ней затухало. Мирна подняла круглую крышку, сунула внутрь полешко.

— Ты, наверное, бог знает что пережила, — сказала Клара, подойдя к подруге.

— Да уж. Смотрю — лежит там этот бедняга. Я поначалу даже и раны-то не увидела.

Клара и Мирна уселись на диван лицом к печке. Питер принес два стаканчика с виски и тихо ретировался в кухонную зону большой комнаты. Оттуда он видел их, слышал их разговор, но не мешал своим присутствием.

Две женщины, устроившиеся на диване, попивали виски и разговаривали потихоньку. По-домашнему. Питер позавидовал им. Он отвернулся и помешал в кастрюле яблочный суп с сыром чеддер.

— Интересно, что думает Гамаш? — спросила Клара.

— По-моему, он в таком же недоумении, как и все мы. Нет, ну в самом деле, — Мирна повернулась лицом к Кларе, — почему это вдруг посторонний человек оказывается в бистро? К тому же мертвый?

— Убитый, — уточнила Клара, и обе женщины на несколько секунд погрузились в размышления.

Наконец Клара заговорила:

— А Оливье что-нибудь сказал?

— Ничего. Он, похоже, ошарашен не меньше, чем все остальные.

Клара кивнула. Ей было знакомо это ощущение.

Полиция за дверью. Скоро она войдет в их дома, кухни, спальни. Проникнет в их головы.

— Даже представить себе не могу, что Гамаш обо всех нас думает, — сказала Мирна. — Каждый раз, когда он появляется, тут у нас мертвец.

— У каждой квебекской деревни свое призвание свыше. Где-то готовят сыр, где-то вино, где-то гончарные изделия. А наша специализация — трупы.

— Призвание свыше — это у монастырей, а не у деревень, — хохотнул Питер. Он поставил тарелки с ароматным супом на длинный обеденный

стол. — И вообще, наша специализация не трупы.

Но он не слишком был в этом уверен.

— Гамаш возглавляет отдел по расследованию убийств, — сказала Мирна. — Такое у него случается постоянно. Да что говорить, он, наоборот, должен бы был удивиться, если бы мертвого тела не обнаружилось.

Мирна и Клара присоединились к Питеру за столом. Женщины разговаривали между собой, а Питер думал о человеке, возглавлявшем следствие. Питер знал, что этот человек опасен. Опасен для тех, кто совершил убийство за соседней дверью. Любопытно, знает ли убийца, какой человек идет по его следу? Питер не сомневался: знает, прекрасно знает.

* * *

Инспектор Жан Ги Бовуар оглядел их новый оперативный штаб и глубоко вздохнул. Он не без удивления понял, насколько ему знаком этот запах, насколько он будоражит нервы.

Это был запах возбуждения, запах охоты. Здесь пахло долгими часами, проведенными перед мониторами разогретых компьютеров, когда сотрудники пытаются из отдельных частей собрать целое. Здесь пахло командной работой.

Но вообще-то, здесь пахло соляркой и горелым деревом, лаком и бетоном. Он снова находился на старом железнодорожном вокзале Трех Сосен — Канадская тихоокеанская железнодорожная компания оставила его на милость стихий много десятилетий назад. Но добровольная пожарная команда Трех Сосен заняла вокзал, просочилась в него, надеясь, что никто этого не заметит. Никто и вправду не заметил, потому что КТЖК давно забыла о существовании деревни. И теперь маленький вокзал превратился в гараж для пожарных машин, громоздкого оборудования и экипировки. На стенах по-прежнему оставались зашпунтованные панели, обклеенные рекламными плакатами о красотах, которые сулит путешествие через Скалистые горы, и о мерах предосторожности. За место тут боролись правила противопожарной безопасности и огромный постер, сообщающий о победителе поэтического конкурса под эгидой генерал-губернатора. А с постера на Бовуара и в вечность смотрела эта сумасшедшая женщина.

Но она смотрела на него своим безумным взглядом не только с постера, но и в реальности.

— Какого черта вы тут делаете?

Рядом с ней стояла и смотрела на Бовуара ее утка.

Рут Зардо. Вероятно, самая известная и уважаемая поэтесса в стране. Со своей уткой Розой. Бовуар знал, что, когда на Рут смотрит старший инспектор Гамаш, он видит талантливого поэта. Но у самого Бовуара при виде Рут начиналось несварение.

— Произошло убийство, — сказал он голосом, полным достоинства и властности (по крайней мере, он на это надеялся).

— Я знаю, что произошло убийство. Я не идиотка.

Ее утка покачала головой и хлопнула крыльями. Бовуар настолько привык видеть Рут с птицей, что даже не удивлялся. На самом деле, хотя он ни за что не признался бы в этом, он был рад, что Роза все еще жива. Все остальное вокруг этой старой перечницы надолго не задерживалось.

— Нам необходимо снова воспользоваться этим зданием, — сказал он и отвернулся от милой парочки.

Несмотря на старость, хромоту и пылкий темперамент, Рут Зардо была выбрана главой добровольной пожарной команды. Как подозревал Бовуар, сделано это было в надежде, что в один прекрасный день она погибнет в пламени. Но еще он подозревал, что она не горит.

— Нет. — Рут стукнула тростью по бетонному полу. Роза не подпрыгнула — подпрыгнул Бовуар. — Вы не получите это помещение.

— Прошу прощения, мадам Зардо, но нам оно необходимо, и мы его займем.

Голос его звучал уже не так любезно, как прежде. Эти трое смотрели друг на друга, и моргала из них только Роза. Бовуар знал единственный способ, с помощью которого эта психованная может восторжествовать: если она начнет читать свои муторные, невнятные стихи. Где нет ни одной рифмы. Никакого смысла. Но еще он знал, что из всех людей в деревне она последняя стала бы читать эти стихи. Ее творения смущали ее саму, она вроде бы даже стыдилась их.

— Как ваши стихи? — спросил он и тут же увидел, что она дрогнула.

Ее коротко стриженные волосы были седыми и редкими и так плотно лежали на голове, что возникало впечатление, будто видишь ее белесый череп. Шея у нее была щуплая и жилистая, а высокое тело, когда-то сильное, явно ослабело.

— Я где-то слышал, что у вас скоро выходит новая книга.

Рут Зардо чуть подалась назад.

— Здесь и старший инспектор, как вам, вероятно, известно. — Голос Бовуара наполнился дружескими, убедительными, теплыми интонациями.

Старуха смотрела так, будто перед ней был Сатана. — Я знаю, с каким нетерпением он ждет разговора с вами об этом. Он скоро здесь появится. Он ведь ваши стихи наизусть знает.

Рут Зардо развернулась и вышла.

Ему удалось сделать это. Он изгнал ее. Ведьма была мертва или, по меньшей мере, удалена.

Бовуар принялся оборудовать свой штаб. Заказал столы, аппаратуру связи, компьютеры, принтеры, сканеры, факсы. Пробковые плиты и ароматизированные фломастеры. Он приколотит пробковую доску поверх постера с этой ухмыляющейся сумасшедшей поэтессой. А над ее лицом он будет делать записи о ходе расследования.

* * *

В бистро царило спокойствие.

Криминалисты, обследовавшие место преступления, уехали. Агент Изабель Лакост, как всегда дотошная, стояла на коленях у того места, где было обнаружено тело. Она хотела быть абсолютно уверенной, что никакие улики не остались незамеченными. Старшему инспектору Гамашу казалось, что Оливье и Габри замерли на одном месте, — они и в самом деле сидели, не шевелясь, на старом выцветшем диване перед камином, погруженные каждый в свой собственный мир. Они смотрели на огонь, зачарованные пляшущими язычками пламени. Ему стало любопытно, о чем они думают.

— О чем вы думаете? — спросил Гамаш, подойдя к ним и усевшись в большое кресло, стоящее рядом.

— Я думал о мертвеце, — сказал Оливье. — Пытался понять, кто он такой. Что делал здесь. Есть ли у него семья. Не ищут ли его.

— А я думал о ланче, — признался Габри. — Кто-нибудь еще хочет есть?

Агент Лакост подняла голову:

— Я хочу.

— И я тоже, patron,[16] — сказал Гамаш.

Когда Габри начал позвякивать в кухне кастрюлями и посудой, Гамаш чуть подался к Оливье. Их никто не мог услышать. Оливье посмотрел на него безучастным взглядом. Но старший инспектор и раньше видел этот взгляд. Вообще-то, смотреть безучастным взглядом почти невозможно. Если только ты сам не хочешь этого. Старший инспектор знал, что за

безучастным выражением лица скрывается бешеная работа мысли.

Из кухни донесся легко узнаваемый запах чеснока, и они услышали, как Габри напевает «Что нам делать с пьяным моряком?».[17]

— Габри решил, что этот человек был бродягой. А вы что думаете?

Оливье вспомнил глаза — остекленевшие, уставившиеся в одну точку. И еще он вспомнил свое последнее посещение хижины.

«Хаос наступает, старичок, и его не остановить. На это ушло немало времени — но вот теперь он здесь».

— А кем еще он мог быть?

— У вас есть мысли, почему его убили в вашем бистро?

— Не знаю. — Из Оливье словно выпустили воздух. — Я голову над этим сломал. Зачем кому-то понадобилось убивать человека здесь? Это лишено всякого смысла.

— Это имеет свой смысл.

— Да? — Оливье подался вперед. — Какой?

— Не знаю. Пока не знаю.

Оливье посмотрел на устрашающе спокойного человека, который, не повышая голоса, вдруг заполнил собой всю комнату.

— Вы его знали?

— Вы уже спрашивали меня, — огрызнулся Оливье, но тут же взял себя в руки. — Извините, но вы и в самом деле спрашивали, а это действует на нервы. Я его не знал.

Гамаш уставился на него. Лицо Оливье покраснело, разрумянилось. Вот только от чего — от злости, от жара из камина или оттого, что он солгал?

— Кто-то его знал, — сказал наконец Гамаш.

Он откинулся на спинку кресла, чтобы создать у Оливье впечатление, что больше не давит на него. Дает вздохнуть.

— Но не я и не Габри. — Оливье сдвинул брови, и Гамашу показалось, что он искренне расстроен. — Что он здесь делал?

— «Здесь» — это в Трех Соснах или в бистро?

— И в Трех Соснах, и в бистро.

Но Гамаш знал, что Оливье солгал ему. Он имел в виду бистро — это было очевидно. При расследовании убийства люди часто лгали. Если первой жертвой войны становилась истина, то при расследовании убийства первой жертвой нередко становилась ложь, которой люди пытались прикрыться. Ложь, которой они обманывали себя. Ложь, которой они пытались убедить друг друга. Эта маленькая ложь позволяла им вставать с кровати холодным темным утром. Гамаш и его команда выявляли ложь и

обличали ее. Делали это, пока все маленькие истории, сочиненные для облегчения жизни их авторов, не исчезали. Все лжецы оставались нагишом. Трудность состояла в отделении важной лжи от несущественной. Ложь Оливье показалась Гамашу маленькой. Но тогда зачем ему вообще понадобилось лгать?

Габри притащил поднос с четырьмя тарелками, над которыми поднимался парок. Несколько минут — и они уже сидели вокруг камина, ели феттучини с креветками и устрицы с чесноком в оливковом масле. Свежий хлеб и бокалы с белым сухим вином тоже были не лишними.

Они ели, разговаривая о длинном уик-энде на День труда, о буковых деревьях, о конских каштанах. О возвращении ребят в школу, о том, что дни становятся все короче.

Кроме них, в бистро никого не было. Но старшему инспектору оно казалось заполненным. Заполненным ложью, которую они слышали, ложью, которая вызревала и ждала своего часа.

Глава пятая

После ланча, когда агент Лакост пошла договариваться о ночевке всей команды в дешевой гостинице Габри, Арман Гамаш медленно двинулся в противоположном направлении. Противный дождик на некоторое время перестал, но туман цеплялся за лес и холмы, окружающие деревню. Люди выходили из своих домов по делам или чтобы поработать в саду. Гамаш прошел по размытой дороге, потом повернул налево, к горбатому мосту через реку Белла-Беллу.

— Проголодался? — Гамаш открыл дверь старого вокзала, держа в вытянутой руке пакет из оберточной бумаги.

— Помираю с голода, merci.

Бовуар почти подбежал к старшему инспектору, взял у него пакет и вытащил оттуда сэндвич с курицей, сыром бри и соусом песто. В пакете были еще бутылочка колы и пирожное.

— А вы? — спросил Бовуар, не донеся драгоценный сэндвич до рта.

— О, я уже поел, — сказал старший инспектор, решив, что лучше не рассказывать Бовуару о еде в бистро.

К теплой пузатой печке принесли два стула, и, пока инспектор ел, они сравнивали свои записи.

— К настоящему моменту мы понятия не имеем, кто был жертвой, кто его убил, как он оказался в бистро и что являлось орудием убийства, — сказал Гамаш.

— Так ничего и не нашли?

— Ничего. По мнению доктора Харрис, это был металлический стержень или что-то подобное. Ровное и твердое.

— Кочерга?

— Не исключено. Мы взяли кочергу Оливье на проверку. — Старший инспектор замолчал.

— И что? — спросил Бовуар.

— Меня немного удивляет, что Оливье разжег оба камина. Погода дождливая, но не холодная. А он растопил камины чуть ли не сразу, как обнаружилось тело…

— И вы думаете, что орудием убийства была та или другая кочерга? А Оливье растопил камины, чтобы шуровать ими в огне? Чтобы выжечь все улики?

— Я не исключаю такую вероятность, — произнес старший инспектор

ровным голосом.

— Мы их проверим, — сказал Бовуар. — Но если одна из них окажется орудием убийства, это еще не значит, что убийца — Оливье. Кто угодно мог схватить ее и нанести удар жертве.

— Верно, но только Оливье растопил камины сегодня утром и при этом использовал обе кочерги.

Было ясно, что, будучи старшим инспектором, он никого не может исключать из числа подозреваемых. Но ясно было и то, что ему это не доставляло удовольствия.

В дверях показались техники, которые привезли аппаратуру, и Бовуар махнул им рукой, приглашая войти. Появилась Лакост и подсела к камину.

— Я заказала нам номера в гостинице. Кстати, видела Клару Морроу. Мы сегодня приглашены на обед.

Гамаш кивнул. Это было неплохо. За обедом они могли узнать о жизни в деревне больше, чем во время допроса.

— Оливье назвал мне людей, которые вчера работали в бистро. Я собираюсь поговорить с ними, — сообщила Лакост. — И еще: криминалисты обходят деревню и округу в поисках орудия убийства. Они сориентированы на поиск кочерги или чего-нибудь похожего.

Инспектор Бовуар закончил ланч и отправился давать указания по оборудованию временного оперативного штаба. Агент Лакост пошла опрашивать свидетелей. Гамаш очень не любил, когда его люди уходили. Он не уставал предупреждать их: не забывайте, чем занимаетесь и кого ищете. Убийцу.

Много лет назад старший инспектор потерял одного из своих агентов, который наткнулся на убийцу. Он не хотел, чтобы это когда-нибудь повторилось. Но он не мог защищать их постоянно. Ему приходилось отпускать их на свободу, как он отпустил и Анни.

*** * ***

Это был последний допрос в тот день. Агент Лакост успела допросить пятерых человек, работавших тем вечером в бистро, и получила одни и те же ответы. Нет, ничего необычного не происходило. Народу было не протолкнуться — суббота и долгий уик-энд Дня труда. Во вторник в школах начинались занятия, и все приехавшие сюда на лето собирались отбыть в Монреаль в понедельник. То есть завтра. На следующий день четверо из официантов после окончания каникул уезжали на занятия в

университет. От них и в самом деле было мало толку, так как все, что они заметили, — это столик с хорошенькими девицами.

Пятый официант хоть что-то мог сообщить — это была девушка, и она не особо обращала внимание на соблазнительные бюсты. Но вечер, как ни смотри, был совершенно обыкновенный. Ни о каком мертвом теле и речи не шло, и Лакост подумала, что его заметили бы даже те озабоченные официанты.

Она подъехала к дому последнего официанта — молодого человека, который обычно оставался за старшего после отъезда Оливье. Того самого парня, что проводил окончательную проверку перед уходом и запирал дверь.

К дому вела длинная грунтовая подъездная дорожка, обсаженная кленами. Их листья еще не обрели великолепных осенних оттенков, но кое-где уже пробивались оранжевые и красные тона. Пройдет немного времени — и это будет выглядеть великолепно.

Лакост вышла из машины и в недоумении уставилась на представшее ее взгляду сооружение из стекла и бетона. Оно казалось здесь настолько не на месте, как если бы на Пятой авеню установили палатку. Оно было здесь чужим. Приближаясь к нему, Лакост поняла еще кое-что. Этот дом производил на нее устрашающее впечатление, и она спросила себя почему. Ее вкусы были скорее традиционными, но не слишком строгими. Она любила кирпичи и обнаженные балки, но ненавидела хаос, хотя после рождения детей перестала слишком уж заботиться о порядке в доме. Теперь если ей удавалось пройти по комнате, не наступив на какую-нибудь свистульку, это можно было считать достижением.

Это сооружение явно было достижением. Вот только домом ли?

Дверь открыла крепкого сложения женщина средних лет. Она говорила на очень хорошем, хотя, пожалуй, чересчур правильном французском. Лакост с удивлением поняла, что в этом доме прямоугольных форм предполагала увидеть и прямоугольных обитателей.

— Мадам Парра? — Агент Лакост протянула свое удостоверение.

Женщина кивнула, дружески улыбнулась и отошла назад, пропуская ее.

— Entrez.[18] Вы, наверное, по поводу того, что случилось у Оливье, — сказала Ханна Парра.

— Oui.

Лакост нагнулась, чтобы снять сапоги, на которые налипла грязь. Это всегда казалось таким неловким и унизительным. Знаменитая на весь мир команда Квебекской полиции по расследованию убийств, сидя в носках,

опрашивает подозреваемых.

Мадам Парра не сказала ей, что это лишнее, но, по крайней мере, дала тапочки из стоящего у двери деревянного короба, где хранилась груда старой обуви. И опять это удивило Лакост, ожидавшую увидеть здесь порядок и чистоту. И строгость.

— Я бы хотела поговорить с вашим сыном.

— С Хэвоком.

Хэвок. Это имя показалось забавным инспектору Бовуару, но агент Лакост не видела в нем ничего смешного. И странным образом оно подходило к этому холодному, хрупкому дому. Трудно было представить, что человек с именем Хэвок обитает в каком-то другом месте.

Прежде чем ехать сюда, Лакост провела кое-какие изыскания о семействе Парра. Материала было не очень много, но кое-что она все же нашла. Женщина, которая открыла ей дверь, была советником муниципалитета Сен-Реми, а ее муж Рор работал лесником в крупном землевладении в этом же районе. Они бежали из Чехословакии в середине 1980-х, приехали в Квебек и обосновались близ Трех Сосен. Вообще-то, в районе была большая и влиятельная чешская община, состоящая из беженцев — людей, искавших то, что они обрели здесь. Свободу и безопасность. Ханна и Рор Парра остановились, когда нашли Три Сосны.

А когда они осели здесь, на свет появился Хэвок.

— Хэвок! — крикнула его мать в сторону леса, выпуская собак.

Еще несколько криков — и появился коренастый молодой человек. Его лицо раскраснелось от тяжелой работы, кудрявые волосы растрепались. Он улыбнулся, и Лакост сразу поняла, что другие официанты в бистро не имели ни малейшего шанса с девушками. Все девушки принадлежали этому парню. И кусочек ее сердца он тоже похитил. Она быстро произвела подсчеты в уме. Ей было двадцать восемь, ему — двадцать один. Через двадцать пять лет такая разница в возрасте не будет иметь особого значения, хотя ее муж и дети вряд ли согласились бы с этим.

— Чем могу вам помочь? — Он нагнулся и снял свои высокие зеленые сапоги. — Разумеется, речь пойдет о человеке, которого нашли сегодня утром в бистро. Прошу прощения, я должен был догадаться.

Он продолжал говорить на ходу, и вскоре они оказались в великолепной кухне — в реальной жизни Лакост таких не видела. Вместо классического и обязательного, как полагала Лакост, треугольника кухонного оборудования вся кухня прилепилась к одной стене в задней части светлого помещения. Здесь был один очень длинный бетонный стол, кухонное оборудование из нержавеющей стали, открытые подвешенные

полки с чистыми белыми тарелками, выстроенными в ряд. Шкафы внизу были отделаны темным ламинатом. Кухня, хотя и выдержанная в стиле ретро, казалась очень современной.

Тут не было и кухонного островка, вместо него — обеденный стол матового стекла, окруженный старинными с виду тиковыми стульями. Лакост села на один из них и обнаружила, что он на удивление удобен. У нее мелькнула мысль: а что, если это и впрямь старинная мебель, привезенная из Праги? Но потом она подумала, что вряд ли люди возят через границу тиковые стулья.

Почти всю противоположную стену кухни занимали окна от пола до потолка, скругленные по краям. Из них открывался великолепный вид на поля, лес и гору вдали. Лакост увидела также белый шпиль церкви и облачко дыма. Деревня Три Сосны.

В свободном пространстве у огромных окон стояли точно друг против друга два дивана с низким кофейным столиком между ними.

— Чаю? — спросила Ханна, и Лакост кивнула в ответ.

Эти два представители семейства Парра не очень вписывались в почти стерильную обстановку, и Лакост поймала себя на том, что размышляет об отсутствующем Парра. Об отце, о Роре. Может быть, этот дом своими строгими прямоугольными формами обязан именно ему? Может быть, это он тяготеет к прохладной определенности, прямым линиям, почти пустым комнатам и ничем не заставленным полкам?

— Вы знаете, кто был убитый? — спросила Ханна, ставя чашку перед Лакост.

На безукоризненно чистом столе появилась и вазочка с печеньем.

Лакост поблагодарила хозяйку и взяла печенье. Оно было мягким и теплым, пахло изюмом и овсом, имело привкус жженого сахара и корицы. Оно имело домашний вкус. Лакост обратила внимание, что на чашке изображен улыбающийся и машущий снеговик в красном костюме — сувенир с квебекского зимнего карнавала. Она сделала глоток. Чай был крепкий и приятный.

Как и сама Ханна.

— Нет, пока мы не знаем, кто это, — ответила Лакост.

— Мы слышали… — Ханна помедлила, — что он умер насильственной смертью. Это верно?

Лакост вспомнила проломленный череп убитого.

— Да, насильственной. Его убили.

— Боже мой, — сказала Ханна. — Какой ужас. И вы понятия не имеете, кто это?

— Скоро узнаем. А пока я хочу услышать, как прошел вчерашний вечер. — Она повернулась к молодому человеку, сидящему напротив нее.

В этот момент от двери раздался голос, произнесший несколько слов на непонятном Лакост языке, видимо на чешском. Коренастый мужчина вошел в кухню и отряхнул свою вязаную шапку, поколотив ею о куртку.

— Рор, ты что, не мог сделать это в прихожей? — сказала Ханна по-французски, и хотя в ее голосе слышалась нотка укоризны, было очевидно, что она рада его видеть. — У нас полиция. По поводу убитого.

— Какого убитого? — Рор тоже перешел на французский, хотя и с небольшим акцентом. В его голосе слышалась озабоченность. — Где? Здесь?

— Не здесь, па. Тело обнаружили сегодня утром в бистро. Человек умер насильственной смертью.

— Ты хочешь сказать, его убили? Прошлой ночью кого-то убили в бистро?

В его голосе отчетливо слышалось недоумение. Как и его сын, он был невысок и крепок сложением. У него были курчавые темные волосы, начавшие седеть, — и это отличало его от сына. На взгляд Лакост, ему было под пятьдесят.

Она представилась.

— Я вас знаю, — сказал он, глядя на нее проницательным, острым взглядом. У него были голубые и жесткие глаза, вызывавшие беспокойство у того, кто смотрел в них. — Вы уже бывали в Трех Соснах.

Лакост поняла, что у него хорошая память на лица. Большинство запоминали лишь старшего инспектора Гамаша. Ну, может, еще инспектора Бовуара. А ее не запоминал почти никто. Разве что другие агенты полиции.

А этот человек запомнил.

Он налил себе чая и сел. Он тоже казался немного не на своем месте в этой идеально чистой комнате. И в то же время ему было здесь вполне удобно. И вообще у него был вид человека, которому было бы удобно почти повсюду.

— Вы не знали о трупе?

Рор Парра откусил печенье и отрицательно покачал головой:

— Я весь день работал в лесу.

— Под дождем?

Он фыркнул:

— Ну и что? Маленький дождик вас не убьет.

— А вот удар по голове — вполне.

— Именно так его убили?

Лакост кивнула.

— И кто он был? — продолжил расспрашивать Парра.

— Никто его не знает, — ответила Ханна.

— Но может, вы знаете, — сказала Лакост.

Она вытащила из кармана фотографию и положила ее картинкой вниз на твердую, холодную столешницу.

— Я? — хмыкнул Рор. — Да я вообще не знал, что тут кто-то убит.

— Но мне известно, что летом вы видели какого-то постороннего человека близ деревни.

— Кто вам сказал?

— Не имеет значения. Просто кое-кто случайно слышал, как вы об этом говорили. Это что, была тайна?

Парра помедлил.

— Да нет. Видел его один раз. Может, два. Да это не имеет значения. Глупость какая-то. Просто мне показалось, что я видел какого-то типа.

— Глупость?

Рор неожиданно улыбнулся — впервые с того момента, как вошел в кухню, и улыбка преобразила его суровое лицо. С него словно опала корка. На щеках появились морщинки, а глаза на мгновение засветились.

— Да поверьте мне, что глупость. А я знаю, что такое глупость, — у меня сыну едва за двадцать. Я вам все скажу, но это ничего не значит. У старого дома Хадли появились новые владельцы. Несколько месяцев назад его купила одна пара. Они его перестраивают и наняли меня, чтобы построить сарай и очистить дорожки. А еще они хотели, чтобы им привели в порядок сад. Но это большая работа.

Лакост знала, что старый дом Хадли представляет собой просторное сооружение викторианских времен на холме над Тремя Соснами.

— Мне показалось, я видел кого-то в лесу. Мужчину. Я чувствовал — на меня кто-то смотрит, когда работал там, но это вполне могла быть игра воображения. Воображение в том месте легко разыгрывается. Иногда я быстро поворачиваюсь — нет ли кого у меня за спиной, но так никого никогда и не увидел. Только раз.

— И что случилось?

— Он исчез. Я его окликнул, даже пробежал за ним какое-то расстояние в лес, но его нигде не было. — Парра помолчал. — Может, его вообще там не было.

— Но вы-то считаете, что там кто-то был, да? Вы считаете, что кто-то на вас смотрел?

Парра кивнул.

— А узнать его вы бы смогли? — спросила Лакост.

— Не исключено.

— У меня есть фотография убитого, снятая сегодня утром. Вид, конечно, не для слабонервных, — предупредила она.

Парра кивнул, и она перевернула снимок лицом вверх. Все трое Парра внимательно уставились на фотографию, потом отрицательно покачали головой. Лакост оставила ее на столе рядом с вазочкой с печеньем.

— Значит, вчера вечером все было как всегда? Ничего необычного? — спросила она у Хэвока.

За этим последовал рассказ, как две капли воды похожий на то, что она уже слышала от других официантов. Много работы, хорошие чаевые, ни минуты свободной.

— Кто-нибудь посторонний?

Хэвок ненадолго задумался, потом покачал головой. Нет. Люди, приезжающие на лето. На выходные дни. Но он всех их знал.

— А что вы делали, когда ушли Оливье и Старик Мюнден?

— Убрал тарелки, все осмотрел по-быстрому, выключил свет и запер замок.

— Точно заперли? Сегодня утром дверь оказалась распахнута.

— Я уверен. Я всегда запираю замок.

В голос красивого молодого человека вкрался страх. Но Лакост знала, что это естественно. Большинство людей, даже невинные, начинали бояться, когда их допрашивали детективы из отдела по расследованию убийств. Но она заметила и кое-что еще.

Его отец посмотрел на сына и тут же отвел взгляд. И Лакост спросила себя: а кто он на самом деле, этот Рор Парра? Сейчас он работал в садах. Косил траву, сажал растения. Но чем он занимался до этого? Многие мужчины переходили к покою садовничества, лишь познав жестокость жизни.

Достались ли на долю Рора Парры ужасы? Не был ли он сам творцом некоторых из них?

Глава шестая

— Старший инспектор? Это Шарон Харрис.

— Oui, доктор Харрис, — ответил Гамаш в трубку.

— Я еще не полностью закончила работу, но кое-что по данным вскрытия уже могу вам сообщить.

— Слушаю. — Гамаш облокотился на стол и пододвинул к себе блокнот.

— На теле не обнаружилось никаких особых примет — ни татуировок, ни шрамов после операций. Я сделала снимок полости рта, проведем поиск у дантистов.

— В каком состоянии его зубы?

— Вот это любопытный пункт. Я предполагала, что они будут в гораздо худшем состоянии. Могу сказать, что дантиста он посещал не очень часто и потерял два коренных зуба из-за болезни десен, но в целом состояние его зубов было не таким уж плохим.

— Он их чистил?

В трубке раздался смешок.

— Как это ни невероятно — да. И даже зубной нитью пользовался. Кое-какое ухудшение есть, зубной налет и болезни, но он заботился о своих зубах. Есть свидетельства посещения дантиста — пломбы, депульпирование.

— Это дорогостоящие работы?

— Именно об этом я и говорю. У этого человека когда-то были деньги.

Да, он не родился бродягой, подумал Гамаш. С другой стороны, бродягами никто не рождается.

— Вы не можете сказать, когда он в последний раз посещал дантиста?

— Судя по износу и использовавшимся материалам, я бы сказала, лет двадцать назад. Но я послала образец судмедэксперту. Завтра будет его заключение.

— Двадцать лет назад, — задумчиво произнес Гамаш, производя подсчеты в уме и занося цифры в свой блокнот. — Сейчас убитому за семьдесят. Это значит, к дантисту он ходил, когда ему было за пятьдесят. Потом с ним что-то случилось. Он потерял работу, начал пить, у него случился нервный срыв. Произошло что-то такое, отчего он стал другим человеком.

— Да, что-то произошло, — согласилась доктор Харрис, — но только

не когда ему было за пятьдесят. Что-то случилось, когда ему было под сорок. Или слегка за сорок.

— Так давно?

Гамаш посмотрел на свои записи. Он уже написал «20 ans»[19] и обвел эту запись кружочком, а теперь пребывал в недоумении.

— Именно это я и хотела вам сказать, старший инспектор, — продолжила коронер. — С этим телом что-то не так.

Гамаш сел попрямее и снял свои полукруглые очки для чтения. Сидевший в другой части комнаты Бовуар увидел это и подошел к столу начальника.

— Слушаю, — сказал Гамаш, кивком приглашая Бовуара сесть. — Я включил громкую связь, инспектор Бовуар тоже будет слушать.

— Хорошо. Так вот, мне показалось странным, что этот человек, с виду опустившийся, чистил зубы и даже пользовался зубной нитью. Но бездомные иногда совершают странные поступки. Нередко они, как вы знаете, люди душевно нездоровые. И у них бывают свои пунктики.

— Но гигиена в их число не входит.

— Да. Это было странным. Когда я его раздела, обнаружилось, что он чистый — вымытый. Он недавно принимал душ или ванну. И волосы его, хотя и растрепанные, тоже оказались чистыми.

— Есть ведь ночлежки, — сказал Гамаш. — Возможно, он был в одной из них. Хотя наш агент побывала во всех местных заведениях такого рода, и там его не знают.

— Откуда у вас такая уверенность? — Коронер редко задавала вопросы старшему инспектору Гамашу, но ей было любопытно. — Мы не знаем его имени, а его описание наверняка совпадает с описаниями многих бездомных.

— Это верно, — признал Гамаш. — Она описывала его как пожилого человека лет семидесяти пяти, худого, седого, голубоглазого, с обветренным лицом. Ни один из людей, подпадающих под это описание, не числится среди пропавших. Но мы сделали его фотографию и показываем ее местным жителям.

После слов Гамаша на линии наступило молчание.

— В чем дело?

— Ваше описание не отвечает действительности.

— Что вы хотите сказать? — Гамаш видел убитого так же ясно, как и все остальные.

— Он не был пожилым человеком. Поэтому-то я и звоню вам. Сначала меня удивили его зубы. И тогда я принялась искать. В его кровеносных

сосудах почти нет бляшек. Почти никаких признаков атеросклероза. Простата не очень увеличена, и никаких признаков артрита. Я бы сказала, что ему лет пятьдесят пять.

«Мой возраст, — подумал Гамаш. — Неужели та развалина на полу была моим ровесником?»

— И я сомневаюсь, что он был бездомным.

— Почему?

— Прежде всего, он очень чистый. Он заботился о себе. Да, одет он был неважно, но не все же мы можем выглядеть как инспектор Бовуар.

По лицу Бовуара скользнула самодовольная улыбка.

— По внешнему виду ему, может, и было семьдесят, но организм его находился в неплохом состоянии. Потом, я осмотрела его одежду. Одежда тоже чистая. И латаная. Старая, изношенная, но propres.[20]

Она воспользовалась квебекским словом, которое теперь редко употреблялось. Разве что пожилыми родителями. Но здесь оно казалось вполне подходящим. Propre. Никаких изысков. Ни намека на моду. Но крепкая, чистая и презентабельная. В этом слове было какое-то обветшалое достоинство.

— Мне еще придется поработать, но вот вам предварительные результаты. Я переправлю их по электронной почте.

— Bon.[21] Нет ли у вас предположений, какого рода работой он занимался? Как он поддерживал форму?

— В какой фитнес-центр ходил, вы хотите узнать? — В ее голосе послышалась улыбка.

— Именно, — подтвердил Гамаш. — Он что, бегал трусцой или поднимал тяжести? Крутил педали на велотренажере или занимался по системе пилатес?

Коронер рассмеялась:

— Навскидку я бы сказала, что ходьбы было мало, но много поднятия тяжестей. Верхняя часть его тела чуть более тренирована, чем нижняя. Буду иметь ваш вопрос в виду во время работы.

— Merci, docteur,[22] — произнес Гамаш.

— И еще одно, — добавил Бовуар. — Орудие убийства. Какие-нибудь уточнения? Идеи?

— Я как раз сейчас собираюсь перейти к этой части вскрытия, но на скорую руку я уже посмотрела, и мой вывод остается прежним. Тупое орудие.

— Например, кочерга?

— Не исключено. Я заметила что-то белое в ране. Может быть, это зола.

— Завтра утром у нас будут лабораторные результаты по кочергам, — сказал Гамаш.

— Дам вам знать, если обнаружится что-то новое.

Доктор Харрис повесила трубку как раз в тот момент, когда появилась агент Лакост.

— Погода улучшается. Закат будет чудесный.

Бовуар недоуменно посмотрел на нее. Предполагалось, что она будет прочесывать Три Сосны в поисках улик, пытаться найти орудие убийства и самого убийцу, опрашивая подозреваемых. А она заявилась — и сразу о закате?

Он взглянул на своего начальника, который подошел к окну, на ходу попивая кофе. Гамаш посмотрел в окно, повернулся и сказал:

— Красиво.

В центре временного штаба был установлен стол для совещаний, вокруг которого полукругом расставлены рабочие столы и стулья. На каждом столе — телефон и компьютер. Это слегка походило на планировку деревеньки Три Сосны, причем стол для совещаний напоминал подобие деревенского луга, а рабочие столы — магазины вокруг него. Такое расположение было древним и давно проверенным.

Неподалеку от них нерешительно топтался молодой полицейский из местного отделения; по его виду было ясно, что он хочет что-то сказать.

— Чем могу помочь? — спросил старший инспектор Гамаш.

Остальные полицейские из местного отделения замерли и уставились на него. Некоторые переглянулись с понимающими улыбками.

Молодой человек расправил плечи:

— Я бы хотел помочь вашему расследованию.

Наступила мертвая тишина. Даже технический персонал перестал работать — так происходит с людьми, которые становятся свидетелями страшного бедствия.

— Что-что? — спросил Бовуар, делая шаг вперед. — Что вы сказали?

— Я бы хотел помочь расследованию.

Теперь молодой полицейский увидел несущийся на него грузовик с отказавшими тормозами. Но он слишком поздно осознал свою ошибку.

Он понял все это и замер, то ли от страха, то ли от куража — сказать было трудно. За его спиной четыре или пять плечистых сотрудников местной полиции стояли, скрестив руки на груди, и не делали ничего, чтобы ему помочь.

— Разве вы не должны устанавливать столы и прокладывать телефонные линии? — спросил Бовуар, подходя ближе к молодому полицейскому.

— Я уже занимался этим, все работы закончены. — Хотя в его голосе не было прежней уверенности, он не отступал.

— И с чего вы решили, что можете быть тут полезны?

За спиной Бовуара стоял старший инспектор — молчал, наблюдал. Молодой полицейский, отвечая на вопросы, смотрел на инспектора Бовуара, но потом снова пересекся взглядом с Гамашем.

— Я знаю этот район. Знаю людей.

— Они тоже. — Бовуар указал на полицейских, стоявших за спиной у парня. — Если у нас вдруг возникнет нужда в помощи, то почему мы должны выбрать вас?

Этот вопрос обескуражил молодого полицейского, и он на несколько мгновений погрузился в молчание. Бовуар махнул рукой, отпуская его, и пошел к своему столу.

— Потому что, — сказал молодой полицейский старшему инспектору, — я попросил об этом.

Бовуар замер, развернулся и посмотрел на агента недоуменным взглядом.

— Pardon?[23] Pardon? Это отдел по расследованию убийств, а не детские игры. Вы хоть состоите на службе в Квебекской полиции?

Вопрос был вполне уместный. Полицейскому на вид было лет шестнадцать, и форма была ему великовата, хотя он и предпринял попытку подогнать ее под себя. Он стоял впереди, его confrères[24] — сзади, что напоминало эволюционное древо, на котором молодой полицейский представлялся ветвью, обреченной на вымирание.

— Если вы закончили свою работу, то я прошу вас уйти.

Молодой агент кивнул, развернулся, собираясь заняться своими делами, увидел перед собой ряд коллег и остановился. Потом обошел их. Гамаш и люди из его бригады не сводили с парня глаз. Последнее, что они видели, перед тем как отвернуться, это его спину и красную как рак шею.

— Надо поговорить, — сказал Гамаш Бовуару и Лакост, и те уселись за стол для совещаний. — Ну, что вы думаете? — тихо спросил Гамаш.

— О теле?

— О парнишке.

— Что — опять о нем? — раздраженно сказал Бовуар. — Если нам кто-то понадобится, то в отделе есть прекрасные полицейские. Если они

заняты на других делах, то у нас длинный список желающих. Агенты из других подразделений жаждут перейти к нам. Зачем нам какой-то неоперившийся мальчишка из лесной глуши? Если нам не хватает людей — давайте позвоним в управление, пусть пришлют.

Это был их старый спор.

Отдел по расследованию убийств Квебекской полиции был самым престижным полицейским подразделением в провинции. А может быть, и во всей Канаде. Они работали по самым тяжелым преступлениям в самых тяжелых условиях. И они работали с лучшими, самыми уважаемыми и известными следователями. Взять того же старшего инспектора Гамаша.

Так зачем же брать незнамо кого?

— Мы, конечно, могли бы позвонить в управление, — согласился старший инспектор.

Но Бовуар знал, что его шеф никуда звонить не собирается. В свое время Гамаш нашел Изабель Лакост, когда та сидела перед кабинетом своего суперинтенданта — ее собирались увольнять из отдела обеспечения дорожного движения. Ко всеобщему удивлению, Гамаш пригласил ее к себе.

А еще раньше он подобным образом нашел и самого Бовуара: тот был назначен охранять вещдоки в отделении полиции в Труа-Ривьер. Каждый день Бовуар — тогда агент Бовуар — переживал это унижение: он надевал полицейскую форму и заходил в клетку, где хранились вещдоки. И проводил там почти целый день. Он настолько раздражал своих коллег и начальство, что его упекли туда, решив, что это самое подходящее для него место. Пусть проводит там время в одиночестве. Среди неодушевленных предметов. Целый день тишина, исключая те недолгие минуты, когда другие агенты приходили, чтобы сдать что-нибудь на хранение или забрать для следственных действий. Они даже взглядом встречаться с ним не хотели. Он стал неприкасаемым. Неупоминаемым. Невидимым.

Но старший инспектор Гамаш увидел его. Как-то раз он привез в хранилище улики по делу и нашел там Жана Ги Бовуара.

Агент полиции, с которым никто не хотел иметь дела, стал вторым человеком в отделе по расследованию убийств.

Но Бовуар не мог отделаться от уверенности, что Гамашу просто до поры до времени везло, если не считать небольшого числа примечательных исключений. Ведь появление неопробованных в деле агентов было чревато опасностями. Они совершали ошибки. А ошибки на их работе вели к смерти.

Он повернулся и с отвращением посмотрел на худенького молодого

полицейского. Может быть, именно этот и совершит роковую ошибку? Ту непоправимую ошибку, которая приведет еще к одной смерти? «А жертвой вполне могу стать и я, — подумал Бовуар. — Или кто-то поважнее меня». Он скосил глаза на стоящего рядом Гамаша.

— Почему он? — прошептал Бовуар.

— Кажется, он чудесный парнишка, — сказала Лакост.

— Как заход солнца, — ухмыльнулся Бовуар.

— Как заход солнца, — повторила она. — Он стоял тут совсем один.

Последовало молчание.

— И все? — спросил Бовуар.

— Он не похож на других. Посмотри на него.

— Из всего помета выбираем самого дохлого? И это в отдел по расследованию убийств? Бога ради, сэр, — воззвал он к Гамашу. — Это же не гуманитарная организация.

— Значит, ты считаешь, что не гуманитарная? — спросил Гамаш, улыбаясь кончиками губ.

— Нам для нашей команды, для этого дела нужны лучшие. У нас нет времени натаскивать людей. И откровенно говоря, выглядит он так, будто ему и шнурки самостоятельно не завязать.

Гамаш не мог не согласиться: паренек именно так и выглядел — неловким. Но было в нем что-то еще.

— Мы его возьмем, — сказал старший инспектор Бовуару. — Я знаю, ты этого не одобряешь. И я понимаю твои доводы.

— Тогда зачем же его брать, сэр?

— Затем, что он попросил, — ответил Гамаш, вставая. — А никто другой этого не сделал.

— Но любой из них готов присоединиться к нам в любую секунду, — возразил Бовуар и тоже встал. — Любой.

— Какие у тебя требования к членам нашей команды? — спросил Гамаш.

Бовуар задумался:

— Мне нужны сильные, умные люди.

Гамаш кивнул на паренька.

— А как по-твоему, сколько ему требуется силы? Сколько силы нужно, чтобы каждый день ходить на работу? Не меньше, чем требовалось тебе, когда ты ходил на Труа-Ривьер. Или тебе, — он повернулся к Лакост, — когда ты ходила в дорожную полицию. Другие, может, и хотят поступить к нам, но у них не хватает либо мозгов, либо смелости спросить. А у нашего молодого человека хватило и того и другого.

«У нашего, — подумал Бовуар. — У нашего молодого человека». Он посмотрел на парня в другом конце помещения. Тот сидел в одиночестве. Аккуратно сматывал провода и складывал их в коробку.

— Ты знаешь, Жан Ги, я ценю твое мнение. Но в данном случае я уверен.

— Я понимаю, сэр. — Он и в самом деле понимал. — Я знаю, для вас это важно. Но случается, что и вы ошибаетесь.

Гамаш уставился на инспектора, и тот пошел на попятную, опасаясь, что зашел слишком далеко. Переоценил их личные взаимоотношения. Но старший инспектор улыбнулся:

— К счастью, у меня есть ты, и ты не боишься мне сказать, если я совершаю ошибку.

— Мне кажется, что сейчас вы совершаете ошибку.

— Принято. Спасибо. Будь добр, пригласи молодого человека к нам.

Бовуар целеустремленно направился в сторону молодого полицейского и остановился перед ним.

— Идем со мной, — велел он.

Парень поднялся. Вид у него был озабоченный.

— Слушаюсь, сэр.

У них за спиной ухмыльнулся полицейский. Бовуар остановился и повернулся к парню, шедшему следом.

— Как зовут?

— Поль Морен. Я состою в Кауансвиллском подразделении Квебекской полиции, сэр.

— Агент Морен, присядьте, пожалуйста, за стол. Мы хотели бы выслушать ваши соображения о расследовании этого убийства.

Морен посмотрел недоуменным взглядом. Но не таким недоуменным, как у дюжих полицейских у него за спиной. Бовуар развернулся и медленно двинулся к столу для совещаний. На душе у него было хорошо.

— Прошу, докладывайте, — сказал Гамаш и взглянул на свои часы.

Было половина шестого.

— По собранным нами утром в бистро уликам вырисовываются кое-какие результаты, — начал Бовуар. — Кровь жертвы была найдена на полу и между несколькими половыми досками. Впрочем, кровотечение не было обильным.

— Доктор Харрис вскоре представит более полный отчет, — сказал Гамаш. — Она полагает, что малое количество крови объясняется внутренним кровотечением.

Бовуар кивнул и продолжил:

— У нас есть экспертиза по его одежде. Пока ничего, что помогло бы установить его личность. Одежда на нем старая, но чистая. И прежде была неплохого качества. Шерстяной свитер, хлопчатобумажная рубашка, вельветовые брюки.

— Интересно, не надел ли он лучшее, что у него имелось, — заметила агент Лакост.

— Продолжай, — сказал Гамаш, подаваясь вперед и снимая очки.

— Так. — Лакост попыталась привести в порядок мысли. — Что, если он отправился на встречу с каким-то важным для него человеком? В этом случае он должен был принять душ, побриться, даже ногти подстричь.

— И надеть все чистое, — подхватил Бовуар, развивая ее мысль. — Скажем, в магазине подержанной одежды. Или в какой-нибудь благотворительной организации.

— Тут есть одна в Кауансвилле, — вступил в разговор агент Морен. — И еще одна в Гранби. Я могу их проверить.

— Хорошо, — сказал старший инспектор.

Агент Морен посмотрел на инспектора Бовуара, и тот одобрительно кивнул.

— Доктор Харрис не считает, что этот человек был бродягой. Во всяком случае, в традиционном понимании этого слова, — сказал старший инспектор Гамаш. — По виду ему за семьдесят, но она убеждена, что ему около пятидесяти.

— Вы шутите, — удивилась агент Лакост. — Что же с ним случилось?

«Это, конечно, важнейший вопрос, — подумал Гамаш. — Что с ним случилось? В жизни, которая состарила его на двадцать лет? И в смерти?»

Бовуар встал и подошел к чистым листам бумаги, прикнопленным к стене. Достал новый фломастер, снял колпачок и машинально понюхал его.

— Давайте пройдемся по событиям вчерашнего вечера.

Изабель Лакост заглянула в свои бумаги и сообщила, что ей удалось узнать, допрашивая персонал бистро.

Они начинали понимать, что произошло предыдущим вечером. Арман Гамаш, слушая, представлял себе веселую атмосферу в бистро, наполненном жителями деревни: они ели и выпивали, впереди был долгий уик-энд Дня труда. Говорили о ярмарке в округе Брум, о конном троеборье, о выставке домашнего скота, о палатках с поделками местных мастеров. Они отмечали окончание лета, прощались с друзьями и семьями. Гамаш представлял себе, как уходят припозднившиеся клиенты, как молодые официанты убирают помещение, разгребают остатки поленьев в каминах, моют посуду. Потом открывается дверь и входит Старик Мюнден. Гамаш

понятия не имел, как выглядит Старик Мюнден, а потому представлял себе персонажа с полотна Питера Брейгеля Старшего. Сутулый веселый фермер. Вот он входит в дверь бистро, и молодой официант, вероятно, помогает принести отремонтированные стулья. Мюнден и Оливье обмениваются несколькими словами. Из рук в руки переходят деньги, и Мюнден удаляется с новыми стульями, подлежащими ремонту.

А что потом?

Судя по тому, что узнала Лакост, официанты ушли незадолго до Оливье и Мюндена. И в бистро остался один-единственный человек.

— Ну и как тебе показался Хэвок Парра? — спросил Гамаш.

— Его вроде бы удивило произошедшее, — ответила Лакост. — Конечно, может быть, он только делал вид. Трудно сказать наверняка. Но вот его отец рассказал мне кое-что интересное. Он подтвердил то, что мы уже слышали. Он видел в лесу какого-то человека.

— Когда?

— Этим летом, немного раньше. Рор Парра работает в старом доме Хадли на новых владельцев. И ему показалось, что он видел там кого-то.

— Показалось? Или в самом деле видел? — спросил Бовуар.

— Показалось. Он бросился за ним, но тот исчез.

Несколько секунд все молчали, затем Гамаш сказал:

— Хэвок Парра утверждает, что запер бистро и покинул его около часа ночи. Шесть часов спустя Мирна Ландерс, направляясь на прогулку, обнаруживает там мертвое тело. Почему в Трех Соснах, почему именно в бистро убивают какого-то человека?

— Если Хэвок и в самом деле запер замок, значит убийце было известно, где взять ключ, — сказала Лакост.

— Или же ключ у него был, — добавил Бовуар. — Знаете, что меня удивляет? Меня удивляет то, что убийца оставил труп в бистро.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Лакост.

— Там никого не было. Ночь стояла темная. Почему бы не унести тело в лес? Тащить недалеко — всего несколько сотен футов. Лесные животные довершили бы дело, и тогда убитого вообще никогда не нашли бы. А мы бы никогда не узнали, что было совершено убийство.

— Каковы твои соображения по этому поводу? — спросил Гамаш.

Бовуар подумал и ответил:

— Мне кажется, кому-то было нужно, чтобы тело нашли.

— Именно в бистро? — уточнил Гамаш.

— Именно в бистро.

Глава седьмая

Оливье и Габри прошли по деревне. Было около семи, и в домах уже зажигался свет. Но в бистро было темно и пусто.

— Боже, — раздался из темноты чей-то хриплый голос. — Педики на прогулке.

— Merde,[25] — сказал Габри. — Деревенская сумасшедшая сбежала со своего чердака.

Рут Зардо в сопровождении Розы похромала к ним навстречу.

— Говорят, ты наконец-то убил кого-то своим остроумием, — сказала Рут Габри, шагая с ними в ногу.

— Вообще-то, я слышал, что он прочел одно из твоих стихотворений и его мозг взорвался, — ответил Габри.

— Хотела бы я, чтобы так оно и было, — сказала Рут, взяла их обоих под руки, и они бок о бок зашагали к Питеру и Кларе. — Как у вас дела? — тихо спросила она.

— Нормально, — ответил Оливье, не глядя на темное бистро, мимо которого они как раз проходили.

Это бистро было его детищем, его творением. Все, что было у него хорошего, он вложил в это бистро. Все свои лучшие старинные вещи, самые удачные рецепты, великолепные вина. Иногда вечерами он стоял за стойкой бара, делая вид, что протирает стаканы. На самом же деле он просто слушал смех и смотрел на людей, пришедших в его бистро. Они были рады ходить сюда. Это было их место. И его тоже.

До сего дня.

Кто захочет приходить туда, где произошло убийство?

А если людям станет известно, что он знал Отшельника? Если они узнают, что сделал он, Оливье? Лучше ничего не говорить и ждать развития событий. Все и без того было плохо.

Перед домом Питера и Клары они замедлили шаг. Внутри они увидели Мирну, которая расставляла яркие цветочные композиции на кухонном столе, уже накрытом к ужину. Клара выражала восторг красотой и изяществом букетов. Слов они не слышали, но ее восторг был очевиден. В гостиной Питер подкладывал еще одно полено в камин.

Рут отвела взгляд от этой идиллической картинки и посмотрела на мужчину рядом с ней. Старая поэтесса шепнула ему на ухо так тихо, что даже Габри не услышал:

— Не спеши. Все будет хорошо, ты это знаешь, верно?

Она снова повернулась и посмотрела на Клару, которая обнимала Мирну, на Питера, который вошел в кухню и тоже восхитился цветами. Оливье нагнулся, поцеловал Рут в морщинистую холодную щеку и поблагодарил ее. Но он знал, что она ошибается. Она не знала того, что знал он.

Хаос нашел Три Сосны. Он опускался на них, и вскоре они лишатся всего, что было безопасным, теплым и добрым.

* * *

Питер налил им всем выпивку — всем, кроме Рут, которая уже успела налить себе и уселась перед огнем посреди дивана, прихлебывая виски из стакана. Роза, переваливаясь, прошла по комнате — на нее больше никто не обращал внимания. Даже Люси, золотой ретривер Питера и Клары, почти не смотрела на Розу. Когда поэтесса в первый раз пришла со своей уткой, хозяева потребовали, чтобы утка осталась за дверью, но Роза так раскрякалась, что они были вынуждены открыть ей дверь — только тогда утка успокоилась.

— Bonjour, — раздался из прихожей знакомый низкий голос.

— Боже, неужели вы пригласили Клузо?[26] — спросила Рут, обращаясь к пустой комнате. Пустой, за исключением Розы, которая устремилась к хозяйке и встала рядом с ней.

— Очень мило, — заметила Изабель Лакост, когда они прошли из прихожей в просторную кухню.

Длинный кухонный стол был подготовлен к трапезе, на нем стояли корзиночки с нарезанными батонами, масло, кувшины с водой и бутылки с вином. Здесь пахло чесноком, розмарином и базиликом — все свежее, только что с огорода.

А в середине стола красовались поразительные букетики алтея, белой плетистой розы, клематиса, душистого горошка и ароматных розовых флоксов.

Налили еще выпивку, и гости переместились в гостиную, где переходили с одного места на другое, то пощипывая сыр, то попивая апельсиновый сок, то грызя фисташковые орешки.

В другом конце комнаты Рут допрашивала старшего инспектора:

— И вы даже не подозреваете, кто такой этот убитый?

— К сожалению, — ровным голосом ответил Гамаш. — Пока.

— А вы знаете, чем его убили?

— Non.[27]

— Есть какое-то представление о том, кто это сделал?

Гамаш отрицательно покачал головой.

— Есть какое-то представление, почему это случилось в бистро?

— Ни малейшего, — ответил Гамаш.

Рут сердито посмотрела на него:

— Хотела убедиться, что вы, как и всегда, некомпетентны. Приятно, что можно хоть в чем-то быть уверенным.

— Благодарю вас за одобрение.

Гамаш слегка поклонился Рут и направился к камину. Он взял кочергу и принялся ее изучать.

— Это кочерга, — сказала Клара, возникнув у его локтя. — Чтобы шуровать в топке.

Она улыбалась, глядя на него. Гамаш понял, что вид у него, должно быть, странный: разглядывает кусок металла, словно никогда не видел кочергу прежде. Он положил кочергу. Крови на ней не было. К его облегчению.

— Я слышал, что через несколько месяцев у вас будет выставка. — Он повернулся к Кларе с улыбкой на губах. — Вероятно, это будет захватывающее зрелище.

— Ну, если вас захватывает, когда к вашему носу подносят сверло бормашины, то да.

— Так плохо?

— О, вы же понимаете. Это пытка.

— Вы закончили все картины?

— Они все готовы. Дерьмо, конечно, но, по крайней мере, они закончены. Обсудить, как их развешивать в галерее, приедет сам Дени Фортен. У меня в голове уже выстроился определенный порядок. Если он не согласится, у меня есть план. Я начну плакать.

Гамаш рассмеялся:

— Именно так я стал старшим инспектором.

— Я же тебе говорила, — прошипела Рут, обращаясь к Розе.

— Ваша живопись великолепна, Клара. И вам это известно, — сказал Гамаш, уводя Клару в сторону.

— Откуда вы знаете? Вы видели только одну вещь. Может быть, другие — полный провал. Не знаю, не ошиблась ли я, подбирая краски по номерам.

Гамаш скорчил шутливую гримасу.

— Хотите их увидеть? — спросила Клара.

— Очень.

— Отлично. Давайте после обеда. Так у вас будет около часа, чтобы попрактиковаться говорить: «Боже мой, Клара, ничего лучше этого в истории живописи не было!»

— Толкаете меня на подхалимство? — улыбнулся Гамаш. — Именно так я и стал инспектором.

— Вы настоящий человек эпохи Просвещения.

— Я смотрю, у вас это тоже неплохо получается.

— Merci. Кстати, о вашей работе: вы так и не знаете, кто этот убитый? — Она понизила голос: — Вы сказали Рут, что не знаете. Но так ли это на самом деле?

— Думаете, я стал бы ей лгать? — спросил Гамаш. Впрочем, почему бы и нет, ведь все остальные лгут. — Вы хотите узнать, насколько близко мы подошли к раскрытию преступления?

Клара кивнула.

— Трудно сказать. У нас есть некоторые наводки, некоторые идеи. Наша задача осложняется тем, что мы не знаем, кем был убитый.

— А что, если так и не узнаете?

Гамаш посмотрел на Клару. Послышалось ли ему, или в ее голосе действительно прозвучала какая-то нотка? Недостаточно хорошо скрытое желание, чтобы они никогда не выяснили, кем был убитый?

— Это затрудняет нашу работу, — согласился он, — однако не делает ее невыполнимой.

В его голосе, звучавшем до этого расслабленно, появилась жесткость. Он хотел, чтобы Клара знала: так или иначе, но они раскроют это преступление.

— Вы были вчера в бистро?

— Нет, мы ездили с Мирной на ярмарку. Обед там был ужасный — картошка фри, бургеры, сахарная вата. Покатались немного на лошадях, посмотрели выступление местных талантов и вернулись сюда. Мирна, наверное, потом пошла в бистро, но мы устали.

— Мы знаем, что убитый не из местных. Он чужак. Вы не видели в деревне посторонних?

— Появляются тут туристы с рюкзаками, велосипедисты, — задумчиво сказала Клара, прихлебывая красное вино. — Но большинство из них моложе. Насколько я понимаю, убитый был довольно пожилым человеком.

Гамаш не сказал ей о том, что сообщила ему сегодня утром коронер.

— Рор Парра поведал агенту Лакост, что видел кого-то этим летом — человек скрывался в лесу. Вы что-нибудь об этом знаете? — Он внимательно посмотрел на нее.

— Скрывался? Это звучит как-то мелодраматично, верно? Нет, ни я, ни Питер никого не видели. Он бы мне сказал, случись что-то такое. Мы проводим много времени в своем саду. Если бы кто-то появился, мы бы увидели.

Она махнула в сторону заднего двора, сейчас погруженного в темноту, но Гамаш знал, что он большой и уходит слегка под уклон к реке Белла-Белле.

— Мистер Парра видел его не там, — возразил Гамаш. — Он видел его там. — Он показал в сторону старого дома Хадли на холме.

Они взяли свои стаканы и вышли на веранду. На Гамаше были брюки из шерстяной ткани, рубашка, пиджак, галстук. На Кларе — свитер, очень кстати. В начале сентября ночи становились длиннее и холоднее. Во всех домах деревни горел свет. Даже в доме на холме.

Несколько секунд они молча смотрели на дом.

— Говорят, его продали, — сказал наконец Гамаш.

Клара кивнула. До них доносился гул разговора из гостиной. В свете из окна Гамаш видел профиль Клары.

— Несколько месяцев назад, — сказала она. — Что у нас сегодня? День труда? Кажется, они купили дом в июле, и с тех пор там ведутся работы. Молодая пара. По крайней мере, моих лет. А мне это кажется молодостью.

Она рассмеялась.

Гамашу трудно было представить, что старый дом Хадли в Трех Соснах обретет хозяев. Прежде всего, этот дом вроде никогда и не был частью деревни. Он казался обвинителем, наблюдателем, расположившимся на холме и смотревшим оттуда на них. Он осуждал. Он требовал жертв и иногда забирал кого-нибудь из обитателей деревни и убивал их.

Страшные события происходили там.

Ранее в этом году Гамаш приезжал сюда со своей женой Рейн-Мари и помогал местным жителям перекрасить и отремонтировать дом. Он верил, что все должно получить хотя бы еще один шанс. Даже дом. Была надежда, что кто-нибудь все же его купит.

И вот кто-то его купил.

— Я знаю, что они наняли Рора для работы в саду, — сказала Клара. — Хотят привести его в порядок. Рор построил там сарай и даже

стал расчищать тропинки. В лесу во времена Тиммера Хадли было километров пятьдесят дорожек для верховой езды. Все они, конечно, заросли. Рору там предстоит много работы.

— Он рассказывал, что во время работы видел в лесу какого-то незнакомого человека. Сказал, что некоторое время чувствовал, будто за ним наблюдают, но лишь один раз вроде бы увидел кого-то. Попытался за ним бежать, но тот исчез.

Гамаш перевел взгляд со старого дома Хадли на деревню Три Сосны. На лугу мальчишки играли в американский футбол, используя последние минуты летних каникул. До Гамаша доносились голоса жителей, сидящих на своих террасах и наслаждающихся ранним вечером. Но главной темой разговоров было не созревание помидоров, не похолодание и не запас дров на зиму.

В тихую деревеньку приползло что-то нехорошее. В воздухе висели такие слова, как «убийца», «кровь», «труп». И что-то еще. Слабый запах розовой воды и сандалового дерева, исходивший от человека рядом с Кларой.

Внутри дома Изабель Лакост наливала себе разбавленный водой виски, взяв бутылку с подноса, стоящего на пианино. Она оглядела комнату. Одна стена была целиком закрыта книжными стеллажами, за исключением окна и двери на веранду, через которую она видела Клару и своего начальника.

В другом конце комнаты Мирна разговаривала с Оливье и Габри. Питер тем временем хозяйничал в кухне, а Рут выпивала перед камином. Лакост уже приходила в дом Морроу, но только для того, чтобы допросить хозяев. Не как гостья.

Здесь было очень уютно. Она представляла себе, как вернется в Монреаль и убедит мужа продать их дом, забрать детей из школы, бросить работу и переехать сюда. Найти коттедж на окраине деревни и устроиться на работу в бистро или в книжную лавку Мирны.

Лакост уселась в кресло. Из кухни вышел Бовуар с ломтиком хлеба с паштетом в одной руке и стаканом пива — в другой. Он направился к дивану. Но вдруг остановился, будто его толкнули, изменил курс и вышел из дома.

Рут поднялась и, прихрамывая, подошла к подносу с напитками. На ее лице гуляла злорадная ухмылка, словно морской монстр нырнул опять на дно в ожидании жертвы.

— Вы не скажете, когда мы сможем открыть бистро? — спросил Габри, когда он, Оливье и Мирна присоединились к Лакост.

— Габри! — раздраженно прикрикнул на него Оливье.

— А что? Я только спросил.

— Мы сделали все, что нужно, — сказала Лакост Оливье. — Можете открываться, когда захотите.

— Долго оставаться закрытыми вам нельзя, — подхватила Мирна. — Иначе мы все помрем с голоду.

Питер высунул голову из кухни и объявил:

— Обед!

— Хотя, может быть, и не прямо сейчас, — пробормотала Мирна, двигаясь в сторону кухни.

Рут поднялась с дивана и направилась к двери на веранду.

— Вы что, оглохли? — крикнула она Гамашу, Бовуару и Кларе. — Обед стынет. Заходите.

Бовуар, проходя мимо нее, ощутил спазм прямой кишки. Клара последовала за Бовуаром к обеденному столу. Но Гамаш задержался.

Он даже не сразу понял, что остался не один. Рядом с ним стояла Рут, высокая, негнущаяся, опираясь на трость. На ее лицо, изборожденное морщинами, падал свет из окна.

— Странный подарочек получил Оливье, вы не находите?

Старческий голос, пронзительный и неровный, прорезался сквозь смех, доносившийся с деревенского луга. Гамаш повернулся к ней:

— Что вы сказали?

— Покойник. Даже вы не можете быть настолько дремучим. Кто-то преподнес Оливье этот подарочек. Возможно, Оливье жадный и бестолковый парень. Возможно, еще и довольно слабый. Но он никого не убивал. Так почему кто-то выбрал для убийства именно его бистро?

Гамаш поднял брови:

— Вы думаете, кто-то *выбрал* бистро?

— Это произошло не случайно. Убийца намеренно сделал это в бистро Оливье. Он подарил Оливье этот труп.

— Чтобы убить не только человека, но и бизнес? — спросил Гамаш. — Это как дать белый хлеб золотой рыбке?

— Пошел ты в жопу, — сказала Рут.

— «Ничто из моих подарков не устраивало тебя, — процитировал Гамаш. — Это было как дать белый хлеб золотой рыбке».

Рут Зардо рядом с ним напряглась, потом низким хриплым голосом закончила собственное стихотворение:

Они толкутся и толкутся, убивая себя,

они плавают в пруду животами вверх,
с ошарашенными лицами,
играют на нашем чувстве вины,
словно и не были виноваты
в собственном убийственном обжорстве.

Гамаш выслушал стихотворение, одно из самых его любимых. Он посмотрел в сторону бистро, темного и пустого, хотя вечером оно должно быть наполнено местными жителями.

А что, если Рут права? И кто-то специально выбрал это бистро? Но это означает, что Оливье каким-то образом втянут в эту историю. Не сам ли он причина случившегося? Кто в деревне настолько ненавидел бродягу, что был готов его убить? И кто из них настолько ненавидел Оливье, чтобы сделать это в его бистро? Или бродяга был всего лишь удобным инструментом? Невезучий человек, оказавшийся не в том месте? Человек, которым воспользовались как оружием против Оливье.

— И у кого, по-вашему, могло возникнуть желание подбросить такой подарочек Оливье? — спросил Гамаш.

Рут пожала плечами, потом повернулась и ушла в дом. Гамаш проследил за тем, как она заняла место среди своих друзей, ведущих себя на знакомый друг другу манер, знакомый теперь и ему.

И убийце?

Глава восьмая

Вечер подходил к концу. На обед была кукуруза в початках, сливочное масло, свежие овощи из огорода Питера и Клары и целый лосось, зажаренный на открытом огне. Гости дружески болтали, передавая друг другу теплый хлеб и угощаясь салатом.

В центре стола расположилась сотворенная руками Мирны цветочная композиция, создававшая ощущение, будто они находятся в саду. Гамаш услышал, как Лакост спрашивает у сидящих рядом с ней о ярмарке в округе Брум. Напротив Бовуара сидела Рут, поедавшая его глазами. Гамаш не мог понять почему, хотя, возможно, для Рут это была единственная форма самовыражения.

Гамаш повернулся к Питеру, который подавал рукколу, кудрявый салат и свежие зрелые помидоры:

— Я слышал, что старый дом Хадли продан. Вы встречались с новыми владельцами?

Питер передал ему изготовленную из капа чашу с салатом:

— Встречались. Их фамилия Жильбер. Марк и Доминик. Приехали из Квебек-Сити. С ними живет и его мать. Она из Квебек-Сити. Кажется, работала медсестрой. Давно на пенсии. Доминик работала в рекламном агентстве в Монреале, а Марк — в инвестиционной дилерской фирме. Заработал состояние и рано отошел от дел — еще до того, как рынок сдулся.

— Повезло.

— Это не везение, а расчет, — возразил Питер.

Гамаш попробовал салат. Он ощутил слабый вкус чеснока, оливкового масла и свежего тархуна. Питер налил им еще по стаканчику красного вина и передал бутылку в другой конец длинного стола. Гамаш попытался понять, есть ли в комментарии Питера двойное дно, подтекст. Что имел в виду Питер, говоря «расчет»? Проницательность, коварство, хитрость? Но нет, Гамаш чувствовал, что Питер имел в виду лишь то, что сказал. Это была похвала. Если Питер Морроу редко кого-то оскорблял, то и на похвалы он не был щедр. Но Марк Жильбер, похоже, произвел на него впечатление.

— Вы их хорошо знаете?

— Приглашал несколько раз на обед. Милая пара.

Для Питера это была высшая степень похвалы.

— Любопытно, что, имея немало денег, они купили старый дом Хадли, — сказал Гамаш. — Он пустовал год или больше. Вероятно, они могли купить любой дом в округе.

— Мы тоже немного удивились, но они сказали, что хотят начать жизнь с чистого листа в доме, который они смогут назвать своим. Знаете, они практически выпотрошили дом. Вместе с домом они купили еще и немало земли, а Доминик хочет обзавестись лошадьми.

— Я слышал, что Рор Парра расчищает дорожки.

— На это уйдет много времени.

Голос Питера понизился до шепота, и со стороны их можно было принять за заговорщиков.

— Слишком большой дом для трех человек. Дети у них есть?

— Нет.

Питер прошелся взглядом вдоль стола, потом вернулся к Гамашу. На кого он сейчас смотрел? На Клару? На Габри? Трудно было сказать.

— Они обзавелись здесь друзьями? — Гамаш произнес это нормальным голосом, откинувшись на спинку стула и набирая на вилку салат.

Питер снова скользнул взглядом вдоль стола и еще больше понизил голос:

— Не совсем.

Прежде чем Гамаш успел перехватить взгляд Питера, тот выпрямился и начал убирать со стола. Он дошел до посудомойки и оглянулся на своих друзей — те сидели за столом, беззаботно болтая. Они сидели близко друг к другу. Так близко, что можно протянуть руку и прикоснуться к соседу, что они и делали время от времени.

А Питер не мог. Он стоял в стороне и наблюдал. Ему не хватало Бена, который прежде жил в старом доме Хадли. Питер играл там ребенком. Знал его уголки и потайные места. Все страшные закоулки, где обитали призраки и пауки. Но теперь там жил кто-то другой и превратил этот дом в нечто иное.

Думая о Жильберах, Питер чувствовал, как немного воспаряет его собственное сердце.

— О чем вы думаете?

Питер вздрогнул, поняв, что Арман Гамаш стоит рядом с ним.

— Да так.

Гамаш взял миксер из рук Питера, налил сливки в охлажденную чашу сбивалки и насыпал немного ванили. Потом включил миксер и подался к Питеру. Жужжание мотора заглушало его голос для всех, кроме Питера.

— Расскажите мне о старом доме Хадли и живущих там людях.

Питер замялся было, но он знал, что Гамаш все равно не остановится, пока не узнает все, что ему нужно. Питер заговорил, его слова заглушались работающим миксером для всех, кто находился от него дальше шести дюймов.

— Марк и Доминик собираются открыть гостиницу класса люкс и спа-салон.

— В старом доме Хадли?

Гамаш был настолько удивлен, что Питер чуть не рассмеялся.

— Ну, там многое изменилось. Сходите посмотрите. Это фантастика.

Старший инспектор подумал, могут ли слой краски и новые бытовые приборы изгонять демонов. И знает ли об этом католическая церковь.

— Но не всем это нравится, — продолжал Питер. — Они пригласили на собеседование некоторых сотрудников Оливье и предложили им более высокую плату. Бо́льшую часть персонала Оливье удалось сохранить, но ему пришлось повысить им жалованье. Эти двое практически не общаются.

— Марк и Оливье? — уточнил Гамаш.

— Они и в одной комнате не стали бы находиться.

— Наверное, это создает проблемы, когда живешь в небольшой деревне.

— Я бы так не сказал.

— Тогда почему мы перешептываемся? — Гамаш выключил миксер и заговорил нормальным голосом.

Питер смутился, снова кинул взгляд в сторону стола:

— Слушайте, я знаю: Оливье это переживет, но пока лучше не поднимать эту тему.

Питер протянул Гамашу песочный пирог, уже разрезанный пополам. Сверху он разложил нарезанные дольки клубники, купающиеся в собственном алом соке.

Гамаш заметил, что Клара встала и Мирна потащилась вслед за ней. Оливье подошел к кофеварке и засыпал кофе.

— Могу я чем-то помочь? — спросил Габри.

— Вот, намазывай кремом, — сказал Питер и уточнил, когда Габри пошел к Оливье с ложкой взбитого крема: — Пирог, Габри, намазывай пирог!

Вскоре за пирогом с клубникой выстроилась очередь. Получив свое, они повернулись к столу — и замерли на месте, ошеломленные.

Там, освещенные пламенем свечей, стояли творения Клары. Во всяком случае, три из них. На пюпитрах. У Гамаша внезапно закружилась голова,

словно он переместился во времени в эпоху, когда жили Рембрандт, да Винчи, Тициан. Тогда произведения искусства можно было видеть лишь при свете дня или свечей. Не так ли впервые предстала зрителю Мона Лиза? Сикстинская капелла? В свете свечей, словно пещерные рисунки?

Гамаш вытер руки о кухонное полотенце и подошел к трем пюпитрам. Другие гости сделали то же самое. Вокруг них подрагивало пламя свечей, давая куда больше света, чем предполагал Гамаш. Хотя, быть может, картины Клары сами создавали свет.

— У меня, конечно, есть и другие, но эти будут в центре экспозиции в «Галери Фортен».

Но ее никто не слушал. Все смотрели на картины. На одну, на другую, на третью. Гамаш на секунду отошел назад, чтобы оценить живопись.

Три портрета, с которых на него смотрели три пожилые женщины.

Одним из них был, конечно, портрет Рут. Тот самый портрет, который и привлек внимание Дени Фортена. Тот самый, который понравился ему настолько, что он предложил организовать эту беспрецедентную выставку. Тот самый, о котором говорил мир искусств от Монреаля до Торонто, от Нью-Йорка до Лондона. Говорили о новом таланте, сокровище, открытом на просторах Восточных кантонов Квебека.

И вот теперь этот портрет стоял перед ними.

Клара Морроу изобразила Рут в виде пожилой, всеми забытой Девы Марии. Злющая, безумная Рут на портрете была исполнена отчаяния и тоски. Тоски по прожитой жизни, по упущенным возможностям, по утратам и предательствам, реальным и вымышленным, созданным ею самой и другими людьми. Тощими руками она цеплялась за грубую синюю материю шали, которая соскользнула с одного ее костлявого плеча, обнажив обвисшую кожу — словно что-то высохшее и пустое.

И в то же время портрет светился, наполняя комнату лучиками света, исходящими из ее глаз. Ожесточенная, безумная Рут видела впереди что-то находящееся далеко-далеко, но приближающееся. Скорее воображаемое, чем реальное.

Надежду.

Кларе удалось передать то мгновение, когда отчаяние превращается в надежду. То мгновение, когда начинается жизнь. Ей удалось каким-то образом изобразить благодать.

У Гамаша перехватило дыхание, он почувствовал жжение в глазах. Моргнул и отвернулся, словно увиденное ослепило его. Он заметил, что и все остальные в комнате разглядывают портреты, черты их лиц в свете свечей смягчились.

На следующем портрете была изображена мать Питера. Гамаш был знаком с ней и, увидев раз, уже не мог забыть. Клара изобразила ее смотрящей на зрителя. Не вдаль, как Рут, а на что-то находящееся вблизи. Очень близко. Ее седые волосы были собраны в свободный узел, лицо испещрено сетью морщин, словно стекло, треснувшее, но не распавшееся. Она была белая, розовая, здоровая и красивая. Ее спокойная, мягкая улыбка доходила до самых ее нежных голубых глаз. Гамаш почти ощущал запах гигиенической пудры и корицы. Но в то же время этот портрет вызывал у него какое-то беспокойство. И вдруг он понял почему. Ее слегка вывернутая наружу рука. Пальцы словно выходили с холста. Касались его, Гамаша. У него возникало ощущение, что эта мягкая, красивая пожилая женщина сейчас прикоснется к нему. А если она сделает это, то он испытает такую печаль, какой не знал за всю жизнь. Познает ту пустоту, в которой нет ничего, даже боли.

Она вызывала отторжение. Но он ничего не мог с собой поделать — она одновременно притягивала его. Так человека, который боится высоты, тянет к краю пропасти.

Изображенная на третьем портрете пожилая женщина была ему незнакома. Он никогда ее не видел. Он подумал, что это, вероятно, мать Клары. Было в ней что-то отдаленно знакомое.

Гамаш присмотрелся внимательнее. Клара писала красками людские души, и он хотел понять, что это за душа перед ним.

Женщина смотрела счастливым взглядом. Улыбалась, оглянувшись через плечо на что-то очень интересное. На что-то очень важное для нее. На ней тоже была шаль, красная шаль из старой грубой шерсти. Она казалась человеком, который знал богатство, но внезапно обеднел. Но, судя по ее виду, это не имело для нее значения.

«Интересно, — подумал Гамаш. — Она движется в одном направлении, но смотрит в другом. На то, что находится у нее за спиной». От женщины на портрете исходило поразительное ощущение томления. Гамаш понял, что этот портрет вызывает у него желание придвинуть поближе кресло, налить чашку кофе и смотреть на него остаток вечера. Остаток жизни. Это было соблазнительно. И опасно.

Он с усилием оторвал глаза от портрета и обнаружил, что Клара стоит в темноте и наблюдает за реакцией своих друзей, разглядывающих ее творения.

Смотрел и Питер. С выражением нескрываемой гордости.

— Bon Dieu, — произнес Габри. — C’est extraordinaire.[28]

— Félicitations,[29] Клара, — сказал Оливье. — Боже мой, какая великолепная живопись. У тебя есть еще и другие?

— Ты хочешь знать, не нарисовала ли я тебя? — спросила она и рассмеялась. — Non, mon beau.[30] Только Рут и мать Питера.

— А это кто? — Лакост указала на портрет, который разглядывал Гамаш.

Клара улыбнулась:

— Не скажу. Вы должны догадаться.

— Это я? — спросил Габри.

— Да, Габри, это ты, — кивнула Клара.

— Правда? — Он слишком поздно заметил ее улыбку.

Самое забавное, что это вполне мог быть Габри. Гамаш снова посмотрел на портрет в пламени свечей. Не физически, а эмоционально. В портрете было счастье. Но было и что-то еще. Что-то не совпадающее с Габри.

— Так, где тут я? — спросила Рут и, хромая, подошла к портретам.

— Ты — старая пьяница, — сказал Габри. — Вот где ты.

Рут уставилась на свою точную копию:

— Не вижу. Больше похоже на тебя.

— Ведьма, — пробормотал Габри.

— Педик, — бросила она в ответ.

— Клара изобразила тебя в виде Девы Марии, — объяснил Оливье.

Рут подалась поближе и покачала головой.

— Дева? — прошептал Габри Мирне. — Судя по всему, затраханные мозги не в счет.

— Кстати… — Рут скользнула взглядом по Бовуару. — Питер, у тебя найдется листик бумаги? Во мне рождаются стихи. И вот еще: как по-твоему, допустимо ли в одном предложении присутствие слов «задница» и «жопоголовый»?

Бовуар поморщился.

— Просто закрой глаза и думай об Англии, — посоветовала Рут Бовуару, который, вообще-то, думал о ее английском.

Гамаш подошел к Питеру, не сводившему глаз с картин жены.

— Ну как вы?

— Вы хотите узнать, не возникает ли у меня желания исполосовать их в клочья бритвой, а потом сжечь?

— Что-то в этом роде.

У них уже был похожий разговор, когда стало ясно, что Питеру вскоре

придется уступить жене свое место лучшего художника в семье, в деревне, в провинции. Питер пытался противиться этому, но не всегда успешно.

— Я не смог бы ее сдержать, даже если бы попытался, — сказал Питер. — А пытаться я не хочу.

— Ну, есть все же разница между «сдержать» и «активно поддерживать».

— Они так прекрасны, что даже я не могу больше это отрицать, — признал Питер. — Она меня просто поражает.

Они оба перевели взгляд на невысокую полненькую женщину, которая встревоженно смотрела на своих друзей, явно не отдавая себе отчета в том, что из-под ее кисти вышли шедевры.

— Вы над чем-то работаете? — Гамаш кивнул в сторону закрытой двери в студию Питера.

— Всегда работаю. Сейчас это полено.

— Полено? — переспросил Гамаш с изумлением.

Питер Морроу был одним из самых успешных художников в стране, и он заслужил эту репутацию, изображая прозаичные, повседневные предметы, причем изображая с мучительными подробностями, отчего они переставали быть узнаваемыми. Он брал крупный план, увеличивал какую-то часть предмета и рисовал.

Его работы казались абстрактными. Питер получал громадное удовлетворение оттого, что они таковыми не были. Они представляли реальность в крайнем своем выражении. В таком крайнем, что никто их не узнавал. И вот подошла очередь полена. Питер выбрал его из груды рядом с камином, и теперь оно ждало его в студии.

Были поданы десерт, кофе, коньяк, люди разбрелись по дому, Габри сел за пианино, а Гамаш все никак не мог оторваться от полотен. В особенности от того, на котором была изображена незнакомая ему женщина. Оглядывающаяся через плечо. К нему подошла Клара.

— Боже мой, Клара, ничего лучше этого в истории живописи не было!

— Вы и правда так думаете? — спросила она с напускной серьезностью.

Гамаш улыбнулся:

— Знаете, это блестящие работы. Вам нечего бояться.

— Если это правда, то я ничего не смыслю в искусстве.

Гамаш кивнул в сторону портрета, от которого не мог оторваться:

— Кто она?

— Одна знакомая женщина.

Гамаш ждал, но Клара молчала, что было совсем непохоже на нее, и он

решил, что в общем-то это не имеет значения. Она отошла от него, а Гамаш продолжал разглядывать портрет, и на его глазах картина начала меняться. А может, это была игра неустойчивого света. Но чем больше он смотрел, тем сильнее утверждался в убеждении, что Клара вложила в картину что-то еще. Если Рут была отчаявшейся женщиной, которая обрела надежду, то и в этом портрете тоже было скрыто что-то неожиданное.

Счастливая женщина, которая увидела неподалеку от себя нечто такое, что успокоило, утешило ее. Но ее глаза были устремлены на что-то другое, фиксировали что-то еще. Что-то далекое. И при этом она шла вперед.

Гамаш пригубил коньяк, продолжая смотреть. И постепенно начал понимать, какое чувство овладевает этой женщиной.

Страх.

Глава девятая

Трое полицейских попрощались с хозяевами и гостями и зашагали по деревне. Было одиннадцать часов, и стояла полная темнота. Лакост и Гамаш остановились, чтобы посмотреть на ночное небо. Бовуар, как всегда шедший немного впереди, вдруг понял, что остался один, и тоже остановился. Он неохотно поднял голову и с удивлением увидел, что на небе полно звезд. Он вспомнил прощальные слова Рут: «„Жан Ги“ и „ущипни“ — почти что рифма, правда?»

Похоже, он попал в беду.

В этот момент над книжной лавкой Мирны, на ее чердаке, загорелся свет. Они видели, как она ходит у себя, готовит чай. Потом свет погас.

— Мы только что видели, как она наливает себе чай и кладет в вазочку печенье, — сказал Бовуар.

Остальные не могли понять, зачем он говорит столь очевидные вещи.

— Сейчас темно. Чтобы делать что-то дома, нужен свет, — продолжил Бовуар.

Гамаш обдумал эту цепочку банальных заявлений, но первой сообразила Лакост:

— Бистро прошлой ночью. Разве убийце не нужно было включить свет? А если он его включил, то неужели никто не заметил?

Гамаш улыбнулся. Они были правы. Свет в бистро наверняка кто-нибудь да заметил.

Он огляделся, чтобы понять, из каких домов бистро виднее всего. Но дома расходились от него веером, наподобие крыльев. Никто оттуда не мог отчетливо видеть эти окна. Вот разве что из домов напротив. Гамаш повернулся. Перед ним стояли три величественные сосны. Они должны были видеть, как один человек забрал жизнь другого. Но прямо напротив бистро было и кое-что еще. Напротив и выше.

Старый дом Хадли. Он стоял вдалеке, но ночью, когда в бистро загорелся свет, его новые обитатели вполне могли стать свидетелями убийства.

— Есть еще одна вероятность, — сказала Лакост. — Убийца мог вообще не включать свет. Он ведь понимал, что его могут увидеть.

— Ты хочешь сказать, что он воспользовался фонариком? — спросил Бовуар.

Он представил себе убийцу в бистро ночью, в ожидании жертвы.

Представил, как убийца включает фонарик, чтобы сориентироваться.

Лакост покачала головой:

— Это тоже было бы заметно снаружи. Я думаю, он даже на такой риск не хотел идти.

— Значит, он не включал света, — сказал Гамаш, понимая, какой вывод следует из этих слов. — Потому что свет ему был не нужен. Он и в темноте здесь прекрасно все знал.

* * *

Следующее утро забрезжило ярким и свежим рассветом. Солнце еще не потеряло тепла, и Гамаш, который перед завтраком вышел прогуляться по деревне, вскоре снял свитер. Несколько мальчишек, вставших раньше родителей и бабушек с дедушками, использовали последние минуты, чтобы половить лягушек в пруду. Они не замечали его, и он какое-то время с удовольствием наблюдал за ними издалека, а потом продолжил свой одинокий мирный променад. Он помахал Мирне, которая совершала собственную одиночную прогулку и в это время как раз находилась на вершине холма.

Это был последний день летних каникул, и хотя Гамаш закончил школу много десятилетий назад, он все еще чувствовал возбуждение. Смешанное чувство: с одной стороны, конец лета, а с другой — возможность снова увидеть школьных дружков. Новая одежда — за лето он успевал подрасти. Новые карандаши, которые он затачивал снова и снова. И запах карандашной стружки. И новые учебники. Все это всегда было захватывающим. Все чистое. Еще нет никаких ошибок. Все, что есть, — это обещание и будущее.

Похожие чувства он испытывал и когда приступал к расследованию нового убийства. Но что, если они успели запачкать свои книги? Что, если успели наделать ошибок?

Он медленно обходил деревню и, глядя вдаль, размышлял обо всем этом. Сделав несколько неторопливых кругов, он вернулся в дом завтракать.

Бовуар и Лакост уже спустились вниз, перед ними стояли чашки с пенистым кофе с молоком. Они встали, когда Гамаш вошел, но он жестом велел им садиться. С кухни доносился аромат приправленного кленовым соком бекона, яиц и кофе. Не успел Гамаш сесть, как из кухни появился Габри и принес тарелки с яйцами «Бенедикт», фруктами и сдобными

булочками.

— Оливье только что отправился в бистро. Он еще не знает, откроется ли сегодня, — сообщил этот крупный человек, выглядевший сегодня утром очень похоже на Джулию Чайлд.[31] — Я ему сказал, что стоит попробовать, но мы посмотрим. Я сказал, что он потеряет деньги, если не откроется. Обычно этого хватает, чтобы разрешить его сомнения. Булочки?

— S’il vous plaît,[32] — сказала Изабель Лакост.

Булочки выглядели как ядерный взрыв. Изабель Лакост скучала по детям и мужу. Но ее удивляло, как эта маленькая деревенька умеет лечить даже такие раны. Конечно, если натолкать в рану достаточное количество булочек, то любая рана излечится. На какое-то время. Лакост была готова попробовать.

Габри принес Гамашу кофе с молоком, а когда он ушел, Бовуар подался вперед:

— Какой план на сегодня, шеф?

— Нужно сделать кое-какие раскопки. Я хочу знать все про Оливье. И я хочу знать, у кого мог быть зуб на него.

— D’accord,[33] — сказала Лакост.

— И еще Парра. Наведите справки — здесь и в Чешской Республике.

— Хорошо, — сказал Бовуар. — А вы?

— У меня встреча со старым другом.

* * *

По дороге из Трех Сосен Арман Гамаш поднялся на холм. Перебросив свой твидовый пиджак через руку, он пинал перед собой каштан. В воздухе стоял запах яблок, сладковатый и теплый. Плоды уже созрели и налились соком, но через несколько недель ударит убийственный мороз. И всего этого не станет.

Гамаш шел, и старый дом Хадли все увеличивался в размерах. Старший инспектор готовил себя к приходу в дом. Он предчувствовал волны грусти, накатывавшие на любого, кто имел глупость приблизиться к этому дому.

Но либо он оказался защищен лучше, чем ожидал, либо что-то здесь изменилось.

Гамаш остановился под солнечными лучами и оглядел дом. Это был несколько хаотичный дом в викторианском стиле с башенками, с кровлей,

похожей на чешую, с широкими, просторными верандами и черной кованой оградой. Свежая краска сверкала на солнце, а парадная дверь отливала матовым красноватым блеском. Но это был не кровавый оттенок, а рождественский. Вишневый. Оттенок хрустящих осенних яблок. Дорожку очистили от колючих кустарников, уложили на ней массивную плитку. Гамаш обратил внимание, что кусты выровнены, деревья подстрижены, мертвые ветки удалены. Работа Рора Парры.

К своему удивлению, Гамаш понял, что стоит перед старым домом Хадли и улыбается. И с нетерпением ждет, когда его впустят внутрь.

Дверь открыла женщина лет семидесяти пяти.

— Oui?

У нее были седые, аккуратно подстриженные волосы. Лицо почти без всяких следов косметики — лишь немного вокруг глаз, которые смотрели на него поначалу с любопытством, потом с узнаванием. Женщина улыбнулась и открыла дверь шире.

Гамаш показал ей удостоверение.

— Извините, что беспокою вас, мадам. Меня зовут Арман Гамаш. Я служу в Квебекской полиции.

— Я вас узнаю, месье. Прошу, входите. Меня зовут Кароль Жильбер.

Манеры у нее были приятные, располагающие. Она пригласила его в прихожую. Гамаш бывал здесь и раньше. Много раз. Но теперь помещение изменилось до неузнаваемости. Словно на скелете наросли мышцы, связки, кожа. Форма осталась, но все остальное изменилось.

— Вы знаете этот дом? — спросила она, наблюдая за старшим инспектором.

— Я его знал, — сказал он, ловя ее взгляд.

Кароль посмотрела на него твердо, но без всякого вызова. Она вела себя как хозяйка — была уверена в себе и не чувствовала необходимости доказывать это. Гамашу показалось, что она расположена дружески, любезно, но все время остается начеку. Что там говорил Питер? Что когда-то она работала медицинской сестрой? Гамаш предположил, что она неплохо знала свое дело. Лучшие из них все время начеку. Ничто не проходит мимо их взгляда.

— Здесь все сильно изменилось, — сказал Гамаш, и Кароль кивнула, приглашая его дальше в дом.

Он вытер подошвы о коврик перед сияющим деревянным полом и последовал за ней. Прихожая выходила в большой холл с полом, выложенным новенькой черно-белой плиткой. Перед ними были широкая лестница и арки, ведущие в разные комнаты. Когда Гамаш приходил сюда в

последний раз, он видел здесь руины, дом, впавший в отчаяние. Впечатление было такое, будто дом, проникшись к себе отвращением, уничтожает сам себя. Что-то обваливалось, обои висели клочьями, паркетины дыбились, потолок коробился. А теперь на полированном столе в центре помещения стоял громадный пестрый букет, наполнявший воздух ароматом. Стены были покрашены в изысканный золотистый цвет — что-то между бежевым и серым. Все было ярко, уютно, изящно. Как и женщина перед ним.

— Мы еще продолжаем ремонтные работы в доме, — сказала Кароль, ведя его через арку направо. Спустившись на две ступеньки, они оказались в просторной гостиной. — Я говорю «мы», но на самом деле этим заняты мой сын и невестка. Ну и рабочие, конечно.

Она произнесла это с самокритичной улыбкой.

— Я была настолько глупа, что на днях спросила, не могу ли чем-нибудь помочь. И тогда они дали мне молоток и попросили прибить гипсокартон. Я пробила водопроводную трубу и электрический провод.

Ее смех был таким искренним и заразительным, что Гамаш поймал себя на том, что и сам рассмеялся.

— Теперь я готовлю чай. Они называют меня чайной дамой. Чаю?

— Merci, madame, это будет очень мило.

— Я скажу Марку и Доминик, что вы пришли. Я полагаю, речь пойдет о том несчастном в бистро?

— Да.

В голосе ее слышалось сочувствие, но не озабоченность. Словно это не имело к ней ни малейшего отношения. И Гамаш поймал себя на том, что ему хочется, чтобы так оно и было.

В ожидании он оглядел комнату, подошел к окну во всю высоту стены — сквозь него лилось солнце. Комната была удобно обставлена диванами и креслами, которые так и приглашали погрузиться в них. Они были обтянуты дорогой тканью, придававшей им современный вид. У камина стояли два кресла с подставками под ноги. Здесь прекрасно уживались старый и новый миры. Тот, кто декорировал эту комнату, явно был не лишен вкуса.

На окнах висели раздвинутые шелковые занавеси, доходящие до самого паркетного пола. Гамаш подозревал, что занавеси почти никогда не закрывались — зачем отказываться от такого вида из окна.

Вид был захватывающий. С этого места на вершине холма открывалась вся долина. Гамаш видел речку Белла-Беллу, которая петляла по деревне, потом огибала гору, направляясь к следующей долине. Деревья

на вершине горы меняли цвет — там осень уже наступила. Скоро красные, каштановые и тыквенно-оранжевые цвета спустятся по склону, и весь лес заполыхает пожаром цвета. И какое же прекрасное место здесь, на холме, откуда можно видеть все это. И не только это.

Стоя у окна, он видел идущих по деревне Рут и Розу — старая поэтесса швыряла в других птиц то ли зачерствевшие бобы, то ли камушки. Он видел, как Мирна работает в огороде Клары, видел, как агент Лакост идет через каменный мостик к их импровизированному штабу в здании старого вокзала. Вот она остановилась на мосту и уставилась на неторопливую воду. Интересно, о чем она думает? Она постояла немного и двинулась дальше. Другие жители были заняты своими делами, работали в своих огородах или сидели на террасах, читали газету, попивали кофе.

Отсюда было видно все. Включая и бистро.

*** * ***

Агент Поль Морен пришел раньше Лакост и ждал ее перед зданием вокзала, делая записи в блокноте.

— Вчера вечером я размышлял о том, что случилось, — сказал он, пока она открывала дверь, затем направился следом за ней в холодную темную комнату, где она включила свет и прошла к своему столу. — Мне кажется, убийца должен был включить свет в бистро. Я пытался пройти по своему дому сегодня в два часа ночи, но это невозможно. Темнота полная. В городе с улицы проникает свет уличных фонарей, но здесь ничего такого нет. Как он мог знать, кого убивает?

— Я думаю, если он пригласил туда жертву, то сомнений у него не было. Он убивал единственного человека в бистро.

— Это я понимаю, — сказал Морен, подтаскивая стул к ее столу. — Но убийство — дело серьезное. Тут нельзя ошибиться. Ведь жертва была убита сильным ударом по голове, так?

Лакост набрала пароль своего компьютера — имя ее мужа. Морен настолько погрузился в свои записки и размышления, что не мог проследить, какой пароль она набирает, — в этом Лакост не сомневалась.

— Не думаю, что тут все так просто, как кажется, — с серьезным видом продолжал он. — Я попытался проделать такое прошлой ночью. Ударил молотком по дыне.

Теперь она внимательно слушала его. И не только потому, что ей хотелось узнать, что произошло. Просто любой человек, который встает в

два часа ночи, чтобы ударить молотком по дыне, заслуживает внимания. Возможно, даже со стороны медиков.

— И?..

— В первый раз удар прошел по касательной. Пришлось повторить несколько раз, прежде чем получилось то, что требуется. Ошметков получилось ужас сколько.

Морен на мгновение представил, что подумает его девушка, когда проснется и увидит растерзанную дыню. Правда, он оставил записку, но не был уверен, что это поможет.

«Это я сделал, — написал он. — Ставил эксперимент».

Наверное, стоило написать что-нибудь более определенное.

Но важность сказанного не ускользнула от агента Лакост. Она откинулась на спинку стула и задумалась. У Морена хватило ума помалкивать.

— И каковы ваши соображения? — спросила она наконец.

— Полагаю, ему пришлось включить свет. Но это было рискованно. — У Морена был недовольный вид. — Я этого никак не могу понять. Зачем убивать его в бистро, когда в нескольких десятках футов лесная чаща? Там можно убить хоть сотни людей, и никто не заметит. Зачем делать это там, где тело будет найдено, на виду?

— Вы правы, — сказала Лакост. — В этом нет смысла. Шеф думает, что это каким-то образом связано с Оливье. Возможно, убийца не случайно выбрал бистро.

— Чтобы подозрение пало на Оливье?

— Или чтобы уничтожить его бизнес.

— Может быть, это сделал сам Оливье, — сказал Морен. — А почему нет? Он, пожалуй, единственный, кто мог бы там ориентироваться в темноте. У него были ключи от двери…

— Ключи были у кого угодно. Кажется, в деревне не осталось ни одного человека, у кого не было бы ключей. А один комплект Оливье держал под вазой при входе, — сказала Лакост.

Морен кивнул, его это ничуть не удивило. Так жили в деревнях. По крайней мере, в небольших.

— Он определенно основной подозреваемый, — заметила Лакост. — Но зачем ему убивать кого-то в собственном бистро?

— Может, это случилось неожиданно. Может, в бистро проник бродяга, Оливье подрался с ним и убил, — сказал Морен.

Лакост молча ждала, куда заведут Морена его рассуждения. Он поставил локти на стол и, опершись подбородком на руки, уставился в

пространство:

— Но это случилось посреди ночи. Если он увидел кого-то в бистро, то разве не должен был вызвать полицию? Или хотя бы разбудить своего партнера? Оливье Брюле не кажется мне человеком, который берет бейсбольную биту и в одиночестве бежит выяснять, что случилось.

Лакост посмотрела на агента Морена. При этом освещении, выхватывавшем из мглы лицо молодого человека, он был похож на идиота. Но таковым отнюдь не был.

— Я знаю Оливье, — заговорила Лакост, — и могу поклясться: он был поражен увиденным. Он был в шоке. Это трудно имитировать, и я совершенно уверена, что никакой имитации тут не было. Нет. Когда Оливье Брюле проснулся вчера утром, он никак не ожидал увидеть труп в своем бистро. Но это не значит, что он каким-то образом не вовлечен в это дело. Пусть даже против собственного желания. Шеф хочет, чтобы мы разузнали побольше про Оливье. Где он родился, где его семья, где он учился, чем занимался до приезда сюда. Нет ли у кого зуба на Оливье. Не рассердил ли он кого.

— Ну, тут больше чем рассердил.

— С чего вы решили? — спросила Лакост.

— Знаете, если я сержусь, то я никого не убиваю.

— Вы не убиваете. Но я предполагаю, что вы человек сдержанный. Если не считать происшествия с дыней. — Она улыбнулась, и Морен покраснел. — Слушайте, судить о других по себе — большая ошибка. Реакция других людей не похожа на нашу — вот один из первых уроков, которые преподает вам старший инспектор Гамаш, когда вы начинаете у него работать. А реакция убийцы тем более не похожа на реакцию обычного человека. Эта история началась не с удара по голове. Она началась много лет назад и с совсем другого удара. Что-то случилось с нашим убийцей. Что-то такое, что с нашей точки зрения может показаться незначительным, даже тривиальным, но для него этот удар был сокрушительным. Какое-то событие, резкое замечание, ссора, на которые большинство других людей даже не обратили бы внимания. Но убийцы смотрят на мир иначе. Они погружаются в свои мысли, они копят и хранят ненависть. И ненависть растет. Убийство — всегда дело эмоциональное. Запомните это. И никогда не думайте, что вам понятны мысли другого человека. Я уже не говорю о чувствах.

Таким был первый урок, преподанный ей старшим инспектором Гамашем, и первый, который она преподала своему собственному протеже. Да, для того чтобы найти убийцу, ты исследуешь улики. Но ты исследуешь

и эмоции. Даже те, что вызывают отвращение, грязные и мерзкие. Ты погружаешься в эту муть. И тогда ты находишь свою добычу.

Были и другие уроки. Множество уроков. И она преподаст их ему.

Вот об этом-то она и думала на мосту. Думала и беспокоилась. Надеялась, что сможет передать этому пареньку достаточно мудрости, достаточно инструментов, чтобы схватить убийцу.

— Натаниэль, — сказал Морен, вставая и направляясь к своему компьютеру. — Имя вашего мужа или сына?

— Мужа, — ответила Лакост, немного растерянная.

Значит, он видел, как она вводила пароль.

Зазвонил телефон. Это была коронер. Она срочно хотела поговорить со старшим инспектором.

Глава десятая

По просьбе старшего инспектора Марк и Доминик Жильбер устроили ему экскурсию по дому, и теперь все они стояли перед комнатой, хорошо знакомой Гамашу. Это была хозяйская спальня старого дома Хадли, комната Тиммера Хадли.

Здесь произошли два убийства.

Он смотрел на закрытую дверь, сверкающую свежей белой краской, и спрашивал себя, что увидит за ней. Доминик распахнула дверь, и из комнаты хлынул солнечный свет. Гамаш не сумел скрыть удивления.

— Перемены разительные, — сказал Марк Жильбер, явно довольный реакцией Гамаша.

Если говорить попросту, то комната ошеломляла. Отсюда удалили все украшения, добавленные за несколько поколений: лепнину на потолке, темную каминную доску, тяжелые бархатные занавеси, которые не пускали сюда свет, накапливали в себе пыль, страх и викторианские нравы. Все это исчезло. Тяжелая, устрашающая кровать с балдахином тоже исчезла.

Комнате вернули ее изначальный вид, выявили линии, демонстрирующие ее великолепные пропорции. Новые занавеси в широкую полоску сиреневого и серого цвета свободно пропускали свет. По верху каждого из больших окон проходила вставка витражного стекла. Оригинального. Изготовленного больше столетия назад. Сквозь него в комнату проникали веселые цветные лучики. Заново окрашенные полы сверкали. Громадная кровать с обтянутым тканью изголовьем была застлана простым белым постельным бельем. В камине потрескивал огонь, готовый к приему гостей.

— Давайте я вам покажу ванную.

Она была высокая и стройная. Лет сорока пяти. В джинсах и простой белой рубашке. Светлые волосы распущены. Вид уверенный и процветающий. На ее руках с коротко подстриженными ногтями Гамаш заметил белые пятнышки краски.

Рядом с ней стоял улыбающийся Марк Жильбер, довольный возможностью продемонстрировать свое творение. А Гамаш, как никто другой, знал, что воскрешение старого дома Хадли было настоящим актом творения.

Марк тоже был высок — больше шести футов. Чуть выше Гамаша и фунтов на двадцать легче. Он носил коротко подстриженные, почти под

корень, волосы, и создавалось впечатление, что если он их отрастит, то его залысины станут заметнее. Его жизнерадостные голубые глаза смотрели проницательно, а манера общения была приветливая и энергичная. Но если его жена чувствовала себя спокойно, то в манерах Марка Жильбера было что-то дерганое. Не столько нервного характера, сколько эмоционального.

«Он ждет моего одобрения, — подумал Гамаш. — Не так уж необычно для человека, показывающего столь важное для него детище». Доминик продемонстрировала особенности ванной с ее голубоватой плиткой, джакузи и отдельной душевой кабиной. Она гордилась проделанной работой, но ей восторги Гамаша, похоже, не требовались.

В отличие от Марка.

Дать Марку то, что он хотел, было не трудно. На Гамаша увиденное и в самом деле произвело впечатление.

— А эту дверь мы сделали только на прошлой неделе, — сказал Марк.

Открыв дверь ванной, они шагнули на балкон. Он располагался в задней части дома и выходил в сад, за которым простирались поля.

У стола стояли четыре стула.

— Я подумала, что можно поговорить здесь, — раздался голос сзади.

Марк поспешил взять из рук матери поднос, на котором стояли стаканы чая со льдом и вазочка с булочками.

— Присядем? — Доминик показала на стол, и Гамаш отодвинул стул для Кароль.

— Merci. — Пожилая женщина села.

— Ну, за второй шанс, — сказал старший инспектор.

Он поднял свой стакан в шутливом тосте, одновременно разглядывая хозяев. Трех людей, которые волею судеб оказались в этом печальном, разрушенном, заброшенном доме. Трех людей, которые дали дому новую жизнь.

А дом отвечал на это теплом.

— Тут еще есть что сделать, — сказал Марк, — но руки пока не дошли.

— Надеемся ко Дню благодарения принять первых гостей, — сообщила Доминик. — Если Кароль оторвется от стула и поможет. Но пока она отказывается вкапывать столбики для ограды или заливать бетон.

— Ну разве что сегодня днем, — со смехом произнесла Кароль Жильбер.

— Я обратил внимание, тут есть кое-какие старые вещи. Вы привезли их из дома? — спросил Гамаш.

Кароль кивнула:

— Мы соединили наши пожитки в одну кучу. Но еще много чего придется докупить.

— У Оливье?

— Кое-что. — Это был самый короткий ответ, услышанный здесь Гамашем до этой минуты.

Он ждал еще чего-нибудь.

— Мы купили у него чудесный коврик, — сказала Доминик. — Тот, что в холле при входе, кажется.

— Нет, он в подвале, — отрезал Марк.

Он попытался смягчить неловкость улыбкой, но получилось плоховато.

— И еще, кажется, несколько стульев, — тут же добавила Кароль.

Это составляло около одной сотой всей мебели в громадном доме. Гамаш отхлебнул чай, поглядывая на хозяев.

— Остальное мы купили в Монреале, — сказал Марк. — На рю Нотр-Дам. Знаете?

Гамаш кивнул, и Марк начал рассказывать, как они ходили туда-сюда по знаменитой улице, на которой есть множество антикварных магазинов. Некоторые торгуют просто рухлядью, но кое-где можно найти настоящие шедевры, бесценные произведения старины.

— Старик Мюнден ремонтирует кое-какие вещички, что мы купили на гаражных распродажах. Только не говорите гостям, — сказала Доминик со смехом.

— Я слышал, вы приглашали к себе на работу ребят из бистро Оливье? — закинул удочку Гамаш.

Марк покраснел.

— Кто это вам сказал? Оливье? — недовольным голосом спросил он.

— Это верно?

— Ну а если и верно? Он платит им практически рабское жалованье.

— И кто-то из них согласился?

Марк помедлил, потом ответил, что нет.

— Но только потому, что он увеличил им жалованье. Хоть это мы для них сделали.

Доминик слушала его, испытывая неловкость. Она взяла мужа за руку:

— Я уверена, что они к тому же преданы Оливье. Похоже, им он нравится.

Марк фыркнул, подавляя гнев. Гамаш понял: этот человек не умеет мириться с тем, что его желание не удается воплотить в жизнь. Но его жена видела, как это может выглядеть со стороны, и попыталась вразумить его.

— Понимаете, он оболгал нас перед всей деревней. — Марк не хотел просто так бросать эту тему.

— Ничего, все это забудется, — сказала Кароль, озабоченно глядя на сына. — Тут живет очень милая чета художников.

— Питер и Клара Морроу, — подхватила Доминик. — Да, они мне нравятся. Она говорит, что с удовольствием будет ездить на лошадях, когда они появятся.

— А когда это случится? — спросил Гамаш.

— Сегодня к вечеру.

— Vraiment?[34] Это будет удовольствие для вас. И сколько лошадей?

— Четыре, — ответил Марк. — Чистокровные.

— Но ты, кажется, купила немного других, — сказала Кароль, повернувшись к невестке.

— Правда? Я думал, ты хочешь чистокровных, — протянул Марк.

— Я хотела, но потом увидела гонтеров[35] и решила, что если уж мы живем за городом, то это вполне приемлемо. — Она снова посмотрела на Гамаша. — Нет, охотиться я не собираюсь. Это просто порода лошадей.

— У них мощный прыжок, — кивнул он.

— Вы ездите верхом?

— Не ахти как, но мне нравилось. Вот уже сколько лет не садился в седло.

— Приходите к нам, — сказала Кароль, хотя они все знали, что он почти наверняка не сможет втиснуться в бриджи для езды и забраться на гонтера.

Гамаш улыбнулся, подумав о том, как бы на такое приглашение отреагировал Габри.

— А какие у них клички?

Доминик задумалась, и ей на выручку пришла свекровь:

— Трудно запомнить, да? Но одного, кажется, зовут Гром.

— Да, верно. Гром, Солдат, Троянец и… как там четвертого? — Доминик повернулась к Кароль.

— Молния.

— Правда? Гром и Молния? — спросил Марк.

— Они братья, — ответила Доминик.

Допив чай со льдом и оставив от булочек одни крошки, они поднялись и пошли в дом.

— Почему вы переехали сюда? — спросил Гамаш, когда они спускались на нижний этаж.

— Pardon? — переспросила Доминик.

— Почему вы переехали за город и конкретно в Три Сосны? Найти эту деревню не так-то просто.

— Нам здесь понравилось.

— Вы не хотите, чтобы вас нашли? — спросил Гамаш.

Хотя это прозвучало с юмором, его глаза смотрели остро.

— Мы искали тишины и покоя, — ответила Кароль.

— Мы хотели попробовать свои силы, — сказал ее сын.

— Мы хотели перемен. Ты не забыл? — Доминик повернулась к Гамашу: — У нас обоих была хорошо оплачиваемая работа в Монреале, но мы устали. Сгорели на работе.

— Ну, это не совсем так, — возразил Марк.

— Очень близко к действительности. Продолжать дальше мы не могли. И не хотели.

Она не стала дальше развивать эту тему, понимая, что Марк не хочет признавать случившееся. Бессонница, приступы паники. Потребность остановить машину на хайвее, чтобы перевести дыхание. Потребность оторвать руки от рулевого колеса. Он терял контроль над собой.

День за днем ездил он на работу в таком состоянии. Недели, месяцы. Год. Наконец он признался Доминик, что его силы на исходе. Они уехали на уик-энд — первый за несколько лет. И у них состоялся откровенный разговор.

У Доминик не было приступов паники, зато она испытывала нечто другое. Растущее ощущение опустошенности. Бесполезности. Она просыпалась каждое утро и убеждала себя в том, что ее работа — рекламная деятельность — имеет смысл.

Убеждать себя становилось все труднее.

И тогда Доминик вспомнила о чем-то давным-давно забытом. О детской мечте — жить за городом и иметь лошадей.

Она хотела иметь гостиницу. Принимать людей, заботиться о них. Своих детей у них не было, и она испытывала потребность заботиться о ком-нибудь. Они оставили Монреаль, оставили работу, которая вгоняла их в стресс, оставили жизнь в городской суете. Они приехали в Три Сосны с сумками денег, чтобы сначала излечиться самим. А потом излечить других.

Рану дома они явно залечили.

— Как-то в субботу мы увидели в «Газетт» объявление о продаже этого места, приехали сюда и купили его, — сказала Доминик.

— По вашим словам, все получилось очень просто.

— Так оно и было, поверьте, как только мы решили, чего хотим.

Глядя на нее, Гамаш вполне верил ее словам. Она знала кое-что очень важное, о чем многие и не догадываются. Она знала, что люди сами творят свою судьбу.

И это делало ее могущественной.

— А вы, мадам? — Гамаш повернулся к Кароль Жильбер.

— Я уже давно не работаю.

— И жили в Квебек-Сити, насколько я понимаю.

— Верно. Я оставила работу и переехала туда после смерти мужа.

— Désole.[36]

— Ну, это было много лет назад. Но когда Марк и Доминик пригласили меня сюда, мне показалось, что в этом что-то есть.

— Вы работали медсестрой? Ваши профессиональные знания понадобятся в спа.

— Надеюсь, что нет, — рассмеялась она. — Ты ведь не планируешь калечить людей? — спросила она Доминик. — Спаси Господь любого, кто обратится ко мне за помощью.

Они снова оказались в гостиной, и старший инспектор остановился у высокого окна, потом повернулся лицом к комнате.

— Спасибо вам за экскурсию. И за чай. Но у меня к вам есть несколько вопросов.

— Касательно убийства в бистро, — сказал Марк и шагнул чуть ближе к жене. — Убийство как-то не вяжется с этой деревней.

— Да, ни за что не скажешь, верно? — проговорил Гамаш, спрашивая себя, рассказал ли им кто-нибудь историю этого дома. Возможно, подробности не были указаны в описании агента по продаже недвижимости. — Для начала хочу вас спросить, не видели ли вы поблизости посторонних.

— Для нас все посторонние, — сказала Кароль. — Мы уже знаем большинство жителей деревни, по крайней мере здороваемся, но на этот уик-энд здесь полно людей, которых мы не знаем.

— Этого человека трудно было бы не заметить. Он выглядел как бродяга.

— Нет, никого подобного я не видел, — ответил Марк. — А ты, мама?

— Никого.

— Где вы были в субботу вечером и рано утром в воскресенье?

— Марк, ты, кажется, первым отправился спать. Он обычно первым ложится. А мы с Доминик смотрели «Тележурнал» по «Радио Кэнада», а потом тоже пошли спать.

— Около одиннадцати, кажется, — добавила Доминик.

— А ночью никто из вас не вставал?

— Я вставала, — сказала Кароль. — Ненадолго. В туалет.

— Почему вы об этом спрашиваете? — поинтересовалась Доминик. — Убийство произошло в бистро. К нам это не имеет никакого отношения.

Гамаш повернулся и показал на окно:

— Вот почему я спрашиваю.

Они посмотрели в окно. Внизу, в деревне люди укладывали вещи в машины, обнимались. Взрослые звали детей, и те неохотно бросали игры на деревенском лугу и шли к машинам. Молодая женщина быстро шагала по рю Дю-Мулен в сторону старого дома Хадли.

— Ваш дом — единственный, из которого видна вся деревня, и единственный, откуда видно бистро. Если убийца включал там свет, то вы могли это видеть.

— Наши спальни с другой стороны дома, — сказала Доминик.

Гамаш уже отметил это во время экскурсии.

— Верно. Но я надеялся, что у кого-то из вас могла случиться бессонница.

— Извините, инспектор, но мы здесь спим мертвым сном.

Гамаш не сказал о том, что мертвецы в старом доме Хадли никогда не спали хорошо.

В этот момент позвонили в дверь, и Жильберы вздрогнули — они никого не ждали. Но Гамаш ждал. Он видел, что по рю Дю-Мулен из деревни в их сторону идет агент Лакост.

Что-то произошло.

— Позвольте сказать вам кое-что наедине, — сказала Изабель Лакост после представления.

Жильберы поняли намек, и, когда они вышли, агент Лакост сообщила Гамашу:

— Звонила коронер. Жертву убили не в бистро.

Глава одиннадцатая

Мирна постучала в дверь бистро и отворила ее.

— Эй, хозяева, как вы там? — проговорила она в сумерки помещения.

Впервые за все то время, что она провела в Трех Соснах, в бистро в рабочее время не горел свет. Оливье открывался даже в Рождество.

Оливье сидел в кресле, глядя перед собой. Он посмотрел на нее и улыбнулся:

— Отлично.

— Отлично в понимании Рут? Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно?

— Можно и так сказать.

Мирна села напротив него и предложила чашку чая, принесенную из своего магазина. Чай был крепкий, горячий, с молоком и сахаром. «Ред роуз». Ничего необычного.

— Хочешь поговорить?

Она сидела тихо, глядя на своего друга. Она знала его лицо, отмечала едва заметные изменения, происходившие с ним в течение нескольких лет. Морщинки вокруг глаз, редеющие светлые волосы. Не изменилось, насколько она могла судить, то, что было невидимо глазу, но очевидно душе. Его доброе сердце, его внимательность. Если кто-то заболевал, Оливье первым приносил больному бульон. Первым приезжал в больницу. Всегда был готов почитать вслух кому-нибудь слишком слабому, уставшему и стоящему у того края, где делать это самому больше нет сил. Габри, Мирна, Клара — все они агитировали обитателей деревни помогать страждущим, и когда те приходили на помощь, Оливье уже был там.

Теперь настала их очередь помочь ему.

— Не знаю, захочется ли мне когда-нибудь открыть бистро снова.

Мирна отхлебнула чай и кивнула:

— Это понятно. Тебе нанесли удар. Представляю, каким потрясением было для тебя увидеть его здесь. Я знаю, каким потрясением это было для меня, но это ведь не мое бистро.

«Нет, ты не можешь представить», — подумал Оливье. Он ничего не сказал, только смотрел пустым взглядом в окно. Он видел, как по рю Дю-Мулен из старого дома Хадли идут старший инспектор Гамаш и агент Лакост. Он молился, чтобы они прошли мимо. Не появились здесь. С их проницательными глазами и бьющими наповал вопросами.

— Вот думаю, не продать ли мне все это. Не уехать ли.

Его слова удивили Мирну, но она ничем этого не показала.

— Почему? — мягко спросила она.

Оливье покачал головой и опустил глаза на руки, лежащие на коленях:

— Все меняется. Все изменилось. Почему все не может оставаться таким, как прежде? Ты ведь знаешь, они забрали две кочерги от каминов. Мне кажется, Гамаш считает, что это сделал я.

— Уверена, ничего такого он не считает. Оливье, посмотри-ка на меня, — сказала Мирна требовательным тоном. — Что он там считает, не имеет значения. Мы знаем правду о тебе. А ты должен узнать кое-что про нас. Мы тебя любим. Ты думаешь, мы приходим сюда каждый день ради еды?

Он кивнул и слабо улыбнулся:

— Ты хочешь сказать, не ради круассанов? Не ради красного вина? Даже не ради шоколадного торта?

— Нет, конечно, и ради этого тоже. В особенности ради торта. Но послушай: мы приходим ради тебя. Ты — главное, что привлекает всех. Мы тебя любим, Оливье.

Оливье встретился с ней взглядом. Раньше он не понимал, что всегда боялся задавать себе этот вопрос: неужели их любовь обусловлена только его положением? Он был владельцем бистро, единственного в деревне. Они любили его за атмосферу и гостеприимство. За еду и выпивку. Этим и ограничивались их чувства к нему. Они любили его за то, что он давал им. Продавал им.

Без этого бистро он был для них ничто.

Откуда Мирне было известно то, в чем он сам себе боялся признаться? Он посмотрел на нее и улыбнулся. На ней был ее обычный цветастый кафтан. К ее следующему дню рождения Габри сшил ей зимний кафтан из фланели. Оливье представил себе, как она в этом кафтане заправляет в своей книжной лавке. Большой теплый фланелевый шар.

Тот мир, что несколько дней сжимал его в своих клещах, ослабил хватку.

— Мы едем на ярмарку в Брум. Сегодня последний день. Что скажешь? Может быть, тебя заинтересуют сахарная вата, крем-сода или бургер с бизоньей котлетой? Говорят, Уэйн сегодня собирается продемонстрировать приплод молочных поросят. Я знаю, как тебе нравятся хорошенькие маленькие поросятки.

Раз, всего лишь раз во время ежегодной ярмарки Оливье свозил их в свинарник посмотреть на поросят. С тех пор он слыл любителем поросят.

Но он не возражал. Так оно и было: ему нравились поросята. Он подозревал, что у него много общего с этими животными. Но на предложение Мирны он отрицательно покачал головой:

— Боюсь, я к этому не готов. Но ты поезжай. Привези мне чучело.

— Может, тебе нужна компания? Я могла бы остаться.

Оливье знал, что ее слова искренни, но ему нужно было побыть одному.

— Спасибо, но мне и в самом деле Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

— Ну, если тебе отлично… — сказала Мирна, вставая.

Проработав немало лет психотерапевтом, она умела слушать людей. Оставлять их наедине с самими собой.

Оливье смотрел в окно, как Мирна, Питер, Клара, Рут и утка Роза садятся в машину Морроу. Они помахали ему, он весело ответил им тем же. Мирна не махала — она только кивнула. Оливье опустил руку, перехватил ее взгляд и кивнул в ответ.

Он поверил ей, когда она сказала ему, что они его любят. Но еще он знал, что любят они человека, которого на самом деле не существует. Он был выдумкой. Знай они настоящего Оливье, они бы вышвырнули его из своей жизни и, возможно, из деревни.

Их машина преодолела подъем, направляясь в округ Брум на ярмарку, а он снова услышал те слова. Произнесенные в хижине, что спряталась в лесной чаще. Он ощутил запах горящего дерева, сушеных трав. И снова увидел Отшельника. Живого. Здорового. Испуганного.

И снова услышал ту историю, которая была не просто историей.

В давние времена Король Горы стерег сокровище. Он глубоко зарыл его и тысячу лет не отходил от этого места. Другие боги завидовали и сердились, предупреждали его, что если он не поделится с ними сокровищем, то они сделают что-нибудь ужасное.

Но Король Горы был самым сильным из богов, и он просто смеялся, зная, что ничего они не смогут с ним сделать. Он легко мог отбить любое нападение и отомстить им. Он был неуязвим. Он подготовился к их нападению. Ждал его. Но нападения так и не последовало.

Ничего так и не появилось. Никогда.

Ни копья, ни пики, ни боевого коня, ни всадника, ни собаки, ни птицы. Ни семени на ветру. Даже ветра не было.

Ничего. Никогда. Снова и снова.

Первым его начала донимать тишина, а потом — отсутствие прикосновения. Ничто не прикасалось к нему. Ни один ветерок не щекотал

его скалистую поверхность. Ни один муравей не ползал по нему, ни одна птица не садилась на него. Ни один червь не прополз внутрь.

Он не чувствовал ничего.

Пока однажды не пришел юноша.

Оливье усилием воли заставил себя вернуться в бистро. Тело его было напряжено, мышцы словно свела судорога. Ногти впились в ладони.

«Почему? — в миллионный раз спрашивал он себя. — Почему я сделал это?»

* * *

Прежде чем отправиться к коронеру, старший инспектор подошел к большому листу бумаги, приколотому к стене в оперативном штабе. На листе инспектор Бовуар красным фломастером написал:

Кем была жертва?

Почему его убили?

Кто его убил?

Чем его убили?

Вздохнув, старший инспектор добавил еще две строки.

Где он был убит?

Почему тело переместили?

Пока что по мере расследования обнаруживались не новые улики, а новые вопросы. Но ответы могли появиться лишь в одном случае — когда задавались вопросы. Гамаш недоумевал, но чувства неудовлетворенности не испытывал.

Жан Ги Бовуар уже ждал его у больницы Кауансвилла, они вошли туда вместе и спустились в подвал, где находились архив и морг.

— Я позвонила, как только поняла, что вижу, — сказала доктор Харрис после обмена приветствиями.

Она провела их в стерильную комнату, ярко освещенную лампами дневного света. Покойник лежал обнаженный на стальной поверхности каталки. Гамаш подумал, что хорошо бы укрыть его одеялом — возникало ощущение, что труп окоченел. Так оно и было на самом деле.

— Внутреннее кровотечение имелось, но незначительное. Из этой раны, — доктор указала на пролом в черепе, — кровь должна была вытечь на ту поверхность, на которую он упал.

— На полу бистро почти не было крови, — заметил Бовуар.

— Его убили где-то в другом месте, — с уверенностью сказала

коронер.

— Где? — спросил Гамаш.

— Вы хотите, чтобы я назвала адрес?

— Если вам не трудно, — улыбнулся старший инспектор.

Доктор Харрис улыбнулась ему в ответ:

— Адреса я, конечно, не знаю, но могу предъявить вам кое-что — возможно, у вас возникнут какие-то соображения.

Она подошла к лабораторному столу, на котором стояло несколько пузырьков с бирками. Один из пузырьков она передала старшему инспектору.

— Помните, я говорила, что в ране обнаружилось какое-то белое вещество? Я думала, это пепел. Или кость. Или даже перхоть. Ничего подобного.

Гамашу пришлось надеть очки, чтобы разглядеть крохотную белую чешуйку в пузырьке. Он прочел надпись на бирке.

«Найденный в ране парафин».

— Парафин? Это вроде воска?

— Да, обычно его называют парафиновый воск. Такой старомодный материал, как вы, вероятно, знаете. Прежде использовался для изготовления свечей, потом его заменили на другой, более устойчивый воск.

— Моя мать пользуется им, когда маринует что-нибудь, — вспомнил Бовуар. — Заливает крышку банки расплавленным воском для герметизации.

— Да, его и так использовали, — кивнула доктор Харрис.

Гамаш повернулся к Бовуару:

— Где была твоя мать вечером в субботу?

Бовуар рассмеялся:

— Единственный, кому она обещала проломить голову, это я. Но для общества она угрозы не представляет.

Гамаш вернул пузырек коронеру:

— У вас есть какие-нибудь предположения?

— Воск был довольно глубоко в ране, так что он находился либо на голове убитого, либо на орудии убийства.

— Банка с маринадом? — предположил Бовуар.

— В качестве орудия убийства использовались и более странные предметы, — сказал Гамаш, хотя ему в голову ничего такого не приходило.

Бовуар покачал головой. Видимо, убийца был англосаксом. Кто еще додумался бы превратить маринованные огурцы в орудие убийства?

— Значит, его убили не кочергой? — спросил Гамаш.

— Если и кочергой, то очень чистой. Ни малейших следов нагара. Только вот это. — Доктор Харрис кивнула в сторону пузырька. — Есть и еще кое-что. — Она подтащила лабораторное кресло к столу. — На его одежде, на спине, мы нашли вот это. Всего лишь следы, но они есть.

Она протянула Гамашу данные анализа и указала соответствующую строку. Гамаш прочитал:

— Акриловый полиуретан и окись алюминия. Это что такое?

— Это морилка для дерева фирмы «Варатан», — ответил Бовуар. — Мы недавно обновляли полы. Ее используют для покрытия после обработки песком.

— И не только для полов, — сказала доктор Харрис. — Ее часто используют во всяких работах с деревом для покрытия готового изделия. Если не считать раны на голове, покойный был в неплохой форме. Мог прожить еще лет двадцать пять — тридцать.

— Я смотрю, за несколько часов до смерти он поел, — заметил Гамаш, читая результаты вскрытия.

— Вегетарианец. Поклонник органики. Я это проверяю, — сказала коронер. — Здоровая вегетарианская пища. Это вам не обычный обед бродяги.

— Вероятно, кто-то пригласил его на обед, а потом убил, — предположил Бовуар.

Доктор Харрис помедлила:

— Я думала об этом. Не исключено.

— Но? — спросил Гамаш.

— Но похоже, он постоянно так питался. Не только в этот раз.

— Значит, он либо готовил для себя и выбирал здоровую диету, — сказал Гамаш, — либо ему кто-то готовил и они были вегетарианцами.

— Пожалуй, — согласилась коронер.

— Я смотрю, ни алкоголя, ни наркотиков, — сказал Бовуар, пробегая глазами отчет.

Доктор Харрис кивнула:

— Вряд ли он был бездомным бродягой. Не думаю, что кто-то о нем заботился, но уверена, что он сам заботился о себе.

«Какая великолепная эпитафия, — подумал Гамаш. — „Он заботился о себе“».

— Возможно, он был сурвивалистом, — выдвинул идею Бовуар. — Ну, вы знаете, один из этих чокнутых, которые бегут из города и прячутся в лесу, думая, что сейчас наступит конец света.

Гамаш повернулся к Бовуару. Эта мысль показалась ему интересной.

— Откровенно говоря, я в недоумении, — сказала коронер. — Как видите, его убили одним сильнейшим ударом по затылку. Это само по себе необычно. Нанести всего один удар… — Голос доктора Харрис замер, она покачала головой. — Обычно, если кто-то собирается прикончить другого человека, он пребывает в состоянии эмоциональной неуравновешенности. Он близок к истерике, он не может остановиться. И тогда мы видим множество ударов. Но один удар вроде этого…

— О чем он вам говорит? — спросил Гамаш, глядя на пробитый череп.

— Это преступление не было совершено в состоянии аффекта. Нет, эмоции, конечно, были. Но было и планирование. Тот, кто это сделал, пребывал в бешенстве. Но он вполне себя контролировал.

Брови Гамаша взметнулись. Такое случалось редко. Крайне редко. Сбивало следователей с толку. Смирять эмоции в таких случаях — это все равно что совладать с табуном диких жеребцов, которые ржут и встают на дыбы, раздувают ноздри, бьют копытами.

Кто может справиться с этим?

Убийца, которого они искали, смог.

Бовуар посмотрел на своего шефа, а тот — на Бовуара. Это было плохо.

Гамаш снова повернулся к холодному телу на холодной каталке. Если убитый был сурвивалистом, то из его стратегии выживания ничего не получилось. Если этот человек боялся конца света, то он недостаточно далеко убежал, недостаточно глубоко зарылся в канадскую глушь.

Конец света нашел его.

Глава двенадцатая

Доминик Жильбер стояла рядом со свекровью и смотрела на грунтовую дорогу. Время от времени им приходилось отходить в сторону, чтобы пропустить очередную машину с людьми, которые уезжали из Трех Сосен — спешили на последний день ярмарки или в город, стараясь успеть до часа пик.

Доминик и ее свекровь смотрели не в ту сторону, откуда ехали эти машины, а в другую сторону. В сторону дороги на Кауансвилл. Они ждали лошадей.

Доминик до сих пор удивлялась, почему она так начисто забыла свою детскую мечту. Впрочем, в этом, наверное, не было ничего удивительного, ведь, помимо этого, она мечтала выйти замуж за Кейта из сериала «Семья Партридж» или оказаться одной из спасшихся царевен Романовых. Ее фантазии о лошадях исчезли вместе с другими несбыточными мечтами, их сменили мысли о заседаниях совета директоров, встречах с клиентами, фитнес-клубах и возрастающих ценах на одежду. Наконец ее чаша переполнилась, ее настроение коренным образом изменилось, и все эти замечательные восхождения по служебной лестнице, отпуска, спа-процедуры перестали ее интересовать. Но на дне этой чаши, наполненной целями, стремлениями, желаниями, оставалась одна последняя капля.

Ее мечта. О собственной лошади.

Девчонкой она ездила верхом. Она чувствовала себя свободной, когда ветер трепал волосы, а поводья легко лежали в руках. Опасности исчезали. Неискоренимые волнения умненькой маленькой девочки уходили.

Много лет спустя, когда неудовлетворенность обернулась отчаянием, когда ее душа устала, когда она с трудом заставляла себя вставать с постели по утрам, эта детская мечта вернулась. Как кавалерия, как Канадская королевская конная полиция, скачущая ей на выручку.

Лошади спасут ее. Эти великолепные существа, которые так любят своих хозяев, что скачут с ними в бой, когда вокруг рвутся снаряды, когда царит ужас, когда кричат люди и лязгает оружие. Если наездник подстегивает их — они скачут вперед.

Разве можно было не любить это?

В одно прекрасное утро Доминик проснулась, зная, *что* теперь нужно делать. Чтобы сохранить разум. Чтобы сохранить душу. Они должны бросить свою работу и купить дом за городом. И обзавестись лошадьми.

Когда они купили старый дом Хадли и Рор начал строить сарай, Доминик отправилась на поиски лошадей. Много месяцев она подыскивала идеальную породу, идеальный темперамент. Идеальный рост, вес, даже масть. Пегую с белой гривой или серую в яблоках? Доминик вспомнила все эти слова из детства. Все картинки, выдранные из календарей и приклеенные к стене в ее комнате рядом с Кейтом Партриджем. Черную лошадь с белыми носками; могучего, своенравного серого жеребца; лошадь арабской породы, благородную, исполненную чувства собственного достоинства, сильную.

Наконец Доминик остановилась на четырех великолепных гонтерах. Высоких, лоснящихся. Два гнедых, один черный и один весь белый.

— Я слышу грузовик, — сказала Кароль, взяла невестку за руку и легонько сжала ее. Легонько, как держат поводья.

И вот грузовик появился. Доминик помахала, грузовик замедлил ход, а потом, следуя ее указаниям, проехал во двор и остановился рядом с новеньким сараем.

Из фургона вывели четырех лошадей, их копыта постукивали по деревянному пандусу. Когда все лошади оказались во дворе, водитель подошел к женщинам, кинул сигарету на землю, растер ее каблуком.

— Вам нужно расписаться, мадам. — Он протянул им папку с накладной.

Доминик взяла ее, не отрывая глаз от лошадей, расписалась, дала водителю чаевые.

Он взял деньги, перевел взгляд с двух зачарованных женщин на лошадей.

— Вы уверены, что хотите оставить их?

— Уверена, спасибо, — сказала Доминик с большей уверенностью, чем испытывала.

Теперь, когда животные были здесь и ее мечта сбылась, ей вдруг стало ясно: она не знает, как ухаживать за лошадью. Не говоря уже о четырех. Водитель проникся к ним сочувствием:

— Хотите, я заведу их в стойла?

— Нет, мы сами. Мы можем. Merci.

Она хотела, чтобы он поскорее уехал. Чтобы не видел ее неуверенности, ее неловкости, ее неумения. Доминик Жильбер не любила выглядеть неумехой. Но теперь, подумала она, ей придется привыкать к этой роли.

Водитель сдал пустую машину назад и скрылся из виду. Кароль повернулась к Доминик и сказала:

— Ну, ma belle,[37] я подозреваю, что мы не сумеем сделать ничего хуже, чем их последние владельцы.

Когда грузовик развернулся и поехал назад в Кауансвилл, они увидели надпись, сделанную по трафарету на задней двери. Черными, жирными буквами, чтобы не оставалось никаких сомнений. «СКОТОБОЙНЯ». Потом женщины повернулись к четырем грустным животным. Их гривы и хвосты были спутаны, глаза выпучены, спины провалены. Копыта заросли, шерсть покрылась грязью и язвами.

— Так «звонят колокола небес»,[38] — прошептала Кароль.

Доминик не знала про колокола небес, но в ушах у нее стоял звон. Что она натворила? Она сделала шаг вперед и протянула морковку первой из лошадей — замученной старой кобыле по кличке Ромашка. Лошадь, не привыкшая к доброте, помедлила. Потом шагнула к Доминик и большими чувственными губами взяла сладкую морковку из ее руки.

Доминик отменила покупку великолепных гонтеров и решила купить лошадей, отправленных на скотобойню. Если она предполагала спастись с их помощью, то для начала как минимум должна была спасти их.

Полтора часа спустя Доминик, Кароль и четыре лошади все еще стояли перед сараем. Но теперь с ними был ветеринар.

— Сначала их нужно вымыть, а потом втирать эту мазь в язвы. — Он передал Доминик ведерко с мазью. — Два раза в день, утром и вечером.

— А ездить на них можно? — спросила Кароль, держа поводья самой крупной из лошадей.

Про себя она думала, что это и не лошадь вовсе, а лось. Звали ее Макарони.

— Mais oui.[39] Я бы это советовал.

Ветеринар снова прошел между ними, большими уверенными руками ощупывая каждое животное.

— Pauvre cheval,[40] — прошептал он на ухо старой кобыле по кличке Ромашка; ее грива почти вся выпала, хвост поредел, шерсть была покрыта грязью. — Им нужны упражнения, хорошая еда и вода. Но главным образом им необходимо внимание.

Закончив осмотр, ветеринар покачал головой:

— Хорошая новость в том, что ни у одной из них нет никаких особо страшных недугов. Их просто оставили помирать в топких полях и холодных сараях. Никогда за ними не ухаживали. Бросили на произвол судьбы. Но вот этому… — Он подошел к темному коню с выпученными глазами, и тот отпрянул в сторону. Ветеринар подождал и подошел снова,

не спеша, производя успокаивающие звуки, пока лошадь не перестала бояться. — Этому доставалось. Вот, можете посмотреть. — Он показал шрамы на боках лошади. — Он боится. Как его зовут?

Доминик заглянула в счет, выставленный скотобойней, потом посмотрела на Кароль.

— Что такое? — спросила старшая женщина и подошла, чтобы прочесть самой. — Боже, — сказала она и посмотрела на ветеринара. — Можно изменить кличку лошади?

— В обычном случае я бы сказал — да. Но не с этим конем. Ему требуется некоторое постоянство. Они привыкают к своим именам. А в чем дело?

— Его зовут Марк.

— Я слыхал имена и похуже, — заметил ветеринар, собирая вещи.

Женщины переглянулись. Марк (ее муж, не конь) пока понятия не имел, что Доминик поменяла гонтеров на этих кляч. Он почти наверняка не обрадуется. Она надеялась, что он не заметит, а назови она ему сильные, мужественные имена вроде Гром или Солдат, так и вовсе не обратит внимания. Но он явно заметит полуслепую, в шрамах, запуганную развалину по имени Марк.

— Постарайтесь поскорее взять их под седло, — сказал ветеринар из машины. — Поначалу просто выгуливайте, чтобы они набрались силы. — Он дружески улыбнулся женщинам. — Все будет хорошо. Не волнуйтесь. Этим четырем лошадкам повезло.

Сказав это, он уехал.

— Oui, — кивнула Кароль. — Повезло, пока мы не оседлаем их не с той стороны.

— Кажется, седло крепится посредине, — сказала Доминик.

— Merde, — сказала Кароль.

* * *

Полиция искала кровь. Если жертву убили не в бистро, а где-то в другом месте, то им нужно было найти место преступления. Кровь была пролита, и немало крови. И хотя у убийцы было два дня, чтобы замести следы, кровь оставляла пятна. Кровь впитывалась. Полностью уничтожить следы такого жестокого убийства было бы невозможно. Полиция обыскала все дома, все лавочки, все сараи, гаражи, будки в Трех Соснах и вокруг. Жан Ги Бовуар координировал эти действия, отправлял команды

полицейских в разные места деревни и окрестностей. Он оставался в оперативном штабе, выслушивал сообщения, руководил, иногда устраивал выволочки — терпение его иссякало по мере поступления безрезультатных докладов.

Ничего.

Ни малейшего признака места преступления или орудия убийства. Даже в старом доме Хадли, где на полах не обнаружилось ни малейшего следа крови. Анализ, которому были подвергнуты две кочерги Оливье, подтвердил, что они не являются орудием убийства. Оно находилось где-то там. Бог знает где.

Они нашли пропавшие сапоги Гилейн и погреб под домом месье Беливо, давно заросший и заброшенный, где, однако, все еще стояли банки с маринадами и бутылки с сидром. На чердаке Рут обнаружилось гнездо белки, что, видимо, было неудивительно, а в прихожей Мирны — подозрительные семена, которые оказались семенами алтея.

И больше ничего.

— Будем расширять площадь поисков, — сказал по телефону Бовуар старшему инспектору.

— Что ж, неплохая мысль. — Однако в голосе Гамаша не слышалось уверенности.

До Бовуара через трубку доносились колокола, музыка и смех.

Арман Гамаш был на ярмарке.

* * *

Ярмарке округа Брум было больше сотни лет, на нее съезжались люди из всех близлежащих городков. Подобно большинству ярмарок, эта началась как место собрания фермеров, где они показывали свой скот, продавали осенние продукты, заключали сделки, встречались с друзьями. В одном сарае производилась оценка товара, в другом выставлялись всевозможные поделки. В длинных рядах открытых ларьков продавалась выпечка, дети выстраивались в очередь за лакричными трубочками и кленовым сиропом, попкорном и свежими пышками.

Это был последний летний праздник, мостик в осень.

Арман Гамаш прошел мимо аттракционов и лотков, посмотрел на часы. Время пришло. Он направился к полю за сараями, где собралась толпа. Там соревновались метальщики резиновых сапог.

Стоя на краю поля, он смотрел, как выстраиваются в линию дети и

взрослые. Молодой человек, который был здесь старшим, утихомирил собравшихся, раздал им всем по старому резиновому сапогу и, отойдя подальше, поднял руку. И замер.

Напряжение было почти что невыносимым.

Потом он резко опустил руку, словно топор.

Люди в ряду одновременно подняли руки и выбросили их вперед — и под одобрительные крики болельщиков разразился настоящий ураган из резиновых сапог.

В это мгновение Гамаш понял, почему ему досталось такое неожиданно хорошее место на краю поля. По меньшей мере три сапога полетели в его сторону.

Он повернулся и наклонился, инстинктивно закрыв голову руками, чтобы ее защитить. Сапоги с глухим стуком приземлились вокруг — в него ни один не попал.

Молодой человек, отвечавший за соревнование, подбежал к нему:

— Вы в порядке?

У парня были курчавые каштановые волосы, казавшиеся рыжеватыми на солнце. С загорелого лица смотрели светло-голубые глаза. Он был поразительно красив. И рассержен.

— Вы не должны были здесь находиться. Я был уверен, что вы отсюда уйдете.

Он смотрел на Гамаша как на человека, совершившего величайшую глупость.

— C’était ma faute,[41] — сказал Гамаш. — Прошу прощения. Я ищу Старика Мюндена.

— Это я.

Гамаш взглянул на зардевшегося красивого парня.

— А вы — старший инспектор Гамаш. — Парень протянул руку, большую, мозолистую. — Я видел вас в Трех Соснах. А ваша жена, кажется, участвовала в выступлении чечеточников в День Канады?

Гамаш не мог оторвать взгляда от молодого человека, исполненного такой энергии и света. Он кивнул.

— Я так и думал. Я был одним из скрипачей. Это меня вы искали?

За спиной Старика Мюндена собирались люди, смотрели на него. Он кинул взгляд в их сторону — взгляд спокойный, безмятежный.

— Я бы хотел поговорить, когда у вас будет свободная минутка.

— Конечно. У нас еще по два броска, а потом я свободен. Хотите попробовать?

Он предложил Гамашу один из сапог, чуть не попавших ему в голову.

— Что я должен делать? — спросил Гамаш, вместе с сапогом направляясь за Мюнденом в сторону соревнующихся.

— Это соревнование по бросанию сапог, — ответил Старик Мюнден, хохотнув. — Думаю, вы сами сообразите.

Гамаш улыбнулся. В этот день он явно был не на высоте. Он занял место рядом с Кларой и устремил взгляд на Старика Мюндена, который отвел в ряд красивую молодую женщину и ребенка лет шести, опустился на колено и дал мальчику маленький сапожок.

— Это Шарль, — сказала Клара. — Его сын.

Гамаш снова посмотрел на ребенка. Шарль Мюнден тоже был красив. Он смеялся, поворачивался не в ту сторону, его родители терпеливо наставляли его. Старик Мюнден поцеловал сына и побежал назад к ряду участников.

Гамаш увидел, что у Шарля Мюндена синдром Дауна.

— Готовы? — крикнул Мюнден, подняв руку. — Внимание!

Гамаш ухватил свой сапог и посмотрел на Питера и Клару, уставившихся вперед.

— Бросай!

Гамаш завел руку назад и почувствовал, как сапог ударил его по спине. Потом он выбросил руку вперед, грязный сапог выскользнул из его хватки, пролетел фута два и упал немного в стороне.

Клара держала свой сапог сильнее, но и у нее он вырвался и полетел вверх.

— Берегись! — закричали все как один и задрали голову, чтобы увидеть, не на них ли выпадет сапог из слепящего солнца.

Сапог упал на Питера. К счастью, это был маленький розовый детский сапожок — он отлетел от Питера, не причинив ему никакого вреда. За спиной Гамаша Габри и Мирна спорили, сколько времени понадобится Кларе, чтобы придумать объяснение своей неудаче, и каким будет это объяснение.

— Ставлю десять долларов на то, что она скажет: «Сапог был мокрый», — сказала Мирна.

— Нет, это она говорила в прошлом году. Как насчет «Питер сам встал под него»?

— Принято.

Клара и Питер подошли к ним.

— Вы представляете, мне опять дали мокрый сапог!

Габри и Мирна разразились смехом, а Клара, широко улыбаясь, поймала взгляд Гамаша. Деньги перешли из одних рук в другие. Клара

наклонилась к Гамашу и шепнула:

— На следующий год я скажу, что Питер сам встал под него. Можете ставить деньги.

— А если сапог в него не попадет?

— Всегда попадает, — серьезно ответила она. — Питер просто бросается под него.

— Да, я слышал.

Мирна помахала Рут — та, прихрамывая, шла к ним с другой стороны поля, за ней ковыляла Роза. Рут помахала Мирне рукой с выставленным средним пальцем. Увидев это, Шарль Мюнден тоже помахал всем, выставив палец.

— Рут не участвует в кидании сапога? — спросил Гамаш.

— Она не любит развлечения, — объяснил Питер. — Она приехала поискать детскую одежду в павильоне поделок.

— Зачем?

— Кто может сказать, зачем Рут делает то или иное? — проворчала Мирна. — Есть какой-нибудь прогресс в расследовании?

— Да, есть одно важное открытие, — ответил Гамаш, и все окружили его плотным кольцом. Даже Рут подошла. — Коронер говорит, что покойный был убит не в бистро. Его убили в другом месте и перенесли в бистро.

Теперь он отчетливо слышал шумы ярмарки. Лоточники предлагали огромные плюшевые игрушки тем, кто сумеет сбить жестяную уточку. Звенели колокольцы, привлекая внимание к играм, зазывала сообщал, что выставка лошадей начнется с минуты на минуту. Но слушатели Гамаша молчали. Наконец Клара заговорила:

— Это добрая весть для Оливье, верно?

— Вы хотите сказать, что это выводит его из круга подозреваемых? — сказал Гамаш. — Пожалуй. Но вызывает много новых вопросов.

— Например, как тело попало в бистро, — подхватила Мирна.

— И где он был убит, — добавил Питер.

— Мы обыскиваем деревню. Дом за домом.

— Что? — спросил Питер. — Без нашего разрешения?

— У нас есть ордера, — ответил Гамаш, удивленный его резкой реакцией.

— И тем не менее это нарушение наших прав. Вы знали, что мы вернемся. Могли бы и подождать.

— Мог, но решил, что не стоит терять время. Это ведь был не дружеский визит, и, откровенно говоря, ваши чувства тут не так важны.

— Как, судя по всему, и наши права.

— Это неверно, — твердо произнес старший инспектор. Чем сильнее горячился Питер, тем спокойнее становился Гамаш. — У нас есть ордера. А ваше право на неприкосновенность, боюсь, закончилось, когда в вашей деревне произошло убийство. Ваши права нарушили не мы, а убийца. Не забывайте об этом. Вы должны помогать нам, то есть отойти в сторону и позволить нам делать нашу работу.

— Позволить вам обыскивать наши дома, — сказал Питер. — Что бы вы чувствовали на нашем месте?

— Мне бы это тоже не понравилось, — признал Гамаш. — А кому бы понравилось? Но надеюсь, я бы понял. Видите ли, это только начало. Дальше будет хуже. И прежде чем это закончится, мы будем знать, где все спрятано.

Он жестким взглядом посмотрел на Питера.

Питер увидел закрытую дверь в свою студию. Он представил, как полицейские открывают ее. Включают свет. Входят в самое сокровенное его пространство. Место, где обитает его искусство. Его сердце. Там, под полотном, находились его последние работы. Спрятанные. Подальше от критических глаз.

Но теперь посторонние люди откроют эту дверь, поднимут полотно и увидят картины. Что они подумают?

— Пока, насколько мне известно, мы не нашли ничего, если не считать пропавших сапог Гилейн.

— Так вы их нашли, — сказала Рут. — Эта старая сука обвиняла меня в том, что я их у нее похитила.

— Они были найдены в живой изгороди между ее домом и вашим, — уточнил Гамаш.

— Подумать только, — пробормотала Рут.

Гамаш заметил, что Мюндены ждут его на краю поля.

— Прошу меня простить.

Он быстро подошел к молодой паре и их сыну, и все вместе они направились к палатке Старика Мюндена. Там было полно изготовленной вручную мебели. Гамаш знал, что по выбору профессии всегда можно судить о человеке. Мюнден решил изготавливать мебель, изящную мебель. Зоркий глаз Гамаша скользил по столам, шкафам, стульям. Это была тщательная, кропотливая работа. Все соединения плотно подогнаны друг к другу без всяких гвоздей, все детали великолепные, наборные, обработка ровнейшая. Все безупречно. Такая работа требовала времени и терпения. И молодому плотнику наверняка не удавалось получить за свою работу

столько, сколько стоили эти столы, стулья, буфеты на самом деле.

Но Старик Мюнден все равно делал то, что делал. Необычно для молодого человека в нынешнее время.

— Чем мы можем помочь? — спросила Жена, дружелюбно улыбаясь.

У нее были очень темные короткие волосы и большие задумчивые глаза. Одежда на ней была многослойная и казалась одновременно удобной и богемной. Мать-земля замужем за плотником, как-то так.

— У меня к вам несколько вопросов. Но сначала расскажите мне про вашу мебель. Она великолепна.

— Merci, — слегка поклонился Мюнден. — Большую часть года я делаю мебель, чтобы продать ее на ярмарке.

Гамаш провел своей большой ладонью по ровной поверхности комода:

— Великолепная полировка. Пользуетесь парафином?

— Нет, мы пока не хотим, чтобы наша мебель возгоралась, — рассмеялся Старик. — Парафин — легковоспламеняющееся вещество.

— Тогда, наверное, морилкой?

Красивое лицо Старика Мюндена сморщилось в улыбке.

— Вы, вероятно, приняли нас за «ИКЕА». Дешево и сердито, — пошутил он. — Нет, мы пользуемся пчелиным воском.

«Мы», — подумал Гамаш. Он наблюдал за этой молодой парой всего несколько минут, но успел понять, что они представляют собой сплоченную команду.

— И много удается продать на ярмарке? — спросил он.

— Это все, что осталось, — сказала Жена, показывая на несколько изысканных предметов.

— Все это будет продано сегодня к окончанию ярмарки, — заявил Старик Мюнден. — Потом нужно будет начинать все сначала. Осень — важная часть года, в это время идешь в лес и ищешь дерево. Большую часть работы я делаю зимой.

— Я хотел бы посмотреть вашу мастерскую.

— В любое время.

— Как насчет сейчас?

Старик Мюнден уставился на Гамаша, а тот на него.

— Сейчас?

— С этим есть какие-то трудности?

— Понимаете…

— Ничего страшного, Старик, — сказала Жена. — Я тут присмотрю за всем. А ты поезжай.

— Если не возражаете, мы возьмем с собой Шарля, — сказал Старик

Гамашу. — Жене будет трудно управляться с ним и с клиентами.

— Я настаиваю на том, чтобы он поехал с нами, — сказал Гамаш, протягивая руку мальчику, который ухватился за нее без всяких колебаний.

Гамаш почувствовал укол в сердце, когда он понял, как важен для родителей этот мальчик, какой ценностью он навсегда останется для них. Ребенок, который живет в постоянном состоянии доверчивости.

И как трудно будет родителям защитить его.

— Я за ним присмотрю, не волнуйтесь, — сказал Гамаш Жене.

— Я не за него беспокоюсь, а за вас, — возразила она.

— Прошу прощения, — сказал Гамаш, протягивая ей руку. — Не знаю вашего имени.

— Вообще-то, меня зовут Мишель, но все называют меня Жена.

Рука у нее была жесткая, мозолистая, как и у мужа, но голос был красивый, полный теплоты. Это голос немного напомнил ему Рейн-Мари.

— Почему? — спросил Гамаш.

— Началось это с шутки, а потом прилепилось. Старик и Жена. И эти прозвища нам подходят.

Гамаш согласился с ней. Прозвища и в самом деле подходили этой паре, которая жила в своем собственном мире среди собственных прекрасных творений.

— Пока. — Шарль помахал рукой, выставив средний палец.

— Фу, как нехорошо, — пожурила его мать.

— Это не я придумал, — возразил он, но не стал ябедничать на Рут.

Старик пристегнул сына к сиденью, и они выехали с парковки.

— А Старик ваше настоящее имя?

— Меня всю жизнь звали Старик, но мое настоящее имя Патрик.

— Давно вы здесь живете?

— В Трех Соснах? Несколько лет. — Он ненадолго задумался. — Боже мой, уже одиннадцать лет прошло. Поверить трудно. Первый, с кем я познакомился, был Оливье.

— А как люди к нему относятся?

— За «людей» не скажу, но я знаю, как к нему отношусь я. Мне нравится Оливье. Он со мной всегда по-дружески.

— Но не со всеми? — Гамаш отметил дрожь в голосе собеседника.

— Некоторые люди не понимают ценности того, чем владеют. — Старик Мюнден сосредоточился на дороге, он вел машину осторожно. — А многие просто хотят учинить свару. Они не желают слышать, что их старинная вещь всего лишь старье. Не имеет никакой цены. Это выводит их из себя. Но Оливье знает, что делает. Здесь многие заводят торговлю

старинными вещами, однако слишком мало людей понимают, что делают. Оливье понимает.

После нескольких секунд тишины, когда оба смотрели в окно, Гамаш заговорил:

— Мне всегда было любопытно, где дилеры находят старинные вещи.

— У большинства есть наводчики. Люди, чье занятие — посещение аукционов, знакомство с жителями данного района. В основном с пожилыми людьми, которые могут быть заинтересованы в том, чтобы продать свои старые вещи. Здесь если кто постучится в ваши двери в воскресное утро, то это скорее наводчик, чем свидетели Иеговы.

— И у Оливье есть наводчик?

— Нет, он сам этим занимается. Он собственным горбом зарабатывает свои деньги. И знает, что чего стоит. Он хороший парень. И справедливый. По большей части.

— По большей части?

— Ну, ему ведь надо получать прибыль, а многие вещи нуждаются в реставрации. Он отдает старые вещи мне на восстановление. А это требует немалой работы.

— И вы наверняка берете с него меньше, чем стоит ваша работа.

— Стоимость — понятие относительное. — Старик бросил взгляд в сторону Гамаша. — Мне нравится то, что я делаю, а если бы я запрашивал за час работы столько, сколько это стоит, то никто не покупал бы моих вещей, а Оливье не предлагал бы мне реставрировать то, что он находит. Поэтому для меня имеет смысл запрашивать более низкую цену. Живу я хорошо. Жаловаться не на что.

— У кого-нибудь были основания злиться на Оливье?

Старик ответил не сразу — Гамаш даже подумал, что он не услышал вопроса.

— Это было около года назад. Старая мадам Пуарье, что живет на Маунтин-роуд, решила переехать в дом для престарелых в Сен-Реми. Оливье несколько лет обхаживал ее. И вот, когда пришло время, она бóльшую часть своей мебели продала ему. Там обнаружились поразительные вещи.

— Он заплатил справедливую цену?

— Ну, это зависит, с чьей колокольни смотреть. Оливье был доволен. Она была довольна.

— А кто же не был доволен?

Старик Мюнден молчал. Гамаш ждал.

— Ее дети. Они сказали, что Оливье ее обманул, воспользовался тем,

что она старая, одинокая и плохо соображает.

Старик Мюнден сбросил скорость у небольшого фермерского дома. Вдоль стены рос алтей, а в саду было полно черноглазых мальв и старомодных роз. Хорошо ухоженный огород находился сбоку от дома.

Фургон остановился, и Мюнден показал на сарай:

— Вот моя мастерская.

Гамаш отстегнул Шарля от детского кресла. Мальчик уснул, и Гамаш понес его, направляясь следом за Стариком к сараю.

— Вы сказали, что Оливье ожидали какие-то удивительные находки в доме мадам Пуарье?

— Он заплатил ей скопом за все вещи, которые больше не были ей нужны. Она оставила то, что хотела, а он забрал остальное.

Старик Мюнден остановился у дверей сарая, повернулся к Гамашу:

— Там было шесть стульев Чиппендейла.[42] Стоимость каждого — тысяч десять. Я знаю, я с ними работал. Но я не думаю, что он кому-то еще об этом говорил.

— А вы?

— И я тоже. Вы удивитесь, если узнаете, насколько важно в моей работе уметь держать язык за зубами.

— Вы не знаете, дал ли Оливье какие-то дополнительные деньги мадам Пуарье?

— Не знаю.

— Но ее дети разозлились на него.

Мюнден коротко кивнул и открыл дверь. Они вошли в иной мир. Все сложные ароматы предосенней фермы исчезли. Здесь не было легкого запаха навоза, скошенной травы, сена, сушеных целебных растений.

Здесь владычествовал только один запах — дерева. Свежего распиленного дерева. Старого дерева сарая. Дерева во всех его проявлениях. Гамаш посмотрел на стены, вдоль которых стояло дерево — ждало, когда его превратят в мебель. Старик Мюнден провел рукой по грубой доске.

— Вы этого не знаете, но там внутри наплывы. Важно знать, что ищешь. Небольшие неоднородности. Забавно, но неоднородности снаружи означают нечто совершенное внутри.

Он посмотрел Гамашу в глаза. Шарль зашевелился на руках старшего инспектора, и тот погладил его по спине, успокаивая.

— Боюсь, я плохо разбираюсь в дереве, но у вас тут, похоже, много разных сортов. Это зачем?

— Разные потребности. Для внутренних частей я использую клен,

вишню и сосну. Кедр — для отделки. Вот здесь красный кедр. Это мой любимый материал. Сейчас он вроде ничего собой не представляет, но когда его обработаешь, отполируешь… — Мюнден сделал красноречивый жест.

Гамаш заметил два кресла на подставке. Одно перевернутое.

— Из бистро?

Он подошел к ним. И действительно, у одного из них расходился подлокотник, второе осталось на трех ногах.

— Я их забрал в субботу вечером.

— Ничего, если мы поговорим в присутствии Шарля о том, что случилось в бистро?

— Я думаю, это можно. Он либо поймет, либо нет. В любом случае ничего страшного. Он знает, что к нему это не имеет отношения.

Гамаш хотел бы, чтобы больше людей умели проводить такую черту.

— Вы были там в ночь убийства.

— Да. Я приезжаю каждую субботу забрать поломанную мебель и привожу то, что отремонтировал. Все было как всегда. Я приехал вскоре после полуночи. Последние клиенты покидали бистро, и ребята начинали уборку.

«Ребята», — подумал Гамаш. Они были ненамного моложе этого человека. Но Старик почему-то казался очень… старым.

— Но тела я не видел.

— Жаль, это бы нам помогло. Вам ничто не показалось необычным?

Старик Мюнден задумался. Шарль проснулся и заверещал. Гамаш опустил его на пол сарая, и мальчик подобрал деревяшку и принялся ее крутить.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь. Тот субботний вечер был такой же, как и все остальные.

Гамаш тоже поднял деревяшку, стряхнул с нее опилки.

— Как вы начали ремонтировать мебель Оливье?

— Ну, это было много лет назад. Сначала он отдал мне стул в ремонт. Стул лежал в сарае много лет, а Оливье принес его в бистро. Теперь вы должны понять…

За этим последовал страстный монолог, посвященный старинной квебекской сосновой мебели. Молочной краске, ужасам соскабливания лака, опасностям, подстерегающим реставратора, который может по неосторожности погубить антикварную вещь. Этой трудной черте между восстановлением старой вещи и превращением ее в совершенно непригодное старье.

Гамаш зачарованно слушал. Его интересовала история Квебека, и этот интерес распространялся также на удивительную мебель, изготовленную первопроходцами в течение долгих зимних месяцев сотни лет назад. Они делали сосновую мебель, практичную и красивую, отдавая душу этому труду. Каждый раз, прикасаясь к старинному столу или шкафу, Гамаш представлял себе поселенца, который отделывает, выравнивает это дерево, снова и снова обрабатывает его мозолистыми руками. Превращает во что-то прекрасное.

Прекрасное и долговечное благодаря таким людям, как Старик Мюнден.

— Как вы попали в Три Сосны? Почему не выбрали город покрупнее? Там для вас наверняка было бы и работы побольше. В Монреале, например, или в Шербруке.

— Я родился в Квебек-Сити. Вы считаете, что там найдется много работы для реставратора, но начать дело молодому парню очень трудно. Я переехал в Монреаль, в мастерскую по реставрации старинной мебели на Нотр-Дам, но, боюсь, я не создан для жизни в больших городах. Тогда я решил перебраться в Шербрук. Сел в машину и поехал на юг. По дороге заблудился. Случайно заехал в Три Сосны, зашел в бистро, чтобы спросить, куда мне ехать дальше, заказал кофе с молоком, сел — и стул подо мной сломался. — Он рассмеялся, а вместе с ним и Гамаш. — Я предложил починить его. Так все и началось.

— Вы говорите, что прожили здесь одиннадцать лет. Вероятно, вы были очень молоды, когда уехали из Квебек-Сити.

— Мне было шестнадцать. Я уехал после смерти отца. Три года прожил в Монреале, потом переехал сюда. Познакомился с Женой, у нас родился Шарль. Я открыл свой маленький бизнес.

Этот молодой человек немало успел за одиннадцать лет.

— Как вам показался Оливье вечером в субботу?

— Он вел себя как обычно. На День труда народу каждый год много, но Оливье вроде был доволен. Как всегда, я полагаю. — Мюнден улыбнулся. Было ясно, что он питает к Оливье добрые чувства. — Правильно ли я понял, что тот человек, как выяснилось, был убит не в бистро?

Гамаш кивнул:

— Мы пытаемся найти, где его убили. Пока вы были на ярмарке, мои люди обыскали всю деревню, включая и ваш дом.

— Правда? — Они стояли у двери сарая, и Мюнден, повернувшись, уставился в полумрак помещения. — Либо они очень аккуратно работают,

либо их вообще здесь не было. Трудно сказать.

— В этом все и дело.

Старший инспектор отметил, что в отличие от Питера Старик Мюнден, кажется, особо не возражал.

— Но зачем убивать человека в одном месте, а потом тащить его в другое? — задумчиво проговорил Мюнден. — Я могу себе представить, что убийца хочет избавиться от тела, в особенности если совершил убийство в собственном доме. Но зачем тащить его к Оливье? Мне это кажется странным. А впрочем, бистро расположено практически в центре деревни, и, наверное, спрятать там труп было просто удобнее всего.

Гамаш оставил это замечание без комментариев. Они оба знали, что это не так. На самом деле бистро было очень неудобным местом, чтобы прятать там труп. И это беспокоило Гамаша. Убийство не было случайным, как и перемещение тела в бистро.

Среди них находился кто-то очень опасный. Человек, который казался любезным, внимательным, даже мягким. Но это было обманом. Маской. Гамаш знал, что, когда он найдет убийцу и сорвет с него маску, вместе с ней сойдет и кожа. Эта маска стала самим человеком. Обман был абсолютным.

Глава тринадцатая

— Мы прекрасно провели время на ярмарке. Вот что я тебе привез.

Габри закрыл дверь и включил свет в бистро. Он протянул Оливье мягкую игрушку — льва. Оливье взял ее и осторожно положил к себе на колени.

— Merci.

— Ты слышал новость? Гамаш говорит, что этого человека убили вовсе не в бистро. И нам вернут две наши кочерги. Я хочу, чтобы мне вернули мою кочергу. А ты? — игриво спросил Габри.

Но Оливье не ответил.

Габри прошел по комнате, погруженной в сумерки, всюду включая лампы, потом затопил один из каминов. Оливье по-прежнему сидел в кресле, глядя в окно. Габри вздохнул, налил Оливье и себе пива и сел рядом. Они вместе пили пиво и закусывали орешками кешью, поглядывая на деревню, которая теперь, когда лето кончилось, погрузилась в тишину.

— Что ты видишь? — спросил наконец Габри.

— Что ты имеешь в виду? Вижу то же, что и ты.

— Нет. Я радуюсь тому, что вижу. А ты — нет.

Габри привык к переменчивости настроений своего партнера. Оливье был человеком тихим, сдержанным. Габри мог показаться более чувствительным, но они оба знали, что это не так. Оливье умел чувствовать глубоко, но держал свои чувства при себе. Жизнь оставила на Габри поверхностные шрамы, Оливье был иссечен шрамами внутренними, скрытыми и, возможно, более жестокими.

Но при этом он был добрейшим из людей, каких знал Габри, а знал он, нужно сказать, довольно многих. До Оливье. Однако все изменилось, когда его взгляд упал на Оливье — стройного, светловолосого, застенчивого.

С того дня большое сердце Габри было целиком отдано этому человеку.

— Что случилось? — Габри наклонился и взял Оливье за тонкую руку. — Скажи мне.

— Все это напрасно, — сказал наконец Оливье. — Я хочу сказать, незачем больше стараться. Никому теперь и в голову не придет прийти сюда. Кто захочет есть в ресторане, где было найдено мертвое тело?

— Как говорит Рут, все мы так или иначе — тела.

— Отлично. Я сделаю это рекламным слоганом.

— Ну, по крайней мере, в этом нет дискриминации. И мертвый, и живой — все добро пожаловать. Может быть, такой слоган будет лучше?

Габри увидел, как дрогнули в улыбке губы Оливье.

— Voyons,[43] это же отличная новость, что полиция считает, будто его убили не здесь. Это все меняет.

— Ты так думаешь? — Оливье с надеждой посмотрел на него.

— Знаешь, что я думаю? — произнес Габри совершенно серьезно. — Я думаю, это не будет иметь значения. Питер, Клара, Мирна — разве они перестанут сюда ходить, даже если какого-то беднягу тут убили? Парра, месье Беливо — да они бы пришли, даже если бы тут обнаружилась целая гора тел! И знаешь почему?

— Потому что им нравится здесь?

— Потому что им нравишься ты. Они тебя любят. Послушай, Оливье, у тебя превосходное бистро, великолепная еда, прекрасная атмосфера. Блестящее бистро. И ты блестящий человек. Все тебя любят. И знаешь что?

— Что? — ворчливо спросил Оливье.

— Ты добрейший, красивейший человек в мире.

— Это всего лишь слова.

Оливье снова чувствовал себя маленьким мальчиком. Пока остальные мальчишки носились как очумелые, ловили лягушек и кузнечиков, ломали ветки, он искал утешения. Любви. Он собирал слова и действия — даже от чужих людей — и набивал ими дыру, которая все увеличивалась в размерах.

Это действовало. Какое-то время. Потом одних слов ему уже не хватало.

— Это Мирна просила тебя сказать мне то, что ты сказал?

— Да. Это все вранье, огромная ложь, состряпанная Мирной и мной. Да что с тобой такое?

— Тебе не понять.

Габри проследил за взглядом Оливье — в окно, вверх по холму. Он вздохнул. Такое уже бывало.

— Мы ничего не можем с этим поделать. Может быть, нам стоит просто…

— Что «просто»? — резко спросил Оливье.

— Ты что, ищешь предлог, чтобы быть несчастным? Да?

Даже по стандартам Оливье такая реакция была неразумной. Его успокоили по поводу тела, его заверили в том, что все его любят. Его заверили, что Габри от него не убежит. Так в чем же была проблема?

— Слушай, может, дать им шанс? Кто знает, может, их гостиница и спа

даже помогут нам.

А вот этого Оливье как раз не хотел слушать. Он резко встал, чуть не опрокинув кресло. Он чувствовал, как гнев поднимается в его груди. Это была какая-то сверхсила. Она делала его неуязвимым. Сильным. Отважным. Брутальным.

— Если хочешь дружить с ними — отлично, дружи. Почему бы тебе вообще не съехать куда-нибудь к чертям?

— Я не об этом. Я хотел сказать, уж коли мы ничего не можем с этим поделать, то почему бы нам не подружиться.

— У тебя какой-то детский сад получается. Они хотят нас уничтожить. Ты это понимаешь? Когда они пришли в первый раз, я не возражал, но потом они решили похитить наших клиентов, даже наш персонал. Ты думаешь, кто-то будет приходить в твою дешевую маленькую гостиничку, когда появится возможность останавливаться там?

Лицо Оливье покрылось красными пятнами. Габри увидел сквозь редеющие светлые волосы, что краснота захватила даже кожу на голове Оливье.

— О чем ты говоришь? Меня не волнует, приходят люди или нет. Ты это знаешь. Деньги нам не нужны. Я делаю это, чтобы развлечься.

Оливье с трудом сдерживался, чтобы не зайти слишком далеко. Они смотрели друг на друга с такой яростью, что воздух между ними вибрировал.

— Зачем? — спросил наконец Оливье.

— Что зачем?

— Если тот человек был убит не здесь, зачем его сюда приволокли?

Габри почувствовал, что с этим вопросом его гнев ушел, рассеялся.

— Полицейские говорили сегодня, — произнес Оливье монотонным голосом, — что завтра они собираются поговорить с моим отцом.

«Бедняга Оливье, — подумал Габри. — Ему и в самом деле есть о чем беспокоиться».

* * *

Жан Ги Бовуар вылез из машины и уставился через дорогу на дом Пуарье.

Это была развалина. Если ремонтировать, то одной покраской тут не обойдешься. Крыльцо перекосилось, ступеньки казались ненадежными, доски в стене дома кое-где отсутствовали.

В сельском Квебеке Бовуар видел множество таких мест. Здесь поколение за поколением жили одни и те же семьи. Клотильда Пуарье, возможно, попивала кофе из расколотой кружки, которой пользовалась еще ее мать, и спала на матрасе, на котором ее зачали. На стенах наверняка висели засушенные цветы и ложки, присланные родственниками, которые избегали таких экзотических мест, как Римуски, или Чикутими, или Гаспе. А еще там наверняка было кресло, кресло-качалка у окна, близ дровяной плиты. А на кресле — грязноватый шерстяной плед с крошками. Вымыв тарелки после завтрака, Клотильда Пуарье садилась в это кресло и смотрела в окно.

Что она там высматривала? Друга? Знакомую машину? Еще одну ложку?

Может быть, сейчас она смотрела на него?

«Вольво» Армана Гамаша появился из-за вершины холма и остановился рядом с Бовуаром. Двое мужчин некоторое время стояли и молча смотрели на дом.

— Я выяснил насчет морилки, — сказал Бовуар, думая, что этому дому и сотни галлонов было бы мало. — Жильберы, ремонтируя дом, ею не пользовались. Я говорил с Доминик Жильбер. Она заявила, что их цель — максимальная экологичность. Они обработали полы песком, а после этого пользовались тунговым маслом.

— Значит, морилка на одежде убитого не из старого дома Хадли, — разочарованно сказал его шеф.

Это могло стать многообещающей ниточкой.

— Почему мы здесь? — спросил Бовуар, когда они повернулись к слегка просевшему дому и ржавеющему грузовичку во дворе.

Бовуар получил по телефону приказ шефа встретить его здесь, но не знал для чего.

Гамаш передал ему рассказ Мюндена об Оливье, мадам Пуарье и ее мебели. В особенности о стульях Чиппендейла.

— Значит, ее дети считают, что Оливье ее надул? А если ее, то и их? — спросил Бовуар.

— Похоже.

Старший инспектор постучал в дверь. Некоторое время спустя из-за двери раздался раздраженный голос:

— Кто там?

— Старший инспектор Гамаш, мадам. Из Квебекской полиции.

— Я не сделала ничего противозаконного.

Гамаш и Бовуар переглянулись.

— Нам нужно поговорить с вами, мадам Пуарье. Разговор по поводу тела, найденного в бистро в Трех Соснах.

— И что?

Разговаривать через дюймовую толщину выкрашивающегося дерева было довольно затруднительно.

— Позвольте нам войти. Мы хотим поговорить с вами об Оливье Брюле.

Дверь открыла пожилая женщина, маленькая и хрупкая. Она недовольно посмотрела на них, повернулась и быстро пошла внутрь дома. Гамаш и Бовуар последовали за ней.

Дом был украшен именно так, как и предполагал Бовуар. Вернее, не украшен. На стенах все оставалось в том виде, в каком было поколения назад, отчего они напоминали горизонтальные археологические раскопки. Чем дальше шли Гамаш и Бовуар, тем новее были предметы на стенах. Цветы в рамочках, салфетки в прозрачном пластике, распятия, изображения Иисуса и Девы Марии и да, ложки — все это было закреплено на выцветших обоях.

Но в доме было чисто, пахло выпечкой. На столе и полках стояли фотографии внуков, а может, и правнуков. Выцветшая скатерть в полоску, чистая и выглаженная, лежала на кухонном столе, в центре которого расположилась ваза с поздними осенними цветами.

— Чаю? — Мадам Пуарье подняла чайник с плиты.

Бовуар отказался, а Гамаш принял предложение. Она ушла и вернулась с чашками для всех.

— Прошу.

— Насколько нам известно, Оливье купил у вас кое-какую мебель, — сказал Бовуар.

— Не кое-какую. Он много чего купил. И слава богу. Дал мне денег больше, чем любой другой мог дать, что бы там мои дети вам ни говорили.

— Мы с ними еще не беседовали, — сказал Бовуар.

— И я тоже. После продажи мебели — ни разу. — Но это, казалось, мало ее огорчало. — Они все жадные. Ждут не дождутся, когда я умру, чтобы получить наследство.

— А как вы познакомились с Оливье? — спросил Бовуар.

— В один прекрасный день он постучался в мою дверь. Представился. Спросил, нет ли у меня чего-нибудь на продажу. Первые несколько раз он получил полный отказ. — Она улыбнулась этому воспоминанию. — Но в нем что-то такое было. Он возвращался и возвращался. И в конечном счете я пригласила его в дом выпить чайку. Он приезжал приблизительно раз в

месяц, выпивал чай и уезжал.

— Когда вы решили продать ему то, что он хочет? — спросил Бовуар.

— Я как раз подхожу к этой части истории, — отрезала она, и Бовуар начал понимать, как нелегко было Оливье заводить дружбу с этой старой женщиной. — Как-то раз выдалась особенно долгая зима. Снежная. И холодная. И я решила: ну его к черту все это. Продам и перееду в новый дом для престарелых в Сен-Реми. Я сказала об этом Оливье, и мы прошли по дому. Показала я ему все старье, что оставили мне родители. Старые шкафы и комоды. Громоздкие такие вещи из сосны. Все выкрашено в разные идиотские тона. Синие и зеленые. Пыталась соскрести, но без толку.

Бовуар услышал, как вздохнул его шеф, но больше он никак не проявил своего огорчения. Проведя несколько лет рядом с Гамашем, Бовуар знал страсть своего начальника к старине. И еще он знал, что никогда нельзя пытаться сдирать старую краску. Это все равно что снимать с человека кожу заживо.

— И вы все это показали Оливье? Что же он вам сказал?

— Сказал, что купит все, включая и то, что было в сарае и на чердаке, даже не глядя. Стулья и столы стояли там еще со времен моих бабушек и дедушек. Все собиралась отвезти их на свалку, но мои ленивые сыновья так и не приехали, чтобы сделать это. Так что поделом им. Я все продала Оливье.

— Вы помните, сколько он вам заплатил?

— Прекрасно помню. Три тысячи двести долларов. Достаточно, чтобы заплатить за все это. Все из «Сирс».

Гамаш посмотрел на ножки стола. Дерево заводского изготовления. Перед новым телевизором стояло кресло-качалка с накидкой и фанерованный темный шкаф.

Мадам Пуарье тоже обвела взглядом содержимое комнаты, и сделала это с гордостью.

— Он заглянул несколько недель спустя, и знаете, что привез? Новую кровать. С поролоновым матрасом. И сам ее установил. Он до сих пор иногда заезжает. Очень милый человек.

Бовуар кивнул. Милый человек, который заплатил этой старой женщине лишь малую часть того, что стоила ее мебель.

— Но вы не уехали в дом престарелых? Почему?

— Когда у меня появилась новая мебель, это жилье изменилось. Мне здесь стало хорошо. Я как бы снова полюбила этот дом.

Она проводила их до двери, и Бовуар обратил внимание на коврик при

входе. Поношенный, он все еще оставался здесь. Они попрощались и направились к ее старшему сыну, который жил в миле от нее по дороге. Дверь им открыл небритый крупный человек с животом.

— Копы, — сказал он кому-то, обернувшись назад.

Дом и сам человек пропахли пивом, потом и табаком.

— Клод Пуарье? — спросил Бовуар.

Чистая формальность. Кем еще мог быть этот человек? Ему было под шестьдесят, и он каждой своей клеточкой выглядел на этот возраст. Перед отъездом из оперативного штаба Бовуар изучил историю семьи Пуарье, чтобы знать, с кем им предстоит встретиться.

Мелкие преступления. Пьянство и драки. Воровство в магазинах. Мошенничество.

Пуарье принадлежали к тому типу людей, которые склонны к обману, вечно жалуются, указывают на всех пальцем. Но это не означало, что они всегда были не правы. Как, например, в случае с Оливье, который их надул.

Полицейские представились, и Пуарье затянул долгую заунывную жалобу. Иного способа вывести Пуарье на разговор об Оливье не представлялось, каким бы длинным ни оказался список людей, на которых Пуарье имел зуб, включая его собственную мать.

Наконец два следователя убрались из этого дома с тухлой атмосферой и глубоко вдохнули свежий вечерний воздух.

— Как по-твоему, это его рук дело?

— Ну, он явно очень зол, — ответил Бовуар, — но если только он не способен перемещать тела, нажимая на кнопки пульта от телевизора, я бы не стал его подозревать. Вряд ли он в состоянии надолго покинуть свой диван.

Они вернулись к своим машинам. Старший инспектор остановился.

— О чем вы думаете? — спросил Бовуар.

— Я вспоминал, что сказала мадам Пуарье. Она собиралась свезти весь этот хлам на свалку. Ты можешь себе представить?

Бовуар мог представить, какую боль испытывал Гамаш при одной мысли об этом.

— А Оливье спас их, — продолжил Гамаш. — Странно все-таки получается. Возможно, он заплатил мадам низкую цену, зато подарил ей свою привязанность и общество. А как оценить это?

— Я могу купить ваш автомобиль? За это вы получите двадцать часов моего общества.

— Не будь циником. Вот когда ты будешь больным и одиноким стариком, тогда и поговорим.

Следуя за машиной шефа в Три Сосны, Бовуар думал о его словах и в конечном счете решил, что тот прав: Оливье спас драгоценную старину и уделил много времени раздражительной старухе. Но при всем при том он мог бы заплатить ей справедливую цену.

Однако не заплатил.

* * *

Марк Жильбер смотрел на коня Марка. Конь Марк смотрел на Марка Жильбера. Оба были не в восторге.

— Доминик! — позвал Марк из сарая.

— Да? — весело отозвалась она, направляясь к нему из дома через двор.

Она надеялась, что Марк обнаружит лошадей не сразу — дня через два-три. Вообще-то, она надеялась, что он никогда их не обнаружит. Но эта надежда была из того же разряда, что и мечта стать миссис Кейт Партридж, — в лучшем случае маловероятная.

Ее муж стоял в полутемном сарае, скрестив руки на груди.

— Это что такое?

— Лошади, — ответила она.

Хотя она до сих пор подозревала, что Макарони — лось.

— Я это вижу, но какой породы? Это гонтеры, да?

Доминик помедлила. На мгновение она представила себе, что будет, если она ответит «да». Но она предполагала, что Марк, хотя и не эксперт по лошадям, на такую ложь не купится.

— Нет, они лучше.

— Чем лучше?

Его предложения становились все короче, что было плохим знаком.

— Ну, они дешевле.

Она заметила, что это соображение немного смягчило ее мужа. Что ж, может, стоит рассказать ему всю историю.

— Я купила их на бойне. Иначе их бы убили сегодня.

Марк стоял в нерешительности. Она видела, что он борется со своей злостью. Но не пытается дать ей выход, напротив, пытается ее сдержать.

— Может быть, существовали причины, по которым их собирались… ну, ты понимаешь.

— Убить? Нет. Их осмотрел ветеринар, он сказал, что они в порядке и ничего с ними не случится.

В сарае пахло дезинфекцией, мылом, лекарствами.

— Физически — возможно. Но ты не можешь сказать, что с ним все в порядке. — Марк махнул рукой в сторону Марка-коня, и тот раздул ноздри и фыркнул. — Он даже не вымыт. Почему?

Ну почему у нее такой наблюдательный муж?

— Потому что никто не мог к нему подойти. — Тут ей пришла в голову одна мысль. — Ветеринар сказал, что к этому коню нужен особый подход. Он подпустит к себе только того, кто станет для него кем-то исключительным.

— Правда?

Марк снова посмотрел на коня и направился к нему. Конь Марк подался назад. Марк Жильбер протянул руку. Конь прижал уши, и Доминик оттащила мужа назад — вовремя, потому что конь Марк щелкнул зубами.

— День для него был трудный, он совсем сбит с толку.

— Гм, — сказал ее муж, выходя вместе с ней из сарая. — И как его зовут?

— Гром.

— Гром, — повторил Марк, пробуя это слово на язык. — Гром, — повторил он еще раз, словно взнуздал жеребца и теперь понукает его.

Кароль ждала их у дверей кухни.

— Ну, — сказала она, обращаясь к сыну, — как тебе лошади? Как Марк?

— Я в порядке, спасибо. — Он недоуменно посмотрел на нее и взял предложенный ею стакан с выпивкой. — А как Кароль?

За его спиной Доминик делала отчаянные жесты своей свекрови, которая рассмеялась и уже хотела сказать что-то, но, увидев мимику невестки, сказала иное:

— Я в порядке. Тебе понравились лошади?

— «Понравились» — слишком сильное слово. Так же, как и «лошади», думаю.

— Нам понадобится какое-то время, чтобы привыкнуть друг к другу, — сказала Доминик.

Она тоже взяла у Кароль стакан и сделала глоток виски. Потом они вышли через застекленную дверь в сад. Две женщины говорили между собой скорее как приятельницы, чем как свекровь и невестка. Марк смотрел на цветы, вызревшие плоды на деревьях, свежевыкрашенный забор и холмистые поля. Скоро лошади — или кто уж они там — будут здесь пастись.

Он снова испытал это чувство пустоты, пропасть стала шире, что-то

разорвалось у него внутри.

Отъезд из Монреаля был тяжелым испытанием для Доминик, а его матери нелегко дался отъезд из Квебек-Сити. У них там остались друзья. Но хотя Марк изображал грусть, ходил на прощальные вечеринки, заявлял, что будет тосковать без друзей, на самом деле никакой грусти он не чувствовал.

Чтобы тосковать по друзьям, они должны быть частью твоей жизни, а они не были. Он помнил стихотворение Киплинга — его отец любил эти стихи. Особенно врезалась в память одна строчка: «Пусть все, в свой час, считаются с тобой».[44]

Но они не считались. За сорок пять лет никто особо не считался с ним.

У него было множество коллег, знакомых, приятелей. С эмоциональной точки зрения он был коммунистом. Всех считал равными и никого не выделял.

«Тогда, мой сын, ты будешь Человек». Это была последняя строка стихотворения.

Но Марк Жильбер, слушая тихий разговор и глядя на сочные бескрайние поля, начинал спрашивать себя: достаточно ли этого? И вообще, справедливо ли?

* * *

Полицейские собрались за столом заседаний, и Бовуар снял колпачок со своего красного маркера. Агент Морен начал воспринимать этот тихий хлопок как выстрел стартера. За то короткое время, что он провел в отделе по расследованию убийств, у него появилась любовь к запаху маркера и этому звуку.

Он сел на стул, как всегда немного нервничая, боясь сморозить какую-нибудь глупость. Агент Лакост помогла ему. Когда они собирали бумаги к этому совещанию, она увидела его дрожащие руки и шепнула ему, что, может, на сей раз ему лучше только слушать.

Морен удивленно посмотрел на нее:

— А они не будут считать меня идиотом? Если мне нечего сказать.

— Поверь мне, молчанием на этой работе не заработаешь себе волчьего билета. Ни на какой работе. Расслабься. Говорить сегодня буду я, а завтра посмотрим. Хорошо?

Он посмотрел на нее, пытаясь понять, какими мотивами она руководствуется. Он знал, что у всех есть свои мотивы. У одних —

доброта, у других — нет. А Морен достаточно прослужил в полиции Квебека, чтобы знать, что многие в этом достойном учреждении вовсе не руководствуются в своих действиях любовью к ближнему.

Там царила жесткая конкуренция, а уж тем более среди тех, кто хотел попасть в отдел по расследованию убийств, самое престижное подразделение. И получить возможность работать с самим старшим инспектором Гамашем.

Морен всего одним пальцем зацепился за эту работу и теперь висел, как на ниточке. Один неверный шаг — и его выставят за дверь, а через секунду о нем забудут. Он не допустит, чтобы это случилось. И он инстинктивно чувствовал, что сейчас для него поворотный момент. Искренна ли с ним агент Лакост?

— Итак, что у нас есть?

Бовуар стоял у листа бумаги, закрепленного на стене рядом с картой деревни.

— Мы знаем, что убили его не в бистро, — начала Лакост. — Но нам до сих пор неизвестно, где это произошло и кто он такой.

— И почему его тело переместили в бистро, — сказал Бовуар.

Он сообщил об их посещении семейства Пуарье — mére et fils.[45] После этого Лакост доложила, что́ ей и Морену удалось узнать про Оливье Брюле.

— Ему тридцать восемь лет. Единственный ребенок в семье. Родился и воспитывался в Монреале. Отец — административный работник на железной дороге, мать — домохозяйка, ныне покойная. Получил хорошее образование. Учился в школе «Нотр-Дам де Сион».

Брови Гамаша взметнулись. Это была одна из ведущих частных католических школ. Анни тоже училась там, правда, несколько лет спустя после Оливье; ее воспитывали строгие монахини. Его сын Даниель отказался учиться в этой школе и предпочел менее жесткую общеобразовательную школу.

Анни изучала логику, латынь, осваивала умение разруливать конфликты. Даниель научился сворачивать косячки. Оба выросли порядочными, достойными людьми.

— Оливье получил магистерскую степень по бизнес-администрированию в Монреальском университете, работал в банке «Лорентьенн», — продолжала агент Лакост, читая свои записи. — Он работал с элитными корпоративными клиентами. Судя по всему, очень успешно работал. Потом уволился.

— Почему? — спросил Бовуар.

— Точно не известно. Завтра у меня назначена встреча в банке, а еще разговор с отцом Оливье.

— Что насчет его личной жизни? — спросил Гамаш.

— Я говорила с Габри. Они стали жить вместе тринадцать лет назад. Габри, которому тридцать семь, на год моложе Оливье. Он работал тренером в фитнес-клубе Ассоциации молодых христиан.

— Габри? — переспросил Бовуар, представив себе этого крупного рыхлого человека.

— Такое случается даже с лучшими из нас, — заметил Гамаш.

— Когда Оливье оставил работу в банке, они продали квартиру в Старом Монреале и переехали сюда, купили бистро и поселились над ним. Только тогда это было не бистро. Это был магазин строительных товаров.

— Неужели? — спросил Бовуар.

Он не мог себе представить что-то другое на месте бистро. Он попытался вообразить лопаты для снега, аккумуляторы, лампочки, свисающие с открытых балок или установленные перед двумя каминами. У него ничего не получилось.

— Но послушайте, что я вам скажу. — Лакост подалась вперед. — Я нашла это в документах земельного кадастра. Десять лет назад Оливье купил не только бистро, но и дешевую гостиницу. И на этом не остановился. Он купил все. Гастроном, пекарню и книжную лавку Мирны.

— Все? — переспросил Бовуар. — Он владеет всей деревней?

— Почти. Я думаю, этого никто не знает. Я говорила с Сарой в ее пекарне. С месье Беливо в гастрономе. Они говорят, что арендовали помещение у какого-то человека в Монреале. Аренда долгосрочная, плата невысокая. Чеки они отправляли в одну компанию с цифровым названием. [46]

— Оливье — это компания с цифровым названием? — изумился Бовуар.

Гамаш внимательно слушал, не пропуская ни слова.

— Сколько же он заплатил? — спросил Бовуар.

— Семьсот двадцать тысяч долларов за все.

— Ого! — воскликнул Бовуар. — Это же целая гора денег! И где он столько взял? Кредит?

— Нет. Заплатил наличными.

— Ты сказала, что у него умерла мать. Может быть, он получил наследство?

— Сомневаюсь. Она умерла всего пять лет назад, но я попытаюсь выяснить, когда буду в Монреале.

— Ищи деньги, — сказал Бовуар.

При расследовании преступления, в особенности убийства, это было избитой истиной. А тут, кстати, оказалась большая сумма наличностью. Бовуар закончил делать запись на прикнопленном к стене листе бумаги, потом сообщил о том, что было обнаружено коронером.

Морен слушал как зачарованный. Вот, значит, как расследуются убийства. Не по тестам ДНК и чашкам Петри, не по ультрафиолетовым сканам или чему-то еще, что можно получить в криминалистической лаборатории. Все это, конечно, способствовало раскрытию преступления, но настоящая лаборатория была вот здесь, перед ним. Он посмотрел на человека, сидевшего напротив него, — тот тоже молчал, только слушал.

Старший инспектор Гамаш на мгновение отвел взгляд своих карих глаз от инспектора Бовуара и посмотрел на молодого агента. Улыбнулся.

* * *

Вскоре после совещания агент Лакост направилась в Монреаль, агент Морен — домой, а Бовуар и Гамаш медленно двинулись через каменный мостик назад в деревню. Они прошли мимо темных окон бистро и на широкой веранде гостиницы увидели Оливье и Габри.

— Я оставил вам записку, — сказал Габри. — Поскольку бистро закрыто, мы все идем на обед. Вы тоже приглашены.

— Опять к Питеру и Кларе? — спросил Гамаш.

— Нет. К Рут, — ответил Габри и был вознагражден их ошарашенными взглядами.

Ему вдруг показалось, что кто-то вытащил пистолет и навел его на двух дюжих офицеров Квебекской полиции. У старшего инспектора Гамаша вид был удивленный, тогда как Бовуар казался испуганным.

— Наверное, вам лучше надеть бронежилет, — шепнул Габри Бовуару, пока тот поднимался по лестнице на веранду.

— Ну уж нет, я туда не пойду. А вы? — спросил Бовуар у Гамаша, когда они вошли внутрь гостиницы.

— Ты что, шутишь? Упустить возможность увидеть Рут в ее естественной среде обитания? Я ни за что не откажусь от такого шанса.

За двадцать минут старший инспектор успел принять душ, позвонить Рейн-Мари, надеть свободные брюки, голубую рубашку, галстук и кардиган верблюжьей шерсти. Бовуара он нашел в гостиной — тот сидел с пивом и пакетиком чипсов.

— Вы точно не передумали, patron?

Да, искушение было, Гамаш не мог не признать этого. Но он отрицательно покачал головой.

— Я буду держать свечку в окне, — сказал Бовуар, глядя, как его шеф покидает гостиницу.

Обшитый вагонкой дом Рут находился совсем рядом и выходил на деревенский луг. Он был небольшой, с крыльцом и двумя фронтонами на втором этаже. Гамаш уже бывал здесь, но всегда с блокнотом наготове — записывать ответы на вопросы. И никогда — гостем. Он вошел, и все лица повернулись к нему, и все двинулись в его сторону. Мирна успела первой.

— Бога ради, вы взяли свой пистолет?

— У меня нет пистолета.

— Что значит — нет?

— Пистолет — штука опасная. А зачем вам пистолет?

— Чтобы пристрелить ее. Она пытается нас убить. — Мирна ухватила Гамаша за рукав и показала на Рут, которая бродила среди гостей в грязном фартуке, с ярко-оранжевым подносом в руках.

— Вообще-то, — сказал Габри, — она пытается похитить нас и вернуть в тысяча девятьсот пятидесятый год.

— Видимо, тогда она в последний раз и принимала гостей, — подхватила Мирна.

— Закусочку, старина? — Рут увидела нового гостя и устремилась к нему.

Габри и Оливье посмотрели друг на друга:

— Она имеет в виду вас.

Как это ни невероятно, но она и в самом деле имела в виду Гамаша.

— Господь любит уток, — провозгласила Рут с густым британским акцентом.

Следом за Рут топала Роза.

— Она начала говорить в таком духе, как только мы вошли в дверь, — сказала Мирна, отшатываясь от подноса и разбрасывая стопку «Литературного приложения „Таймс“».

По оранжевому подносу расползлись соленые крекеры, на крекерах была какая-то коричневая замазка — Гамаш надеялся, что это арахисовое масло.

— Я читала что-то о подобных вещах, — продолжила Мирна. — Люди начинают говорить с акцентом после повреждения мозга.

— Разве одержимость дьяволом считается повреждением мозга? — спросил Габри. — Она несет всякий бред.

— Чтоб мне провалиться! — заявила Рут.

Но самым поразительным в комнате было не кольцо ламп, тиковая мебель и благовоспитанная британка Рут с ее сомнительным угощением. И не диван, на котором лежали книги, газеты, журналы, словно зеленый ворсистый коврик. Самым поразительным в комнате была утка.

Роза была одета в платье.

— Вот уж поистине, «Пригнись и накройся»,[47] — заметил Габри.

— Это наша Роза. — Рут поставила поднос с крекерами и стала предлагать сырные палочки.

Гамаш смотрел и думал, не стоит ли ему сделать пару звонков. Один — в Общество защиты животных, другой — в психиатрическую больницу. Но Роза и Рут явно пребывали в прекрасном настроении. В отличие от их гостей.

— Хотите? — спросила Клара, предлагая Гамашу нечто шарообразное, обсыпанное чем-то похожим на семена.

— А что это? — спросил он.

— Мы думаем, это сало для птиц, — сказал Питер.

— И вы предлагаете это мне? — спросил Гамаш.

— Ну, кто-то ведь должен попробовать, чтобы ее не обидеть. — Клара кивнула в сторону Рут, которая исчезла в кухне. — А нам страшновато.

— Non, merci, — сказал Гамаш, улыбнувшись, и отправился на поиски Оливье.

Проходя мимо кухни, он увидел, как Рут открывает консервную банку. Роза стояла на столе и наблюдала за ней.

— Так, сейчас мы откроем это, — пробормотала Рут. — Может быть, понюхать, как ты думаешь?

Утка, похоже, ни о чем таком не думала. Но Рут все равно понюхала открытую банку.

— Вполне съедобно.

Старая поэтесса вытерла руки о полотенце, потом приподняла платье на Розе и разгладила взъерошенное перо.

— Вам помочь? — спросил от двери Гамаш.

— Ах, какой вы душка.

Гамаш поморщился, ожидая, что после этого в него полетит тесак. Но Рут только улыбнулась и протянула ему тарелку с оливками, каждая из которых была нафарширована долькой консервированного мандарина. Гамаш взял тарелку и вернулся к гостям. Неудивительно, что его приветствовали так, словно он присоединился к силам зла. Гамаш порадовался тому, что Бовуар не пошел с ним и не видит ни Рут, более

чокнутую, чем обычно, ни Розу в платье, ни его самого, предлагающего еду, которая почти наверняка убьет или искалечит каждого, кому хватит глупости попробовать.

— Оливки? — предложил он Оливье.

Они посмотрели на тарелку.

— Это сделает меня китайским мандарином? — спросил Габри.

— Тебе пора вытащить голову из собственной задницы, — отрезал Оливье.

Габри открыл было рот, но тревожное выражение лиц вокруг заставило его проглотить так и не сказанные слова.

Питер, стоявший чуть поодаль со стаканом воды, взятым им у Рут какое-то время назад, улыбнулся. Почти то же самое сказала ему и Клара, когда он сообщил ей, что оскорблен обыском, который учинила в их доме полиция.

«Почему?» — спросила она.

«А ты разве не оскорблена? Ты только подумай: все эти чужие люди смотрят на твои картины».

«Разве не это называется выставкой? Сегодня мои картины видело больше народу, чем за всю мою карьеру. Пригласи к нам еще полицейских. Надеюсь, они придут с чековыми книжками. — Она рассмеялась, ее это явно не волновало. Но она видела, что это волнует его. — Ну-ка, скажи мне, в чем дело».

«Картина еще не готова, ее никто не должен видеть».

«Слушай, Питер, ты делаешь вид, будто это имеет какое-то отношение к твоему искусству».

«Да, имеет».

«Они пытаются найти убийцу, а не художника».

И так это и осталось между ними — неудобная правда.

Гамаш и Оливье отошли от группы гостей в тихий уголок.

— Насколько я понимаю, вы купили ваше здание несколько лет назад.

Услышав эти слова, Оливье слегка покраснел. Он украдкой оглядел комнату, желая убедиться, что их никто не слышит.

— Я решил, что это неплохое вложение средств. Я заработал кое-какие деньги, пока служил в банке. Да и здесь бизнес шел неплохо.

— Видимо, да. Вы ведь заплатили почти три четверти миллиона долларов.

— Сегодня это наверняка стоит миллион.

— Возможно. Но вы заплатили наличными. Что, так хорошо шел бизнес?

Оливье стрельнул глазами по сторонам, но их никто не слышал. Тем не менее он понизил голос:

— Бистро и гостиница приносят неплохие деньги. По крайней мере, пока. Но главную прибыль приносят старинные вещи.

— И каким же образом?

— Большой интерес к квебекской сосне. Много отличных находок.

Гамаш кивнул:

— Мы сегодня говорили с детьми Пуарье.

Лицо Оливье посуровело.

— Слушайте, они говорят неправду. Я не обманывал их мать. Она хотела продать. Отчаянно хотела продать.

— Я знаю. Мы и с ней говорили. И с Мюнденами. Мебель была в очень плохом состоянии.

Оливье немного успокоился:

— Это так. Многие годы простояла в сырых холодных сараях и на чердаке. Мышей пришлось выгонять. Некоторые предметы так покоробились — не отреставрируешь. Хоть плачь.

— Мадам Пуарье говорит, что вы потом привезли ей новую кровать. Это благородно.

Оливье опустил глаза:

— Да, я хотел ее отблагодарить.

«Совесть, — подумал Гамаш. — У этого человека уязвимая и больная совесть, но ее оседлала громадная и страшная корысть».

— Вы сказали, что бистро и гостиница приносят неплохой доход. Пока. Что вы имели в виду?

Оливье бросил быстрый взгляд в окно, потом посмотрел на Гамаша.

— Ура-ура, все приглашаются на обед, — пропела Рут.

— И что будем делать? — прошептала Клара на ухо Мирне. — Спасаться бегством?

— Слишком поздно. Утка или Рут нас точно догонят. Нам осталось лишь затаиться и молиться о спасении. Если произойдет худшее, притворимся мертвыми.

Гамаш и Оливье поднялись — последние, кто направился к обеденному столу.

— Вы, вероятно, знаете, что происходит в старом доме Хадли?

Гамаш не ответил, и Оливье продолжил:

— Они почти полностью выпотрошили его и переделали в спа-салон и гостиницу для корпоративного отдыха. Тут повсюду появятся приезжие. Это погубит Три Сосны.

— Три Сосны?

— Ну хорошо, — ответил Оливье. — Погубит бистро и гостиницу.

Они присоединились к остальным в кухне и расселись за садовым пластиковым столом Рут.

— Начинается, — предупредил Габри, когда Рут принялась ставить перед каждым из них тарелки.

Гамаш посмотрел на содержимое. Разглядел консервированный персик, бекон, сыр и мармеладки.

— Я очень люблю всякие такие штуки, — с улыбкой сказала Рут.

Роза сидела рядом с ней в гнезде из полотенец, засунув клюв под рукав своего платья.

— Виски? — спросила Рут.

— С удовольствием. — Шесть стаканов потянулись к ней, и Рут добавила каждому к обеду еще и виски.

Сто лет и много жизней спустя они покинули жилище Рут и, пошатываясь, вышли на свежий, прохладный воздух.

— Пока-пока, — помахала им на прощание Рут, но Гамаша приободрило услышанное через закрытую дверь: — Пошли в жопу.

Глава четырнадцатая

Они вернулись в гостиницу и увидели ожидающего их Бовуара. Как бы ожидающего. Он уснул в своем кресле. Рядом с ним стояла тарелка с крошками и стакан шоколадного молока. В камине еще теплились угольки.

— Разбудить его? — спросил Оливье. — У него такой мирный вид.

Голова Бовуара была чуть повернута набок, из уголка рта сочилась ниточка слюны. Дышал он глубоко и ровно. На его груди лежал маленький плюшевый лев, которого Габри выиграл для Оливье на ярмарке, рука Бовуара покоилась на игрушке.

— Как маленький ребенок-полицейский, — сказал Габри.

— Да, кстати, Рут просила меня передать ему это. — Оливье протянул Гамашу клочок бумаги.

Тот взял его, но отклонил их предложение о помощи, после чего эти двое устало поплелись вверх по лестнице. Было девять часов.

— Жан Ги, — прошептал Гамаш. — Просыпайся.

Он наклонился и тронул своего подчиненного за плечо. Бовуар вздрогнул и, храпанув, проснулся. Лев соскользнул с его груди на пол.

— А? Что?

— Пора ложиться спать.

Бовуар выпрямился в кресле.

— Ну и как оно прошло?

— Никто не умер.

— Для Трех Сосен это достижение.

— Оливье сказал, что Рут просила передать тебе это. — Гамаш вручил ему клочок бумаги.

Бовуар протер глаза, развернул бумагу и прочел. Тряхнул головой и протянул ее своему шефу.

Может, во всем этом есть что-то,
ускользающее от меня.

— Что это означает? Это угроза?

Гамаш нахмурился:

— Понятия не имею. С какой стати ей писать тебе?

— Ревнуете? Может, у нее просто съехала крыша. — Но они оба знали,

что «может» здесь сильно смягчает ситуацию. — Кстати, если уж мы говорим о съехавших крышах. Звонила ваша дочь.

— Анни? — Гамаш вдруг разволновался и машинально вытащил мобильник, зная, что здесь, в деревне, спрятанной в долине, сигнала нет.

— Все в порядке. Она хотела поговорить с вами о каких-то неурядицах на работе. Ничего существенного. Просто она собирается уволиться.

— Черт, вероятно, об этом она хотела поговорить вчера, когда нас сюда вызвали.

— Можете не волноваться. Я решил проблему.

— Не думаю, что решением проблемы может считаться твой совет ей упасть и откинуть копыта.

Бовуар рассмеялся и поднял с пола плюшевого льва.

— Определенно в вашей семье она совсем не случайно прозвана львицей. Свирепая.

— Ее называют львицей, потому что она любящая и страстная.

— И людоедка.

— Все те качества, которые ты ненавидишь в ней и которыми восхищаешься в мужчинах, — сказал Гамаш. — Она умная. Она отстаивает то, во что верит. Она откровенная, и ее трудно запугать. Ты зачем все время ее подначиваешь? Каждый раз, когда ты приходишь к нам за стол, это заканчивается скандалом. Даже я стал от этого уставать.

— Хорошо, я попытаюсь себя контролировать. Но она меня ужасно злит.

— А ты — ее. У вас много общего. Так что там у нее за проблема на работе? — Гамаш сел рядом с Жаном Ги.

— Дело, которое она хотела получить, передали другому юристу, кому-то моложе. Я немного поговорил с ней. Я почти уверен, что на работе она в конечном счете никого не убьет.

— Вот и умница.

— И она решила остаться. Я ей сказал, что она будет жалеть о поспешных решениях.

— Так и сказал? — с улыбкой спросил Гамаш.

Услышать такие слова от человека с горячей головой!

— Ну хоть кто-то должен давать ей хорошие советы, — рассмеялся Бовуар. — Вы же знаете, что родители у нее просто сумасшедшие.

— Да, я слышал об этом. Спасибо.

Это был хороший совет. И Бовуар это знал. У него был довольный вид. Гамаш посмотрел на часы. Половина десятого. Он взял трубку гостиничного телефона.

Гамаш говорил с дочерью, а Бовуар рассеянно поглаживал плюшевого льва.

Может, во всем этом есть что-то
ускользающее от меня.

Этот страх вечно не давал покоя детективам, расследующим дело об убийстве, — пропустить что-то ускользающее от них. Старший инспектор Гамаш подобрал блестящих сотрудников. В общей сложности около двух сотен. Все они были отобраны вручную и расследовали преступления по всей провинции.

Но Бовуар знал, что команда, которая приехала в Три Сосны, лучшая из всех.

Он был ищейкой. Всегда впереди, во главе.

Агент Лакост была охотником. Решительная, методичная.

А старший инспектор Гамаш? Арман Гамаш был их первопроходцем. Он ходил туда, куда отказывались или не могли ходить другие. Или слишком боялись. В самые дебри. Гамаш находил бездны, пещеры и животных, которые в них скрывались.

Бовуар давно уже решил, что Гамаш делает это, потому что ничего не боится. Но со временем он понял, что и у старшего инспектора есть немало страхов. В этом была его сила. Он распознавал страх в других людях. Страх, как ничто другое, был движителем руки с ножом, кулака. Удара по голове.

А юный агент Морен? Что он привнес в команду? Бовуар должен был признать, что начал питать теплые чувства к парню. Но при этом Бовуар не закрывал глаза на его неопытность. До настоящего момента ищейка Бовуар со всей очевидностью чуял в этом деле страх.

И исходил страх от Морена.

Бовуар оставил шефа в гостиной разговаривать с дочерью, а сам пошел наверх по лестнице. Он мурлыкал себе под нос старую мелодию «Weavers», надеясь, что Гамаш не видит, как он сжимает в руке плюшевого льва.

*** * ***

Когда на следующее утро месье Беливо прибыл открывать свой гастроном, его уже ждали. Со скамьи на веранде поднялся агент Морен и

представился пожилому бакалейщику.

— Чем могу вам помочь? — спросил месье Беливо, открывая дверь.

В Трех Соснах у людей редко возникала такая насущная потребность в его продуктах, что они приходили еще до открытия магазина. Правда, этот молодой человек не был местным.

— У вас нет парафина?

На строгом лице месье Беливо появилась улыбка.

— У меня есть все.

Пол Морен никогда прежде не был в этом магазине и потому, войдя, огляделся. На полках темного дерева аккуратно стояли жестяные банки. Пакеты с собачьей едой и птичьим кормом расположились у прилавка. Наверху полок лежали старые коробки с настольными играми. Шахматы, лила,[48] монополия. Ровными рядами стояли раскраски и головоломки. У одной стены находились стеллажи с бакалейными товарами, у другой — краски, ботинки, кормушки для птиц.

— Вон там, у стеклянных банок. Вы собираетесь делать маринад? — захихикал месье Беливо.

— И много вы продаете? — спросил Морен.

— В это время года? Достаточно, чтобы держать его на складе.

— А это? — Морен взял в руки жестянку. — Много таких продаете?

— Не очень. Но большинство за такими покупками ездят в «Канадиан тайр» в Кауансвилле. И в магазины стройтоваров ездят. Но какое-то количество я держу на всякий случай.

— А когда вы в последний раз это продавали? — спросил молодой агент, расплачиваясь с хозяином.

Он не ждал ответа, но чувствовал, что спросить должен.

— В июле.

— Правда? — Морен подозревал, что ему следует поработать над своим лицом следователя. — Как же это вы запомнили?

— Это моя работа. Нужно знать привычки людей. А когда покупают что-то необычное, вроде этого, — он поднял жестяную банку, прежде чем положить ее в бумажный пакет, — я беру на заметку. Вообще-то, покупают это двое. Типичная ситуация на рынке.

Агент Поль Морен вышел из магазина месье Беливо с покупками и целым набором неожиданной информации.

*** * ***

Агент Изабель Лакост начала день с более простого разговора. Она нажала кнопку, двери лифта закрылись и подняли ее на самый верх башни банка «Лорентьенн» в Монреале. В ожидании она поглядывала с одной стороны на гавань, а с другой — на гору Мон-Руаяль с ее огромным крестом. В центре города сгрудились великолепные стеклянные здания, отражающие солнце, отражающие устремления и достижения этого великолепного французского города.

Изабель Лакост всегда удивлялась той гордости, которую она испытывала, глядя на центр Монреаля. Архитекторы сумели сделать его как впечатляющим, так и очаровательным. Монреальцы никогда не забывали о своем прошлом. Квебекцы в той или иной мере были такими же.

— Je vous en prie,[49] — улыбнулась секретарша и показала на открытую дверь.

— Merci.

Агент Лакост прошла в великолепный кабинет, где у стола стоял стройный, атлетического сложения мужчина средних лет. Он шагнул вперед, протянул руку и представился: Ив Шарпантье.

— У меня есть кое-какая информация по вашему запросу, — сказал он на хорошем французском.

Лакост было приятно, когда она могла говорить с топ-менеджерами на ее родном языке. Ее поколение могло это делать. Но она слышала разговоры своих родителей и бабушек-дедушек и достаточно знала недавнюю историю, чтобы понимать, что тридцатью годами ранее она в такой ситуации говорила бы с одноязычным англосаксом. Английский она знала как свой родной, но дело было не в этом.

Она приняла предложенный ей кофе.

— Этот вопрос весьма деликатный, — сказал месье Шарпантье, когда его секретарь вышла и дверь закрылась. — Я не хочу, чтобы вы думали, будто Оливье Брюле — преступник. И у нас никогда не возникало сомнений в его честности.

— Но?..

— Он вполне устраивал нас в течение нескольких первых лет его работы. Боюсь, что прибыли для нас — главное, а он обеспечивал неплохие прибыли. Он был подвижный. Он нравился людям. В особенности клиентам. Многие люди в этой области большие болтуны, но Оливье был человеком искренним. Тихим, уважительным. Работать с ним было одно удовольствие.

— Но?.. — повторила Лакост с легкой улыбкой, которая, как ей

хотелось думать, смягчала ее настойчивость.

Месье Шарпантье улыбнулся в ответ:

— Пропала часть денег компании. Два миллиона. — Он смотрел на нее в ожидании реакции, но она только слушала. — Было предпринято очень тщательное расследование. А тем временем деньги продолжали исчезать. В конечном счете мы пришли к выводу, что расхитителями могут быть двое. Один из них — Оливье. Я в это не поверил. Но после двух собеседований он сам в этом признался.

— А не прикрывал ли он другого человека?

— Вряд ли. Откровенно говоря, другой подозреваемый сотрудник, хотя и неглупый, был недостаточно умен, чтобы сделать это.

— Ну, для воровства-то как раз много ума не требуется. Я бы сказала, что воровством занимаются глупые люди.

Месье Шарпантье рассмеялся:

— Я с вами согласен. Но я неточно выразился. Эти деньги исчезли со счета компании — они не были украдены. Оливье показал нам, что сделал. Мы проследили его операции. Похоже, он вел наблюдение за какой-то финансовой деятельностью в Малайзии, увидел то, что показалось ему фантастической возможностью для инвестирования, и пришел с этой идеей к своему боссу, но тот не принял его предложение. И тогда Оливье провернул эту операцию по собственной инициативе, без разрешения. Все прошло по официальным каналам. Он все задокументировал, намереваясь вернуть деньги назад с прибылью. И он был прав. Эти три миллиона долларов превратились в двадцать.

Теперь Лакост прореагировала — не словесно, но выражение ее лица вызвало кивок Шарпантье.

— Именно. У парня было чутье на деньги. Где он сейчас?

— Вы его уволили? — спросила Лакост, игнорируя вопрос.

— Он сам ушел. Мы пытались понять, что нам с ним делать. Начальство никак не могло прийти к единому мнению. Его босс рвал и метал и хотел подвесить его вниз головой с крыши башни. Мы объяснили, что такими вещами не занимаемся. С некоторых пор.

Лакост рассмеялась:

— Кто-то из ваших людей хотел оставить его в банке?

— Он был прекрасным работником.

— То есть умел зарабатывать деньги. Вы убеждены, что он собирался их вернуть?

— Вы нащупали самую болезненную точку. Половина из нас ему верила, другая половина — нет. В конце концов Оливье уволился, поняв,

что утратил наше доверие. Когда теряешь доверие, ну сами понимаете…

Так, подумала агент Лакост. Так-так.

А теперь Оливье жил в Трех Соснах. Но, как и все переезжающие, он забрал с собой себя.

Так-так.

* * *

Трое полицейских Квебекской полиции собрались у стола в оперативном штабе.

— Что мы имеем? — спросил Бовуар, снова стоя перед листом бумаги на стене.

Вместо ответов на вопросы, записанные им прежде, прибавились два новых вопроса:

Где он был убит?

Почему тело переместили?

Бовуар покачал головой. Похоже, следствие шло не в том направлении. Даже то немногое, что казалось вероятным в этом деле, например использование кочерги в качестве орудия преступления, на поверку обернулось пустышкой.

У них не было ничего.

— Вообще-то, мы уже знаем немало, — сказал Гамаш. — Нам известно, что этот человек не был убит в бистро.

— Это означает, что нам осталось проверить только весь остальной мир, — фыркнул Бовуар.

— Мы знаем про парафин и морилку. И мы знаем, что в деле каким-то образом замешан Оливье.

— Но мы даже не знаем, кто жертва.

Бовуар в разочаровании подчеркнул этот вопрос на прикнопленном к стене листе бумаги. Гамаш дал этим словам осесть, после чего сказал:

— Не знаем. Но будем знать. Рано или поздно мы узнаем все. Это головоломка, но мы ее разгадаем. Нам нужно проявить терпение. И настойчивость. Нам требуется больше информации о предыстории других возможных подозреваемых. Например, Парра.

— У меня есть информация, о которой вы спрашиваете, — сказал агент Морен, расправляя щуплые плечи. — Ханна и Рор Парра приехали сюда в середине восьмидесятых. Беженцы. Подали заявление на получение гражданства и получили его — они теперь канадцы.

— Все законно? — не без сожаления спросил Бовуар.

— Все законно. Один ребенок, Хэвок. Двадцати одного года. Семья активно участвует в жизни чешского сообщества. Спонсируют нескольких человек.

— Хорошо, — сказал Бовуар. — Есть что-нибудь интересное?

— Удалось узнать что-нибудь об их жизни до приезда сюда? — спросил Гамаш.

— Нет, сэр. Я звонил в Прагу, но их архивы тех лет далеко не полны.

— Ладно. — Бовуар вернул на место колпачок фломастера. — Что еще?

Агент Морен положил на стол бумажный пакет:

— Сегодня утром я зашел в местный магазин и купил вот это. — Он достал из пакета кирпичик парафинового воска. — Месье Беливо говорит, что в это время года тут все покупают парафин.

— Нам от этого мало толку, — сказал Бовуар, снова садясь на свое место.

— Да. Но вот от этого может быть толк. — Морен вытащил из пакета жестяную банку с надписью «Варатан». — В июле он продал две такие банки двум разным людям. Одну — Габри, а другую — Марку Жильберу.

— Правда? — Бовуар снял колпачок с фломастера.

* * *

Как и любой монреалец, агент Лакост знала про «Абита́» — странный, экзотический жилой комплекс, созданный к Экспо-67, большой Всемирной выставке. Этот комплекс считался авангардным тогда и оставался таким до сего дня. Располагалась эта дань творческой мысли и фантазии в Сите-дю-Авр на реке Святого Лаврентия. Тот, кто видел «Абита́» хотя бы раз, уже не мог его забыть. Архитектор построил не квадратный или прямоугольный дом — он сделал каждую комнату отдельным блоком, удлиненным кубом. Комплекс напоминал хаотическое нагромождение детских кубиков. Они соединялись друг с другом то нижней, то верхней, то боковыми гранями, отчего солнечный свет пронизывал комплекс насквозь, а отдельные комнаты купались в солнечных лучах. Из каждой комнаты открывался эффектный вид на величественную реку либо на великолепный город.

Лакост никогда не приходилось бывать в самом комплексе, но теперь она собиралась его посетить — там жил Жак Брюле, отец Оливье.

— Входите, — сказал он, открыв дверь и глядя на нее неулыбчивым

взглядом. — Вы сказали, что хотите поговорить о моем сыне?

Месье Брюле ничуть не походил на сына. Густая копна темных волос, крепко сбитая фигура. За его спиной Лакост видела сияющий пол, камин и огромные окна, выходящие на реку. Квартира была дорогая и обставленная со вкусом.

— Может быть, мы присядем?

— Может быть, вы перейдете к делу?

Он стоял в дверях, не позволяя ей войти в его дом.

— Я вам уже говорила по телефону, что работаю в отделе по расследованию убийств. Мы расследуем убийство в Трех Соснах.

Месье Брюле посмотрел на нее пустыми глазами.

— Там живет ваш сын.

Он кивнул. Лакост продолжила:

— Там в бистро было найдено тело.

Она намеренно не сказала, в чьем бистро. Отец Оливье ждал, никак не выдавая своих чувств — тревоги ли, озабоченности ли.

— Это бистро принадлежит Оливье, — сказала наконец Лакост.

— И чего вы хотите от меня?

В деле об убийстве следователи нередко сталкивались с расколотыми семьями, но она никак не ожидала, что такой будет и семья Оливье.

— Я бы хотела узнать об Оливье — о его воспитании, его учебе, его интересах.

— Вы пришли не к тому родителю. Вам нужно бы поговорить с его матерью.

— Простите, но мне казалось, что она умерла.

— Она и в самом деле умерла.

— Вы сказали по телефону, что он поступил в «Нотр-Дам де Сион» — очень хорошая школа, насколько я знаю. Но там только шесть классов. А что было после?

— Кажется, он поступил в «Лойолу». Или в «Бребёф». Не помню.

— Pardon. Вы с его матерью разошлись?

— Нет, я бы никогда не развелся.

За все время их разговора именно в этот момент он проявил максимум эмоций. Предположение о разводе выбило его из колеи больше, чем известие о смерти, и определенно больше, чем об убийстве. Лакост ждала. Ждала. Наконец Жак Брюле заговорил:

— Я уезжал надолго. Делал карьеру.

Агент Лакост, которая охотилась на убийц, но все же знала, в какой школе учатся ее дети, понимала, что Жак Брюле предложил плохое

объяснение.

— Случались ли у него неприятности? Был ли он драчуном? Какие-нибудь проблемы?

— С Оливье? Никаких проблем. Он был правильный мальчик, имейте это в виду. Царапины и синяки получал, но ничего серьезного.

Это было похоже на разговор с ватой. Или с продавцом о комплекте мебели для столовой. Месье Брюле, казалось, вообще забыл имя своего сына и говорил о нем как о предмете.

— Когда вы разговаривали с ним в последний раз? — Лакост не думала, что этот вопрос актуален, но ей хотелось знать.

— Не помню.

Она должна была бы догадаться. Когда она уходила, он сказал ей вслед:

— Передайте ему привет от меня.

Лакост остановилась перед лифтом, нажала кнопку и оглянулась на этого крупного человека, стоящего в дверях и загораживающего свет, который — она знала — лился бы из комнаты, если бы не эта фигура.

— Может, вы сами ему это скажете? Может, даже съездите к нему? Вы знакомы с Габри?

— Габри?

— Габриэль — его партнер.

— Габриэль? Он мне про нее не говорил.

Подошла кабинка лифта, и Лакост шагнула в нее, спрашивая себя, доберется ли месье Брюле когда-нибудь до Трех Сосен. И еще она думала об этом человеке, который вел такой закрытый образ жизни.

Правда, его сын в этом смысле был ничуть не лучше.

* * *

Поздним утром Оливье стоял у входа в бистро. Он никак не мог решить, отпирать дверь или нет. Начинать работу или нет. Может быть, пришедшие клиенты выдавят этот голос из его головы. Голос Отшельника. И ту ужасную историю, что их связывала. Связывала даже после смерти.

* * *

У подножия опустевшей горы появился юноша. Как и все жившие в

округе, он знал всякие легенды. О плохих детях, которых приводили сюда, чтобы принести в жертву страшному Королю Горы.

Он посмотрел, нет ли маленьких костей на пыльной земле, но ничего не увидел. Ни жизни. Ни даже смерти.

Он уже собирался уходить, когда услышал тихий вздох. Там, где раньше не было ни малейшего движения, подул ветерок. Он почувствовал его своим загривком, он почувствовал холодок на коже, почувствовал, как шевелятся его волосы. Он посмотрел на зеленую сочную долину, густой лес и соломенные крыши и удивился, как ему хватило глупости прийти сюда. Одному.

— Не делай этого, — услышал он шорох ветра. — Не делай.

Юноша развернулся.

— Уходи, — услышал он.

— Не уходи, — прошептал вздох.

Глава пятнадцатая

Три следователя одновременно вышли из оперативного штаба, но на деревенском лугу расстались. Бовуар оставил шефа и агента Лакост еще раз допрашивать Оливье и Габри, а сам направился в старый дом Хадли.

Инспектор пребывал в воинственном настроении. Они поймали Жильберов на лжи. Доминик вчера сказала им, что они никогда не пользовались морилкой для дерева. С удовольствием рассказывала, как они сражаются за экологию. Но теперь имелось доказательство того, что они приобрели по меньшей мере пол-литра этой морилки.

А еще ему ужасно хотелось увидеть, что сделали Жильберы со старым домом Хадли.

*** * ***

Гамаш нажал на ручку дверей бистро и с удивлением обнаружил, что заведение открыто. Утром за завтраком из жареных хлебцев, ломтиков клубники и бананов, кленового сиропа и бекона Габри сказал, что не знает, когда Оливье откроет бистро.

— Может быть, вообще не откроет, — сказал он. — И что тогда? Тогда мне придется сделать гостиницу платной.

— Хорошо, что она у вас дешевая, — заметил Гамаш.

— Вы считаете, что это дает мне преимущество, да? Так бы оно и было, если бы не моя крайняя лень.

Но когда Гамаш и агент Морен вошли в бистро, они увидели Габри — он стоял за стойкой бара и протирал ее. Из кухни доносился аромат вкусной еды.

— Оливье, — позвал Габри, выходя из-за стойки. — Пришли наши первые клиенты после убийства, — пропел он.

— Бога ради, Габри, — услышали они с кухни.

Звякнула кастрюля о плиту. Мгновение спустя распахнулась дверь — и появился Оливье.

— А, это вы.

— Всего лишь мы, к сожалению. У нас к вам два-три вопроса. Найдется минутка?

Вид у Оливье был такой, будто он сейчас скажет «нет», но он

передумал и показал на место перед камином. Там снова горел огонь. И кочерга была на своем месте.

Гамаш посмотрел на агента Морена. Глаза молодого человека расширились. Неужели старший инспектор хочет, чтобы он вел допрос? Секунды шли, молчание продолжалось. Морен лихорадочно вспоминал. «Не проявлять настойчивость». Впрочем, с этим проблем не будет. «Создать обстановку доверия с подозреваемым». Габри улыбался ему, вытирая в ожидании руки о передник. «Пока все идет хорошо, — подумал Морен. — Похоже, действует эффект агента-идиота. Хорошо бы иметь на вооружении еще что-нибудь».

Он улыбнулся Оливье и Габри, насилуя свой мозг. До сего момента ему приходилось задавать только вопросы, касающиеся нарушений скоростного режима на автостраде 10. Необходимости спрашивать Габри о наличии у него водительских прав вроде бы не было.

— Вы хотите задать вопросы об убийстве? — спросил Габри, стараясь быть полезным.

— Да, — произнес Морен, обретя голос. — И даже не столько об убийстве, сколько о некоем незначительном обстоятельстве.

— Прошу, садитесь, — сказал Оливье, указывая на стул.

— На самом деле речь идет о мелочи, — начал Морен, садясь вместе со всеми остальными. — Просто какая-то неясность. Мы бы хотели знать, зачем вы в июле покупали морилку фирмы «Варатан» у месье Беливо.

— Разве мы покупали? — Оливье посмотрел на Габри.

— Да, я покупал. Нам нужно было привести в порядок бар, ты что, забыл?

— Ты прекратишь это делать? Мне бар нравится таким, какой он есть, — сказал Оливье. — Я огорчен.

— Я огорчен тем, во что он превращается. Помнишь, когда мы его купили, он весь сверкал?

Они посмотрели на длинную деревянную стойку с кассой, разнообразными сосудами, жевательными конфетами и лакричными трубочками. За стойкой на полках стояли бутылки со спиртными напитками.

— Тут все дело в атмосфере, — сказал Оливье. — Все здесь должно быть старинным или иметь вид под старину. Не говори этого. — Он поднял руку, предупреждая ответ Габри, потом повернулся к полицейским. — Мы с ним всегда из-за этого спорим. Когда мы сюда переехали, здесь был магазин стройтоваров. Его владельцы все тут переделали, исказив первоначальный облик заведения.

— Балки были спрятаны под звуковой изоляцией и потолками, — подхватил Габри. — Даже камины были вытащены, а из камней сделали кладовку. Пришлось приглашать каменщика, чтобы их восстановить.

— Правда? — На Гамаша это явно произвело впечатление. Камины выглядели так, будто стояли тут испокон века. — Так что насчет морилки «Варатан»?

— Да, Габри, что насчет морилки? — спросил Оливье.

— Я собирался снять краску со стойки, пройтись по ней песком и покрыть морилкой, но…

— Но?

— Я надеялся, что вместо меня это сделает Старик Мюнден. Он это умеет. Любит заниматься такими вещами.

— Забудь об этом. Он не должен прикасаться к стойке.

— А где та жестяная банка с морилкой, что вы купили у месье Беливо? — спросил агент Морен.

— У нас дома, в подвале.

— Могу я ее увидеть?

— Да ради бога! — Габри посмотрел на Морена так, словно тот был сумасшедший.

* * *

Жан Ги Бовуар не верил своим глазам. Но он бы не поверил, даже если бы увидел что-нибудь менее великолепное. Он с удовольствием совершал экскурсию по старому дому Хадли. Марк и Доминик Жильбер уже показали ему отличные спальни с каминами и плазменными телевизорами, со спа-ваннами и паровыми душами. Сверкающую мозаичную плитку. Эспрессо-машины в каждой комнате.

Всё в ожидании постояльцев.

Сейчас они находились в спа-пространстве на нижнем этаже, где свет был приглушенный, тона мягкие, а в воздухе витали успокаивающие ароматы. Уже разбирались коробки с флаконами, которые будут поставлены на еще не сделанные полки. Эта часть дома, хотя и не менее эффектная, чем все остальные, явно оставалась пока в меньшей степени готовности.

— По нашим расчетам, через месяц все будет готово, — сказал Марк. — Надеемся принять первых гостей на длинный уик-энд Дня благодарения. Сейчас обдумываем, какую дать рекламу в газеты.

— Я считаю, что еще рановато, но Марк говорит, что успеет закончить.

Большинство персонала мы уже наняли. Четыре массажиста, инструктор по йоге, персональный тренер и администратор. И это только для спа.

Супружеская пара радостно щебетала. «Энид здесь понравилось бы», — подумал Бовуар.

— Сколько будет стоить у вас пребывание семейной пары?

— Ночь в гостинице и разовые целебные спа-процедуры начинаются с трехсот двадцати пяти долларов, — сказал Марк. — Это в обычный будний день на неделе в стандартном номере. Но сюда включены завтрак и обед.

Ни один из номеров не казался Бовуару стандартным. Как не казалась стандартной и цена. Сколько на самом деле стоят все эти крема? Впрочем, на юбилей они себе смогут это позволить. Оливье и Габри его убьют, но им вовсе не обязательно знать. Они с Энид могут оставаться здесь и не гулять по Трем Соснам. Да и кто бы стал уходить из этой роскоши?

— Это на человека, — уточнил Марк, выключив свет.

Они пошли вверх по лестнице.

— Что вы сказали?

— Триста двадцать пять долларов на человека. Без налога, — добавил Марк.

Бовуар был рад, что идет сзади и никто не видит его лица. Похоже, исцеление доступно только богачам.

Пока он нигде не обнаружил следов морилки. Он смотрел на полы, столы, двери, к удовольствию Жильберов восхищался работой. Но при этом не забывал искать красноречивого блеска морилки. Неестественного сияния.

Ничего подобного не обнаруживалось.

Подходя к дому, он хотел было спросить у них напрямую, но решил, что не стоит сразу раскрывать карты. Он прошелся по двору, отметил ухоженные газоны, заново спланированный сад, подстриженные ровные деревья.

Все это отвечало его стремлению к порядку. Вот такой должна быть страна. Цивилизованной.

Из-за дома появился Рор Парра, толкая тележку. Увидев Бовуара, он остановился.

— Вам чем-нибудь помочь?

Бовуар представился, посмотрел на конский навоз в тележке.

— Для вас, вероятно, стало больше работы. — Он зашагал в ногу с Паррой.

— Я люблю лошадей. Хорошо, что они вернулись. У старой миссис Хадли тоже были лошади. Теперь те конюшни обвалились, дорожки

заросли.

— Я слышал, что новые владельцы просили вас проложить их заново.

Парра хмыкнул:

— Большая работа. Но сын помогает, когда у него есть время, и мне нравится этим заниматься. В лесу так тихо.

— Если не считать, что иногда бродят какие-то чужаки.

На лице Парры появилось настороженное выражение.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сказали агенту Лакост, что видели какого-то незнакомца, скрывшегося в лесу, но это был не тот, кого убили. Кто, по-вашему, это был?

— Может, я и ошибся.

— Зачем вы это говорите? Вы ведь сами в это не верите, да?

На сей раз Бовуар заглянул ему в лицо. Парра был покрыт потом, грязью, испачкан навозом. Он был коренастый и мускулистый. Но это не делало его глупцом. Напротив, Бовуар считал его весьма умным. Так зачем же он солгал?

— Не нравится мне, когда на меня смотрят так, будто я сказал им, что меня похитили инопланетяне. Я его видел. А через секунду он исчез. Я его искал, но безрезультатно. А после этого я его не видел.

— Может, он уехал?

— Может.

Некоторое время они шли молча. В воздухе висел терпкий запах свежескошенного сена и навоза.

— Я слышал, новые владельцы очень озабочены вопросами экологии. — Бовуар произнес это с некоторой укоризной, будто относился к таким чудачествам как к глупости: новомодная чепуховина, капризы горожан. — Они наверняка не позволят вам пользоваться пестицидами или удобрениями.

— А я их и так не использую. Сам им об этом сказал. Пришлось обучать их компостированию и вторичной переработке. Не думаю, что они когда-либо слышали о таких вещах. К тому же они пользовались пластиковыми пакетами при покупке товаров. Вы можете себе такое представить?

Бовуар, который тоже пользовался пластиковыми пакетами, покачал головой. Парра свалил навоз в парящую кучу и, улыбаясь, повернулся к Бовуару.

— Что такое? — спросил Бовуар.

— Они теперь зеленее «зеленых». В этом, конечно, нет ничего

плохого. Все бы так!

— А это значит, что во время ремонта они не пользовались всякими токсичными вещами, например морилкой «Варатан».

И опять его коренастый собеседник рассмеялся:

— Собирались. Но я их отговорил. Рассказал про тунговое масло.

Бовуар почувствовал, как рушатся его надежды. Оставив Рора Парру перекапывать компостную яму, Бовуар направился к дому и позвонил в звонок. Пора было задать хозяевам прямой вопрос. Дверь ему открыла мадам Жильбер, мать Марка.

— Я бы хотел еще поговорить с вашим сыном, если вы не возражаете.

— Конечно, инспектор. Вы войдете?

Она была вежлива и любезна. В отличие от сына. Под ее веселыми и обходительными манерами время от времени проглядывала снисходительность, понимание того, что у ее сына есть то, чего нет у других. И это каким-то образом принижало их.

— Я подожду. Вопрос небольшой.

Она исчезла, а Бовуар остался у входа, восхищаясь свежей белой краской, полированной мебелью, цветами в коридоре чуть дальше. Все это создавало ощущение порядка, покоя и гостеприимства. В старом доме Хадли. Бовуар никак не мог в это поверить. Несмотря на все недостатки Марка Жильбера, ему удалось это сделать. Свет проникал внутрь сквозь окно в фойе и отражался от деревянного пола.

Сверкающего пола.

Глава шестнадцатая

Когда вернулась мадам Жильбер с Марком, инспектор Бовуар, подняв коврик, разглядывал пол в небольшой прихожей.

— Что случилось? — спросила она.

Бовуар поднял глаза и жестом попросил их оставаться на месте. Потом снова согнулся.

Пол был обработан морилкой «Варатан». Он был ровный, твердый, чистый, матовый. За исключением одного небольшого мазка. Бовуар встал, отряхнул колени.

— У вас есть беспроводной телефон?

— Сейчас принесу, — сказал Марк.

— Может, ваша матушка сделает это? — Бовуар посмотрел на Кароль Жильбер, та кивнула и вышла.

— Что случилось? — спросил Марк, наклоняясь и всматриваясь в пол.

— Вы знаете, что случилось, месье Жильбер. Вчера ваша жена сказала, что вы никогда не пользовались «Варатаном», что вы старались быть максимально экологичными. Но это была ложь.

Марк рассмеялся:

— Вы правы. Мы и в самом деле использовали здесь «Варатан». Но это произошло до того, как мы узнали, что есть кое-что получше. Поэтому мы отказались от «Варатана».

Бовуар уставился на Марка Жильбера. Он слышал шаги Кароль, которая возвращалась с беспроводным телефоном, постукивая каблучками по деревянному полу.

— Я пользуюсь «Варатаном», — сказал инспектор. — Видимо, меня экологические проблемы волнуют не так сильно, как вас. Я знаю, этой морилке требуется около суток, чтобы впитаться. Но по-настоящему затвердевает она примерно через неделю. Этот «Варатан» положен не месяц назад. Вы не начинали работать с ним. Вы его использовали в последнюю неделю.

Наконец Марк Жильбер разволновался:

— Послушайте, я воспользовался этой морилкой как-то ночью, когда все спали. Это было в прошлую пятницу. Дерево тут хорошее, и оно будет изнашиваться сильнее, чем все остальные полы в гостинице. Поэтому я и решил воспользоваться ею. Но только здесь. Нигде больше. Я думаю, что Доминик и мама даже не знают об этом.

— Вы все время пользуетесь этой дверью? Ведь это же у вас главный вход.

— Мы паркуемся за углом и входим через кухню. Парадным входом никогда не пользуемся. Он для наших гостей.

— Вот телефон, — сказала появившаяся Кароль Жильбер.

Бовуар поблагодарил ее и позвонил в бистро.

— Старший инспектор Гамаш у вас, s'il vous plaît? — спросил он у Оливье.

— Oui? — услышал он низкий голос шефа.

— Я тут нашел кое-что. Думаю, вам надо подойти. И принести набор для обследования места преступления.

— Места преступления? Это что еще значит? — спросил Марк, начиная раздражаться.

Но Бовуар перестал отвечать на вопросы.

Через несколько минут появились Гамаш и Морен, и Бовуар показал им покрытый морилкой пол. И еще маленький мазок, портивший идеальное покрытие.

Морен сделал снимки, потом, надев перчатки и взяв пинцет, отобрал образцы.

— Я немедленно отвезу это в лабораторию в Шербруке.

Морен ушел, а Гамаш и Бовуар повернулись к Жильберам. Доминик как раз пришла из магазина с покупками.

— Что случилось? — спросила она.

Все они стояли в большом холле вдали от входа, на котором повесили желтую полицейскую ленточку; ковер теперь был свернут.

Лицо Гамаша стало суровым, всякое подобие дружелюбия исчезло.

— Кем был убитый?

Трое ошарашенных людей смотрели на него.

— Мы вам уже сказали, — ответила Кароль. — Мы не знаем.

Гамаш задумчиво кивнул:

— Да, вы это говорили. А еще вы говорили, что никогда не видели человека, отвечающего описанию убитого, однако вы видели. По крайней мере, видел один из вас. И один из вас точно знает, каковы будут результаты лабораторного анализа.

Теперь они уставились друг на друга.

— Мертвец был здесь, лежал в вашей прихожей, когда морилка еще не схватилась. Она прилипла к его свитеру. И у вас на полу — клочок его свитера.

— Но это смешно, — сказала Кароль, переводя взгляд с Гамаша на

Бовуара. Она тоже могла перевоплощаться, и милая хозяйка превратилась в фурию, непримиримую, со злыми глазами. — Немедленно оставьте наш дом.

Гамаш едва заметно поклонился и, к удивлению Бовуара, повернулся к выходу, перехватив взгляд подчиненного.

Они двинулись по грунтовой дороге в Три Сосны.

— Отличная работа, Жан Ги. Мы два раза обыскивали этот дом и оба раза не обратили на это внимания.

— Так почему мы уходим? Надо было остаться и допросить их.

— Возможно. Но время играет на нас. Один из них знает, что у нас будут доказательства, вероятно, еще до конца этого дня. Пусть он понервничает. Поверь мне, я не оказываю им ни малейшей услуги.

И Бовуар, прикинув, как обстоят дела, понял, что его шеф прав.

* * *

Перед самым ланчем в оперативном штабе появился Марк Жильбер.

— Могу я поговорить с вами? — обратился он к Гамашу.

— Вы можете поговорить с нами со всеми. Никаких секретов больше нет, не правда ли, месье Жильбер?

Марк ощетинился, но сел на указанный ему стул. Бовуар кивнул Морену: мол, присоединяйся со своим блокнотом.

— Как видите, я пришел добровольно, — сказал Марк.

— Вижу, — ответил Гамаш.

Марк Жильбер шел на старый железнодорожный вокзал медленно, тщательно обдумывая, что им сказать. Когда он объяснялся с деревьями, камнями и летящими на юг утками, его объяснения звучали вполне убедительно. Теперь он не был так уверен.

— Слушайте, я знаю, это звучит смешно, — начал он с той самой фразы, которую зарекся произносить. Он пытался обращаться к старшему инспектору — не к этому хорьку-заместителю или идиоту-мальчишке с его блокнотом. — Но я просто нашел там тело. Меня замучила бессонница. Я встал и направился в кухню, чтобы приготовить сэндвич. И тут увидел его. Он лежал у передней двери.

Он смотрел на Гамаша, который наблюдал за ним спокойными, заинтересованными карими глазами. Они не обвиняли, даже не выражали недоверия. Старший инспектор просто слушал.

— Было уже, конечно, темно, и я зажег свет и подошел поближе. Я

подумал, что какой-то пьянчужка забрел на холм из бистро, увидел наш дом и устроился поудобнее.

Он был прав: эта версия звучала смешно. Но Гамаш ничего не сказал.

— Я хотел позвать на помощь, но не решился расстраивать Доминик или мою мать. И тогда я подошел к нему поближе и увидел его голову.

— И вы поняли, что он убит, — сказал Бовуар, не веря ни слову из объяснений Марка.

— Именно. — Марк благодарно посмотрел на инспектора, но увидел его ироническую ухмылку. Тогда он повернулся к Гамашу. — Я не мог в это поверить.

— Итак, в вашем доме ночью оказывается убитый человек. Разве вы не запираете дверь? — спросил Бовуар.

— Запираем. Но нам много чего привозят, и, поскольку сами мы этой дверью никогда не пользуемся, я полагаю, мы просто забыли.

— И что же вы сделали, месье Жильбер? — спросил Гамаш спокойным, рассудительным голосом.

Марк открыл рот, закрыл его и посмотрел на свои руки. Он поклялся себе, что, когда разговор дойдет до этого, он не будет отводить взгляд в сторону или вниз. Не дрогнет. Но теперь он сделал и то, и другое, и третье.

— Я подумал какое-то время, затем поднял этого человека и потащил его в деревню. В бистро.

Ну наконец-то.

— Зачем? — спросил Гамаш.

— Я собирался вызвать полицию, даже телефон в руке держал. — Он протянул им пустую руку, словно в качестве доказательства. — Но потом я задумался. Задумался обо всей работе, которую мы здесь проделали. И мы уже почти закончили, почти закончили. Мы собираемся открыться через месяц, вы же знаете. А тут я понял, что обо всем этом раззвонят в газетах. Кто захочет останавливаться в гостинице и спа-салоне, если там кого-то убили?

Бовуару не хотелось с этим соглашаться, но он был вынужден. В особенности при таких ценах.

— И вы, значит, подкинули его в бистро? — спросил он. — Почему?

Теперь Жильбер повернулся к нему.

— Потому что я не хотел подсовывать его в чей-то еще дом, чтобы его там нашли. А я знал, что Оливье держит ключ под вазоном у входа. — Он видел их скептические взгляды, но все равно продолжил: — Я отнес мертвеца в деревню, оставил его на полу в бистро и вернулся домой. Потом принес коврик из спа-салона и укрыл им то место, где лежал мертвец. Я

знал, что никто не хватится этого коврика, который я принес снизу. Слишком много дел.

— Ситуация для вас очень опасная, — сказал Гамаш, глядя на Марка. — Мы можем предъявить вам обвинение в воспрепятствовании следствию, в надругательстве над телом, во введении полиции в заблуждение.

— В убийстве, — добавил Бовуар.

— Нам необходима вся правда. Почему вы отнесли тело в бистро? Вы могли оставить его в лесу.

Марк вздохнул. Он рассчитывал, что они не будут поднимать этот вопрос.

— Я думал об этом. Но в Трех Соснах в это время много детей на долгий уик-энд, и я не хотел, чтобы кто-нибудь из них наткнулся на него.

— Благородно, — не без иронии сказал Гамаш. — Но вероятность этого была чрезвычайно мала, верно? Как часто ребята играют в лесу близ вашего дома?

— Это случается. Вот вы стали бы рисковать?

— Я бы вызвал полицию.

Старший инспектор сделал паузу, чтобы его последнее предложение произвело надлежащий эффект. Оно лишало Марка Жильбера возможности ссылаться на то, что он руководствовался какими-то высокими материями. Оно разоблачало его. Выставляло человеком, который в лучшем случае совершил что-то бессовестное. А в худшем — убийство.

— Говорите правду, — почти шепотом произнес Гамаш.

— Я отнес тело в бистро, чтобы все думали, будто его убили там. Оливье нам все время палки в колеса вставлял.

— И вы отплатили ему, принеся в бистро убитого? — спросил Бовуар.

Он знал нескольких человек, которым с удовольствием подбросил бы в дом покойника. Но он никогда этого не делал. А этот человек сделал. Что говорило о его ненависти к Оливье. Редкой и удивительной степени ненависти. И о его решимости.

Марк Жильбер посмотрел на свои руки, посмотрел в окно, скользнул взглядом по стенам старого железнодорожного вокзала, и наконец его глаза остановились на крупном человеке, сидящем напротив него.

— Да, я сделал это. Не должен был делать, знаю. — Он покачал головой, удивляясь собственной глупости.

Молчание затянулось, и он поднял голову. Глаза его прищурились, засветились пониманием.

— Постойте. Уж не думаете ли вы, что я его убил?

Они ничего не ответили.

Жильбер переводил взгляд с одного на другого. Он даже посмотрел на идиота-агента, который замер с авторучкой в руке.

— Да зачем бы мне это делать? Я даже не знаю, кто он такой!

Полицейские по-прежнему молчали.

— Да нет же! Я ведь его даже никогда не видел.

Наконец Бовуар нарушил молчание:

— И тем не менее он оказался в вашем доме. Мертвый. Каким образом тело постороннего человека очутилось в вашем доме?

— Вы же сами говорите! — Жильбер вытянул руки, взывая к Бовуару. — Вы же сами говорите! Именно поэтому я и не вызывал полицию. Потому что знал, что вы подумаете. — Он обхватил голову руками, словно стараясь сдержать мечущиеся мысли. — Доминик меня убьет. О господи! Боже мой!

Плечи его опустились, голова поникла под грузом того, что он сделал, и того, что ему еще предстоит.

В это время зазвонил телефон. Агент Морен снял трубку:

— Полиция Квебека.

Торопливый голос на другом конце звучал приглушенно.

— Désolé, — сказал Морен, испытывая неловкость из-за того, что ему приходится мешать допросу. — Я не понимаю.

Все посмотрели на него. Он покраснел и заставил себя слушать внимательнее, но все равно не мог понять, что ему говорят. Наконец он услышал, и цвет его лица изменился.

— Un instant.[50]

Он закрыл рукой микрофон.

— Это мадам Жильбер. На их территории какой-то человек. Она увидела его в лесу с задней стороны дома. — Морен снова стал слушать. — Она говорит, что он направляется к дверям. Что будем делать?

Все трое мужчин встали.

— Боже мой, он, вероятно, видел, как я ушел, и знает, что они одни, — выпалил Марк.

Гамаш взял трубку:

— Мадам Жильбер, задняя дверь дома заперта? Вы можете ее запереть? — Он подождал. — Хорошо. Где он теперь?

Он послушал несколько мгновений и двинулся к двери. Инспектор Бовуар и Марк бросились за ним.

— Мы будем через две минуты. Возьмите свекровь и закройтесь в ванной наверху. В той, которую вы мне показывали. Да, с балконом.

Заприте двери, задерните шторы. Оставайтесь там до нашего прибытия.

Бовуар завел машину, Гамаш хлопнул дверью и отдал трубку Морену.

— Оставайся здесь. И вы тоже.

— Я еду, — сказал Жильбер и потянулся к ручке задней двери.

— Вы останетесь здесь и будете говорить по телефону с вашей женой. Сохраняйте спокойствие. Вы нас задерживаете, месье.

Жильбер выхватил трубку у Морена, а Бовуар нажал на педаль газа — и машина рванулась с места. Они проскочили каменный мостик, миновали деревенский луг, мигом преодолели склон Дю-Мулен и через несколько секунд притормозили перед старым домом Хадли. Быстро и без шума вышли из машины.

— У вас есть пистолет? — прошептал на ходу Бовуар, пока они, пригнувшись, бежали к углу дома.

Гамаш помотал головой. «Ну дела!» — подумал Бовуар. Временами ему хотелось самому пристрелить своего шефа.

— Оружие опасно, — сказал Гамаш.

— Именно поэтому у него, — Бовуар мотнул головой в сторону леса, — оно, вероятно, есть.

Гамаш поднял руку, и Бовуар замолчал. Старший инспектор махнул рукой в одном направлении, а сам исчез за углом дома в другом. Бовуар побежал мимо передней двери, собираясь обогнуть дом с дальней стороны. Оба они направлялись туда, где Доминик видела постороннего человека.

Прижимаясь к стене и пригибаясь, Гамаш выглянул из-за угла. Нужно было торопиться. Неизвестный находился здесь уже не менее пяти минут, предоставленный самому себе. Возможно, он уже в доме. За минуту может многое случиться. Что уж говорить о пяти.

Гамаш обежал куст и добрался до дальнего конца старого дома. Он увидел там какое-то движение. Человек. Крупный. В шапке, перчатках и камуфляжной куртке. Он был рядом с домом, рядом с задней дверью. Если он проникнет внутрь, их задача станет гораздо сложнее. В доме столько мест, где можно укрыться. Там он будет гораздо ближе к женщинам.

Старший инспектор смотрел на незнакомца, а тот тем временем оглянулся и направился к двери.

Гамаш отделился от стены.

— Стоять! — скомандовал он. — Полиция Квебека.

Человек остановился. Он стоял спиной к Гамашу и не мог видеть, есть ли у него пистолет. Но и Гамаш тоже не видел, есть ли у человека пистолет.

— Я хочу увидеть ваши руки, — сказал Гамаш.

Никакого движения. Гамаш знал, что это плохой признак. Он

приготовился нырнуть в сторону, если человек развернется и выстрелит. Но пока оба стояли неподвижно. А потом человек быстро повернулся.

Гамаш, опытный и тренированный, почувствовал, как время замедлилось и мир разрушился — остался лишь этот человек, развернувшийся лицом к нему. Его тело, его движения, его руки. И как только человек повернулся, Гамаш увидел какой-то предмет, зажатый в его правой руке.

Гамаш быстро пригнулся.

В следующее мгновение человек оказался на земле, а Бовуар — на нем. Гамаш бросился вперед, прижал руки человека к земле.

— У него было что-то в руке. Ты видишь? — спросил Гамаш.

— Оно у меня, — сказал Бовуар, и Гамаш поднял человека на ноги.

Оба полицейских посмотрели на него. Шапка упала с головы незнакомца, обнажив растрепавшиеся седые волосы. Он был высокий и тощий.

— Что вы делаете, черт побери? — спросил человек.

— Вы вторглись в пределы чужой собственности, — сказал Бовуар, протягивая Гамашу то, что прежде было в руке человека.

Оказалось, что это пакет с мюсли. И на пакете надпись.

«Мануар-Бельшас».

Гамаш внимательнее присмотрелся к человеку. Тот показался ему знакомым. Человек тоже смотрел на него — недовольно, высокомерно.

— Как вы смеете? Вы знаете, кто я?

— Откровенно говоря, — сказал Гамаш, — знаю.

* * *

После звонка Морену Марк Жильбер был освобожден и несколько минут спустя, запыхавшийся от бега, появился в своем доме. Ему сказали, что его матери и жене ничто не угрожает, но он успокоился, только когда увидел их. Он поцеловал и обнял обеих, а потом повернулся к Гамашу:

— Кто он? Я хочу его видеть.

«Видеть» в данном случае явно было эвфемизмом.

— Инспектор Бовуар находится вместе с ним в сарае.

— Хорошо, — сказал Марк и направился к двери.

— Марк, постой, — бросилась за ним его мать. — Может быть, оставим это дело полиции?

У Кароль Жильбер все еще был испуганный вид. И на то имелись

основания, решил Гамаш, подумав о человеке в сарае.

— Ты шутишь? Этот человек шпионил за нами. А может, и что похуже.

— Что ты имеешь в виду, говоря «похуже»?

Марк не спешил с ответом.

— Почему ты не хочешь нам сказать? — спросила его жена.

Он посмотрел на Гамаша:

— Я не исключаю, что он убил того человека и оставил тело в нашем доме. В виде предупреждения. А может, он собирался убить и кого-то из нас. Я думал, этот неизвестный — кто-то из местных жителей. Не знаю. Но сначала появляется труп, потом этот тип пытается вломиться в дом. Кто-то хочет нам навредить. И я хочу знать почему.

— Постой. Погоди-ка. — Доминик вцепилась в мужа. — Что ты такое говоришь? Труп находился здесь? — Она кинула взгляд в сторону прихожей. — В нашем доме? — Она посмотрела на Гамаша. — Это правда? — Потом снова на мужа. — Да?

Он открыл было рот, но потом закрыл его и глубоко вздохнул:

— Он находился здесь. Полиция была права. Я его нашел, когда поднялся среди ночи. Испугался и сделал глупость.

— Ты отнес тело в бистро?

Доминик была настолько потрясена, что на ее лице появилось странное выражение — будто любимый человек отхлестал ее по щекам. Мать смотрела на сына так, будто тот помочился в ресторане отеля «Шато Фронтенак».[51] Он помнил этот взгляд еще со своих мальчишеских лет — он тогда был совсем ребенком и пописал прямо в зале ресторана «Шато Фронтенак».

Мысли Жильбера метались в поисках виноватого. Нет, это была не его вина. Нет, его жена не способна оценить ту ситуацию. Нет, его поступок нельзя назвать полным идиотизмом, в чем обвиняло его выражение ее лица.

Но он знал: так оно и было.

Доминик повернулась к Гамашу:

— Даю вам разрешение пристрелить его на месте.

— Merci, madame, но у меня для этого нет средств. Чтобы исполнить ваше желание, мне как минимум нужен пистолет.

— Жаль, — сказала она и посмотрела на мужа. — И что только было у тебя в голове?

Он рассказал жене и матери, как рассказывал прежде полицейским, почему в три часа ночи этот план представился ему таким очевидным, таким блестящим.

— Ты сделал это ради бизнеса? — спросила Доминик, когда он

закончил. — Если подбрасывание тел покойников в чужие дома — часть бизнес-плана, то это совершенно порочный бизнес-план.

— Не было никакого плана, — попытался оправдаться он. — Да, я совершил страшную ошибку, но разве тут не возникает более серьезных вопросов? — Наконец-то он нашел, за что зацепиться. — Да, я перетащил тело. Но кто подбросил его сюда — вот главный вопрос.

Женщины явно были настолько потрясены его признанием, что даже не подумали об этом. Но Гамаш подумал. Потому что он заметил и кое-что еще на покрытом морилкой полу. Его сияние и царапины. И полное отсутствие крови. Бовуар тоже обратил на это внимание. Даже если бы Марк Жильбер оттирал пол все это время, ему не удалось бы уничтожить всех следов крови. Следы остались бы.

Но они не увидели ничего. Только клочки от кардигана покойника.

Конечно, Жильбер вполне мог совершить это убийство, но только не в собственном доме. Когда тело перетащили сюда, человек уже был мертв.

Жильбер встал:

— Вот одна из причин, почему я хочу увидеть человека, который пытался ворваться в наш дом. Я думаю, он каким-то образом связан с этим.

Его мать прикоснулась к рукаву сына:

— Оставь это полиции. Может, этот человек нездоров.

Она посмотрела на Гамаша, но у старшего инспектора не было ни малейших намерений останавливать Марка Жильбера — пусть встретится с нарушителем покоя. Он хотел увидеть, что произойдет, когда состоится эта встреча.

— Идите со мной, — сказал он Марку. Потом повернулся к женщинам. — Если хотите, можете присоединиться к нам.

— Да, я пойду, — сказала Доминик. — Наверное, вам лучше остаться в доме, — посоветовала она свекрови.

— Нет, я тоже пойду.

Они подошли к сараю под взглядами лошадей, пасущихся в поле. Бовуар, который не видел их прежде, чуть не остановился в изумлении. Он в жизни не видел столько лошадей разом. Разве что в кино. Но эти не походили на лошадей из кино. Правда, и большинство мужчин не были похожи на Шона Коннери, а большинство женщин — на Джулию Робертс. Но даже если сделать скидку на естественный отбор, эти лошади выглядели, мягко говоря, странновато. Одна вообще не была похожа на лошадь. Они начали отходить подальше, одна из них засеменила в сторону.

Поль Морен, повидавший немало лошадей, сказал:

— Милые коровки.

Доминик Жильбер проигнорировала его. Лошади влекли ее. Их собственная жизнь внезапно начала рушиться, и тем сильнее была притягательность этих спокойных животных. Как и их страдания. Нет, не страдания — их стойкость. Если они могли вынести целую жизнь плохого обращения и боли, то и она перенесет тот удар, который, возможно, ждет ее в сарае. Остальные обогнали ее, а Доминик остановилась, потом подошла к загону, встала на ведерко и перегнулась через забор. Все лошади, кроме Ромашки, еще побаивались ее и отбрели на всякий случай подальше. Но Ромашка, большая, неловкая, уродливая, покрытая шрамами, подошла к ней, легонько ткнулась своим широким плоским лбом в грудь Доминик, словно делала это всю жизнь. Словно они подходили, как ключ к скважине. Доминик пошла догонять остальных и встретиться с той тенью, которая находилась в сарае; ее руки пахли лошадью, и она все еще чувствовала утешительный тычок лошадиного лба.

Их глазам понадобилось несколько секунд, чтобы приспособиться к сумеречному свету в сарае. Потом тень обрела устойчивые очертания. Человеческие. Они увидели высокого, стройного, изящного пожилого человека.

— Вы заставили меня ждать, — раздалось из темноты.

Марк, у которого зрение было не слишком хорошим, хотя он и старался не показывать этого, видел только силуэт. Но слова, голос сказали ему более чем достаточно. Голова у него закружилась, и он вытянул руку, чтобы не упасть. Мать, стоявшая рядом с ним, поддержала его.

— Мама? — прошептал он.

— Все в порядке, Марк, — сказал человек.

Но Марк знал, что не все в порядке. До него доходили слухи о старом доме Хадли, об упырях, обитавших там. Ему нравились эти истории, потому что они отпугивали других покупателей и ему удалось купить эту собственность дешево.

Прах к праху. Здесь случилось что-то воистину ужасное. Дом Хадли произвел на свет еще одного призрака.

— Отец?

Глава семнадцатая

— Отец?

Марк вгляделся в темноту темнее мрака. Голос, навсегда оставшийся в памяти, узнавался безошибочно. Низкий спокойный голос, в котором всегда слышалась укоризна и легкая ирония, отчего ребенок, потом юноша, потом мужчина никогда не знал, как относится к нему отец. Но подозревал.

— Привет, Марк.

Голос прозвучал шутливо, словно здесь происходило что-то забавное. Словно ступор, в который впал Марк, услышав отца, давал повод для веселья.

Доктор Винсент Жильбер вышел из сарая и из царства мертвых на свет божий.

— Мама? — Марк повернулся к женщине рядом с ним.

— Извини, Марк. Идем.

Она вытащила своего единственного ребенка на солнце и посадила на тюк сена. Засохшие травинки укололи его.

— Ты можешь принести что-нибудь выпить? — спросила Кароль у невестки, но Доминик, схватившаяся за щеку, была ошеломлена не меньше своего мужа.

— Марк? — проговорила Доминик.

Бовуар посмотрел на Гамаша. День грозил затянуться, если они только и будут что называть друг друга по имени.

Доминик пришла в себя и быстро пошла, а потом побежала в дом.

— Прошу прощения, если удивил вас.

— Конечно, ты его удивил, — резко сказала Кароль. — Что, по-твоему, он должен чувствовать?

— Я думал, что увижу более радостную реакцию.

— Ты никогда не думаешь.

Марк отвел взгляд от отца и повернулся к матери:

— Ты мне сказала, что он умер.

— Видимо, это было преувеличением.

— Умер? Ты ему сказала, что я умер?

Она снова повернулась к мужу:

— Мы договорились с тобой, что именно это я и скажу. У тебя что, память отшибло?

— У меня? У меня? Ты хоть представляешь себе, как я жил, пока ты

играла в бридж?

— Да, ты бросил семью…

— Хватит, — приказал Гамаш, поднимая руку.

Не без некоторых усилий эти двое перестали препираться и повернулись к нему.

— Я хочу, чтобы не осталось никаких неясностей, — произнес Гамаш. — Это ваш отец?

Марк впился взглядом в человека, стоящего рядом с его матерью. Тот стал старше, похудел. Ведь прошло почти двадцать лет с того дня, когда он пропал в Индии. По крайней мере, так ему сказала мать. Прошло еще несколько лет — и она сказала, что сделала заявление о его смерти и не стоит ли им, по мнению Марка, устроить поминки?

Марк совершенно об этом не задумывался. Его ждали занятия куда более интересные, чем поминки по человеку, который пропадал почти всю его жизнь.

И потом эта история закончилась. Великий человек — а именно таким и был отец Марка — был забыт. Марк никогда не говорил о нем, никогда о нем не вспоминал. Когда он познакомился с Доминик и она спросила у него про Винсента Жильбера — не его ли это отец, Марк ответил: да, это его отец. Но он умер. Пропал в какой-то темной дыре Калькутты, Бомбея или Мадраса.

«А он не святой?» — спросила Доминик.

«Да-да, святой. Святой Винсент. Который воскрешал мертвых и хоронил живых».

Больше она с ним на эту тему не говорила.

— Прошу.

Доминик вернулась с подносом, на котором стояли стаканы и бутылки, — она не понимала, какой повод для выпивки. Она нередко председательствовала на заседаниях совета директоров, выступала в роли хозяйки на обедах с клиентами, участвовала в заседаниях третейских судов, но никогда не сталкивалась с чем-либо подобным. Отец. Восстал из мертвых. Но почтения к нему явно не испытывали.

Она поставила поднос на бревно и поднесла руки к лицу, вдыхая терпкий лошадиный запах — это позволило ей снять накопившееся напряжение. Руки она опустила, но оставалась начеку. У нее было чутье на неприятности, и оно не подвело ее и на сей раз.

— Да, это мой отец, — сказал Марк. Потом повернулся к матери. — Так он не умер?

Гамашу этот вопрос показался занятным. Не «Так он жив?», а «Так он

не умер?». Между двумя этими вопросами была известная разница.

— Боюсь, что нет.

— Я здесь стою перед тобой, — сказал доктор Жильбер. — И я могу слышать.

Его все это ничуть не расстроило — только позабавило. Гамаш знал, что доктор Винсент Жильбер может быть грозным оппонентом. И он надеялся, что этот великий человек — а Гамаш знал, что у него такая репутация, — не является злодеем.

Кароль протянула Марку стакан с водой и налила себе, сев на сено рядом с ним.

— Мы с твоим отцом давным-давно решили, что наш брак исчерпал себя. Как тебе известно, он уехал в Индию.

— Но почему ты сказала, что он умер? — спросил Марк.

Если бы этого не сделал он, то такой вопрос задал бы Бовуар. Он всегда считал, что у него довольно-таки странная семья. Никакого шепота, никаких тихих разговоров. Сплошной накал и напряжение. Голоса громкие, крикливые, пронзительные. Всегда в лицо друг другу, всегда бесцеремонно. Это был ужас. Ему хотелось спокойствия, тишины, и он нашел все это в Энид. Они жили тихо, уважительно относились друг к другу, никогда слишком не отдалялись, никогда слишком не сближались.

Надо бы ей позвонить.

Но какой бы странной ни была его семья, она и в сравнение не шла с тем, что он видел сейчас. Собственно, это было одним из главных преимуществ его работы: по сравнению с людьми, которые действительно убивали друг друга, а не просто думали об этом, члены его семьи казались ангелами.

— Мне казалось, что так будет легче, — сказала Кароль. — Мне было проще быть вдовой, чем разведенной женщиной.

— А обо мне ты подумала? — спросил Марк.

— Я решила, что и тебе так будет проще. Проще считать, что твой отец мертв.

— С чего ты это взяла?

— Извини. Я ошиблась, — сказала его мать. — Но тебе было двадцать пять, и ты никогда не питал особой любви к отцу. Я и вправду думала, что тебе будет все равно.

— И поэтому ты его убила?

Винсент Жильбер, до этого момента хранивший молчание, рассмеялся:

— Хорошо сказано.

— Заткнись, — сказал Марк. — Я поговорю с тобой чуть позже.

Он передвинулся на колючем сене. Его отец и в самом деле был сущий геморрой.

— Он согласился на это, что бы он ни говорил сейчас. Я не могла бы сделать это без его помощи. Он согласился умереть в обмен на свою свободу.

Марк повернулся к отцу:

— Это так?

Теперь Винсент Жильбер казался менее величественным, менее уверенным.

— Я был не в себе. Плохо себя чувствовал. Я поехал в Индию, чтобы найти себя, и решил, что наилучший для этого способ — навсегда расстаться с прежней жизнью. Стать новым человеком.

— Значит, меня больше не существовало? — спросил Марк. — Превосходная семейка. И где же ты был?

— В «Мануар-Бельшас».

— Двадцать лет? Ты прожил двадцать лет в роскошной гостинице?

— Да нет. Я приезжал туда изредка летом. Я привез вот это. — Он показал на пакет, стоящий на полке в сарае. — Это тебе, — сказал он Доминик.

— Мюсли, — сказала она. — Из «Бельшас». Спасибо.

— Мюсли? — переспросил Марк. — Ты восстал из мертвых, чтобы принести овсянку на завтрак?

— Я не знал, что вам нужно, — сказал его отец. — Я знал от твоей матери, что вы купили здесь дом, поэтому приехал и время от времени приглядывал за вами.

— Значит, вы тот самый человек, которого Рор Парра видел в лесу, — сказала Доминик.

— Рор Парра? Рор? Вы серьезно? Он что, тролль? Такой темный коренастый человек?

— Тот милый человек, который помогает твоему сыну привести дом в порядок, — ты это хотел сказать? — спросила Кароль.

— Я говорю то, что думаю.

— Да прекратите вы это, бога ради, — сказала Доминик, сердито посмотрев на родителей Марка. — Соблюдайте приличия.

— Ты зачем сюда пришел? — спросил наконец Марк.

Винсент Жильбер подумал немного, потом сел на ближайший тюк сена.

— Я поддерживал связь с твоей матерью. Она сообщила мне о твоей женитьбе. Писала о твоей работе. Ты вроде был счастлив. Но потом она

сообщила, что ты бросил работу и уехал бог знает куда. Я хотел убедиться, что ты жив и здоров. Видишь ли, я ведь не полный мерзавец, — сказал Винсент Жильбер. На его красивом, аристократическом лице появилось мрачное выражение. — Я понимаю, какое это потрясение. Прошу прощения. Не нужно было позволять твоей матери делать это.

— Pardon? — сказала Кароль.

— Я никогда не объявился бы здесь, но тут этот труп, кругом полиция, и я подумал, что тебе может понадобиться моя помощь.

— Что там насчет трупа? — спросил Марк отца, который молча смотрел на него. — Ну?

— Что «ну»? Постой-ка… — Винсент Жильбер перевел взгляд со своего сына на Гамаша, который с любопытством наблюдал за ними, потом снова посмотрел на сына и рассмеялся. — Ты шутишь? Ты думаешь, я имел к этому какое-то отношение?

— А ты имел? — спросил Марк.

— Ты и в самом деле ждешь от меня ответа на такой вопрос?

Этот добродушный человек не просто ощетинился — он стал излучать злобу. Это произошло так быстро, что даже на Гамаша произвело впечатление. Культурный, вежливый человек, слегка ироничный, внезапно переполнился ненавистью до такой степени, что она целиком поглотила его, перелилась через край и поразила всех, кто был рядом. Марк разбудил монстра — он либо забыл, что этот монстр обитал в его отце, либо хотел убедиться, что тот все еще существует. И он получил ответ. Марк стоял почти недвижимо, единственной его реакцией были красноречиво расширившиеся глаза.

Ах, какую историю смог прочесть по ним Гамаш! Он увидел в них испуганного ребенка, мальчика, молодого человека, который никогда не знал, чего ждать от отца. Каким он будет сегодня — любящим и душевным? Или будет драть шкуру со своего сына? Удостоит его взглядом, словом? Оставит мальчика голым и пристыженным? Мальчика, который знает, что он слаб и зависим, глуп и эгоистичен. И мальчик рос, зная, что его внешняя оболочка должна уметь противостоять суровостям мира. Но хотя задубевшая шкура спасала нежные молодые души, Гамаш знал, что вскоре она перестанет защищать и сама превратится в проблему. Потому что внешняя оболочка не пропускала не только обиды, она задерживала и свет. И испуганная маленькая душа, прячущаяся внутри, превращалась в нечто совершенно другое, взлелеянное одной лишь тьмой.

Гамаш с интересом смотрел на Марка. Он разбудил монстра, и тот, конечно, пробудившись, нанес удар. Но не разбудил ли он при этом и

монстра внутри себя? Или это случилось раньше?

Кто-то подбросил мертвое тело к ним в дом. Кто это сделал — отец? Или сын? Или кто-то другой?

— Я жду вашего ответа, месье, — сказал Гамаш, поворачиваясь к Винсенту Жильберу и вперяясь в него пронзительным взглядом.

— Называйте меня «доктор», — сказал Жильбер ледяным тоном. — Я не потерплю унижений ни от вас и ни от кого другого. — Он снова посмотрел на сына, потом опять на старшего инспектора.

— Désolé, — сказал Гамаш и чуть поклонился, ни на миг не отрывая взгляда от рассерженного человека.

Извинение, казалось, еще больше разозлило Жильбера, который понял, что один из них достаточно силен и оскорбления отскакивают от него, а другой — слаб.

— Расскажите нам о теле, — повторил Гамаш так, словно между ним и Жильбером происходил светский разговор.

Жильбер посмотрел на него с отвращением. Краем глаза Гамаш заметил, что с поля к ним приближается конь Марк. Он был похож на какого-то скакуна для демона — костлявый, покрытый грязью и язвами. Один глаз безумен, другой слеп. Гамаш предположил, что коня привлекло нечто очень ему знакомое. Ярость.

Двое мужчин смотрели друг на друга. Наконец Жильбер насмешливо фыркнул, отвергая Гамаша и его вопрос как бессмысленные. Монстр отступил в свою пещеру.

Но конь подходил все ближе и ближе.

— Я ничего об этом не знаю. Но я подумал, что для Марка это может выйти боком, и решил держаться поблизости на тот случай, если ему понадоблюсь.

— Понадобишься для чего? — спросил Марк. — Чтобы напугать всех до полусмерти? Ты не мог просто позвонить в дверь или написать письмо?

— Я не знал, что ты настолько чувствительный.

Удар хлыстом, небольшая рана, монстр улыбнулся и отступил. Но Марк уже наслушался. Он подбежал к забору и укусил Винсента Жильбера за плечо. Речь, разумеется, о коне Марке.

— Какого черта?! — завопил Жильбер и отпрыгнул в сторону, схватившись рукой за свое худосочное плечо.

— Вы собираетесь его арестовать? — спросил Марк Гамаша.

— Вы собираетесь выдвигать против него обвинения?

Марк посмотрел на отца, потом на развалину-коня, несчастного, наполовину безумного. И человек Марк улыбнулся:

— Нет. Возвращайся в страну мертвых, отец. Мама была права. Так проще.

Он повернулся и исчез в доме.

* * *

— Ну и семейка, — сказал Бовуар по пути в деревню. Агент Морен пошел вперед в оперативный штаб, а Жильберов они оставили поедать друг друга. — И все же в этом доме соблюдено некоторое равновесие.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гамаш.

Слева от них он заметил Рут Зардо — та вышла из своего дома в сопровождении Розы, облаченной в свитер. Гамаш написал благодарственную записку за вчерашний обед и во время утренней прогулки бросил ее в ржавый почтовый ящик Рут. Он увидел, как она вытащила записку, скользнула по ней взглядом и сунула в карман своего потрепанного старого кардигана.

— Ну, один умер, другой ожил.

Гамаш улыбнулся, спрашивая себя, адекватна ли такая замена. Рут увидела их в тот самый момент, когда Бовуар заметил ее.

— Бегите, — прошипел он в ухо шефа. — Я вас прикрою.

— Слишком поздно, сынок. Утка нас видела.

И в самом деле, если Рут благополучно игнорировала их, то Роза устремилась вперед с пугающей скоростью.

— Кажется, вы ей нравитесь, — сказала Рут Бовуару, хромая следом за уткой. — Правда, у нее птичьи мозги.

— Мадам Зардо, — с улыбкой приветствовал ее Гамаш.

Бовуар же поедал ее сердитым взглядом.

— Говорят, что Жильбер подбросил тело в бистро Оливье. Почему вы его не арестовали?

— Вам это уже известно? — спросил Бовуар. — И кто же вам сказал?

— А кто об этом не говорит? Вся деревня. Ну, так вы собираетесь арестовать Марка Жильбера?

— За что?

— Для начала, за убийство. Вы что, с ума сошли?

— Это я с ума сошел? А кто разгуливает с уткой, одетой в свитер?

— А чего бы вы от меня хотели? Чтобы она замерзла до смерти, когда наступит зима? Да что же вы за человек такой?

— Я? Если уж мы заговорили о сумасшедших, то расскажите-ка мне

про записку, которую вы передали мне через Оливье. Я даже не помню, что там было написано, но никакого смысла в ней не было.

— Вы думаете, не было? — Морщинистая старая поэтесса фыркнула.

— «Может, во всем этом есть что-то ускользающее от меня», — процитировал Гамаш строки стихотворения.

Рут холодными глазами посмотрела на него:

— Это было частное послание. Не предназначенное для вас.

— И что оно значит, мадам?

— Пошевелите мозгами. И он тоже пусть пошевелит.

Ее рука нырнула в другой карман, извлекла оттуда еще один клочок бумаги, аккуратно сложенный. Рут протянула его Бовуару и направилась к бистро.

Бовуар посмотрел на идеальный белый квадратик у себя на ладони, потом его пальцы сомкнулись, сжимая бумажку.

Двое мужчин проводили взглядом Рут и Розу, которые пересекали деревенский луг. На дальнем конце луга они увидели людей, входящих в бистро.

— Она явно спятила, — сказал Бовуар по дороге в оперативный штаб. — Но она задала хороший вопрос. Почему мы никого не арестовали? Мы могли бы целый день заполнять документы на арест, выбирая между папочкой и сыночком.

— С какой целью?

— С целью осуществления правосудия.

Гамаш рассмеялся:

— Об этом я совсем забыл. Спасибо, что напомнил.

— Нет, правда, сэр. Мы могли предъявить им обвинения по множеству статей, начиная с вторжения на чужую территорию и кончая убийством.

— Мы оба знаем, что его не убили в той прихожей.

— Но это не значит, что Марк Жильбер не убил его где-то в другом месте.

— А потом приволок в собственный дом. После чего снова взвалил себе на плечи и потащил в бистро?

— Это мог сделать отец.

— Зачем?

Бовуар задумался. Он не мог поверить, что эта семейка ни в чем не виновата. И убийство было как раз в их духе. Хотя более вероятным казалось, что они там все поубивают друг друга.

— Может, он хотел подстроить козу своему сыну, — сказал Бовуар.

Но в такой логике был изъян. Они остановились на каменном мосту

через речку Белла-Беллу, и инспектор встал у перил, задумавшись. Лучики солнца отражались от воды, и Бовуара на мгновение зачаровало это движение.

— Может быть, все как раз наоборот, — сказал он, нащупывая мысль. — Может быть, Жильбер хотел вернуться к сыну, но ему нужен был предлог. Для любого другого это было бы смешно, но у него такая гордыня, что он не мог просто вернуться, постучать в дверь и извиниться. Ему нужен был предлог. Я могу представить себе, как он убивает бродягу — человека, которого считает намного ниже себя. Которого может использовать в своих целях.

— И что же это за цели? — спросил Гамаш, тоже глядя в прозрачную воду.

Бовуар повернулся к своему шефу, увидел отраженный свет, играющий на его лице.

— Воссоединиться с сыном. Но он должен был предстать спасителем, а не каким-то неудачником-отцом, который приполз к семье.

Гамаш с интересом посмотрел на него:

— Продолжай.

— Поэтому он убил бродягу, человека, исчезновения которого никто не заметит, подбросил его в прихожую сына и стал ждать фейерверка, полагая, что сможет вернуться в семью и занять там главенствующее положение, когда потребуется его помощь.

— Но Марк перетащил тело, и этот предлог исчез, — сказал Гамаш.

— Ну да. Интересна последовательность событий. Мы узнаем, что тело находилось в старом доме Хадли, а час спустя появляется папочка.

Гамаш кивнул, прищурившись, потом снова уставился в струящиеся воды реки. Бовуар достаточно хорошо знал своего шефа: тот теперь медленно перебирал в уме все подробности дела, пробирался по скользким скальным тропинкам, пытался найти верную дорожку, которая затерялась среди обмана и времени.

Бовуар развернул бумажку, которую всучила ему Рут.

Я сижу, где посажена, созданная
из камня и желаемого, выданного за действительное:

— Кто такой Винсент Жильбер, сэр? Вы, кажется, знаете его.

— Он святой.

Бовуар рассмеялся, но, видя серьезное лицо Гамаша, оборвал смех.

— Что вы имеете в виду?
— Есть люди, которые в это верят.
— Мне он показался закоренелым мерзавцем.
— Это самая трудная часть процесса. Отделить одного от другого.
— Вы верите, что он святой? — чуть ли не со страхом спросил Бовуар.
Гамаш неожиданно улыбнулся:
— Я тебя здесь покину. Ты как насчет ланча через полчаса в бистро?
Бовуар посмотрел на часы. Двенадцать тридцать пять.
— Отлично.
Он проводил взглядом шефа, который медленно пересек мост, направляясь в Три Сосны. Потом он снова посмотрел на клочок бумажки и дочитал остальную часть стихотворения Рут.

будто божество, убивающее ради удовольствия,
может и исцелять,

За Гамашем наблюдал и кое-кто еще. В бистро Оливье смотрел в окно, слушая приятные звуки смеха и щелчки кассового аппарата. Бистро было заполнено. Вся деревня, весь округ съехались сюда за ланчем, за новостями, за слухами. Все хотели узнать о последних драматических событиях.
Старый дом Хадли произвел еще одно тело, а затем переместил его в бистро. Или, по крайней мере, это сделал новый хозяин дома. Все подозрения с Оливье были сняты, пятно с его репутации исчезло.
Оливье слышал вокруг разговоры, размышления о Марке Жильбере. О его душевном состоянии, его мотивах. Неужели он оказался убийцей? Но в одном все были уверены, одно никем не ставилось под сомнение.
С Жильбером покончено.
— Кто после этого захочет там останавливаться? — услышал он чей-то голос. — Парра говорит, они вложили целое состояние в этот дом, а тут — на тебе.
Все сходились на том, что хотя и жаль, но это неизбежно. Новая гостиница и спа-салон оказались разрушены, еще не открывшись. Оливье смотрел в окно, как Гамаш неторопливо направляется к бистро. Рядом с Оливье появилась Рут.
— Представь себе, что тебя преследует вот это, — сказала она, глядя, как старший инспектор шаг за шагом неумолимо приближается к бистро.
Клара и Габри, протиснувшись сквозь толпу, присоединились к ним.

— На что это вы смотрите? — спросила Клара.

— Ни на что, — сказал Оливье.

— На него. — Рут показала на Гамаша, который явно был погружен в свои мысли, но при этом неуклонно приближался. Неспешно, но и неуклонно.

— Он должен быть доволен, — сказал Габри. — Говорят, Марк Жильбер убил этого человека и подбросил сюда, в бистро. Дело закрыто.

— Тогда почему Гамаш его не арестовал? — спросила Клара, глотнув пива.

— Гамаш — сущий идиот, — поведала Рут.

— Я слышала, Жильбер сказал, что нашел тело у себя в доме, — сказала Клара. — Человек был уже мертв.

— Ну конечно, в это легко поверить, ведь такие вещи случаются чуть ли не каждый день, — сказал Оливье.

Друзья не стали напоминать ему, что именно это случилось с ним.

Клара и Габри протиснулись к стойке бара, чтобы взять еще выпивку.

Официантов разрывали на части. Оливье решил, что выплатит им премиальные, чтобы компенсировать потери за два дня простоя. Вера. Габри всегда говорил ему, что нужно верить, не сомневаться в том, что все как-то образуется.

Вот оно и образовалось. Великолепно.

Рядом с ним ритмично постукивала по полу своей тростью Рут. Сказать, что это раздражало, значило не сказать ничего. В этом слышалась какая-то угроза. Стук негромкий, но непрекращающийся. Тук, тук, тук, тук.

— Виски?

Если дать ей выпить, она прекратит стучать. Но она стояла прямая, как кол, поднимая и опуская трость. Тук, тук, тук. И тут он понял, что она выстукивает.

Старший инспектор медленно, неумолимо приближался, и каждый его шаг сопровождался ударом трости.

— Я вот думаю, знает ли убийца, какая страшная машина преследует его, — сказала Рут. — Я почти сочувствую ему. Наверное, он понимает, что его загоняют в угол.

— Это сделал Жильбер. Гамаш вскоре его арестует.

Но постукивание трости Рут совпадало с биением сердца Оливье. Он смотрел на приближающегося Гамаша. А потом, как это ни странно, Гамаш прошел мимо. И Оливье услышал тихий звон колокольчика на дверях Мирны.

* * *

— Значит, в старом доме Хадли было жарковато.

Мирна налила Гамашу кофе и присоединилась к нему у стеллажей с книгами.

— Да, было. А кто вам сказал?

— Да кто только не говорил! Марк Жильбер подбросил тело в бистро. Но вот чего люди не могут понять: он убил этого человека или нет?

— Ну и какие возникли на сей счет теории?

Мирна отхлебнула кофе, глядя, как Гамаш двигается вдоль стеллажей с полками.

— Ну, одни думают, что он, вероятно, сделал это и подкинул тело в бистро, чтобы напакостить Оливье. Всем известно, что они не любят друг друга. Но остальные считают, что уж если бы он и в самом деле решил убить этого человека, то сделал бы это в бистро. Зачем убивать в одном месте, а потом перетаскивать тело в другое?

— Нет, это вы мне скажите. Психолог не я, а вы. — Гамаш перестал разглядывать книги и повернулся к Мирне.

— Бывший психолог.

— Но вы ведь не выкинули из головы ваши знания.

— Можно ли вползти назад в рай?

Они принесли кружки к эркерному окну, сели в кресла и стали пить кофе.

Мирна тем временем думала. Наконец она заговорила:

— Это представляется мне маловероятным. — Собственный ответ не удовлетворил ее.

— Вы хотите, чтобы убийцей был Марк Жильбер? — спросил Гамаш.

— Помоги мне Бог, но хочу. По правде говоря, раньше об этом и не думала, но теперь, когда эта вероятность возникла, мне это кажется… как бы сказать… удобным.

— Потому что он чужак?

— Вышел за пределы, — сказала Мирна.

— Прошу прощения?

— Вам известно это выражение, старший инспектор?

— Я его слышал. Оно означает, что кто-то сделал нечто неприемлемое. Полагаю, что это один из взглядов на убийство.

— Нет, я не это имела в виду. Вы знаете, откуда взялось это выражение? — Когда Гамаш отрицательно покачал головой, она

улыбнулась. — Это одно из тех сокровенных знаний, которыми владеет хозяин книжной лавки. Выражение зародилось в Средневековье. Тогда строились крепости, обнесенные толстенными каменными стенами. Мы ведь все их видели, правда?

Гамаш бывал во многих старых замках и крепостях — почти все они сегодня превратились в руины, но он очень живо помнил те книжные иллюстрации, которые разглядывал в детстве. Башни, на которых сидят внимательные лучники, зубчатые стены, массивные деревянные ворота. Ров и разводной мост. Внутри стен находился за́мковый дворик. При нападении врага обитатели поднимали мост, уходили внутрь, закрывали ворота. Все, кто находился внутри, не подвергались опасности. По крайней мере, они надеялись на это.

Мирна подняла ладонь и пальцем провела на ней круг.

— Вокруг — стены для защиты. — Потом ее палец остановился, замер в середине ладони. — Вот это пределы.

— Значит, если вы выходите за пределы…

— То вы среди чужих, — сказала Мирна. — Вокруг одни угрозы.

Она медленно сжала ладонь. Будучи афроамериканкой, она прекрасно знала, что это значит — «выйти за пределы». Она всю свою жизнь была чужаком. Пока не переехала сюда. Теперь она была в пределах, и наступила очередь Жильберов стать чужаками.

Но находиться «внутри» было вовсе не так уютно, как она всегда воображала.

Гамаш отхлебнул кофе и посмотрел на Мирну. Ему это представлялось занятным: все знали о том, что Марк Жильбер переместил тело, но никто вроде бы не знал о другом Жильбере — о том, который воскрес из мертвых.

— Вы что сейчас искали? — спросила она.

— Книгу под названием «Бытие».

— «Бытие»? Это о брате Альбере и созданном им сообществе? — Она встала и направилась к стеллажам. — Мы уже говорили об этом.

Она изменила направление и двинулась к дальнему углу своей лавки.

— Да, много лет назад. — Гамаш последовал за ней.

— Теперь я вспомнила. Я подарила один экземпляр Старику Мюндену и Жене, когда у них родился Шарль. Книгу наверняка больше не печатают. Жаль. Блестящее произведение.

Они прошли в уголок лавки, где продавалась старая книга.

— Вот она. Один экземпляр остался. Немного уголки пообтрепались, но с лучшими книгами такое случается.

Мирна протянула Гамашу тонкую книжицу.

— Могу я оставить вас здесь? Я обещала Кларе встретиться с ней в бистро за ланчем.

Арман Гамаш уселся в кресло и принялся читать в свете солнечных лучей, проникающих сквозь окно. Книга о негодяе. И о святом. И о чуде.

* * *

Жан Ги Бовуар пришел в переполненное бистро и, заказав пиво у запыхавшегося Хэвока, протиснулся сквозь толпу. Он слышал обрывки разговоров о ярмарке, о том, каким ужасным было судейство в этом году. Да что там ужасным — худшим за все прошедшие годы. О погоде. Но больше всего разговоров было о трупе.

Рор Парра и Старик Мюнден сидели в уголке с двумя другими посетителями. Они кивнули Бовуару, но не поднялись со своих драгоценных мест.

Бовуар обвел взглядом зал в поисках Гамаша, хотя и знал, что его здесь нет. Он понял это, как только вошел. Несколько минут спустя ему удалось захватить столик. Еще минута — и к нему присоединился старший инспектор.

— Запарились на работе, сэр? — Бовуар стряхнул крошки печенья с рубашки шефа.

— Это мое всегдашнее состояние. А ты? — Гамаш заказал имбирное пиво и повернулся к инспектору.

— Я прогуглил Винсента Жильбера.

— И?..

— Вот что я нашел. — Бовуар перелистал свой блокнот. — Винсент Жильбер родился в Квебек-Сити в тысяча девятьсот тридцать четвертом году в известной франкоканадской семье. Отец был членом Национальной ассамблеи, мать принадлежала к франкоканадской элите. Докторская степень по гуманитарным наукам получена в Университете Лаваля, потом степень доктора медицинских наук в Университете Макгилла. Специализировался в генетике. Заработал имя, когда изобрел внутриутробный тест на синдром Дауна. Таким образом, плод с синдромом выявлялся на ранней стадии беременности и принимались меры коррекции.

Гамаш кивнул.

— Но он приостановил свои изыскания, отправился в Индию, а когда вернулся, вместо того чтобы тут же отправиться в лабораторию и завершить свои исследования, присоединился к сообществу брата Альбера

в Лапорте.

Старший инспектор положил на столик книгу, подтолкнул к Бовуару.

Инспектор перевернул книгу. На заднике была фотография надменного, высокомерного лица. То же самое лицо Бовуар видел всего час назад, когда стоял, упершись коленями в грудь старшего Жильбера.

— «Бытие», — прочитал он и положил книгу.

— Это о том времени, что он провел в Лапорте, — сказал Гамаш.

— Я читал об этом, — сказал Бовуар. — Заведение для людей с синдромом Дауна. Вернувшись из Индии, Жильбер добровольно отправился туда в качестве директора по медицинской части. А потом отказался продолжать исследования. Я-то думал, что, работая там, он еще сильнее проникся желанием избавить человечество от этой болезни.

Гамаш постучал пальцем по книге:

— Ты должен это прочесть.

Бовуар ухмыльнулся:

— Расскажите мне, о чем это.

Гамаш помедлил, собираясь с мыслями.

— Вообще-то, «Бытие» не о Лапорте. Эта книга даже не о Винсенте Жильбере. Она о высокомерии, смирении и о том, что значит быть человеком. Это красивая книга о красивом человеке.

— Как можно говорить такое о человеке, с которым мы только что расстались? Он просто дерьмо собачье.

Гамаш рассмеялся:

— Не могу не согласиться. Такими были большинство святых. У святого Игнатия были приводы в полицию, святой Жером был ужасный, подлый человечишка, святой Августин распутничал. Он как-то произнес молитву: «Господи, дай мне непорочность, только не сейчас».

Бовуар хмыкнул:

— Похоже, их было немало. Так почему же один из них становится святым, а другой — мерзавцем?

— Не могу тебе сказать. Это одна из тайн мироздания.

— Ерунда. Вы даже и в церковь-то не ходите. Нет, что вы на самом деле думаете?

Гамаш подался вперед:

— Я думаю, быть святым — это значит быть человеком. А Винсент Жильбер определенно принадлежит к этому виду.

— Но у вас есть еще что-то на уме, ведь так? Я же вижу — вы им восхищаетесь.

Гамаш взял в руки потрепанный экземпляр «Бытия», поднял взгляд и

увидел Старика Мюндена, который попивал колу и ел сыр и паштет на французском хлебе. Гамаш вспомнил крохотную ручку Шарля Мюндена, вцепившуюся в его палец. Само доверие, сама невинность.

И он попытался представить себе мир без этого. Доктор Винсент Жильбер, великий человек, наверняка получил бы Нобелевскую премию, продолжи он свои исследования. Но он остановил их и вместо премии заслужил презрение коллег и чуть ли не всего мира.

И в то же время «Бытие» не было апологией. Оно даже не было объяснением. Оно просто было. Как Шарль Мюнден.

К ним подошел Габри:

— Готовы?

Они сделали заказ, и, когда Габри собирался уходить, появился агент Морен:

— Надеюсь, вы не возражаете?

— Вовсе нет, — сказал Гамаш.

Габри принял еще один заказ и опять собрался уходить, но тут появилась агент Лакост. Габри провел пятерней по волосам.

— Господи Иисусе, — воскликнул Бовуар, — да они словно из волшебной шкатулки выскакивают!

— Это еще что, — сказал Габри и принял заказ у Лакост. — Вы здесь не ожидаете всю Канадскую конную полицию?

— C’est tout, patron,[52] — заверил его Гамаш. — Merci. Я тебя не ждал, — сказал он Лакост, когда Габри отошел на достаточное расстояние.

— Я не собиралась приезжать, но хотелось поговорить с вами лично. Я встречалась и с боссом Оливье в банке, и с его отцом.

Она понизила голос и пересказала им то, что услышала от топ-менеджера банка «Лорентьенн». Когда она закончила, принесли ее салат. Креветки, манго, кинза на листиках молодого шпината. Но она с завистью поглядывала на тарелку шефа, над которой поднимался парок, а в ней — шампиньоны, чеснок, базилик и пармезан поверх пасты домашнего изготовления.

— Значит, неясно было, собирался ли Оливье похитить деньги или вернуть их, — сказал Бовуар.

Некоторое время он разглядывал свой поджаренный на открытом огне стейк, а потом отправил в рот порцию жареной картошки.

— Тот человек, с которым я говорила, был убежден, что Оливье зарабатывал деньги для банка. И все же, если бы он не уволился сам, его, вероятно, выгнали бы.

— Они уверены в том, что все деньги, которые он заработал на этой

малайзийской сделке, пришли в банк? — спросил Гамаш.

— Они считают, что пришли, и нам пока не удалось найти ничего другого на Оливье.

— Так что мы не знаем, откуда появились деньги на покупку всей этой собственности, — подытожил Бовуар. — А что сказал отец Оливье?

Изабель рассказала им о своем посещении «Абита́». Когда она закончила, их тарелки были пусты, а официант принес меню десертов.

— Мне не надо. — Лакост улыбнулась Хэвоку Парре.

Он улыбнулся в ответ, показав другому официанту, что нужно очистить и подготовить соседний столик.

— Кто разделит со мной профитроли? — спросил Бовуар.

Эту проблему нужно было решить поскорее, иначе он рисковал проглотить всю порцию.

— Я, — вызвалась Лакост.

Принесли печенье с начинкой из мороженого и в оболочке из теплого шоколада. Гамаш пожалел, что и себе не заказал такого. Он как зачарованный смотрел на Бовуара и Лакост, которые подбирали ложками тающее мороженое в смеси с тестом и теплым темным шоколадом.

— Значит, отец Оливье никогда здесь не был, — сказал Бовуар, вытирая губы салфеткой. — Он не имеет ни малейшего представления о том, где живет Оливье и чем занимается. Он даже не знает, что его сын гей.

— Наверное, Оливье не единственный сын, который боится сообщить об этом отцу, — подумала вслух Лакост.

— Тайны, — сказал Бовуар. — Новые тайны.

Гамаш заметил, как изменилось выражение лица Морена, когда тот посмотрел в окно. Затем гул разговора в бистро стих. Старший инспектор проследил за направлением взгляда своего агента.

По рю Дю-Мулен в деревню прыжками спускался лось. Когда он приблизился, Гамаш поднялся из-за стола. Кто-то сидел на спине лося, цепляясь за его толстую шею.

— Оставайся здесь. Охраняй дверь, — сказал он агенту Морену. — А вы — со мной, — обратился он к остальным.

Прежде чем другие успели как-то прореагировать, Гамаш и его команда вышли за дверь. А когда кто-то еще пожелал последовать за ними, агент Морен уже стоял у дверей. Невысокий, щуплый, но решительный. Никто не смог бы пройти мимо него.

Сквозь окна они видели, как это существо скачет вниз, как двигаются его длинные ноги — неуклюже и дергано. Гамаш пошел ему навстречу, но животное не замедлило бега, его наездник уже не контролировал скакуна.

Старший инспектор расставил руки, чтобы остановить его, и когда тот приблизился, они узнали в нем одно из животных Жильберов. Предположительно лошадь. Глаза у нее были белые и безумные, ноги двигались судорожно, неуверенно. Бовуар и Лакост стояли по обе стороны своего шефа, тоже вытянув руки.

Со своего места у дверей агент Морен не мог видеть, что происходит снаружи. Он видел только лица клиентов заведения, наблюдающих за происходящим. По своему опыту пребывания на местах несчастных случаев он знал, что, когда дело плохо, люди начинают кричать. Но когда дело совсем плохо, они молчат.

В бистро царило молчание.

Трое полицейских стояли на месте, а лошадь неслась на них, потом резко поменяла направление, издала вопль, словно одержимая бесом. Наездник упал в траву, а агент Лакост сумела ухватить поводья, хотя лошадь ушла в сторону и крутанулась. Гамаш тоже ухватил поводья, и вдвоем они сумели остановить скакуна.

Инспектор Бовуар стоял на коленях рядом с упавшим наездником.

— Как вы? Лежите, не двигайтесь.

Но, как и большинство людей, получающих советы, наездник сел и снял шлем. Оказалось, что это Доминик Жильбер. Она посмотрела на Бовуара широко раскрытыми глазами, такими же безумными, как у лошади. Оставив Лакост успокаивать норовистое животное, Гамаш опустился на колени рядом с Бовуаром.

— Что случилось? — спросил он.

— В лесу, — выдохнула Доминик Жильбер. — Хижина. Я заглянула внутрь. Там кровь. Много крови.

Глава восемнадцатая

Юноша, еще почти мальчик, услышал вой ветра. До него донесся стон, и мальчик прислушался. Он остался. День спустя его семья, страшась того, что они могут найти, отправилась на поиски и нашла его на склоне ужасной горы. Живым. В одиночестве. Они умоляли его спуститься, но он, как это ни невероятно, отказался.

— Его опоили, — сказала мать.

— Он был проклят, — сказала его сестра.

— Его зачаровали, — сказал, отпрянув, его отец.

Но они все ошибались. На самом деле его просто соблазнили. И сделала это брошенная всеми гора. И его собственное одиночество. И крохотные зеленые побеги под его ногами.

Он сделал это. Он снова оживил великую гору. Он был нужен.

И поэтому мальчик остался. И тепло медленно вернулось к горе. Снова появились деревья и душистые цветы. Лисы, зайцы и пчелы. Там, где проходил мальчик, появлялись родники свежей воды, а где он садился — образововались пруды.

Мальчик нес горе жизнь. И гора за это любила его. И мальчик тоже любил за это гору.

Прошли годы — и страшная гора стала прекрасной, слухи об этом пошли по миру. Слухи о том, что нечто ужасное превратилось в нечто мирное. И безопасное. Люди стали медленно возвращаться. Вернулась и семья мальчика.

На горе выросла деревня, и Король Горы, который был так долго одинок, защищал их всех. И каждый вечер, когда остальные отдыхали, мальчик, который стал теперь молодым человеком, поднимался на самую вершину, ложился на мягкий зеленый мох и слушал голос изнутри.

И вот, лежа там однажды вечером, он услышал нечто неожиданное. Король Горы сообщил ему тайну.

Оливье вместе со всеми посетителями бистро смотрел на безумную лошадь и упавшего наездника. Мурашки бежали по его коже, и ему хотелось броситься прочь, закричать, протиснуться сквозь толпу. И бежать, бежать, бежать. Пока ноги не откажут и он не упадет.

Потому что в отличие от остальных он понимал, что это означает.

Но он просто стоял и смотрел, словно был одним из них. Однако теперь Оливье знал, что никогда уже не будет таким, как прежде.

Арман Гамаш вернулся в кафе, обвел взглядом лица.

— Рора Парры здесь нет?

— Я здесь, — раздался голос из дальнего угла бистро.

Толпа раздалась, и появился этот коренастый человек.

— Мадам Жильбер обнаружила в лесу домик. Вам о нем ничего не известно?

Парра вместе со всеми остальными задумался. Потом он и все клиенты бистро покачали головой.

— Никогда не слышал ни про какой домик в лесу.

Гамаш задумался на несколько секунд, потом выглянул в окно: на деревенском лугу в траве Доминик приходила в себя.

— Стакан воды, пожалуйста, — попросил он, и Габри принес ему стакан воды. — Идемте со мной, — сказал старший инспектор Рору Парре. — Как далеко эта хижина? — спросил он у Доминик, когда та выпила воды. — Мы сможем проехать туда на мотовездеходе?

Доминик помотала головой:

— Нет, лес слишком густой.

— Как же вы туда попали? — спросил Бовуар.

— Макарони меня привез. — Она погладила лошадь по потной шее. — После всех происшествий сегодняшнего утра мне нужно было какое-то время побыть одной. И я оседлала коня и решила отыскать в лесу старые конные тропы.

— Не очень умный поступок, — сказал Парра. — Вы могли потеряться.

— Я и потерялась. Так я и нашла хижину. Я была на одной из расчищенных вами тропинок, потом она закончилась, но старая тропинка еще была видна, поэтому я продолжила движение. Вот тогда-то я и наткнулась на этот домик.

Мысли Доминик полнились образами темной хижины, темных пятен на полу. Она вспоминала о том, как снова вскочила в седло и пыталась найти дорогу назад, стараясь не поддаться панике. Каждый канадец с детства слышит предостережения: никогда, ни при каких обстоятельствах не ходи в лес один.

— Вы сумеете найти дорогу к тому домику? — спросил Гамаш.

Сумеет ли она? Доминик подумала и кивнула:

— Да.

— Хорошо. Хотите отдохнуть?

— Я бы хотела побыстрее покончить с этим.

Гамаш кивнул, потом повернулся к Рору Парре:

— Будьте добры, проводите нас.

Они поднимались по склону холма. Доминик вела Макарони, Парра шел рядом с ней, а полицейские чуть позади. Бовуар прошептал своему шефу:

— Если туда не проехать на мотовездеходе, то как мы доберемся?

— Ты умеешь говорить «гоп-гоп»?

— Я умею говорить «ой-ля-ля». — Бовуар посмотрел так, будто Гамаш предложил что-то неприличное.

— Тогда я советую тебе попрактиковаться.

* * *

Через полчаса Рор оседлал Ромашку и Честера. Коня Марка нигде не было видно, но из сарая появился Марк-муж, на голове которого был ездовой шлем.

— Я с вами.

— Боюсь, что нет, месье Жильбер, — сказал Гамаш. — Математика тут простая. У нас три лошади. На одну сядет ваша жена, а мы с инспектором Бовуаром должны ее сопровождать.

Бовуар посмотрел на Честера, который переминался с ноги на ногу, словно у него в голове играл диксиленд. Инспектор никогда прежде не сидел в седле и до последнего был уверен, что и теперь сумеет этого избежать.

Они тронулись. Доминик впереди, Гамаш — следом с рулоном ярко-розовой ленты, чтобы по ней найти обратную дорогу, Бовуар — в хвосте, хотя Гамаш предпочел выразиться об этом другими словами. Старший инспектор не раз сидел в седле. Когда он начал встречаться с Рейн-Мари, они катались на лошадях на горе Мон-Руаяль. Они брали с собой еду и по тропинкам доезжали до самого центра Монреаля, останавливаясь на полянке, где можно было привязать лошадей и откуда открывался вид на город. Там они потягивали холодное вино и ели сэндвичи. Конюшни на Мон-Руаяль теперь были закрыты, но время от времени они с Рейн-Мари выезжали в воскресенье куда-нибудь, где можно покататься на лошадях.

Езда на Ромашке была не похожа на его прежний опыт. Это скорее напоминало плавание в лодке по разбушевавшемуся морю. От покачивания Ромашки у него к горлу подступила тошнота. Через каждые десять шагов он останавливался и привязывал к дереву розовую ленточку. Доминик на Макарони значительно опередила их. Оглядываться назад Гамаш не

осмеливался, но он знал, что Бовуар не отстает, потому что слышал непрекращающуюся брань:

— Merde! Tabarnac![53] Козел!

Тропинка сужалась, в лесу становилось темно, шаг лошадей замедлялся. Гамаш вовсе не был убежден, что они на верном пути, но теперь он ничего не мог с этим поделать. Агенты Лакост и Морен собирали все необходимое для обследования места преступления и должны были подъехать на мотовездеходах, когда Парра проложит тропу. Но на это требовалось какое-то время.

Сколько времени понадобится Лакост, чтобы понять, что они заблудились? Час? Три? Когда спустится вечер? Насколько далеко они углубились в лес? Становилось темнее и прохладнее. Ощущение было такое, будто они едут уже не первый час. Гамаш посмотрел на часы, но в сумерках ничего не увидел.

Доминик остановилась, и лошади уперлись друг в друга.

— Опа, — сказал Бовуар.

Гамаш протянул руку и взял поводья, чтобы успокоить лошадь инспектора.

— Вон там, — прошептала Доминик. — Рядом с тем солнечным лучом.

Сквозь плотный строй деревьев пробивался сноп света. Гамаш посмотрел в ту сторону и увидел хижину.

— Оставайтесь здесь, — сказал он Доминик.

Потом подал знак Бовуару, который оглядывался, пытаясь сообразить, как ему слезть с лошади. Наконец он наклонился вбок, обхватил ближайшее дерево и спустился по нему. Любая другая лошадь была бы огорчена, но Честер видел вещи и похуже. Он почти влюбился в Бовуара к тому времени, когда тот слез с его спины. Бовуар ни разу не пнул коня, не хлестнул, не ударил кулаком. За свою жизнь Честер не встречал такого доброго наездника.

Двое полицейских уставились на хижину. Она была сложена из бревен. На крыльце стояло кресло-качалка с большой подушкой. По обе стороны закрытой двери имелись окна с ящичками, в которых в полную силу расцветали цветы. Сбоку домика возвышалась дымовая труба, но дыма видно не было.

Они слышали у себя за спиной тихие движения лошадей, которые хлестали себя хвостами. Слышали, как скрываются в безопасных местах мелкие животные. В лесу пахло мхом, свежими сосновыми иглами и гниющими листьями.

Они осторожно пошли вперед. Ступили на крыльцо. Гамаш посмотрел на доски крыльца. Несколько сухих листьев, но никаких следов крови. Он кивнул Бовуару и указал на одно из окон. Бовуар тихо встал рядом с окном спиной к стене. Гамаш пристроился у другого окна, потом подал сигнал, и оба одновременно заглянули внутрь.

Они увидели стол, стулья, кровать в дальнем углу. Никакого света, никакого движения.

— Ничего, — сказал Бовуар.

Гамаш согласно кивнул и потянулся к дверной ручке. Дверь, слегка скрипнув, приоткрылась на дюйм. Старший инспектор всунул в щель ногу, распахнул дверь до конца. Они заглянули внутрь.

В хижине была всего одна комната, и Гамаш сразу же понял, что в доме никого нет. Он вошел внутрь. Но Бовуар положил руку на свой пистолет. На всякий случай. Бовуар был человеком осторожным. Таким его сделало детство: он вырос в плохом районе.

В солнечных лучах крутилась пыль, проникавшая внутрь сквозь окна. Бовуар по привычке пошарил по стене в поисках выключателя, потом понял, что никаких выключателей здесь нет. Но лампы он нашел и зажег их. В свете ламп они увидели кровать, кухонный шкафчик, несколько книжных полок, два стула и стол.

Комната была пуста. Если не считать того, что оставил после себя мертвец. Его вещи и его кровь. На деревянном полу виднелось большое темное пятно.

Сомнений не оставалось: они нашли место преступления.

* * *

Час спустя Рор Парра прошел по розовым ленточкам, оставленным Гамашем, и с помощью бензопилы расширил тропу. Приехали мотовездеходы с криминалистами для исследования места преступления. Инспектор Бовуар делал фотографии, а агенты Лакост, Морен и другие осматривали комнату в поисках улик.

Рор Парра и Доминик Жильбер сели на лошадей и, ведя за собой Честера, отправились домой. Честер оглянулся, надеясь, что ему удастся увидеть забавного человечка, который забыл его избить.

Когда смолк стук копыт, наступила тишина.

Его команда работала внутри, заполняя почти все небольшое пространство хижины, и Гамаш решил осмотреть дом снаружи. Отметил

тонкую резьбу оконных ящиков, в которых расцветали настурции и росла зелень. Потер пальцами листья одного растения, потом другого, — они пахли кинзой, розмарином, базиликом и эстрагоном. Подошел к столбу света, прорывающемуся сквозь кроны деревьев, окружающих домик.

Ограждение, сделанное из перевитых веток, образовывало большой четырехугольник шириной приблизительно двадцать и длиной сорок футов. Плющ пророс через ограду, и, подойдя ближе, Гамаш увидел, что стебли отвисают под тяжестью гороха. Он открыл деревянные ворота и вошел в огород. Ровные грядки, ухоженные растения и урожай, который теперь никто не соберет. Повсюду в огороде покойный посадил томаты, картошку, горох, бобы, брокколи и морковку. Гамаш разломал стручок и кинул в рот горошины. Чуть подальше по тропинке стояла тележка с землей, торчала лопата, виден был стул из согнутых ветвей с удобными выцветшими подушками. Они так и звали присесть на них, и Гамаш представил себе, как человек, наработавшись в огороде, усаживается отдохнуть, сидит спокойно на своем стуле.

Старший инспектор подошел к стулу и увидел отпечаток ягодиц человека на подушках. Убитый сидел здесь. Наверное, долгие часы сидел. В столбе света.

Один.

Гамаш знал, что не многие люди способны на такое. Даже если бы они хотели этого, даже если бы они пошли на это, большинство людей не могли вести такой уединенный образ жизни. Они начинали нервничать, им это надоедало. Но Гамаш подозревал, что с этим человеком дела обстояли иначе. Он представил его здесь, представил, как тот оглядывает свой сад. Думает.

О чем он думал?

— Шеф?

Гамаш оглянулся через плечо и увидел Бовуара.

— Мы провели предварительный осмотр.

— Оружие?

Бовуар отрицательно покачал головой:

— Но мы нашли домашние консервы и парафин. Довольно много парафина. И я думаю, мы знаем, для чего он здесь.

Инспектор оглядел огород, который произвел на него впечатление. Порядок всегда производил на него впечатление.

Гамаш кивнул:

— И кто он был?

— Не знаю.

Гамаш резко повернулся к своему подчиненному:

— Что ты имеешь в виду? Этот дом принадлежал нашему убитому?

— Мы так думаем. Можно почти с полной уверенностью сказать, где он умер. Но никаких документов мы не нашли. Ничего. Ни фотографий, ни свидетельства о рождении, ни паспорта, ни водительских прав.

— Письма?

Бовуар покачал головой:

— В шкафах есть кое-какая одежда. Старая, поношенная. Но залатанная и чистая. И вообще весь дом прибранный и чистый. Много книг. Их сейчас просматривают. На некоторых имена, но все разные. Видимо, он приобрел их в магазинах старой книги. Мы нашли столярные инструменты и опилки у одного из стульев. А еще старую скрипку. Пожалуй, мы знаем, чем он занимался по вечерам.

Гамаш представил себе убитого живым. Даже здоровым. Как он готовит себе простой обед, сидит у огня и строгает ножом. А потом, с приближением ночи, берет скрипку и играет. Для себя одного.

Кто был этот человек, так любивший одиночество?

— Тут все довольно примитивно, — продолжал Бовуар. — Ему приходилось накачивать воду в кухонную раковину. Сто лет такого не видел. И ни туалета, ни душа.

Гамаш и Бовуар огляделись. В конце петляющей тропки они увидели будку. У Бовуара от этого тошнота подступила к горлу, но его шеф подошел к будке, открыл дверь и заглянул внутрь. Он увидел там тесный туалет, закрыл дверь. В туалете тоже было чисто, хотя по углам уже стала появляться паутина, и Гамаш знал, что вскоре туда вторгнутся новые насекомые и растения, а потом будка исчезнет — ее поглотит лес.

— Как же он мылся? — спросил Бовуар, когда они направлялись назад к домику.

По докладу коронера они знали, что он мылся и делал это регулярно.

— Тут есть река, — сказал Гамаш после паузы. Перед ними был домик — крохотная идеальная жемчужина посреди леса. — Вон слышно ее журчание. Вероятно, это Белла-Белла — отсюда она течет в деревню.

И верно: Бовуар услышал звук, странным образом напоминающий звук дорожного движения. Это успокаивало. Кроме того, рядом с домом стояла бочка, куда стекала дождевая вода.

— Мы нашли отпечатки пальцев. — Бовуар открыл для шефа дверь в домик. — Мы считаем, что они принадлежат двум разным людям.

Брови Гамаша взметнулись. Судя по дому и обстановке, в нем мог жить только один человек. Но события говорили, что этот дом и его

обитателя нашел кто-то еще.

Может быть, это прорыв в расследовании? Может быть, убийца оставил отпечатки?

В домике становилось сумрачнее. Морен нашел еще две лампы и несколько свечей. Гамаш наблюдал за работой команды. В ней была та слаженность, которую мог оценить только другой полицейский. Плавные движения, кто-то отходит в сторону, кто-то наклоняется, опускает голову, приглядывается, становится на колени. В этом была какая-то красота.

Он стоял в центре домика, глядя на все происходящее. Стены здесь были бревенчатые, из крупных бревен. Как это ни странно, на окнах висели занавески. А на кухне к окну был прислонен кусок стекла янтарного цвета.

Ручной насос у раковины был закреплен на кухонном столе, а тарелки и стаканы были аккуратно расставлены на открытых полках. Гамаш заметил еду на кухонном столе, подошел, пригляделся, ни к чему не прикасаясь. Хлеб, масло, сыр. Обгрызенные, но вовсе не человеком. В открытой коробке немного байхового чая. Горшочек с медом. Открытая четвертинка молока. Он принюхался — кислое.

Гамаш подозвал Бовуара:

— Что ты думаешь?

— Этот человек захаживал в магазины за продуктами.

— Как? В магазине месье Беливо его не было. И я совершенно уверен, что он не ходил в Сен-Реми. Кто-то приносил ему еду.

— И убил? Выпил с ним чашечку чая, а потом проломил ему голову?

— Возможно, возможно, — пробормотал старший инспектор, оглядываясь.

Масляная лампа отбрасывала свет, ничуть не похожий на свет электролампы. Мягкий свет. Границы этого мира казались размытыми.

Дровяная плита разделяла примитивную кухню и жилое пространство. Небольшой стол, покрытый скатертью, видимо, служил обеденным. На противоположной стене находился камин, сложенный из речного камня. В дальнем углу домика стояли большая медная кровать и комод.

Кровать была застелена, подушки взбиты и подготовлены ко сну. На стенах висела ткань, вероятно чтобы препятствовать холодным сквознякам, — так делали в средневековых замках. На полу здесь и там лежали коврики, а пол был испачкан всего одним, но глубоко впитавшимся пятном крови.

Книжный стеллаж, целиком закрывавший одну из стен, был заставлен старыми книгами. Гамаш подошел к нему, обратил внимание на что-то торчащее между бревен. Вытащил, посмотрел.

Долларовая купюра.

Канада уже многие годы, десятилетия не использовала долларовых купюр. Гамаш принялся внимательнее рассматривать стену и увидел другие бумажки. Долларовые купюры. Несколько двухдолларовых. Обнаружились и двадцатки.

Неужели такова была банковская система хозяина? Как старый скряга, он хранил здесь свои денежки, только набивал ими не матрас, а щели между бревнами? Пройдясь по домику, Гамаш понял, что таким образом просто конопатились щели. Этот домик был сооружен из дерева и канадской валюты, которая использовалась в качестве изоляционного материала.

Затем он подошел к камину из речного камня, остановился у одного из кресел — у того, которое просело сильнее другого. Прикоснулся к потертой материи. Посмотрев на стол рядом с креслом, он увидел столярный нож, о котором говорил Бовуар. Еще к столу были прислонены скрипка и смычок. Рядом с инструментами лежала книга, закрытая, но с закладками. Может быть, человек читал, когда к нему пришли?

Гамаш взял книгу и улыбнулся.

— «В моем доме было три стула, — тихим голосом прочел он. — Один для одиночества, два для дружбы, три для общества».

— Что-что? — переспросила Лакост со своего места — она сидела на корточках, заглядывая под стол.

— Это Торо. «Уолден, или Жизнь в лесу». — Гамаш поднял книгу. — Торо тоже жил в хижине, которая, возможно, немногим отличалась от этой.

— Но у него было три стула, — улыбнулась Лакост. — А у нашего человека только два.

Только два. Но этого было достаточно, и это было важно. «Два для дружбы». У него был друг?

— Я думаю, он был русским, — сказала Лакост, поднявшись.

— Почему?

— Здесь на полке, рядом с книгами, есть несколько икон. — Лакост махнула рукой себе за спину.

И действительно, перед фолиантами в кожаных переплетах стояли русские иконы.

Старший инспектор нахмурился, оглядел маленький домик. По прошествии минуты он практически замер на месте, только глаза его стреляли в разные стороны.

Бовуар подошел к нему.

— Что?

Гамаш не ответил. В помещении воцарилась тишина. Он снова обвел глазами хижину, еще не веря тому, что увидел. Его удивление было настолько велико, что он закрыл глаза, потом снова открыл их.

— Что? — повторил Бовуар.

— Будь с этим очень осторожен, — посоветовал Гамаш агенту Морену, который держал в руках стакан из кухни.

— Хорошо, — сказал Морен, не понимая, почему шеф вдруг сказал об этом.

— Дай-ка его мне.

Морен отдал стакан Гамашу, и тот поднес его к масляной лампе. В мягком свете он увидел то, что и предполагал увидеть, хотя и не предполагал держать такое в руках. Хрусталь очень тонкой работы. Ручной. Он не мог разглядеть марку на днище стакана, но даже если бы и смог, она ничего не сказала бы ему. Он не был специалистом. Но он знал достаточно, чтобы понимать: у него в руках бесценная вещь.

Это было очень старое, даже древнее стекло. Изготовленное методом, который не использовался вот уже сотни лет. Гамаш осторожно поставил стакан и оглядел кухню. На открытых простых полках стояло не меньше десяти стаканов, все разных размеров. Все одинаково древние. К удивлению команды, Гамаш прошел вдоль полок, беря с них тарелки, чашки, столовые приборы. Потом он подошел к стенам, вгляделся в драпировки. Осмотрел коврики, поднимая уголки, и наконец, как человек, чуть ли не боящийся того, что нашел, подошел к стеллажу.

— Что, шеф? — спросил Бовуар, присоединяясь к нему.

— Это не простая хижина, Жан Ги. Это музей. Каждый экспонат дышит древностью, каждый бесценен.

— Вы шутите, — сказал Морен, ставя кружку в форме лошади.

Кто же был этот человек? Кто выбрал для себя жизнь вдали от людей? «Три для общества».

Этот человек не хотел общества. Чего он боялся? Только страх мог загнать человека так далеко от всех. Возможно, он действительно был сурвивалистом? Нет, Гамаш так не думал. Вещи в домике противоречили этой гипотезе. Ни пистолета, ни какого-то другого оружия. Ни журналов типа «сделай сам», ни публикаций, предупреждающих о страшных всемирных заговорах.

Вместо этого убитый принес собой в лесную чащу изящнейшие хрустальные стаканы.

Гамаш оглядел книги, не осмеливаясь прикоснуться к ним.

— Пыль с них стиралась?

— Да, — ответил Морен. — И я заглядывал в них — думал, там найдется имя владельца. Но толку от этого мало. В большинстве из них разные имена. Очевидно, куплены в старой книге.

— Очевидно, — прошептал Гамаш себе под нос.

Он посмотрел на книгу, которую все еще держал в руке. Открыл ее на закладке. «Я ушел в лес, потому что хотел жить осмысленно, обдумывать только важнейшие факты жизни и понять, смогу ли я научиться тому, что жизнь может мне преподать, а не для того, чтобы, когда наступит смертный час, обнаружить, что я и не жил».[54]

Гамаш закрыл книгу и тихо вздохнул.

Это было первое издание.

Глава девятнадцатая

— Питер? — Клара тихонько постучала в дверь его студии.

Он отпер замок, стараясь выглядеть не скрытным, а подчинившимся. Клара слишком хорошо знала его. Знала, что он всегда скрытен в том, что касается его искусства.

— Как идут дела?

— Неплохо, — сказал он.

Всей душой он жаждал поскорее закрыть дверь и вернуться к работе. Он весь день брал кисть, подходил к полотну, но руки у него опускались, и он опять отходил. Вроде бы картина еще не закончена. Или закончена? Питер пребывал в замешательстве. Что скажет Клара? Что скажут его почитатели? Критики? Он никогда прежде не делал ничего подобного. Ну, почти никогда. И уж точно, если считать от детства.

Он никогда никому не сможет показать это.

Над его творением сейчас можно только посмеяться.

Картине требовалось больше определенности, больше деталировки. Больше глубины. Того, что его клиенты и сторонники привыкли от него ждать. Того, что они покупали.

В этот день он десятки раз поднимал кисть и опускал ее. Такого с ним никогда еще не случалось. Бывало, он как завороженный смотрел на Клару, которую раздирали сомнения, но после внутренних борений она все же выдавала какое-нибудь маргинальное произведение. Свой «Марш счастливых ушей», серию, вдохновленную стрекозиными крыльями, и, конечно, свой шедевр — серию «Воинственные матки».

Это было следствием вдохновения.

Нет, у Питера таких проблем не возникало. Он был дисциплинированнее. Он планировал каждую работу, выписывал и рисовал к ней эскизы, за много месяцев зная, какой будет результат. Нет, ни на какое богоданное вдохновение он не полагался.

До этого дня. Теперь он приходил в студию с поленом, аккуратно разрезанным, чтобы были видны годовые кольца. Он взял увеличительное стекло и использовал его так, чтобы увеличивать каждую крохотную часть, делая ее неузнаваемой. Как он говорил художественным критикам на своих многочисленных вернисажах, это была аллегория жизни. Он говорил о том, как мы бесконечно увеличиваем реальность, пока она не становится неузнаваемой.

Они все это принимали. Но на сей раз не сработало. Ему не удалось понять простую истину. И он взамен написал эту картину.

Когда Клара оставила Питера, тот рухнул на свой стул и посмотрел на полотно на мольберте, вызывавшее у него такие затруднения; он беззвучно повторял про себя: «Я блестящий художник. Я блестящий…» Потом он тихо (не то что Клара — он сам не услышал этих слов) прошептал: «Я лучше Клары».

* * *

Оливье стоял на террасе перед бистро и смотрел на темный лес на холме. Три Сосны были окружены лесом, он только сегодня обратил на это внимание.

Значит, хижину в лесу нашли. Он молился о том, чтобы она не была найдена. Но теперь это случилось. И в первый раз со дня его приезда в Три Сосны он почувствовал, как темный лес смыкается вокруг него.

* * *

— Но если все это, — Бовуар повел рукой, показывая на содержимое хижины, — бесценно, то почему убийца не унес эти вещи?

— Я сам думал об этом, — сказал Гамаш, удобно усевшись в большом кресле у пустого камина. — Для чего было совершено это убийство, Жан Ги? Зачем убивать человека, который несколько лет, а может, десятилетий вел тихую, незаметную жизнь в лесной чаще?

— А зачем куда-то тащить мертвое тело, вместо того чтобы оставить его здесь? — Бовуар сел в кресло напротив шефа.

— Если только тело не было ценнее всего остального.

— Тогда зачем оставлять его в старом доме Хадли?

— Если бы убийца оставил тело здесь, мы бы его никогда не нашли, — неуверенно возразил Гамаш. — Никогда бы не узнали, что произошло убийство.

— Но зачем убивать человека, если ты не забираешь его сокровища?

— Сокровища?

— А что же это, если не сокровища? Бесценные вещи в лесной чаще. Это зарытое сокровище, только зарыто оно не в земле, а в лесу.

Однако убийца оставил сокровище здесь. А вместо него забрал из

хижины единственное, что ему было нужно. Забрал человеческую жизнь.

— Вы обратили на это внимание?

Бовуар поднялся и подошел к двери. Открыв ее, он показал вверх. Вид у него при этом был изумленный.

Там на косяке над дверью висел номерной знак.

16

— Ну что, вы мне скажете, что он получал почту? — сказал Бовуар, пока Гамаш недоуменно разглядывал эти медные цифры, потускневшие до зеленого цвета, ставшие почти незаметными на темной дверной раме.

Гамаш отрицательно покачал головой, потом посмотрел на часы. Было почти шесть.

После небольшого обсуждения было решено, что агент Морен останется на ночь в хижине, чтобы охранять ее содержимое.

— Поедем со мной, — сказал Морену Гамаш. — Я отвезу тебя в деревню, а остальные тут пока закончат работу. Ты соберешь, что тебе нужно для ночевки, и возьмешь спутниковый телефон.

Морен сел на мотовездеход позади старшего инспектора, поискал, за что бы ему ухватиться, но не нашел ничего лучше днища сиденья. Гамаш завел мотор. Его расследования нередко уводили его в крохотные рыболовецкие деревеньки и отдаленные поселения. Он ездил на снегоходах, скоростных катерах, мотоциклах и мотовездеходах. Ценя их удобства и признавая их необходимость, он не любил все эти средства передвижения. Они нарушали тишину своим сумасшедшим воем, загрязняли окружающую среду шумом и выхлопами.

Если что и могло разбудить мертвеца, то они.

Трясясь на неровностях лесной тропы, Морен понял, что попал в переделку, он отпустил свое сиденье и крепко обхватил маленькими руками дюжего человека, сидящего перед ним, ощутил своей щекой гладкую материю его куртки и сильное тело под ней. И еще он почувствовал запах сандалового дерева и розовой воды.

Юноша сел, опершись одной рукой о гору, а другую приложив к щеке. Он не совсем поверил тому, что сказала ему Гора. Потом он начал смеяться.

Услышав смех, Гора пришла в недоумение. Это не было похоже на вопли страха, испускаемые обычно теми существами, которые приближались к ней.

Слушая этот смех, Король Горы понял, что это счастливый звук. Заразительный звук. Он тоже начал погрохатывать и остановился, только

когда обитатели деревни впали в панику. А он этого не хотел. Он больше не хотел никого отпугивать от себя.

Той ночью он спал хорошо.

В отличие от мальчика. Тот крутился-вертелся, наконец вышел из своей хижины и уставился на вершину.

С того времени все ночи мальчик мучился секретом Горы. Он устал и ослабел. Это не осталось незамеченным его друзьями и родителями. Даже Гора обратила внимание.

Наконец однажды ночью, задолго до восхода солнца, мальчик растолкал родителей.

— Нам нужно уйти отсюда.

— Что? — спросила его ничего не понимающая со сна мать.

— Зачем? — спросили его сестра и отец.

— Король Горы рассказал мне о чудесной земле, где люди никогда не умирают, никогда не болеют и не стареют. Об этом месте знает только он. Но он говорит, что мы должны уйти сейчас. Этой ночью. Пока еще темно. И мы должны уйти быстро.

Они разбудили остальную деревню, и все собрались задолго до рассвета. Последним ушел мальчик. Он зашел на несколько шагов в лес и, встав на колени, прикоснулся к поверхности спящего Короля Горы.

— Прощай, — прошептал он.

Потом подхватил под мышку мешок с нехитрыми пожитками и исчез в ночи.

Жан Ги стоял перед хижиной. Было почти совсем темно, и ему хотелось есть. Они закончили работу, и он ждал, когда соберется агент Лакост.

— Мне нужно пописать, — сказала она, выйдя к нему на крыльцо. — Есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Вон там туалет. — Он показал в ту сторону, где они с Гамашем обнаружили будку.

— Отлично. — Лакост взяла фонарик. — Не так ли начинаются фильмы ужасов?

— Ну нет, первые десять минут мы уже просмотрели, — сказал, хмыкнув, Бовуар.

Он проводил взглядом Лакост, которая двинулась к лесу по тропинке. В животе у него заурчало. По крайней мере, он надеялся, что это урчит в его животе. Чем скорее они вернутся к цивилизации, тем лучше. И как тут кто-то может существовать? Он не завидовал Морену, которому предстояло провести здесь ночь.

Прыгающий луч фонаря сообщил ему, что возвращается Лакост.

— А ты заходил в будку? — спросила она.

— Ты что, смеешься? Шеф заходил, я — нет.

При одной этой мысли его чуть не стошнило.

— Значит, ты не видел, что там внутри?

— Ты хочешь сказать, что там вместо туалетной бумаги тоже доллары?

— По правде говоря, да. Одно- и двухдолларовые купюры.

— Шутишь!

— Ничуть. И вот что еще я нашла. — В руке у нее была книга. — Первое издание. Э. Б. Уайт. «Паутинка Шарлотты».

Бовуар уставился на книгу. Он понятия не имел, о чем говорит Лакост.

— Это была моя любимая книга в детстве. Паучок Шарлотта? — с вопросительной интонацией произнесла Лакост. — Поросенок Уилбур?

— Если их не подорвали, то я эту книгу не читал.

— Кто оставляет в уборной первое издание с авторским автографом?

— А кто там оставляет деньги?

Бовуар вдруг испытал непреодолимое желание сходить в туалет.

*** * ***

— Salut, patron, — помахал из гостиной Габри. Он складывал маленькие предметы одежды и убирал их в коробку. — Значит, хижина в лесу. И там жил этот человек? Убитый?

— Мы так считаем.

Гамаш подошел ближе и стал наблюдать, как Габри складывает маленькие свитера.

— Это для Розы. Мы собираем их у всех, чтобы подарить Рут. Великовато не будет? — Он поднял мальчиковую курточку. — Это от Оливье. Он говорит, что сам ее сшил, но я не верю, хотя у него и золотые руки.

Гамаш проигнорировал эти слова.

— Великовато будет. К тому же курточка мужская. Для Розы-то, а? — сказал он.

— Верно, — согласился Габри, откладывая курточку в стопку отвергнутых подношений. — Впрочем, через несколько лет она, возможно, будет впору Рут.

— Неужели никто раньше не говорил про эту хижину? Хотя бы старая миссис Хадли?

Габри отрицательно покачал головой, продолжая разбирать одежду.

— Никто. — Вдруг он замер, положив руки на колени. — Непонятно, как он выживал. Неужели он пешком ходил до Кауансвилла или до Сен-Реми, чтобы купить себе еду?

«Вот еще один вопрос, на который у нас нет ответа», — подумал Гамаш, поднимаясь по лестнице. Он принял душ, побрился, позвонил жене. Опускалась темнота; из леса донесся вой мотора. Это возвращался мотовездеход. В деревню из хижины.

В общей комнате гостиницы вместо Габри появился кто-то другой. В удобном кресле у огня сидел Винсент Жильбер.

— Я заглянул в бистро, но там люди не давали мне покоя. И вот я зашел сюда, чтобы не давать покоя вам. Я пытался уйти с миром, чтобы не путаться под ногами у сына. Забавно, что воскресение из мертвых перестало быть популярным, в отличие от прежних дней.

— А вы ожидали, что он обрадуется?

— Представьте, ожидал. Насколько все же удивительна наша способность к самообману.

Гамаш посмотрел на него с насмешкой.

— Ну хорошо, моя способность к самообману, — поправился Жильбер.

Он оценивающе посмотрел на Гамаша. Высокий, атлетически сложенный. Фунтов десять лишних, а может и больше. Если не будет следить за собой, располнеет. Умрет от инфаркта.

Он представил себе, как Гамаш вдруг хватается за сердце, глаза его расширяются, потом веки смежаются от боли. Он опирается рукой о стену, хватает ртом воздух. А доктор Винсент Жильбер, знаменитый врач, сидит сложа руки и ничего не делает — смотрит, как глава отдела по расследованию убийств сползает на пол. Ему было приятно думать, что он обладает властью над людьми, что в его руках жизнь и смерть.

Гамаш посмотрел на этого несгибаемого человека. Перед ним было лицо, на которое он смотрел, которое изучал, — лицо с обложки замечательной книги «Бытие». Высокомерное, вызывающее, самоуверенное.

Но Гамаш читал эту книгу, он знал, что скрывается за этим лицом.

— Вы здесь остаетесь? — Они запретили Жильберу выезжать за пределы округа, а гостиница Габри была тут единственной.

— Нет. Я первый клиент в гостинице и спа-салоне Марка. Впрочем, не думаю, что мне понадобятся медицинские услуги. — Он соизволил улыбнуться. Как и у большинства непреклонных людей, выражение его

лица менялось, когда он улыбался.

Гамаш не смог скрыть удивления.

— Я знаю, — согласился Жильбер. — Вообще-то, остаться меня пригласила Доминик, хотя она и высказала предположение, что, возможно, я захочу быть…

— Рассудительным?

— Незаметным. Поэтому я пришел сюда.

Гамаш сел в кресло:

— Почему вы приехали к сыну именно теперь?

Все обратили внимание, что Жильбер и труп появились практически одновременно. И опять перед мысленным взглядом Гамаша предстала хижина с ее двумя удобными креслами у камина. Может быть, два этих пожилых человека сидели в тех креслах воскресными вечерами? Говорили, спорили? Бранились, дрались?

Винсент Жильбер посмотрел на свои руки. Руки хирурга. Руки, которые держали сердца. Латали их. Снова заставляли биться. Возвращали к жизни. Эти руки теперь дрожали, тряслись. Он почувствовал боль в груди.

Неужели у него инфаркт?

Он поднял взгляд и увидел, что этот крупный, уверенный в себе человек смотрит на него. И он подумал, что если у него случится инфаркт, то этот человек, вероятно, поможет ему.

Как рассказать о его жизни в Лапорте среди мужчин и женщин, страдающих синдромом Дауна? Поначалу он думал, что его работа состоит в том, чтобы следить за их физическим состоянием.

Помогать другим.

Гуру говорил ему, что именно это он и должен делать. Он долгие годы провел в обители в Индии, и наконец гуру заметил его присутствие. Он прожил там почти десять лет в обмен всего на два слова.

«Помогай другим».

И он делал это. Он вернулся в Квебек и присоединился к брату Альберу в Лапорте. Чтобы помогать другим. Ему никогда, ни разу не приходило в голову, что и они могут помогать ему. В конце концов, как эти ущербные люди могут чем-то помочь великому целителю и философу?

Прошли годы, и вот как-то раз он проснулся в своем коттедже в Лапорте и почувствовал: что-то изменилось. Он спустился на завтрак и понял, что знает их всех по именам. И все говорили с ним. Или улыбались. Или подходили к нему и показывали то, что нашли. Улитку, палочку, травинку.

Ничего необычного. И в то же время весь мир изменился, пока он спал. В постель он лег помощником другим людям, а проснулся исцеленным сам.

Тем вечером в тени клена он начал писать «Бытие».

— Я приглядывал за Марком. Наблюдал за его успехами в Монреале. То, что они продали собственность там и купили дом здесь, я воспринял как знак.

— Знак чего? — спросил Гамаш.

— Знак кризиса. Я захотел помочь.

«Помогай другим».

Только теперь он начал осознавать силу этих двух простых слов. И эта помощь приходила в разных формах.

— Чем помочь? — спросил Гамаш.

— Убедиться в том, что с ним все в порядке, — сказал Жильбер. — Слушайте, здесь такой переполох из-за этого тела. Марк сделал глупость, что утащил это тело, но я его знаю. Он не убийца.

— Откуда вы знаете?

Жильбер смерил его гневным взглядом. Его ярость вернулась с прежней силой. Но Арман Гамаш знал, что стоит за этим гневом. Что стоит за любым гневом.

Страх.

Чего так боялся Винсент Жильбер?

Ответ был прост. Он боялся, что его сына арестуют за убийство. Либо потому, что его сын совершил это, либо потому, что не совершал.

* * *

Несколько минут спустя в переполненном бистро раздался голос, адресованный старшему инспектору, который пришел выпить стаканчик красного вина и спокойно прочитать свою книгу.

— Ну и хитрец!

Почти все подняли головы. Мирна продефилировала по залу и, остановившись рядом со столиком Гамаша, устремила на него сердитый взгляд. Он встал, слегка поклонился, показал ей на стул.

Мирна села так резко, что стул скрипнул.

— Вина?

— Почему вы мне не сказали, зачем вам книга? — Она показала на «Бытие» в его руке.

Гамаш ухмыльнулся:
— Тайны, тайны.
— И как долго, по-вашему, это останется тайной?
— Достаточно долго. Мне известно, что он заходил сюда выпить. Вы с ним познакомились?
— С Винсентом Жильбером? Если вожделенные взгляды, бессвязный лепет и раболепствование называть знакомством, то да. Я с ним познакомилась.
— Он наверняка уже забыл, что это были вы.
— Потому что меня так легко с кем-то перепутать? Он и в самом деле отец Марка?
— Да.
— Знаете, он проигнорировал меня, когда я попыталась представиться. Посмотрел на меня как на какую-то козявку. — Принесли вино и новую вазочку с орешками. — Слава богу, я ему сказала, что меня зовут Клара Морроу.
— И я тоже, — сказал Гамаш. — Боюсь, у него может обостриться подозрительность.
Мирна рассмеялась, чувствуя, как уходит ее раздражение:
— Старик Мюнден говорит, что именно Винсент Жильбер следил в лесу за собственным сыном. Это так?
Гамаш прикинул, сколько стоит ей сказать, но было ясно, что никаких тайн на сей счет уже не осталось. Он кивнул.
— Зачем следить за собственным сыном?
— Они не виделись много лет.
— Первый положительный отзыв, что я слышу о Марке Жильбере, — сказала Мирна. — И тем не менее в этом есть какая-то ирония. Знаменитый доктор Жильбер помогает стольким детям, но расстался с собственным сыном.
Гамаш опять подумал об Анни. Не так же ли он поступал с нею? Выслушивал жалобы других, оставаясь глухим к проблемам собственной дочери? Он звонил ей накануне вечером и уверил себя, что с ней все в порядке. Но от «в порядке» до «прекрасно» расстояние было велико. Дело явно было плохо, раз она была готова слушать Бовуара.
— Прошу, — сказал Оливье, протягивая Гамашу и Мирне меню.
— Я ухожу, — сказала Мирна.
Оливье остался у столика.
— Говорят, вы нашли место, где жил убитый. Он все время оставался в лесу?

Тут появились Лакост и Бовуар, заказали себе выпивку. Допив вино и прихватив целую горсть орешков кешью, Мирна встала.

— Буду обращать больше внимания на книги, которые вы покупаете.

— У вас, случайно, нет «Уолдена»? — спросил Гамаш.

— Только не говорите мне, что вы там и Торо нашли. Неужели кто-то еще скрывается в лесу? Может, Джимми Хоффа?[55] Или Амелия Эрхарт?[56] Приходите после обеда, я дам вам мой экземпляр «Уолдена».

Она ушла, Оливье принял их заказ и принес теплые булочки, намазанные тающим монардовым маслом и паштетом. Бовуар вытащил из сумки кипу фотографий хижины и протянул их шефу:

— Распечатал сразу, как мы вернулись.

Бовуар принялся за теплую булочку. Он умирал от голода. Агент Лакост тоже взяла одну, глотнула вина и выглянула в окно. Но увидела в нем лишь отражение бистро. Жители деревни обедали, кто-то сидел у стойки бара за стаканом пива или виски. Кто-то отдыхал у огня. Никто не обращал внимания на полицейских. Но тут она увидела пару глаз, отраженных в стекле. Скорее призрака, чем человека. Она повернула голову в тот момент, когда Оливье исчез в кухне.

Несколько минут спустя перед Бовуаром была поставлена тарелка улиток в чесночном соусе, для Лакост принесли гороховый суп с мятой, а для Гамаша — суп из цветной капусты и жирного сыра с грушей и финиками.

— Гм, — промычала Лакост, попробовав суп. — Прямо с огорода. Твои, видимо, тоже. — Она кивнула на улитки Бовуара.

Он ухмыльнулся и принялся есть, макая хлеб с хрустящей корочкой в жидкий чесночный соус.

Гамаш разглядывал фотографии, медленно откладывая их одну за другой. Это было все равно что натолкнуться на гробницу Тутанхамона.

— Мне нужно будет позвонить суперинтенданту Брюнель, — сказал он.

— Главе отдела по расследованию имущественных преступлений? — спросила Лакост. — Неплохая мысль.

Тереза Брюнель была специалистом по кражам произведений искусства и личным другом Гамаша.

— Она умрет, когда увидит эту хижину, — рассмеялся Бовуар.

Оливье унес пустые тарелки.

— Откуда у убитого могло взяться все это? — с недоумением спросил Гамаш. — И как он доставил все это в лес?

— И зачем? — добавил Бовуар.

— Но там не было личных вещей, — сказала Лакост. — Ни одной фотографии, ни писем, ни чековых книжек. Ни документов. Ничего.

— И ничего похожего на орудие убийства, — сказал Бовуар. — Мы отправили на экспертизу кочергу и кое-какие садовые инструменты, однако перспектив маловато.

— Но после вашего ухода я нашла кое-что. — Лакост положила свою сумочку на стол и открыла ее. — Это было под кроватью у стены. Я в первый раз даже не заметила, — пояснила она. — Я сняла отпечатки пальцев и взяла образцы. Они отправлены в лабораторию.

На столе оказался резной кусок дерева с пятнами, похожими на пятна крови.

Кто-то ножом вырезал на дереве слово.

«Вор».

Глава двадцатая

Агент Морен, напевая себе под нос, бродил по хижине. В одной руке у него был спутниковый телефон, в другой — полено. Не для дровяной плиты, которая была затоплена и давала хорошее тепло. Не для камина, тоже растопленного. А на тот случай, если кто-нибудь нападет на него из тьмы, царящей в углах.

Он зажег все масляные лампы и все свечи. Убитый, казалось, делал их сам — из парафина, остававшегося от самодельных консервов.

Морену не хватало телевизора. Сотового телефона. Его девушки. Матери. Он снова взялся было за спутниковый телефон, но потом опустил его, наверное, уже в сотый раз.

Ты не можешь позвонить старшему инспектору. Что ты ему скажешь? Что тебе страшно? Страшно одному в лесной хижине? Там, где убили человека?

И он точно не мог позвонить своей матери. Она наверняка найдет способ добраться до этой лесной хижины, и завтра команда обнаружит его здесь вместе с нею. Она будет гладить его рубашки, жарить бекон и яичницу.

Нет, уж лучше умереть.

Он еще раз прошел по хижине, тыча поленом то туда, то сюда, но делая это очень-очень осторожно. На манер Элмера Фадда[57] он заглядывал в углы, брал наугад в руки стекло, рассматривал всякий хлам. Оранжевую панель на кухонном окне, серебряный подсвечник с резьбой. Наконец он вытащил сэндвич из пакета и развернул вощеную бумагу. Ветчина и сыр на французской булке. Неплохо. Морен взял бутылку кока-колы, открутил крышечку, сел у огня. Кресло оказалось на удивление удобным. Еда успокоила его, и когда он перешел к сладкому, то снова чувствовал себя самим собой. Он потянулся к скрипке, лежащей неподалеку от него, но передумал. Вместо этого он наугад взял книгу с полки и открыл ее.

Написал ее автор, о котором он никогда не слышал. Некто Каррер Белл.[58] Морен начал читать про девочку по имени Джейн, которая выросла в Англии. Через какое-то время его глаза устали — в хижине было недостаточно света. Он подумал, что, видимо, пора ложиться спать. Уже, наверное, перевалило за полночь.

Морен посмотрел на свои часы. Было половина девятого.

Он снова нерешительно протянул руку, взял скрипку. Ее дерево было темным и на ощупь казалось теплым. Он погладил скрипку своей молодой рукой, осторожно взял ее, умело перевернул. Потом быстро поставил на место. Он не должен к ней прикасаться. Морен снова обратился к книжке, но минуту-другую спустя поймал себя на том, что его рука опять прикасается к скрипке. Он знал, что не должен это делать, просил себя не делать, но все же взял смычок из конского волоса. Понимая, что обратного пути у него уже нет, он встал.

Агент Морен пристроил скрипку на плече, прижал ее подбородком, пробежал смычком по струнам. Звук получился низкий, сочный и соблазнительный. Молодой агент не мог противиться этому. И вскоре в хижине зазвучали успокаивающие звуки популярной песни «Колм Куигли».[59] Они заполнили всю хижину, вплоть до углов.

* * *

Подали три основных блюда. Фаршированная фруктами курица, приготовленная на вертеле, для Гамаша, макароны феттучини с расплавленным сыром бри, свежими помидорами и базиликом для Лакост, а для Бовуара — ягнятина, тушенная в черносливе. На стол поставили также свежесобранные овощи, обжаренные на гриле.

Курица Гамаша была нежная и вкусная, в меру приправленная горчицей по-французски и вермутом.

— И что означает эта деревяшка? — спросил Гамаш у своей команды.

— Практически это единственная неантикварная вещь в хижине, — ответила Лакост. — А всякие режущие инструменты — я думаю, он изготовил их сам.

Гамаш кивнул. Он и сам пришел к тому же выводу.

— Но почему «вор»?

— Может быть, так его звали? — без особого энтузиазма предположил Бовуар.

— Месье Вор? — переспросила Лакост. — Это могло бы объяснить, почему он жил один в лесу.

— Зачем кому-то понадобилось бы вырезать это слово для себя? — Гамаш положил нож и вилку. — И больше ничего такого вы в хижине не нашли?

— Ничего, — ответил Бовуар. — Нашли топоры, молотки, пилы. Все они хорошо побывавшие в употреблении. Я думаю, он сам построил эту

хижину. Но наверняка не вырезал ее.

«Вор», — подумал Гамаш, снова беря нож и вилку. Неужели отшельник настолько впал в печаль?

— Вы заметили наши фотографии ручейка, сэр? — спросила Лакост.

— Заметил. По крайней мере, теперь мы знаем, как он сохранял продукты.

Агент Лакост, обследуя ручей, обнаружила привязанный пластиковый пакет. А в нем были баночки со скоропортящимися продуктами. Все это обтекала холодная вода.

— Но ведь он явно не сам готовил сыр и молоко, а в местном магазине его никто не видел, — сказал Бовуар. — И это приводит нас к единственно возможному выводу.

— Кто-то эти продукты ему приносил, — поддержала его Лакост.

— Ничего не надо? — спросил подошедший Оливье.

— Все прекрасно, patron, merci, — с улыбкой ответил Гамаш.

— Еще майонеза или масла? — улыбнулся в ответ Оливье, стараясь не выглядеть идиотом.

Он пытался сказать себе, что количество принесенных им приправ, теплых булочек, бокалов вина ни на что не повлияет. Он никогда не сможет снискать их расположения.

— Non, merci, — ответила Лакост, и Оливье неохотно покинул их.

— По крайней мере, у нас есть отпечатки пальцев из хижины. Завтра что-нибудь выяснится, — сказал Бовуар.

— Я думаю, теперь мы знаем, почему его убили, — сказал Гамаш.

— Тропинки, — кивнула Лакост. — Рор Парра прорубал тропинки для езды. Одна из них практически упиралась в хижину. Так что ее обнаружение было делом времени.

— Это и случилось: мадам Жильбер увидела ее, — сказал Бовуар. — Но мы не можем быть уверены, что она не видела хижину во время своих прежних прогулок.

— Вот только прежде у них не было лошадей, — заметила Лакост. — Они появились на следующий день после убийства.

— Но она, возможно, прогуливалась по старым тропинкам пешком, — предположил Гамаш. — Готовилась к тому времени, когда привезут лошадей. Изучала местность, чтобы сказать Рору, какие тропинки нужно расчищать.

— Рор и сам мог по ним бродить, — сказал Бовуар. — Рор или его сын Хэвок. Парра говорил, что сын собирается ему помогать.

Двое других задумались. Нет, пожалуй, у Парры не было никаких

оснований бродить старыми ездовыми тропинками, пока он их не расчистил.

— Но зачем убивать Отшельника? — спросила Лакост. — Даже если один из Парра или Доминик его нашли? Это лишено смысла. Ради сокровищ? Тогда почему сокровища остались нетронутыми?

— Может, не остались, — сказал Бовуар. — Мы видели только те, что нашли. Может, там было еще что-то.

На Гамаша будто тонна кирпичей обрушилась. Почему это не пришло ему в голову раньше? Его настолько поразило найденное, что он даже не подумал о том, что могло быть унесено.

* * *

Агент Морен лежал в кровати, но все никак не мог удобно устроиться. Странное это чувство — спать в кровати мертвеца.

Он закрыл глаза. Повернулся на левый бок, потом на правый. Открыл глаза, уставился в огонь, тлеющий в камине. Хижина теперь меньше пугала его. Напротив, она даже казалась уютной.

Морен ударил несколько раз кулаком по подушке, чтобы взбить ее, но наткнулся на что-то твердое.

Он сел, взял подушку, прощупал ее. Да, несомненно, кроме перьев, внутри было что-то еще. Он встал, зажег масляную лампу, вытащил подушку из наволочки. В подушке обнаружился глубокий карман. Осторожно, словно ветеринар, ощупывающий беременную кобылу, Морен засунул внутрь руку по локоть. Его пальцы нащупали что-то твердое, шишковатое.

Он вытащил этот предмет, поднес его к лампе. Увидел изящную резьбу. Мужчины и женщины на паруснике. Они стояли лицом к носу корабля. Морена поразило мастерство резьбы. Тот, кто сработал эту вещь, сумел передать восторг путешествия. Такой восторг Морен и его сестра ощутили детьми, когда с семьей путешествовали на машине в Абитиби или Гаспе.

Он узнал счастливое предвкушение на лицах путешественников. Приглядевшись, он увидел, что у большинства из них сумки и мешки, что это люди разного возраста — от грудных младенцев до стариков и немощных. Некоторые пребывали в восторге, другие — в ожидании, третьи — в спокойном удовлетворении.

Все были счастливы. И корабль полнился надеждой.

Паруса невероятным образом тоже были вырезаны из дерева, истонченного до толщины материи. Морен перевернул парусник. На днище было что-то процарапано. Он поднес надпись к лампе.

НЭШЬШ

Может, это имело какой-то смысл на русском? Агент Лакост, увидев иконы, решила, что убитый был русским. Может, это его имя?

Потом в голову Морену пришла одна мысль. Он вернулся к кровати и потрогал другую подушку, лежавшую под первой. Там тоже обнаружилось что-то твердое. Из второй подушки он извлек еще одну скульптуру, тоже деревянную и такую же детализированную. Эта резная скульптура изображала мужчин и женщин, собравшихся на берегу и смотревших на воду. Некоторые казались встревоженными, но большинство имели удовлетворенный вид. Снизу на этой скульптуре тоже были процарапаны буквы.

ИРБЬЯГГР

Перевернув скульптуру, Морен поставил ее рядом с первой. Обе передавали ощущение радости, надежды. Он смотрел на них, они притягивали его взгляд, как никогда не притягивал экран телевизора.

Но чем больше он смотрел, тем тревожнее ему становилось — как будто что-то наблюдает за ним. Он заглянул в кухню, потом окинул взглядом комнату. Вернувшись к резным скульптурам, он удивился, почувствовав, что они источают ощущение тревоги.

Ему почудилось какое-то движение за спиной, и он быстро повернулся к темной комнате, мгновенно пожалев, что не зажег больше ламп. Его внимание привлекло какое-то посверкивание. Высоко наверху. В самом дальнем углу хижины. Может, это чьи-то глаза?

Взяв полено, он стал осторожно приближаться. Когда он подошел, сверкание начало обретать некую форму. Это была паутина, отражавшая мягкое сияние лампы. Но в паутине было что-то необычное. Когда его глаза привыкли к сумеркам, волосы на его голове встали дыбом.

В паутину было вплетено слово.

«Вор».

Глава двадцать первая

На следующее утро все уже сидели за столом, когда появился агент Морен, ужасно растрепанный. Они посмотрели на него, и агент Лакост указала на место рядом с собой, где неожиданно для молодого агента его ждали крепкий кофе с молоком, яичница, бекон и толсто нарезанный тост с вареньем.

Морен проглотил еду, выслушал последние сообщения, а потом настал его черед.

Он положил на стол две резные скульптурки и медленно подвинул их к середине. Они были такими живыми, что казалось, будто кораблик поймал ветер в паруса и движется сам по себе, а люди на берегу в нетерпении ждут его прибытия.

— Это что? — спросил Гамаш, поднимаясь со стула и обходя стол, чтобы разглядеть находку получше.

— Я нашел их вчера вечером. Они были спрятаны в подушках на кровати.

Трое полицейских смотрели в недоумении.

— Ты шутишь, — сказала Лакост. — Неужели в подушках?

— Они были зашиты в подушки. Хорошо спрятаны, хотя я не уверен, прятал он их или защищал.

— Почему же ты не позвонил? — спросил Бовуар; он оторвал взгляд от скульптур и уставился на Морена.

— Нужно было позвонить? — Пораженный, Морен переводил взгляд с одного полицейского на другого. — Я думал, мы все равно до утра ничего не сможем предпринять.

Он очень хотел позвонить и лишь огромным усилием воли остановил себя и не стал будить их всех. Он не хотел показывать своего страха. А теперь по их лицам он видел, что поступил неправильно.

Он боялся всю свою жизнь, и всю его жизнь страх мешал ему принимать правильные решения.

— В следующий раз звони, — сказал шеф, строго глядя на него. — Мы команда, мы должны знать всё.

— Oui, patron.

— Отпечатки с них сняты? — спросил Бовуар.

Морен кивнул и поднял конверт:

— Отпечатки здесь.

Бовуар выхватил конверт из его руки и понес к компьютеру, чтобы просканировать. Но и оттуда его взгляд постоянно возвращался к двум скульптурам.

Гамаш наклонился над столом, разглядывая вещицы через свои полукруглые очки.

— Они весьма примечательны.

Радость маленьких деревянных путешественников была ощутима. Гамаш наклонился, чтобы его глаза были на одном уровне с резными скульптурами — они теперь плыли на него. Эти две скульптуры казались двумя частями одного целого. Корабль, наполненный людьми, плыл к берегу. А другие счастливые люди ждали его.

Так почему же он испытывал беспокойство? Почему он хотел предупредить пассажиров: «Развернитесь и плывите в другую сторону»?

— Там снизу на них что-то написано, — сказал Морен.

Он взял одну из скульптур и показал ее шефу, который посмотрел, потом передал ее Лакост. Бовуар взял другую скульптуру, увидел на ней ряд букв. «Чепуха какая-то», — подумал он, хотя и чувствовал, что они несут какой-то смысл. А какой — им предстояло выяснить.

— И что это значит? — спросил Морен.

Трое более опытных полицейских переглянулись.

— Понятия не имею, — признался старший инспектор. — Большинство резчиков помечают свои работы, подписывают их так или иначе. Может быть, и этот автор расписался таким образом?

— Тогда почему подписи разные? — спросил Морен.

— Справедливое замечание. Я в недоумении. Возможно, суперинтендант Брюнель нам объяснит. Она приедет сегодня утром.

— Я нашел еще кое-что, — сказал Морен. — Сделал фотографию. Она пока у меня в аппарате. Видно не очень хорошо, но…

Он включил свою цифровую камеру и протянул ее Бовуару, который мельком взглянул на фото.

— Слишком маленькая, ничего не видно. Нужно сбросить ее на компьютер.

Они продолжили разговор, а Бовуар сел за компьютер и перегрузил изображение.

— Tabarnac, — услышали они его шепот.

— Что тут? — Гамаш подошел к нему, Лакост тоже, и они склонились к плоскому экрану.

На фотографии была паутина и слово.

«Вор».

— И что это значит? — спросил Бовуар, ни к кому не обращаясь.

Гамаш покачал головой. Как паук мог сплести слово? И почему именно это? То же самое слово было вырезано на деревяшке, которую они нашли под кроватью.

— Поросенок что надо.

Все посмотрели на Лакост.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гамаш.

— Я вчера заходила в будку туалета и нашла там первое издание этой книги с автографом.

— О девочке по имени Джейн? — спросил Морен и тут же пожалел, что сделал это: все посмотрели на него, словно это он сказал «поросенок что надо». — Я нашел в хижине книгу, — объяснил он. — Ее написал какой-то тип по имени Каррер Белл.

Лакост смотрела недоуменным взглядом. У Гамаша взгляд был встревоженный, и Морен даже не хотел знать, с каким выражением смотрит на него Бовуар.

— Бог с ним. Продолжай.

— Это была «Паутинка Шарлотты» Э. Б. Уайта, — сказала агент Лакост. — Одна из самых моих любимых книжек в детстве.

— И моя дочь ее любила, — сказал Гамаш.

Он вспомнил, как снова и снова перечитывал книгу девочке, которая делала вид, что не боится темноты. Закрытого чулана, скрипов и стонов в доме. Он читал ей каждый вечер, пока она не засыпала.

Книга, которая лучше других успокаивала ее и которую он выучил почти наизусть, называлась «Паутинка Шарлотты».

— Поросенок что надо, — повторил он и рассмеялся низким раскатистым смехом. — Это книга о поросенке, которого ждет бойня. Паучиха по имени Шарлотта становится его другом и пытается спасти его жизнь.

— Она делает это, вплетая слова о нем в паутину, — объяснила Лакост. — Вроде «Поросенок что надо», отчего фермер начинает думать, будто поросенок Уилбур какой-то особенный. Книга, которая лежала в туалете, имела авторский автограф.

Гамаш покачал головой. Невероятно.

— И что, получилось? — спросил Морен. — Поросенка удалось спасти?

Бовуар посмотрел на него с презрением. Но в то же время он должен был признать: ему тоже хотелось узнать, что случилось с поросенком.

— Удалось, — сказал Гамаш.

Тут брови его нахмурились. В реальной жизни пауки не оставляют надписей в своих паутинах. Кто же это сделал? И зачем? И почему «вор»?

Ему не терпелось вернуться в хижину.

— Там есть кое-что еще.

Все глаза снова повернулись к простачку-агенту.

— Я говорю о туалете. — Он повернулся к Лакост. — Вы там ничего не заметили?

— Ты хочешь сказать, кроме первого издания с автографом автора и долларовых купюр вместо туалетной бумаги?

— Не внутри. Снаружи.

Лакост подумала и отрицательно покачала головой.

— Наверное, было слишком темно, — сказал агент Морен. — Я воспользовался туалетом вчера вечером и тоже ничего не заметил. Только сегодня утром.

— И что же это? Не тяни уже душу, — резко сказал Бовуар.

— Там есть тропинка. Она ведет к туалету, но не обрывается возле него, а продолжается дальше. Я пошел по ней сегодня и вышел сюда.

— К оперативному штабу? — спросил Бовуар.

— Нет, не совсем. Тропинка попетляла по лесу и вышла вон туда. — Он показал на холм над деревней. — Я пометил то место, куда она выходит. Думаю, что смогу его найти снова.

— Это было глупо с твоей стороны, — сказал Гамаш. Вид у него был строгий, и голос звучал холодно. Морен тут же покраснел. — Никогда, ни в коем случае не ходи по лесу один. Ты мог потеряться.

— Но вы бы меня нашли, разве нет?

Они все знали, что Гамаш нашел бы его. Если он нашел их один раз, то нашел бы и во второй.

— Это был ненужный риск. Никогда больше так не делай. — Карие глаза Гамаша смотрели с укоризной. — Подобная ошибка могла стоить тебе жизни. Или кому-то другому. Никогда нельзя расслабляться. В лесу всюду таятся угрозы. В том числе и со стороны убийцы, которого мы ищем. Ошибка могла стать роковой.

— Я понял, сэр.

— Хорошо, — сказал Гамаш. Он встал, и остальные тоже вскочили на ноги. — Покажи нам, куда выходит эта тропинка.

*** * ***

Оливье стоял у окна своего бистро, не слыша разговоров и смеха клиентов за спиной. Он видел, как Гамаш и остальные идут по гребню холма. Они остановились, вернулись немного назад, снова прошли вперед. Даже издалека Оливье видел, как Бовуар сердито жестикулирует, выражая недовольство молодому агенту, у которого всегда был такой растерянный вид.

«Все будет в порядке, — повторял он про себя. — Все будет в порядке. Улыбайся».

Наконец группка полицейских перестала ходить туда-сюда. Они смотрели на лес, а Оливье смотрел на них.

И тут на него словно обрушилась волна, вытолкнула из его груди воздух, который он долго задерживал. Стерла фальшивую улыбку с его лица.

Он почти испытал облегчение. Почти.

* * *

— Вот она, — сказал Морен.

Он пометил это место, привязав к ветке свой ремень. Когда он это делал, такое решение казалось ему умным. Но теперь, во время поисков тонкого коричневого пояса на опушке леса, он понял, что идея была не такой уж блестящей.

Но они его нашли.

Гамаш посмотрел на тропинку. Если ты знал, что она здесь, то дальше проблем не возникало. Она почти кричала о себе. Это напоминало оптические иллюзии, внедренные в картину: если ты раз их увидел, то потом уже не можешь отделаться от их присутствия. Тигр в посудной лавке, космический корабль в саду.

— Я присоединюсь к вам в хижине, когда смогу, — сказал Гамаш и вместе с Лакост проводил взглядом Бовуара и Морена, которые направились в лес.

У него было такое ощущение, что они, как монахини, находятся в безопасности, когда не в одиночестве. Он понимал, что это самообман. Но его такое положение устраивало. Он смотрел, пока две фигуры окончательно не скрылись из виду. Но еще подождал немного — пока не стихли их шаги. И только после этого направился вниз — в Три Сосны.

* * *

Питер и Клара Морроу находились в своих студиях, когда раздался звонок. Звук был странный, почти пугающий. Никто из их знакомых не пользовался звонком — они просто входили и располагались, как их душе угодно. Как часто Клара и Питер обнаруживали в своей гостиной Рут? Она в десять утра частенько возлежала на диване, читая журнал и попивая мартини. Роза обычно устраивалась на потертом ковре рядом. Клара и Питер считали, что нужно пригласить священника, чтобы избавиться от них.

Не раз они обнаруживали в своей ванной Габри.

— Есть кто-нибудь дома? — певуче произнес низкий голос.

— Я впущу, — сказала Клара.

Питер не дал себе труда ответить. Он бродил по своей студии, описывал круги у мольберта, подходил поближе, потом удалялся. Возможно, его мозг, как и всегда, был занят искусством, но сердце находилось где-то в другом месте. С того дня, когда известие о предательстве Марка Жильбера поразило деревню, Питер не мог думать ни о чем другом.

Он искренне любил Марка. Его влекло к Жильберу, как влекло к желтому кадмию, цвету морской волны или Кларе. Он радовался, у него голова шла кругом, когда ожидался визит Марка. Когда они тихонько выпивали вместе. Разговаривали. Отправлялись на прогулку.

Марк Жильбер уничтожил все это. Попытка уничтожить Оливье — это, конечно, ужасный поступок. Но Питер в глубине души думал, что одно другого стоило. Словно ржавый гвоздь вбили во что-то прекрасное. И редкое. По крайней мере, для Питера.

Теперь он ненавидел Марка Жильбера.

Он слышал за дверями своей студии голос Клары и еще один знакомый голос, ей отвечающий.

Арман Гамаш.

Питер решил присоединиться к ним.

— Кофе? — предложила Клара старшему инспектору, когда они обменялись рукопожатием с Питером.

— Non, merci, я ненадолго. Я к вам по делу.

Кларе подумалось, что Гамаш выбрал точное слово. Дело об убийстве.

— У вас вчера был напряженный день, — сказала Клара, когда они втроем сели за кухонный стол. — В Трех Соснах только об этом и говорят.

Трудно выделить, какая из новостей самая шокирующая: что Марк Жильбер перетащил тело, или что здесь оказался Винсент Жильбер, или что убитый все время жил близ деревни. Он и вправду там жил?

— Мы так считаем, но еще ждем подтверждения. Мы пока так и не знаем, кто он такой.

Гамаш внимательно смотрел на них. Они, казалось, были в не меньшем недоумении, чем он.

— Не могу поверить, что никто не знал о его существовании, — сказала Клара.

— Мы считаем, что кто-то знал. Кто-то приносил ему еду. Мы нашли ее на кухонном столе.

Они удивленно переглянулись.

— Один из нас? Кто?

«Один из нас». Три коротких слова, но каких сильных. Они более, чем что-либо иное, запускали тысячи кораблей, начинали тысячи войн. «Один из нас». Круг сужался. И смыкался. Границы были проведены. Кто-то оказался внутри, кто-то снаружи.

Семьи, клубы, банды, города, государства, страны. Деревня.

Как это сказала Мирна? Выйти за пределы.

Да, это выходило за пределы простой принадлежности к той или иной группе. Почему «принадлежность» является таким мощным фактором, таким привлекательным, почему направляет действия человека? Да потому, что она означает безопасность и преданность. Если ты «один из нас», то ты защищен.

Не с этим ли боролся и он, Гамаш? Тратил силы не на поиски преступника, а на подавление попыток тех, кто внутри, защитить его? Был ли поднят разводной мост? Замкнут круг? Неужели Три Сосны защищали убийцу? Одного из них.

— Зачем кому-то относить ему еду, а потом убивать? — спросила Клара.

— Это лишено смысла, — согласился Питер.

— Если убийца не демонстрировал намерения убить, — сказал Гамаш. — Может, что-то произошло и спровоцировало его.

— Ну хорошо, но если он сорвался и убил этого человека, разве не разумно было просто убежать? Зачем тащить тело через лес в дом Жильбера? — спросила Клара.

— Действительно, зачем? — подхватил Гамаш. — Есть какие-нибудь предположения?

— Затем, что он хотел, чтобы тело было найдено, — сказал Питер. —

А дом Жильберов — ближайший.

Убийца хотел, чтобы тело было найдено. Зачем? Большинство убийц предпринимают колоссальные усилия, чтобы скрыть преступление. Зачем этому убийце понадобилось рекламировать то, что он сделал?

— Он хотел, чтобы были найдены либо тело, либо хижина в лесу, — продолжил Питер.

— Мы думаем, хижина так или иначе была бы обнаружена в течение ближайших дней, — сказал Гамаш. — Рор Парра прочищал ездовые тропинки в том районе.

— Да, вряд ли мы чем-то сможем вам помочь, — сказала Клара.

Гамаш залез в сумку:

— Вообще-то, я зашел, чтобы показать вам кое-что. Мы нашли это в хижине. Мне бы хотелось выслушать ваше мнение.

Он вытащил два полотенца и осторожно положил их на стол. Это было похоже на двух запеленатых от холода младенцев. Он медленно развернул полотенца.

Клара подалась вперед.

— Посмотрите на их лица. — Она заглянула в глаза Гамаша. — Они так прекрасны.

Он кивнул. Так оно и было. И не только их черты. Их радость, их жизненная сила — вот что делало их прекрасными.

— Позвольте? — Питер протянул руку, и Гамаш кивнул.

Питер взял одну из скульптур, перевернул ее.

— Тут что-то написано, но я не могу разобрать. Подпись?

— Что-то вроде того, — сказал Гамаш. — Мы пока не знаем, в чем смысл этих букв.

Питер принялся разглядывать две работы — корабль и толпу на берегу.

— Это вырезал убитый?

— Мы думаем, да.

Хотя с учетом всего того, что было найдено в хижине, Гамаш не удивился бы, узнав, что это работа Микеланджело. Разница состояла в том, что все другие сокровища находились на виду, но эти убитый решил спрятать. Значит, они чем-то отличались от других.

Он смотрел на них: сначала у Клары, а потом у Питера улыбка сошла с лица и появилось почти несчастное выражение. Клара дернулась на своем стуле. Супругам Морроу понадобилось меньше времени, чем полицейским, чтобы понять: что-то тут не так. И неудивительно. Супруги Морроу были художниками и, предположительно, лучше воспринимали те чувства, которые вложил в свои скульптуры резчик.

Скульптуры излучали радость, свет. Но под этим скрывалось что-то еще. Какое-то скрытое значение, темная тональность.

— Что такое? — спросил Гамаш.

— В них есть что-то отталкивающее, — сказала Клара. — Что-то порочное.

— Не можете сказать что?

Питер и Клара некоторое время разглядывали резные скульптурки, потом посмотрели друг на друга.

— Извините, — сказал Питер, — искусство иногда воздействует на подсознательное восприятие, и сам художник даже, возможно, не имел в виду ничего такого. Может, чуть измененные пропорции. Цвет. Это и производит шокирующее впечатление.

— Но вот что я вам могу сказать, — раздался голос Клары. — Это выдающиеся произведения искусства.

— Как вы это поняли? — спросил Гамаш.

— Они будят сильные эмоции. Таково свойство великого искусства.

Клара снова посмотрела на скульптуры. Не слишком ли много радости? Может, в этом все дело? Может быть, именно избыточные красота, радость и надежда вызывают беспокойство?

Она подумала и решила — нет. Она надеялась, что нет. В этих работах было что-то еще.

— Да, кстати, — вспомнил Питер. — У тебя через несколько минут встреча с Дени Фортеном.

— О черт, черт, черт, — встрепенулась Клара, вскакивая со стула.

— Я вас не задерживаю. — Гамаш снова завернул деревянные скульптурки в полотенца.

— У меня возникла одна мысль, — сказала Клара, догнав Гамаша у двери. — Месье Фортен, возможно, разбирается в таких скульптурах лучше нас. Откровенно говоря, разбираться в этом хуже нас очень трудно. Могу я показать ему одну из них?

— Хорошая мысль, — обрадовался Гамаш. — Очень хорошая мысль. И где вы с ним встречаетесь?

— В бистро через пять минут.

Гамаш вытащил из сумки один из свертков и протянул Кларе.

— Отлично, — сказала она, пока они вдвоем направлялись от дома к дороге. — Я ему скажу, что это я вырезала.

— Стоит ли?

Клара вспомнила расцветающее чувство страха у нее в груди, когда она смотрела на скульптуры.

— Не стоит, — согласилась она.

Глава двадцать вторая

Гамаш прибыл в оперативный штаб и обнаружил там суперинтенданта Терезу Брюнель. Она сидела за столом для совещаний, а вокруг нее лежали фотографии. Когда он вошел, она с улыбкой поднялась.

— Старший инспектор. — Она сделала шаг ему навстречу, протянула руку. — Агент Лакост так удобно меня здесь устроила, что я подумываю, не переехать ли сюда.

Тереза Брюнель приближалась к пенсионному возрасту, хотя никто в Квебекской полиции даже не намекнул бы ей об этом. Не из опасения обидеть очаровательную женщину и не из вежливости. Она в большей степени, чем кто-либо из них, была незаменима.

Она появилась в отделе кадров полиции двумя десятилетиями ранее. Молодой полицейский, дежуривший в этот момент, принял ее появление за шутку. Перед ним была утонченная женщина лет сорока пяти, одетая в платье от Шанель и желающая заполнить заявление о приеме на работу. Он дал ей бланк, думая, что она, скорее всего, воплощает в жизнь угрозу разочаровавшему ее сыну или дочери, и с растущим недоумением смотрел, как она села, скрестив ноги и распространяя слабый запах дорогого парфюма, и принялась собственноручно заполнять бланк.

Прежде Тереза Брюнель работала главой отдела закупок во всемирно известном Музее изящных искусств в Монреале, но в глубине души она всегда мечтала разгадывать тайны. Тайны всякого рода. И когда ее дети поступили в колледж, она прямиком отправилась в Квебекскую полицию и подала заявление. Разгадка какой тайны может быть благороднее, чем разгадка тайны преступления? Пройдя курс обучения в полицейском колледже у старшего инспектора Армана Гамаша, она открыла для себя еще одну тайну и страсть. Человеческий разум.

Теперь она имела звание выше, чем у ее наставника, и возглавляла отдел имущественных преступлений. И в свои шестьдесят пять, как и прежде, была полна энергии.

Гамаш тепло пожал ей руку:

— Суперинтендант Брюнель.

Тереза Брюнель и ее муж Жером часто бывали на обеде в доме Гамашей, а Гамаши, в свою очередь, нередко заглядывали к Брюнелям в их квартиру на рю Лорье. Но на службе они были «старший инспектор» и «суперинтендант».

После этого Гамаш подошел к агенту Лакост, которая тоже встала с его появлением.

— Что-нибудь уже есть?

Она отрицательно покачала головой:

— Но я им только что звонила, и лабораторные результаты будут готовы в любую минуту.

— Bon. Merci. — Он кивнул агенту Лакост, и она вернулась к своему компьютеру. Затем он снова обратился к суперинтенданту Брюнель: — Мы ждем экспертизу по отпечаткам пальцев. Я очень признателен вам за то, что смогли так быстро приехать.

— C’est un plaisir.[60] И потом, это так увлекательно. — Она повела его назад к столу для совещаний и, подавшись ближе, прошептала: — Voyons, Арман, неужели это все правда?

Она показала на фотографии, разбросанные по столу.

— Правда, — прошептал он в ответ. — И нам может понадобиться еще и помощь Жерома.

Жером Брюнель, ныне доктор на пенсии, давно разделял страсть жены к разгадыванию тайн, но если она склонялась к разрешению загадок человеческого разума, то его влекла тайнопись. Из своего удобного кабинета, где царил вечный кавардак, он, сидя в монреальской квартире, обслуживал дипломатов и службы безопасности. Иногда расшифровывал, иногда зашифровывал.

Он был общительным и образованным человеком.

Гамаш достал резную скульптуру из сумки, развернул ее и положил на стол. И снова радостные пассажиры поплыли по столу для совещаний.

— Очень мило, — сказала Брюнель, надев очки и приглядываясь. — Нет, в самом деле, — пробормотала она себе под нос, внимательно разглядывая резьбу, но не прикасаясь к ней. — Удивительная работа. Художник, кто бы он ни был, знает дерево, чувствует его. И разбирается в искусстве.

Она сделала шаг назад, разглядывая скульптуру. Гамаш ждал, и, вполне предсказуемо, она вскоре перестала улыбаться и даже подалась еще дальше.

Он уже в третий раз видел сегодня утром подобную реакцию. Скульптура, казалось, брала за самое сердце, затрагивала какие-то глубинные чувства, свойственные многим людям. Она затрагивала саму человеческую природу. А потом, как дантист, вторгалась вглубь. И тогда радость превращалась в страх.

Еще несколько секунд — и ее лицо посветлело, на нем появилась

обычная профессиональная маска. На место человека вернулся полицейский. Брюнель склонилась над скульптурой, обошла вокруг стола, не прикасаясь к работе. Наконец, рассмотрев ее со всех сторон, она взяла скульптуру в руки и, как и все остальные, перевернула ее.

— НЭШЬШ, — прочла она. — Прописные буквы. Вырезаны по дереву. Без краски. — Она говорила как коронер, который делает вскрытие и надиктовывает увиденное. — Тяжелое, крепкое дерево. Вишня? — Она присмотрелась, даже принюхалась. — Нет, текстура иная. Кедр? Нет, цвет не похож, если только… — Она поднесла скульптуру к окну, к солнечному свету, потом опустила и улыбнулась, глядя поверх очков. — Кедр. Красное дерево. Из Британской Колумбии. Почти наверняка. Хороший выбор. Кедр практически вечен, в особенности красный. К тому же он очень твердый. Но резать по нему на удивление легко. Индейцы хайда на западном побережье много столетий изготавливали из этого дерева тотемные шесты.

— И они стоят до сих пор.

— Стояли бы и до сих пор, если бы большинство из них не было уничтожено в конце тысяча восьмисотых годов правительством или церковью. Но прекрасный шест можно увидеть в Музее цивилизации в Оттаве.

Они оба поняли иронию сказанного.

— Так что же ты здесь делаешь? — спросила Брюнель, обращаясь к скульптуре. — И чего ты так боишься?

— Почему вы это говорите?

По другую сторону стола подняла голову агент Лакост, которой тоже интересно было узнать ответ.

— Ведь вы тоже это почувствовали, Арман? — Она обратилась к нему по имени — знак того, что хотя она и держала себя в руках, но была поражена. — В этой работе есть что-то холодное. Не хочу говорить «злое»…

Гамаш удивленно наклонил голову. Зло — это слово редко доводилось ему слышать, разве что в проповедях в церкви. Жестокость, коварство, зверство — да. Даже ужас. Следователи часто говорили, что место преступления навевает ужас.

Но зло… это слово отсутствовало в их лексиконе. Но именно незаурядность и делала Терезу Брюнель блестящим следователем, который умеет разгадывать загадки и раскрывать преступления. Благодаря этому она и стала его другом. Практику она всегда ставила выше диалектики.

— Зло? — переспросила Лакост из-за стола.

Суперинтендант Брюнель посмотрела на агента Лакост.

— Я сказала, что не была уверена, используя это слово.

— И до сих пор не уверены? — спросил Гамаш.

Брюнель снова взяла скульптурку, поднесла к глазам, вгляделась в малюток-пассажиров. Все они были одеты для длительного путешествия, дети завернуты в одеяла, женщины держали в руках сумки с хлебом и сыром, мужчины выглядели сильными, решительными. И взгляды всех были устремлены вперед, вдаль, на что-то прекрасное. Резьба была исключительно тонкой.

Она перевернула скульптуру, потом резко отвела руку с нею подальше, словно та укусила ее за нос.

— В чем дело? — спросил Гамаш.

— Я нашла червя, — ответила Брюнель.

* * *

В ту ночь ни Кароль Жильбер, ни ее сын толком не спали, Кароль подозревала, что и Доминик спала плохо. О Винсенте, который устроился в маленькой комнате рядом с лестничной площадкой, она и не думала. Вернее, каждый раз, когда мысль о нем внедрялась в ее сознание, она гнала ее прочь — в маленькую комнату — и старалась запереть дверь.

Рассвет был приятный, мягкий. Она прошлепала в кухню, приготовила чашку крепкого французского кофе, потом накинула на плечи мохеровый шарф, взяла поднос и вышла с ним из дома, устроилась в тихом дворике, выходящем в сад и на окутанные туманом поля.

Предыдущий день был исполнен непреходящих тревог, голова у нее раскалывалась от бесконечного гудения внутри. Они соединились как семья и, переживая откровение за откровением, встречали их все вместе, единым фронтом.

Откровение: отец Марка жив.

Откровение: Винсент стоит здесь перед ними.

Откровение: убитый человек оказался в их доме.

Откровение: Марк перетащил его. В бистро. В умышленной попытке опорочить, а может быть, и уничтожить Оливье.

К тому времени, когда старший инспектор Гамаш ушел, они пребывали в шоковом состоянии. Они были слишком ошеломленные и усталые, чтобы выяснять отношения друг с другом. Марк высказался яснее ясного и ушел на территорию спа, чтобы поработать шпателем, кистью и молотком. Винсент решил уйти, но только для того, чтобы позднее

вернуться. А Доминик обнаружила хижину в лесу, отправившись прокатиться на наименее больной из лошадей.

«И зазвонит в колокола небес», — подумала Кароль, глядя на лошадей в затянутом туманом поле. Они пощипывали травку, остерегаясь друг дружку. Даже отсюда она видела их язвы.

Сильнейший перезвон за много лет,
То пастор выжил из ума,
А прихожане разум обрели,
И вместе все — он и они,
Пав на колени, страстно принялись молиться
За прирученных жалких тигров,
Танцующих медведей и собак.

— Мама.

Кароль подпрыгнула на месте — она забылась, погрузившись в свои мысли, и тут ее нашел сын. Она встала. Вид у него был сонный, но при этом он успел принять душ и побриться. Голос Марка звучал холодно, отдаленно. Они посмотрели друг на друга. Что теперь — моргнуть, сесть, налить кофе и поговорить о погоде? О последних новостях? О лошадях? Сделать вид, что вокруг них не бушует буря? И что эта буря не порождена ими самими?

Кто из них поступил хуже? Кароль, которая много лет лгала сыну, говоря, что его отец мертв? Или Марк, который перетащил мертвеца в бистро, одним поступком уничтожив их шансы быть принятыми маленьким сообществом Трех Сосен?

Она изгадила их прошлое, он — их будущее.

Хорошенькая команда.

— Прости, — сказала Кароль и протянула к нему руки.

Марк молча подошел к ней и почти упал в ее объятия. Он был высокий, а она низенькая, но все же она удержала его, погладила по спине, прошептала:

— Ну-ну, успокойся.

Потом они сели, пристроив поднос с круассанами и земляничным джемом между собой. Этим утром мир казался необыкновенно зеленым, необыкновенно свежим, начиная от высоких кленов и дубов до травы на лугах. Марк налил кофе, а Кароль плотнее закуталась в шарф. Она смотрела на лошадей, которые паслись в поле, время от времени окидывая

взглядом день, который они не должны были увидеть, мир, который они должны были оставить два дня назад. Даже теперь, когда они стояли в тумане, возникало ощущение, что они пребывают в двух мирах.

— Если прищуриться, они почти похожи на лошадей, — сказал Марк.

Кароль посмотрела на сына и рассмеялась. Он корчил гримасы, стараясь преобразовать существа в поле в великолепных гонтеров, которых он и ждал.

— Нет, правда, неужели это лошадь? — Он показал на Честера, который в неясном свете напоминал верблюда.

Кароль вдруг стало очень грустно при мысли о том, что им, возможно, по собственной глупости придется покинуть этот дом. Сад никогда не был так красив, а со временем он будет становиться только краше — будет созревать, различные растения будут смешиваться и расти вместе.

— Меня беспокоит вот этот конь, — сказал Марк, показав на самую темную лошадь, пасущуюся на свободе. — Гром.

— Да-да, — Кароль неловко поежилась, глядя на него. — Что касается этого коня…

— Вдруг он укусит кого-нибудь из гостей? Хотя я совсем не против того, что он сделал с отцом.

Кароль едва сдержала улыбку. Увидеть Великого человека с лошадиными слюнями на плече — пожалуй, это было единственное приятное событие предыдущего дня.

— И что ты предлагаешь? — спросила она.

— Не знаю.

Кароль замолчала. Они оба знали, что предлагает Марк. Если лошадь не научится приличным манерам за месяц, то ко Дню благодарения от нее нужно избавиться.

— «За несчастных слепых пони, что таскают в шахтах вагонетки, — пробормотала она. — И за маленьких загнанных кобыл».

— Что-что? — спросил Марк.

— На самом деле его имя не Гром. Его зовут Марк.

— Ты шутишь?

Но никто из них не смеялся. Марк посмотрел на злобное, безумное животное, которое держалось в стороне от других. Черное пятно на туманном лугу. Словно недоразумение. Ошибка природы.

Еще один Марк.

Позднее, когда Марк и Доминик направились покупать продукты и строительные материалы, Кароль нашла в кухне четыре морковки и скормила их лошадям, которые поначалу не поверили ей. Но сначала

Ромашка, а за ней Макарони и Честер осторожно подошли к ней и, нежно прикасаясь губами к ее ладони, взяли морковку.

Однако один остался.

Кароль ласковым шепотом подзывала коня Марка. Соблазняла его. Умоляла его. Стоя у ограждения, она перевешивалась через него, протягивая морковку как можно ближе к коню.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Я не сделаю тебе ничего плохого.

Но он не верил ей.

Она вошла в дом, поднялась по лестнице и постучала в дверь маленькой спальни.

* * *

Арман Гамаш взял резную скульптуру и принялся изучать людей на палубе.

Не заметить это было легко, но все равно он корил себя. Теперь это было так очевидно. Маленькая фигурка на корме лодки, присевшая на корточки перед грузной женщиной с большим мешком.

У Гамаша мурашки поползли по коже, когда он вгляделся в лицо маленького деревянного человечка, мальчика, оглядывающегося через плечо назад. Если все остальные смотрели вперед, то этот присел и смотрел в другую сторону — туда, откуда они плыли.

И от выражения его лица у Гамаша кровь застыла в жилах. Застыла, заледенела. Остановилась.

Именно так выглядел ужас. Именно так его воспринимали люди. Маленькое деревянное лицо было передатчиком. И его послание было ужасно. Гамашем овладело почти неодолимое желание оглянуться, посмотреть, что у него за спиной, что там может прятаться. Но вместо этого он надел очки и подался ближе к фигурке.

Молодой человек сжимал в руках котомку.

Наконец Гамаш поставил скульптуру и снял очки:

— Я понимаю, что вы имеете в виду.

Суперинтендант Брюнель вздохнула:

— Зло. Зло преследует этих путешественников.

Гамаш вынужден был согласиться с этим.

— Вам это ничего не напоминает? Не стоит ли эта резная скульптура в списке похищенных произведений искусства?

— В этом списке тысячи наименований. — Она улыбнулась. — Там

всё, начиная от Рембрандта и кончая зубочисткой с гравировкой.

— И я уверен, что вы их все помните.

Ее улыбка стала еще шире, она чуть наклонила голову. Он хорошо ее знал.

— Но ничего подобного там нет. Я бы запомнила такую работу.

— Это искусство?

— Если вы спрашиваете, стоит ли чего-нибудь эта работа, я бы ответила, что она практически бесценна. Если бы она оказалась на рынке, когда я работала в музее, то я бы не выпустила ее из рук. Заплатила бы за нее небольшое состояние.

— Почему?

Она посмотрела на этого крупного, спокойного человека. Он был так похож на ученого. Она могла представить, как он величественно движется по коридорам старинного университета в мантии и четырехугольной академической шапочке, а за ним — стайка обожающих его студентов. Когда она впервые увидела его — он читал лекции в полицейском колледже, — Гамаш был на двадцать лет моложе, но и тогда имел внушительный вид. Теперь авторитетный вид давался ему совсем без труда. Его волнистые темные волосы поредели, виски поседели, как и аккуратно подстриженные усы, сам он увеличился в объеме. Как увеличилось и его влияние.

Он многому ее научил. И самый ценный из его уроков состоял в том, что нужно уметь не только видеть, но и слушать. Как он слушал ее теперь.

— Уникальным произведение искусства делают не цвет, не композиция, не сюжет. Это не имеет никакого отношения к тому, что мы видим. Почему одни полотна признаны шедеврами, а другие, возможно сделанные более мастерски, забыты? Почему люди продолжают любить и слушать некоторые симфонии, хотя композитора уже несколько сотен лет нет в живых?

Гамаш задумался. И на ум ему пришла картина, так небрежно поставленная на мольберт после обеда несколько дней назад. При плохом освещении. Без рамы.

Но он мог бы смотреть на нее вечно.

На картине была изображена пожилая женщина, фигура ее устремлялась вперед, но голова была повернута назад.

Он знал, какими чувствами она одержима. То же ощущал и он, глядя на резную скульптуру. Клара написала не просто женщину и даже не чувство. Она создала целый мир. В одном-единственном образе.

Это был шедевр.

Он вдруг испытал неприязнь к Питеру, ему хотелось, чтобы Питер перестал соперничать со своей женой. На этом поле сражения ее не было видно.

— Это, — суперинтендант Брюнель показала наманикюренным пальцем на резную скульптуру, — будет жить долго после того, как мы умрем. Долго после того, как эту милую деревеньку накроет прах веков.

— Есть и еще одна скульптура такого же рода, — сказал Гамаш и получил редкое удовольствие, удивив Терезу Брюнель. — Но прежде чем ее увидеть, нам, пожалуй, нужно посетить хижину.

Он посмотрел на ее ноги. На ней были изящные новые туфли.

— Я захватила с собой сапоги, старший инспектор, — сказала Брюнель с легкой укоризной в голосе. Опережая его, она направилась к двери. — Вы меня хоть раз приглашали в такое место, где не было бы грязи по колено?

— Кажется, весь «Плас-дез-Ар»[61] полили из шланга, перед тем как мы в последний раз ходили туда слушать симфонию, — сказал он, оборачиваясь на ходу через плечо и улыбаясь агенту Лакост.

— Я имею в виду в профессиональном плане. Всегда грязь, всегда трупы.

— Ну, грязь и на сей раз присутствует, а вот трупа вы не увидите.

— Сэр… — Лакост подбежала к машине с распечаткой в руках. — Я подумала, вы захотите это увидеть.

Она протянула ему бумагу и показала пальцем на то, что ему следовало прочесть. Результаты лабораторных анализов. Сведения только начали поступать, и, вероятно, их поток иссякнет лишь к концу дня. Гамаш прочел, и довольная улыбка появилась на его лице. Он повернулся к Терезе Брюнель:

— Рядом со стулом в хижине обнаружились стружки, вернее, опилки. Их следы были найдены и на его одежде. В лаборатории говорят, что это красный кедр. Из Британской Колумбии.

— Я предполагаю, что мы открыли художника, — сказала она. — Нам бы теперь узнать, почему он изобразил этот ужас.

«И в самом деле, почему?» — думал Гамаш, садясь в машину и выруливая вверх на Дю-Мулен. Их уже ждали мотовездеходы, и вскоре они углубились в квебекский лес. Профессор и элегантный знаток искусств. Ни тот, ни другая не казались тем, чем были на самом деле. И двигались они к лесной хижине, которая уж точно не казалась тем, чем была на самом деле.

* * *

Гамаш остановил мотовездеход перед последним поворотом. Они с суперинтендантом Брюнель спешились и остальную часть пути прошли пешком. Внутри леса был иной мир, и Гамаш хотел, чтобы Брюнель прониклась чувством той среды, в которой предпочел жить убитый. Мир холодных теней и рассеянного света, густых темных запахов разложения. Мир существ невидимых, но слышимых, бегущих и прячущихся.

Гамаш и Брюнель понимали, что они здесь чужие.

Но этот мир не был угрожающим. По крайней мере, сейчас. Через двенадцать часов, когда стемнеет, восприятие снова будет другим.

— Я вас понимаю. — Брюнель оглянулась. — Здесь человек может долго жить, оставаясь незамеченным. Здесь абсолютно тихо, да? — В голосе ее слышалась чуть ли не зависть.

— И вы смогли бы жить здесь? — спросил Гамаш.

— А знаете, наверное, смогла бы. Вас это удивляет?

Гамаш промолчал, улыбаясь на ходу.

— Мне ведь не много нужно, — продолжила она. — Раньше было иначе. В молодости. Путешествия в Париж, хорошая квартира, модная одежда. Теперь все это у меня есть. И я счастлива.

— Но не потому, что у вас это есть, — сказал Гамаш.

— С возрастом мои потребности уменьшаются. И я вправду думаю, что смогла бы жить здесь. Между нами, Арман: какая-то моя часть жаждет этого. А вы?

Гамаш кивнул. Маленькая хижина снова открылась его взгляду. Однокомнатная.

— Один стул для одиночества, два для дружбы и три для общества, — сказал он.

— «Уолден». А сколько стульев понадобилось бы вам?

Гамаш задумался.

— Два. Я не возражаю против общества, но мне нужен всего один человек.

— Рейн-Мари, — кивнула Тереза. — А мне нужен только Жером.

— Вы знаете, в хижине обнаружилось первое издание «Уолдена».

Тереза выдохнула:

— Incroyable.[62] Кто был этот человек, Арман? Вы имеете хоть какое-то представление?

— Ни малейшего.

Он остановился, и она остановилась рядом с ним, проследила за направлением его взгляда.

Поначалу заметить что-либо было трудно, но потом она разглядела простую бревенчатую хижину, словно возникшую из небытия специально для них. Зовущую их к себе.

* * *

— Входи, — сказал он.

Кароль Жильбер набрала в грудь побольше воздуха и вошла внутрь, оставив позади твердую почву под ногами, которая уминалась десятилетиями. Оставив позади ланчи с друзьями детства, игру в бридж и волонтерские смены, милые дождливые дни, проведенные с книгой у окна, откуда можно было видеть контейнеровозы, идущие вверх и вниз по реке Святого Лаврентия. Она пережила тихую вдовью жизнь в крепких стенах Квебек-Сити, сооруженных для того, чтобы ничего неприятного не попало в твою жизнь.

— Привет, Кароль.

В центре комнаты стоял высокий, стройный человек. На лице никаких эмоций; судя по его виду, он словно ждал ее. Сердце у нее колотилось, руки и ноги похолодели, онемели. Она даже побаивалась, что рухнет на пол. Не упадет в обморок, а потеряет способность стоять без чужой помощи.

— Винсент. — Голос ее звучал твердо.

Его тело изменилось. Тело, которое она знала лучше, чем кто-либо другой. Оно сморщилось, высохло. Его волосы, когда-то густые, роскошные, поредели и поседели. Глаза оставались карими, но если раньше они смотрели проницательно и уверенно, то теперь — вопросительно.

Он протянул руку. Казалось, все это происходит мучительно медленно. На руке она увидела пятна — раньше их не было. Как часто держала она эту руку в первые годы, а позднее — как тосковала по ней? Как часто она смотрела на эту руку, которая держала перед глазами «Ле девуар»? Единственный ее контакт с человеком, которому она отдала сердце, эти длинные чувственные пальцы, держащие ежедневную газету с новостями, явно гораздо более важными, чем ее новости. Эти пальцы свидетельствовали о присутствии в комнате другого человека, но с натяжкой. И присутствие было условным, и сам человек был словно другой породы.

И вот в один прекрасный день он опустил газету, уставился на нее

своими глазами-лазерами и сказал, что не чувствует себя счастливым.

Она рассмеялась.

Насколько она помнила, это был искренний веселый смех. Не потому, что она приняла его слова за шутку. А именно потому, что он был серьезен. Этот блестящий человек и в самом деле полагал, что если он не чувствует себя счастливым, то это катастрофа.

Во многих отношениях все было идеально. Как и у немалого числа других мужчин его возраста, у него был роман. Она знала об этом уже много лет. Но этот его роман был с самим собой. Он собой восхищался. Откровенно говоря, кроме этого восхищения, между ними, пожалуй, больше не было ничего общего. Они оба любили Винсента Жильбера.

Но вот этого оказалось недостаточно. Ему требовалось что-то большее. А поскольку он знал, что он человек великий, то ответ невозможно было найти рядом с домом. Ответ непременно нужно было искать в какой-то горной пещере в Индии.

Поскольку он был таким необычным, то необычным должно было стать и его спасение.

Остальную часть завтрака они провели в обсуждении — как лучше обустроить его смерть. Это отвечало его склонности к драматизму и ее стремлению к свободе. По иронии судьбы, это был их лучший разговор за несколько лет.

Они, конечно, совершили одну крупную ошибку. Нужно было все сказать Марку. Но они полагали, что Марку это будет безразлично.

Она слишком поздно — меньше дня назад? — поняла, что смерть отца глубоко ранила Марка. Но не сама смерть. Ее он принял легко. Нет, ударом для него стало возвращение отца, словно Винсент восстал из мертвых через сердце Марка.

А теперь Винсент стоял увядший, в пятнах, протягивая к ней решительную руку. Приглашая ее.

— Нам нужно поговорить, — сказала она.

Он опустил руку и кивнул. Кароль ждала, что он будет пенять ей за все ее просчеты и недостатки, за все ее ошибки и невыносимую боль, что она ему причинила.

— Мне жаль, — сказал Винсент.

Кароль кивнула:

— Я знаю. Мне тоже.

Она села на кровать, похлопала по ней рукой, приглашая его. Он сел рядом. Вблизи она хорошо видела морщины тревог, бороздившие его лицо.

— Ты хорошо выглядишь. Как ты вообще? — спросил он.

— Мне жаль, что все так случилось.

— Включая и мое возвращение? — Он улыбнулся и взял ее за руку.

Но сердце ее от этого не забилось учащенно — оно окаменело. И она поняла, что не верит этому человеку, который неожиданно вынырнул из их прошлого и стал кормиться у них, спать в их доме.

Он был похож на Пиноккио. Человек из дерева, пытающийся выдать себя за настоящего. Лоснящийся, улыбающийся, фальшивый. А распили его — и увидишь кольца. Кольца обмана, козней, попыток оправдать себя. Так оно было — так и осталось.

В этом человеке одна ложь громоздилась на другую, другая — на третью. А теперь он был здесь, в их доме. И их жизнь неожиданно начала рушиться.

Глава двадцать третья

— Bon Dieu![63]

Других слов у суперинтенданта Брюнель не нашлось. Обходя хижину, она повторяла это снова и снова. Время от времени она останавливалась и брала тот или иной предмет. Ее глаза расширялись, когда она смотрела на эти вещи. Потом возвращала их на место. Осторожно возвращала. И переходила к следующему.

— Mais, ce n’est pas possible.[64] Это же из Янтарной комнаты. Я в этом уверена. — Она подошла к оранжевой панели, прислоненной к кухонному окну. — Bon Dieu, я в этом уверена, — прошептала она и чуть ли не перекрестилась.

Старший инспектор смотрел некоторое время. Он знал, что она не была по-настоящему готова к тому, что увидит. Он пытался подготовить ее, хотя фотографии и не могли передать всего. Он рассказал ей о тонком фарфоре.

О хрустале.

О первых изданиях с авторскими автографами.

О гобеленах.

Об иконах.

— Это скрипка? — Она показала на инструмент у кресла, отливающий темным блеском.

— Она стояла в другом месте, — сказал Бовуар и посмотрел на молодого агента. — Ты ее трогал ночью?

Морен покраснел, вид у него был испуганный.

— Немного. Я только взял ее. И…

Суперинтендант Брюнель поднесла скрипку к окну, где было светлее, повертела ее в руках.

— Старший инспектор, вы можете это прочесть? — Она протянула ему скрипку и показала надпись.

Пока Гамаш пытался прочесть, Брюнель взяла смычок и обследовала его.

— Это смычок Турта.[65] — Она хохотнула, увидев их недоумение. — Стоит около двухсот тысяч долларов. — Она сделала шутливый выпад смычком в их сторону, потом обратилась к Гамашу. — Так что там написано — Страдивари?

— Нет, не думаю. Тут вроде «год тысяча семьсот тридцать

восьмой». — Он прищурился, напрягая глаза. — Карлос, фамилию не могу разобрать. «Fece in Cremona».[66] — Он снял очки и посмотрел на Терезу Брюнель. — Вам это что-то говорит?

Она улыбнулась, не выпуская из рук смычка.

— Карлос Бергонци. Мастер школы Страдивари, лучший его ученик.

— Значит, это не лучшая скрипка? — спросил Бовуар, который о скрипках Страдивари, конечно, слышал, но об этом Карлосе не знал ничего.

— Возможно, его изделия ценятся не так высоко, как Страдивари, но цена этой скрипки около миллиона долларов.

— Бергонци? — переспросил Морен.

— Да. Вы знаете об этих скрипках?

— Вообще-то, нет, но мы нашли несколько оригинальных нотных записей с запиской. Там упоминается Бергонци.

Морен подошел к книжной полке, порылся там несколько секунд, потом появился с нотными записями и открыткой, протянул это суперинтенданту, которая просмотрела их и передала Гамашу.

— Есть какие-то предположения о языке? — спросила она. — Это не русский и не греческий.

Гамаш прочитал. Записка была адресована некоему Б, в ней упоминался Бергонци, а подписал ее некто Ш. Остальное было неразборчиво, хотя там вроде бы присутствовали слова любви. Датирована записка была 8 декабря 1950 года.

— Не мог ли Б быть жертвой? — спросила Брюнель.

Гамаш отрицательно покачал головой:

— Даты не совпадают. Он тогда еще не родился. И я полагаю, Б не может быть Бергонци?

— Нет, для него поздновато. Он к тому времени уже давно был мертв. Кто же были Б и Ш и почему наш убитый сохранил эти ноты и записку? — спросила у самой себя Брюнель.

Она посмотрела на нотные записи и улыбнулась. Протянув кипу бумаг Гамашу, она показала на первую строку. Музыка была написана неким БМ.

— Значит, — сказал Гамаш, опуская бумаги, — эта музыка была написана неким БМ. Записка адресована некоему Б, и в ней упоминается скрипка Бергонци. Представляется логичным допустить, что Б играл на скрипке и писал музыку, а некто Ш подарил ему это. — Он посмотрел на скрипку. — Итак, кто был БМ и почему у нашего убитого оказались ноты его музыки и его скрипка?

— Что представляет собой эта музыка? — спросила Брюнель у Морена.

Гамаш протянул ему ноты. Молодой агент — рот его был слегка приоткрыт, пухлые губы влажны — имел на редкость глупый вид. Он посмотрел на ноты и принялся мурлыкать себе под нос. Потом поднял голову:

— Вроде неплохо.

— Сыграй. — Гамаш протянул ему скрипку стоимостью в миллион долларов.

Морен неохотно взял ее.

— Ты ведь играл на ней прошлой ночью? — спросил Гамаш.

— Что, играл? — с негодованием проговорил Бовуар.

Морен повернулся к нему.

— Отпечатки с нее были сняты, все сфотографировано, и я думал, что от этого не будет вреда.

— Может, ты к тому же жонглировал фарфором и лупил битой по хрусталю? Никогда не смей трогать вещдоки.

— Виноват.

— Давай сыграй, прошу тебя, — сказал Гамаш.

Суперинтендант Брюнель подала ему почти бесценный смычок.

— Я не играл это прошлой ночью. Я, вообще-то, знаю только народную музыку.

— Постарайся, — сказал старший инспектор.

Агент Морен помедлил, прижал скрипку подбородком к плечу, сделал движение всем телом и поднял смычок. Потом опустил его. На струны скрипки.

Инструмент издал неторопливые, полные звуки. Скрипка звучала так сочно, что ноты, наполнявшие комнату, казались почти что видимыми. Гамаш решил, что мелодия, которую они слышат, звучит медленнее, чем это задумал БМ, потому что агент Морен с трудом следовал за нотами. Но и при этом было ясно, что музыка прекрасна, сложна и совершенна. БМ явно знал, что делает. Гамаш закрыл глаза и представил себе убитого в этой хижине наедине с самим собой. В зимнюю ночь. Когда сугробы снега собираются у стен. Простой овощной суп на плите, огонь потрескивает в камине, обогревая маленький дом, который полнится звуками музыки. Этой музыки.

Почему этой, а не какой-то другой?

— Вы знаете эту музыку? — Гамаш посмотрел на суперинтенданта Брюнель, которая слушала с закрытыми глазами.

Она вздрогнула, веки ее распахнулись.

— Нет. Но это прекрасно. Интересно, кто такой БМ?

Морен с облегчением опустил скрипку.

— Когда вы играли вчера, скрипка была настроена или вам пришлось ее настраивать? — спросила суперинтендант Брюнель.

— Настроена. Видимо, он играл на ней недавно.

Морен хотел было поставить скрипку, но старший инспектор остановил его.

— А что ты играл вчера, если не это? — Он показал на ноты.

— Народную музыку — меня отец научил. Ничего особенного. Я знаю, что не должен был…

Гамаш поднял руку, останавливая извинения:

— Все в порядке. Сыграй нам то, что ты играл вчера.

Морен посмотрел на него удивленным взглядом, но Гамаш объяснил:

— То, что ты делал сейчас, не было надлежащим испытанием скрипки, верно? Ты вымучивал музыку по нотам. Я хочу услышать звучание скрипки так, как его слышал убитый. Так, как она должна звучать.

— Но, сэр, я ведь играю только на народной скрипке.

— А в чем разница?

Морен помедлил:

— Разница невелика. Инструменты практически одинаковые. Но звук совершенно другой. Мой отец всегда говорил, что народная скрипка танцует, а классическая поет.

— Ну так пусть она станцует.

Морен неподобающе зарделся, снова прижал подбородком к плечу теперь уже народную скрипку. Помедлил. Коснулся смычком струн.

Раздавшийся звук поразил всех. Кельтский плач полился из смычка, из скрипки, из агента полиции. Эти звуки заполнили хижину — все ее уголки до самой крыши. Простая мелодия обволокла их, захватила, словно знамя, словно великолепная еда, разговор. Угнездилась в их душах. Не в ушах, не в головах. В сердцах. Медленная, величественная, но жизнерадостная. Морен играл с уверенностью. С самообладанием.

Агент Морен изменился. Его неловкое, неуклюжее тело идеально подходило к скрипке, словно было создано и предназначено для этой цели — играть. Заставлять скрипку звучать. Глаза у него были закрыты, и выглядел он так, как, по мнению Гамаша, должен был выглядеть. Был исполнен радости. Даже восторга. Такова была сила этой музыки. Этого инструмента.

И, глядя на своего агента, Гамаш вдруг понял, что напоминает ему Морен.

Музыкальную ноту. Большая голова и тонкое тело. Он был ходячей

нотой, ждущей инструмента. И вот инструмент нашел его. Эта скрипка, возможно, была шедевром творения, но агент Поль Морен несомненно был таковым.

Через минуту он прекратил играть, и музыка смолкла, поглощенная бревнами, книгами, гобеленами. Людьми.

— Это было прекрасно, — сказала суперинтендант Брюнель.

Морен передал ей скрипку.

— Это называется «Колм Куигли». Моя любимая музыка.

Он отдал скрипку и тут же снова превратился в неуклюжего, долговязого молодого человека. Хотя для людей, которые слышали, как он играет, он уже никогда не мог быть полностью таким, как прежде.

— Merci, — сказал Гамаш.

Суперинтендант Брюнель положила скрипку.

— Сообщи мне, что тебе удастся выяснить об этом. — Гамаш передал Морену ноты.

— Да, сэр.

Тереза Брюнель продолжила обследование комнаты. Она осматривала сокровища, время от времени восклицая «Bon Dieu». Каждое последующее восклицание казалось эмоциональнее предыдущего.

Но не было ничего удивительнее, чем то, что ждало старшего инспектора Гамаша. В самом дальнем углу хижины, около стропил. Если тот, кто обследовал вчера место преступления, видел это, то, вероятно, не включил в опись как единственную нормальную вещь во всем доме. Что могло быть естественнее, чем паутина в такой хижине?

Однако оказалось, что она наименее нормальная и наименее естественная из всего, что здесь было.

— Bon Dieu, — услышали они очередное восклицание суперинтенданта, когда она взяла в руки тарелку с изображенными на ней лягушками. — Это из коллекции Екатерины Великой. Вот уже несколько столетий считается утраченной. Невероятно.

«Но если она хочет увидеть нечто по-настоящему невероятное, — подумал Гамаш, — то она должна посмотреть сюда». Бовуар включил свой фонарик.

Гамаш не хотел верить в это, пока не увидит собственными глазами. И вот оно тут, весело мерцает в резком искусственном свете, словно посмеиваясь над ними.

«Вор», — говорила паутина.

— Вор, — прошептал Гамаш.

* * *

Час спустя суперинтендант Брюнель нашла Армана Гамаша в плетеном кресле в углу огорода.

— Я закончила осмотр.

Гамаш встал, и она села, устало вздохнув.

— Никогда ничего подобного не видела, Арман. Мы внедрялись в организованные преступные группировки и находили самые удивительные коллекции. Помните прошлогоднее дело Карбонно в Леви?

— Полотна Ван Эйка.

Она кивнула, потом покачала головой:

— Фантастические находки. Множество оригинальных набросков и даже неизвестное полотно маслом.

— Там ведь и Тициан обнаружился?

— Oui.

— И вы говорите, что здесь находки еще более поразительные?

— Я не собиралась читать лекцию, но я думаю, вы и ваши люди осознаете масштаб находки.

— Нет, уж вы прочтите лекцию, — сказал Гамаш. — Для этого я вас и пригласил.

Он улыбнулся, и она в который раз подумала, что одна из редчайших находок ее жизни — старший инспектор Гамаш.

— Наверное, вам лучше присесть, — сказала она.

Он нашел отпиленное бревно, перевернул, сел.

— Дело Карбонно было зрелищным, — продолжила суперинтендант. — Но во многих отношениях довольно заурядным. Большинство преступных группировок и коллекционеров, завязанных на черный рынок, имеют одну, может быть, две специализации. Поскольку рынок очень специализирован и на нем циркулируют огромные деньги, воры становятся экспертами, но только в одной-двух областях. Итальянская скульптура семнадцатого века. Голландские мастера. Греческий антиквариат. Но никогда они не охватывают всего. Они специализируются. Иначе откуда им знать, что они похищают не подделки или копии? Вот почему мы нашли у Карбонно столько удивительных вещей, но все одного «семейства». Vous comprenez?[67]

— Oui. Это все были полотна эпохи Возрождения. В основном одного художника.

— C’est ça.[68] Именно так и специализируется большинство воров. Но

здесь, — она махнула рукой в сторону хижины, — мы находим шелковые гобелены ручного плетения, древний хрусталь. Вы знаете, что мы нашли под этой скатертью с вышивкой? Наша жертва ела с самых великолепных блюд, какие мне доводилось видеть. Им не меньше пяти веков, и они были изготовлены настоящим мастером. Даже скатерть — произведение высокого искусства. Большинство музеев хранили бы ее под стеклом. Музей Виктории и Альберта в Лондоне заплатил бы за нее целое состояние.

— Может быть, они уже и заплатили.

— Вы намекаете, что скатерть была похищена оттуда? Не исключено. Мне предстоит проделать большую работу.

По ее виду было ясно, что она вся в нетерпении. И в то же время она вроде бы вовсе не спешила оставить эту хижину, этот огород.

— Интересно, кем он был. — Она сорвала два стручка, один протянула своему собеседнику. — «Все несчастие людей происходит только оттого, что они не умеют спокойно сидеть в своей комнате».[69]

— Паскаль, — сказал Гамаш, признав цитату и ее уместность. — Этот человек умел. Но он окружил себя предметами, которые о многом могли сказать. За этим стоит немало историй.

— Интересное замечание.

— Что такое Янтарная комната?

— Почему вы спросили об этом? — Она посмотрела на него вопросительным взглядом.

— Вы сами о ней говорили в хижине.

— Правда? Это видно отсюда. Оранжевая панель в кухонном окне.

Гамаш посмотрел в ту сторону и увидел: да, она была на месте, сияя тем малым количеством света, которое смогла уловить. Она напоминала большое толстое витражное стекло. Брюнель продолжала зачарованно смотреть туда, наконец вернулась в реальность:

— Извините. Я никогда не думала, что мне повезет найти часть Янтарной комнаты.

— Что вы имеете в виду?

— Янтарная комната была создана в начале восемнадцатого века по заказу прусского короля Фридриха Первого. Это была огромная комната, отделанная золотом и янтарем. Художники и ремесленники работали над ее созданием много лет, а когда закончили, она стала одним из чудес света. — Было видно, что она пытается представить, как выглядела эта комната: ее глаза смотрели куда-то в невидимую даль. — Он заказал эту комнату для своей жены Софии Шарлотты. Но несколько лет спустя подарил ее русскому императору, и она оставалась в Санкт-Петербурге до войны.

— Какой войны?

Она улыбнулась:

— Уместный вопрос. Второй мировой. Большевики, вероятно, разобрали ее, когда поняли, что немцы займут пригород Петербурга, где она находилась. Но спрятать ее им не удалось. Немцы ее обнаружили.

Она замолчала.

— Продолжайте.

— Это все. Все, что нам известно. Янтарная комната исчезла. Историки, охотники за сокровищами, антиквары с тех пор безуспешно искали ее. Мы знаем, что немцы под руководством Альберта Шпеера ее вывезли. Спрятали. Предположительно для сохранения. Но с тех пор ее никто не видел.

— И какие существуют на сей счет гипотезы? — спросил старший инспектор.

— Ну, самая общепринятая, что она погибла во время бомбардировки союзниками. Но есть и другая гипотеза. Альберт Шпеер был очень умен, и многие утверждают, что в душе он не был нацистом. Он был предан Гитлеру, но не большинству его идеалов. Шпеер был интернационалистом, образованным человеком, который сделал своей основной целью спасение всемирных ценностей от уничтожения той или иной стороной.

— Возможно, Альберт Шпеер и был образованным человеком, — сказал Гамаш. — Но он был нацистом. Он знал о лагерях смерти, об убийствах. Одобрял их. Он просто пытался сохранять лицо, делая это.

Голос старшего инспектора звучал холодно, глаза смотрели сурово.

— Я этого не отрицаю, Арман. Напротив. Я только говорю вам о существующих гипотезах. Гипотеза, связанная со Шпеером, говорит, что он спрятал Янтарную комнату как от нацистов, так и от союзных армий. В Рудных горах.

— Где?

— Это горный хребет между Германией и тем, что теперь называется Чешской Республикой.

Они оба задумались об этом. Наконец Гамаш заговорил:

— Так как же часть Янтарной комнаты могла оказаться здесь?

— И где остальная комната?

* * *

Дени Фортен сидел напротив Клары Морроу. Он был непозволительно

молод. Лет сорока с небольшим, наверное. Несостоявшийся художник, который открыл в себе иной, более мощный талант. Он умел признавать таланты других.

Это был просвещенный эгоизм. В его лучшем виде, насколько это понимала Клара. Никто не был мучеником, никто никому ничего не был должен. Она не питала особых иллюзий на его счет: причина, по которой Фортен потягивал пивко в бистро Оливье в Трех Соснах, состояла в том, что он видит в этом какую-то выгоду для себя.

А единственная причина, по которой пришла туда Клара (если не считать необузданного тщеславия), состояла в том, что она рассчитывала получить что-нибудь от Фортена. А именно славу и деньги.

Ну или хотя бы бесплатное пиво.

Но прежде чем воспарить высоко в славе Клары Морроу, она должна была сделать кое-что. Она залезла в свою сумку и вытащила оттуда вещицу, завернутую в полотенце.

— Меня попросили показать вам это. Несколько дней назад тут убили человека.

— Правда? Это довольно необычно, да?

— Не так уж необычно, как вы можете подумать. Необычным оказалось то, что его никто не знает. Но полиция нашла хижину в лесу, а в ней вот это. Человек, возглавляющий расследование, попросил меня показать вам эту вещь — может, вы что-нибудь о ней скажете.

— Улика?

Он внимательно наблюдал за тем, как она разворачивает полотенце. И вскоре маленькие мужчины и женщины стояли на берегу, глядя вперед, прямо на стакан с пивом в руке Фортена.

Клара смотрела на него. Глаза его прищурились, он подался к скульптуре, сосредоточенно вытянув губы.

— Очень хорошо. Я бы сказал, автор великолепно владеет техникой. Деталировка. Все лица разные, у каждого свой характер. Да, в целом, я бы сказал, это умело сработанная вещь. Немного примитивная, но что можно ожидать от резчика из медвежьего угла?

— Правда? — удивилась Клара. — Мне эта работа показалась очень хорошей. Даже превосходной.

Он откинулся на спинку стула, улыбнулся ей. Не покровительственно, а так, как друг может улыбаться другу, — по-доброму.

— Может быть, я слишком резок в оценках, но за свою карьеру я повидал немало этих поделок.

— Этих? Вы ходите сказать, точно таких?

— Нет. Но достаточно похожих. Резные изображения людей, которые удят рыбу, или курят трубку, или скачут на коне. Вот это самое ценное. Всегда можно найти покупателя для красивой лошади или собаки. Или свиньи. Свиньи пользуются популярностью.

— Любопытно. Тут снизу что-то написано. — Клара перевернула скульптуру и протянула Фортену.

Он прищурился, потом надел очки, прочел и, нахмурившись, вернул вещицу Кларе.

— И что это может значить?

— Никаких предположений?

Клара не собиралась сдаваться. Она хотела принести Гамашу хоть какую-нибудь информацию.

— Почти наверняка это подпись и номер, чтобы можно было идентифицировать изделие. Кроме этого, ничего больше не нашли?

— Нашли еще одну. И сколько такая вещь может стоить?

— Трудно сказать. — Он снова взял скульптуру в руки. — Сама по себе она хороша. Хотя и не свинья.

— Жаль.

— Гм… — Фортен задумался на несколько секунд. — Я бы сказал, сотни две, может, две с половиной долларов.

— Всего-то?

— Я могу ошибаться.

Клара видела, что он старается быть вежливым, но ему это начинает надоедать. Она завернула скульптуру в полотенце и положила в сумку.

— Ну. — Дени подался вперед, на его красивом лице появилось нетерпеливое выражение. — Давайте поговорим об истинном искусстве. Как вы хотите развесить ваши работы?

— Я сделала два наброска.

Клара протянула ему свой блокнот. Фортен изучал наброски несколько секунд, потом поднял голову и посмотрел на Клару умными, проницательными глазами.

— Великолепно. Мне нравится, как вы то собираете картины вместе, то оставляете свободное пространство. Это как дыхание, верно?

Клара кивнула. Приятно было разговаривать с человеком, которому ничего не нужно объяснять.

— В особенности мне нравится, что вы не разместили трех пожилых женщин рядом. Такой выбор был бы очевидным, но вы разнесли их в разные стороны — каждую на свою стену.

— Я хотела окружить их другими работами, — с чувством произнесла

Клара.

— Это как с приверженцами, друзьями или критиками, — тоже с чувством сказал Фортен. — Неясно, каковы их намерения.

— И как они могут измениться, — сказала Клара, подаваясь вперед.

Она делилась своими идеями с Питером, и тот говорил с ней вежливо и ободрительно, но она видела, что он не понимает ее устремлений. На первый взгляд ее подход к выставке мог показаться несбалансированным. Так оно и было. Намеренно. Клара хотела, чтобы зрители видели работы, которые казались вполне традиционными, но постепенно приходили к мысли, что традиционности-то в них как раз и нет.

Зрители должны были усмотреть в них глубину, внутренний смысл и вызов.

Клара и Фортен проговорили около часа, а то и больше. Они обменивались мнениями о выставке, о направлениях современного искусства, о новых художниках — возмутителях спокойствия. Фортен поспешил заверить Клару, что она среди них в первых рядах.

— Я не хотел вам говорить, потому что это еще не точно, но я отправил копии ваших работ Фицпатрику в Нью-Йоркский музей современного искусства. Он мой старый друг. Обещает приехать на вернисаж…

Клара радостно вскрикнула и чуть не опрокинула стакан с пивом. Фортен рассмеялся и поднял руку.

— Нет, постойте, я вам собирался сказать совсем не об этом. Я попросил его поделиться этой информацией с нужными людьми, и, кажется, приедет Аллайн из «Нью-Йорк таймс»…

Он помедлил, потому что, судя по виду Клары, она была близка к удару. Когда она закрыла рот, он продолжил:

— И так уж сложилось — повезло, — что в это время в Нью-Йорке будет Дестин Браун. Она готовит выставку вместе с Музеем современного искусства. И она тоже проявила интерес к вашим работам.

— Дестин Браун? Ванесса Дестин Браун? Главный куратор лондонской «Тейт модерн»?

Фортен кивнул, покрепче ухватив свой стакан. Но теперь Клара не представляла опасности для стаканов, она, казалось, впала в полный ступор. Сидела в маленьком гостеприимном бистро, куда сквозь створчатые окна проникал мягкий свет позднего лета. Она видела за Фортеном старые дома, греющиеся на солнце. Многолетние клумбы с розами, клематисами и алтеем. Она видела жителей деревни, которых знала по именам, чьи привычки изучила. И еще она видела три сосны, похожие на маяки. Не

заметить их было невозможно, даже среди леса. Если вы знали, что ищете, то вам требовался маяк.

Жизнь собиралась забрать ее отсюда. Из этого места, где она стала самой собой. Из этой основательной деревеньки, которая никогда не менялась, но помогала меняться жителям. Клара приехала сюда после окончания колледжа изящных искусств, полная авангардистских идей. Она носила серые одежды и видела мир в черно-белом цвете. Была бесконечно уверена в себе. Но здесь, в этом медвежьем углу, она открыла цвет. И нюансы. Этому ее научили жители деревни, которые были настолько щедры, что раскрыли перед ней свои души, чтобы она могла их изобразить. Не в виде идеальных человеческих существ, а как несовершенных, преодолевающих себя мужчин и женщин. Полных страха и неуверенности и — по меньшей мере в одном случае — мартини.

Но они всегда оставались рядом. В этой глуши. Ее радость, ее полянка с соснами.

Внезапно Клара преисполнилась благодарности к своим соседям и тому вдохновению, которое позволило ей отдать им должное.

Она закрыла глаза и подставила лицо под солнечные лучи.

— С вами все в порядке? — спросил Фортен.

Клара открыла глаза. Он, казалось, купался в свете, его светлые волосы отливали теплыми лучами, по лицу гуляла терпеливая улыбка.

— Знаете, наверное, мне не следовало говорить вам об этом, но несколько лет назад мои работы были никому не нужны. Все только смеялись. Это было жестоко. Я почти что сдалась.

— Большинство великих художников могли бы рассказать вам такие же истории, — мягко сказал он.

— Меня чуть не исключили из художественной школы. Я почти никому не говорю об этом.

— Еще? — спросил Габри, забирая пустой стакан Фортена.

— Нет, мне не надо, merci, — сказал он и обратился к Кларе: — Между нами. Лучших всегда исключали. Забрасывали яйцами.

— О, это то, что я очень люблю, — сказал Габри, прихватив стакан Клары.

Он смерил Клару лукавым взглядом и удалился.

— Проклятые гомосеки, — сказал Фортен и взял горсть орешек. — Вас от них не рвет?

Клара замерла. Она посмотрела на Фортена — не шутит ли он. Он не шутил. Но его слова били не в бровь, а в глаз: она чувствовала, что ее сейчас вырвет.

Глава двадцать четвертая

Старший инспектор Гамаш и суперинтендант Брюнель вернулись в хижину, погруженные каждый в свои мысли.

— Я сказала вам о том, что нашла, — заговорила суперинтендант, когда они поднялись на крыльцо. — Теперь ваша очередь. О чем вы с инспектором Бовуаром шептались в уголке, как шкодливые школьники?

Кто еще мог сравнить инспектора Гамаша со шкодливым школьником? Он улыбнулся. Потом он вспомнил про странную светящуюся штуку, которая дразнилась из своего угла в хижине.

— Хотите увидеть?

— Нет, я лучше вернусь в огород и буду собирать там репку. Конечно, я хочу увидеть.

Он рассмеялся и повел ее в угол хижины. Глаза ее стреляли то в одну, то в другую сторону — на шедевры, мимо которых она проходила. Они остановились в самом темном углу.

— Я ничего не вижу.

К ним присоединился Бовуар. Он включил фонарик, и Брюнель проследила за лучом. Вдоль стены до балок.

— Я по-прежнему ничего не вижу.

— Видите-видите, — сказал Гамаш.

Пока они разговаривали, Бовуар размышлял над другими словами, подброшенными ему. Эта записочка была приклеена к двери его комнаты в гостинице сегодня утром.

Он спросил Габри, знает ли тот о клочке бумаги, приклеенном к двери, но Габри только посмотрел на него недоуменным взглядом и отрицательно покачал головой.

Бовуар сунул клочок бумаги в карман и лишь после первой чашки кофе с молоком набрался мужества прочесть.

с нежным телом женщины
и вылижет тебя от лихорадки,

Больше всего Бовуара расстроило не то, что старая поэтесса проникла в гостиницу и прилепила это к его двери. И не то, что он не понял ни слова из написанного. Больше всего его расстроила запятая.

Она означала, что за этой бумажкой последуют и другие.

— Мне очень жаль, но я ничего не вижу. — Голос суперинтенданта вернул Бовуара в хижину.

— Вы видите паутину? — спросил Гамаш.

— Да.

— Тогда вы видите все. Смотрите внимательнее.

Прошло еще несколько мгновений, и ее лицо изменилось. Глаза расширились, брови взметнулись. Она чуть наклонила голову, приглядываясь.

— Но там в паутине написано слово. Какое? Вор? Как это возможно? Какой паук может такое? — спросила она, явно не ожидая ответа.

И ответа не последовало.

В этот момент зазвонил спутниковый телефон, и агент Морен, ответив, тут же передал трубку старшему инспектору.

— Вас, сэр. Это агент Лакост.

— Oui, allô, — сказал Гамаш и замолчал на несколько секунд. — Неужели? — Он помолчал еще несколько секунд, слушая, обвел взглядом хижину, поднял глаза к паутине. — D’accord.[70] Merci.

Гамаш повесил трубку, подумал несколько мгновений, потом взял стоящую рядом приставную лестницу.

— Позвольте мне… — сказал Бовуар.

— Ce n’est pas necessaire.[71]

Набрав в грудь воздуха, Гамаш стал подниматься по лестнице. Сделав два шага вверх, он выставил в сторону руку для равновесия. Тут Бовуар подошел к нему, и пальцы Гамаша нашли плечо инспектора. Выровнявшись, Гамаш протянул руку вверх и ткнул в паутину авторучкой. Очень медленно — стоявшие внизу и тянувшие шею люди не видели манипуляций Гамаша — он передвинул одну из ниточек паутины.

— C’est ça, — пробормотал он.

Спустившись на твердую землю, он кивком головы показал в угол. Бовуар лучом фонарика высветил паутину.

— Как вы это сделали? — спросил Бовуар.

Послание на паутине изменилось. Теперь там было написано не «Вор», а «Воо».

— Ниточка оборвалась.

— Но как вы поняли, что она оборвалась? — не отставал Бовуар.

Они во все глаза рассматривали паутину. Ее явно сплел не паук. Она была соткана из каких-то нитей, может быть, из нейлоновой лески,

закамуфлированной под паутину. Они решили снять подделку и рассмотреть толком внизу. Паутина должна была многое им рассказать, хотя изменение слов с «Вора» на «Воо» ситуацию мало прояснило.

— В оперативный штаб поступают лабораторные результаты. Данные по отпечаткам пальцев — я сейчас расскажу вам об этом. А пока — вы помните деревяшку, найденную под кроватью?

— Ту, что со словом «Вор»? — спросил Морен, присоединившийся к ним некоторое время назад.

Гамаш кивнул.

— На ней были следы крови. Крови убитого, как утверждают в лаборатории. Но когда они сняли кровь, обнаружилось и кое-что еще. На деревяшке было вырезано не «Вор». Из-за крови буквы стали нечеткими. Когда кровь смыли, оказалось, что там вырезано…

— «Воо», — сказал Бовуар. — И вы решили, что если на одном «Воо», то и на другом тоже должно быть «Воо».

— А ты как считаешь?

— Мне кажется, предпочтительнее «Вор». — Бовуар снова посмотрел на паутину. — Это слово, по крайней мере, имеет какой-то смысл. А что значит «Воо»?

Они задумались. Если бы кто-то случайно набрел на эту хижину и зашел внутрь, то увидел бы группу взрослых людей, которые стоят совершенно неподвижно, смотрят перед собой и время от времени бормочут то «воо», то «вор».

— Воо, Воо, — вполголоса проговорил Морен, который пытался найти в странном слове хоть какой-то смысл, а не овечье блеянье. Но чем больше он это повторял, тем большей глупостью ему это казалось. — Воо, — прошептал он.

Молчал только Гамаш. Он слушал их, но его ум был занят другой новостью. Лицо его посуровело, когда он задумался о том, что еще обнаружилось, после того как с деревяшки смыли пятна крови, оставленные чьими-то пальцами.

* * *

— Он не может здесь оставаться.

Марк сунул руки под кран в кухне.

— Он мне тоже здесь не нужен, но, по крайней мере, здесь мы можем за ним наблюдать, — сказала Кароль.

Все трое смотрели в кухонное окно на старика, который, скрестив ноги, сидел на траве, погруженный в медитацию.

— Что вы имеете в виду под «наблюдать»? — спросила Доминик.

Она была очарована своим свекром. Тот обладал своеобразным магнетизмом, способностью притягивать людей. Она понимала, что когда-то он был сильной личностью, имел власть над людьми. И вел он себя так, будто все еще не утратил прежних способностей. В нем сохранилось какое-то жалкое достоинство. Но еще и коварство.

Марк схватил кусок мыла и принялся намыливать руки до локтя, словно хирург перед операцией. Он штукатурил стену и теперь соскребал с рук грязь.

Работа была трудная, и почти наверняка он делал ее не для себя — для кого-то другого. Для нового владельца гостиницы и спа-салона. Вот он и делал работу кое-как.

— Я имею в виду, что вокруг Винсента вечно что-то происходит, — сказала Кароль. — Всегда так было. Он плыл по жизни в этаком величественном корабле. И не обращал внимания на обломки других судов, остающиеся у него за кормой.

Она могла бы выразиться и пожестче, но в ее голосе слышалась нотка снисходительности. Ради Марка. На самом деле она вовсе не была убеждена, что Винсент не замечал обломков за кормой. Она пришла к убеждению, что он умышленно направлял свой корабль на других. Уничтожал их. Менял курс, чтобы их настигнуть.

Она была его нянькой, помощницей, прислугой. Его свидетелем и, наконец, его совестью. Поэтому, вероятно, он и возненавидел ее. А она — его.

Они снова посмотрели на человека, который недвижно сидел в саду, скрестив ноги.

— Я не могу сейчас брать на себя еще и такую обузу, — сказал Марк, вытирая руки.

— Мы должны позволить ему остаться, — сказала Доминик. — Он твой отец.

Марк посмотрел на нее со смесью недоумения и грусти.

— Он сделал это с тобой, да? Очаровал?

— Я не какая-нибудь наивная школьница, ты знаешь.

И это заставило Марка замолчать. Он знал, что его жена умела укрощать богатейших интриганов в канадском финансовом мире. Но доктор Винсент Жильбер был не похож на них. Он обладал какой-то магнетической силой.

— Извини. Столько всего вокруг происходит.

Он думал, что переезд в деревню будет как глоток свежего воздуха после корысти, страха и интриг финансового квартала. Но пока что он нашел здесь мертвое тело, перенес его в другое место, уничтожил их репутацию в деревне и был обвинен в убийстве. Теперь он чуть не выкинул святого из их дома и уж совершенно точно напортачил со штукатуркой.

А осень еще даже не успела окрасить листья в свои цвета.

Но когда это случится, их здесь уже не будет. Они найдут другой дом и обретут надежду, что на сей раз у них все получится. Ему не хватало относительной простоты мира бизнеса, где гло́тки перереза́ли не задумываясь и почти каждый день. Здесь же все казалось таким приятным и мирным, но таковым не было.

Он снова посмотрел в окно. В саду сидел его отец, скрестив ноги, за его спиной в поле паслись две старые измученные лошади и существо, возможно принадлежавшее к семейству лосей, а вдали разгуливала еще одна лошадь, покрытая коркой грязи, лошадь, которая давно уже должна была пойти на корм собакам. Нет, у него были другие планы, когда он переезжал за город.

— Ты знаешь, Марк прав, — сказала Кароль невестке. — Винсент добивается своего либо грубой силой, либо обаянием, либо говоря о своей вине. Но он всегда получает то, что хочет.

— А чего он хочет? — спросила Доминик.

Вопрос казался резонным. Тогда почему же на него было так трудно ответить?

Раздался звонок в дверь. Они переглянулись. За последние двадцать четыре часа они научились бояться этого звука.

— Я открою, — сказала Доминик и быстрым шагом вышла из кухни, а минуту спустя появилась в сопровождении маленького мальчика и Старика Мюндена.

— Вы, наверное, знаете моего сына, — сказал Старик, когда с улыбкой поздоровался со всеми. — Ну-ка, Шарли, что мама просила тебя сказать этим милым людям?

Они ждали, пока Шарли вспоминал, потом он показал им палец.

— Вообще-то, он научился этому у Рут, — пояснил Старик.

— Хороший пример для подражания. Может быть, он и виски выпьет? — спросила Кароль.

Красивое загорелое лицо Старика Мюндена расплылось в улыбке.

— Нет, Рут давала ему мартини, а мы стараемся не смешивать напитки. — Теперь повадки Старика стали какими-то неловкими, и он,

положив руки на плечи Шарля, прижал мальчика к себе. — Я слышал, что он здесь. Вы не будете возражать?

Марк, Доминик и Кароль недоуменно смотрели на него.

— Возражать? — переспросила Доминик.

— Доктор Жильбер. Понимаете, я видел его в лесу. Я знал, кто он такой, но не знал, что он ваш отец.

— Почему же вы ничего не сказали? — спросила Доминик.

— Это было не мое дело. Он, кажется, не хотел, чтобы его видели.

И Марк подумал, что все гораздо проще, чем он думал, — он, склонный все осложнять. Мир бизнеса убедил его, что ему до всего есть дело, хотя это было не так.

— Не хочу его беспокоить, — продолжал Мюнден, — но я подумал, может быть, он нас примет. Может быть, я познакомлю с ним Шарля. — Было видно, что молодому отцу, вовсе не лишенному чувства собственного достоинства, с трудом дается этот разговор. — Я читал и перечитывал его книгу. «Бытие». Ваш отец великий человек. Я вам завидую.

А Марк завидовал Мюндену. Тому, как он прикасается к своему сыну, держит его. Защищает, любит. Готов унижаться ради сына.

— Он в саду, — сказал Марк.

— Спасибо. — У двери Старик Мюнден остановился. — У меня есть инструменты. Если хотите, я могу прийти завтра и помочь. Мы должны помогать друг другу.

«Мой сын, ты будешь Человек». Почему его собственный отец никогда не говорил, что люди должны помогать друг другу?

Марк кивнул, не отдавая себе отчета в том, что сейчас произошло. Старик Мюнден предлагал Жильберам помочь в постройке их дома, он вовсе не хотел прогонять их отсюда. Потому что его отцом был Винсент Жильбер. Его долбаный отец спас его.

Мюнден повернулся к Доминик:

— Кстати, Жена передает вам привет.

— И ей передайте от меня, — ответила Доминик. Потом, помедлив: — Передайте мой привет Жене.

— Непременно.

Они с Шарли вышли в сад, оставив этих троих наблюдать из окна.

Доктор Винсент Жильбер, еще недавно обитавший в лесу, неожиданно стал центром внимания.

Когда молодой человек с сыном подошли к нему, Винсент Жильбер открыл один глаз, глядя сквозь длинные ресницы. Но смотрел он не на отца с ребенком, а на тех троих, что наблюдали за ним из окна.

«Помогай другим», — говорили ему. И он был готов к этому. Но сначала он должен был помочь себе.

* * *

В бистро стояла тишина. Несколько посетителей сидели за столиками перед бистро, грелись на солнышке, наслаждались в спокойствии своим кофе и «кампари». Внутри у окна стоял Оливье.

— Боже мой, старина, такое впечатление, что ты в первый раз видишь деревню, — сказал Габри из-за стойки бара, где он натирал до блеска дерево и наполнял конфетками вазочки, которые сам и опустошил.

В течение последних нескольких дней Габри каждый раз видел Оливье на одном и том же месте — у эркерного окна, откуда он смотрел на деревню.

— Трубочку?

Габри подошел к своему партнеру и предложил ему лакричную трубочку, но Оливье был словно зачарованный. Тогда Габри сам вонзил зубы в трубочку, начав по правилам со сладкого конца.

— Что тебя беспокоит?

Габри проследил за направлением взгляда Оливье и увидел то, что и предполагал увидеть. Явно ничего заслуживающего внимания. Только клиентов на террасе, затем деревенский луг с Рут и Розой. Сегодня на утке был вязаный свитер.

Оливье прищурился, глядя на утку, потом повернулся к Габри:

— Этот свитер тебе не кажется знакомым?

— Какой свитер?

— Тот, что на утке, конечно. — Оливье внимательно посмотрел на Габри, который не умел лгать.

Тот доел остатки трубочки, и на его лице появилось самое озабоченное из его выражений.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Ведь это мой свитер, да?

— Полно тебе, Оливье. Уж не думаешь ли ты, что у тебя с уткой один размер?

— Не теперь, а когда я был маленьким. Где моя детская одежда?

Теперь Габри замолчал, проклиная Рут за то, что та стала выгуливать Розу в обновках. Хотя, возможно, не таких уж и новых.

— Я решил, что настало время от них избавиться, — сказал Габри. —

Рут требовались свитера и всякие вещи для Розы, чтобы утка не мерзла осенью и зимой, и тут я вспомнил о твоей детской одежде. Для чего ты вообще ее хранил? Она просто занимала место в подвале.

— И сколько она там занимала места? — спросил Оливье, чувствуя, как внутри у него все закипает, как отказывают тормоза. — Как ты мог? — зарычал он на Габри, и тот, потрясенный, отпрянул.

— Ты же сам говорил, что от этих вещей нужно избавиться.

— Я! Я говорил, что от них нужно избавиться! Но не ты. У тебя не было на это никаких прав.

— Извини. Я понятия не имел, что они тебе дороги.

— Да, дороги. И что мне теперь делать?

Оливье смотрел на Розу, ковыляющую за Рут, которая бог знает что бормотала своей утке, и чувствовал, как слезы жгут его глаза, как эмоции рвутся из груди. Он уже не мог вернуть свои вещи. Не теперь. Они ушли. Ушли навсегда.

— Ты хочешь, чтобы я их вернул? — спросил Габри, беря Оливье за руку.

Тот отрицательно покачал головой. Он даже не понимал, почему его обуяли такие сильные чувства. У него была масса других поводов для волнений. Он и в самом деле собирался избавиться от коробки со своей детской одеждой. И не сделал этого по двум причинам: из-за собственной лени и потому, что не знал, куда ее девать.

Так почему не отдать Розе? Высоко в небе раздались птичьи крики, и Роза с Рут подняли головы. Над ними на юг летела стая уток.

Печаль охватила Оливье. Ушло. Все ушло. Навсегда.

Неделя за неделей шли жители деревни через лес. Поначалу юноша торопил их, все время оглядывался. Он жалел, что позвал с собой семью и друзей. Без стариков и старух, без детей он смог бы идти куда быстрее. Но проходили недели, один мирный день сменялся другим, и его беспокойство ослабевало. Он даже радовался тому, что не один.

Он почти перестал оглядываться, когда появился первый знак.

Это была заря. Только эта заря никогда не гасла. Он не знал, заметил ли это кто-то еще. Ведь в конечном счете это было лишь неяркое сияние вдалеке. На горизонте. На следующий день солнце взошло, но не полностью. На небе застыли сумерки. Но опять же — только над горизонтом. Словно с другой стороны кто-то плеснул тенью.

И тогда юноша понял.

Он крепче вцепился в свой солнечный зонт и принялся торопить всех. И сам заспешил вперед. Подгоняя остальных. Они охотно прибавили шагу.

Ведь их ждали бессмертие, молодость, счастье. У них от радости кружилась голова. И он спрятался в этой радости.

Ночью небо светилось. А в течение дня к ним тянулась тень.

— Уже пришли? — спросила его престарелая тетушка, когда они поднялись на вершину холма. — Мы на месте?

Перед ними была вода. Ничего, кроме воды.

А за ними — удлинялась тень.

Глава двадцать пятая

— Оливье?

Светлая голова склонилась над списком рецептов на сегодня. Приближалось время ланча, и бистро наполнялось ароматами чеснока, трав, жареной курицы.

Оливье видел, как они идут, даже слышал их. Этот вой — словно стонал сам лес. Они приехали на мотовездеходах и припарковались у старого дома Хадли. Бо́льшая часть жителей перестала заниматься своими делами и наблюдала за старшим инспектором Гамашем и инспектором Бовуаром, которые вошли в деревню. Они были поглощены разговором, и никто их не беспокоил. Оливье отвернулся, прошел внутрь бистро за стойку бара. Вокруг молодые официантки накрывали столики, а Хэвок Парра записывал на доске, какие сегодня будут особые блюда.

Дверь открылась, и Оливье повернулся к ней спиной. Он хотел отсрочить неизбежное, пусть еще на секунду.

— Оливье? — сказал старший инспектор. — Нам нужно поговорить. Приватным образом, пожалуйста.

Оливье повернулся, на его губах играла улыбка, словно он убедил себя в том, что они, вероятно, не сделают этого. Старший инспектор улыбнулся ему в ответ, однако улыбка не коснулась его задумчивых глаз. Оливье провел их в заднюю комнату, окно которой выходило на речушку Белла-Беллу, показал на стулья вокруг обеденного стола и сел сам.

— Чем могу помочь?

Сердце бешено колотилось в его груди, руки были холодны и онемели. Он больше не чувствовал конечностей, и перед глазами мелькали мушки. Дышал он с трудом, голова у него кружилась.

— Расскажите нам о человеке, который жил в хижине, — обыденным тоном проговорил старший инспектор. — Я имею в виду убитого.

Он сложил руки на груди, устраиваясь на стуле. Ни дать ни взять собеседник за обедом, который хочет выслушать вашу историю.

Оливье понимал, что выхода нет. Он знал об этом с того самого момента, как увидел Отшельника на полу бистро. Он видел, как сходит на него лавина, все набирая и набирая скорость. Убежать Оливье не мог. Не мог уйти от неизбежного.

— Он был одним из первых моих клиентов, когда мы с Габри переехали в Три Сосны.

Слова, которые он держал в себе так долго, прозвучали. Гнилые слова. Оливье удивился, что из его рта не пахнуло тлением.

Гамаш чуть кивнул, словно помогая Оливье.

— У нас тогда был магазин антиквариата. Я еще не превратил его в бистро. Мы арендовали помещение наверху и жили там. Это было ужасно. Все набито старьем, всюду грязь. Кто-то залепил штукатуркой все, что было изначально. Но мы работали не покладая рук, чтобы вернуть помещению первоначальный вид. Мы провели здесь всего несколько недель, когда он пришел. Он был не тот человек, которого вы видели на полу. Тогда еще нет. Ведь это произошло много лет назад.

Перед глазами Оливье снова возникло прошлое. Габри был наверху — очищал балки и штукатурку, обнажая великолепные кирпичные стены. Каждая находка поражала больше предыдущей. Но ничто не могло по силе воздействия превзойти того радостного ощущения, что они обрели дом. Место, где они могли наконец обосноваться. Поначалу они так были заняты обустройством, что на деревню особо и не обращали внимания. Но деревня медленно — неделя за неделей, месяц за месяцем — открывалась перед ними.

— Я все еще организовывал бизнес, и вещей у меня было мало — так, пустяки, собранные за многие годы. Я всегда мечтал открыть магазин антиквариата, с самого детства. И тут подвернулась такая возможность.

— Она не просто подвернулась, — тихо сказал Гамаш. — Вы ее создали своими руками.

Оливье вздохнул. Он должен был догадаться, что Гамаш все раскопает.

— Перед этим я оставил работу в городе. Вы, вероятно, уже знаете, что работал я весьма успешно.

Гамаш снова кивнул.

Оливье улыбнулся, вспоминая эти бурные денечки. Шелковые костюмы, фитнес-клубы, посещение салона «Мерседес», где он воздерживался от покупки лишь потому, что его останавливало отсутствие нужного цвета машины, а не подлежащая уплате сумма.

И еще он вспоминал о том, как перешагнул черту.

Это было унизительно. Он тогда пребывал в такой депрессии, что боялся, как бы не наложить на себя руки. Поэтому он искал помощи. И вот в приемной психотерапевта он познакомился с Габри. С большим, разговорчивым, тщеславным и полным жизненных сил Габри.

Поначалу Оливье испытывал к нему отвращение. Все в Габри отталкивало его. Оливье думал о себе и своих друзьях как о геях. Сдержанных, элегантных, циничных.

Габри был всего лишь гомиком. Самым обычным. И толстым. Ни о какой сдержанности применительно к нему говорить не приходилось.

Но не было в нем и ничего низкого. И со временем Оливье научился ценить его доброту.

Он влюбился в Габри. Самозабвенно, безоглядно, забыв обо всем на свете.

Габри согласился оставить работу в христианском молодежном центре в Вестмаунте и уехать из города. Куда — не имело значения. Они сели в машину и поехали на юг. И вот на подъеме дороги они остановили машину, вынужденные признать, что заблудились. Хотя, поскольку они не знали, куда едут, заблудиться было трудно — так радостно сказал Габри, повернувшись к Оливье, который на водительском сиденье возился с картой дорог Квебека. Наконец он понял, что Габри стоит снаружи и постукивает по стеклу его окна. Он опустил стекло, и Габри поманил его рукой.

Оливье раздраженно сунул карты на заднее сиденье и вышел из машины. «Что?» — недовольно спросил он у Габри, который смотрел куда-то вперед. Оливье посмотрел в ту же сторону. И увидел дом.

Он сразу же все понял.

Это место описывалось во всех сказках, прочитанных им в детстве под одеялом, когда его отец думал, что сын читает о морских сражениях. Или обнаженных девицах. А он вместо этого читал о деревнях, домиках и садах. И о дымке́ из труб, и о каменных стенах, которые старше любого местного жителя.

Он забыл обо всем этом и вспомнил лишь теперь. И тут же вспомнил еще одну свою детскую мечту. Владеть магазином антиквариата. Скромным маленьким магазином, где он сможет размещать свои находки.

«Пойдем, ma belle?» Габри взял Оливье за руку, и, оставив машину, они пошли по грунтовой дороге в Три Сосны.

— Сначала, когда появился Отшельник, я был недоволен…

— Отшельник? — переспросил Гамаш.

— Так я его называл.

— Разве вы не знали его имени?

— Он мне никогда его не называл, а я никогда не спрашивал.

Гамаш перехватил взгляд Бовуара. Инспектор смотрел на Оливье разочарованными и недоверчивыми глазами.

— Продолжайте, — сказал Гамаш.

— Волосы у него были длинноваты, и вид слегка потрепанный. В общем, на покупателя не похож. Но посетителей не было, и я поговорил с

ним. Он вернулся неделю спустя, а потом приходил приблизительно раз в неделю в течение нескольких месяцев. Наконец он отвел меня в сторонку и сказал: у него есть кое-что на продажу. Это меня разочаровало. Я относился к нему по-доброму, а он просит купить у него какое-то старье. Я разозлился. Чуть было не попросил его убраться, но он уже успел достать вещь, которую хотел продать.

Оливье вспоминал, опустив взгляд. Они находились в глубине торгового зала, где было слабое освещение, к тому же вещь в его руках не сверкала, не блестела. Напротив, она казалась довольно тусклой. Оливье потянулся было к ней, но Отшельник отдернул руку. И тут на вещицу упал луч света.

Это был миниатюрный портрет. Они подошли к окну, и Оливье смог хорошо разглядеть, что предлагает ему Отшельник.

Миниатюра была помещена в потускневшую старую рамку и, вероятно, написана одним конским волосом, настолько хорошо были видны детали. На ней был изображен человек в профиль, в припудренном парике и неряшливой одежде.

От одного воспоминания об этом у Оливье чаще забилось сердце.

«И сколько вы хотите?»

«Может быть, немного еды?» — сказал Отшельник, и сделка была заключена.

Оливье посмотрел на Гамаша, который пристально смотрел на него своими карими глазами.

— Так оно все и началось. Я согласился взять миниатюру в обмен на всевозможную бакалею.

— И сколько стоила эта вещь?

— Не много. — Оливье припомнил, как он осторожно извлек миниатюру из рамки, увидел старинные буквы на заднике. Это был какой-то польский граф. И дата стояла: 1745. — Я продал ее за несколько долларов.

Он выдержал взгляд Гамаша.

— Кому?

— В один магазин, торгующий антиквариатом на рю Нотр-Дам в Монреале.

Гамаш кивнул:

— Продолжайте.

— После этого Отшельник стал время от времени приносить мне всякие вещи, а я взамен давал ему еду. Но он становился все больше и больше подозрительным. Он уже не хотел приходить в деревню. И потому

пригласил меня к себе в хижину.

— А почему вы приняли приглашение? Ведь для вас это было неудобно.

Оливье боялся этого вопроса.

— Потому что он приносил мне, как выяснилось, весьма достойные вещи. Ничего из ряда вон, но хорошего качества. И меня обуяло любопытство. Когда я впервые посетил его хижину, мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, чем он владеет. Но странным образом все это казалось там на месте. Потом я присмотрелся. Он ел с тарелок, которые стоили десятки, сотни тысяч долларов. Вы видели стаканы? — Глаза Оливье возбужденно засветились. — Fantastique.

— Он никогда не объяснял, откуда у него появились вещи, которым цены нет?

— Никогда. А я никогда не спрашивал. Боялся его спугнуть.

— Он знал цену того, чем владеет?

Вопрос был интересный, и Оливье сам не раз задавал его себе. Отшельник относился к великолепному серебру так, как Габри относился к тарелкам из «ИКЕА». Он никогда ничего не берег. Но не был он и безалаберным человеком. Он был осмотрительным — в этом Оливье не сомневался.

— Я не уверен, — ответил Оливье.

— Значит, вы давали ему еду, а он вам — бесценные вещи?

Гамаш произнес это нейтральным, любопытствующим голосом. В нем не слышалось никакого осуждения, хотя Оливье знал, что Гамаш мог и должен был задать этот вопрос так, чтобы Оливье почувствовал стыд.

— Он не давал мне лучших вещей. По крайней мере, сначала. А я не только приносил ему еду. Я помогал ему в огороде, покупал семена.

— И как часто вы к нему приходили?

— Каждые две недели.

Гамаш подумал, потом спросил:

— Почему он жил в хижине, вдали от всех?

— Прятался, я думаю.

— Но от чего?

Оливье покачал головой:

— Не знаю. Я пытался спрашивать, но он ни на один вопрос не отвечал.

— Что еще вы можете нам рассказать? — Голос Гамаша стал чуть нетерпеливее, чем прежде.

Бовуар оторвался от своего блокнота, и Оливье заерзал на стуле:

— Я знаю, что Отшельник построил хижину за несколько месяцев. Потом сам перенес туда все свои вещи.

Оливье посмотрел на Гамаша — он хотел увидеть какой-нибудь знак одобрения, оттепель. Старший инспектор чуть наклонился вперед, и Оливье поспешил продолжить:

— Он мне все это рассказал. Большинство его вещей были мелкими. Если не считать стульев и кровати. Остальное мог унести любой. А силы у него хватало.

Гамаш по-прежнему хранил молчание. Оливье поежился:

— Я говорю правду. Он никогда не рассказывал, откуда у него все эти вещи, а спросить я боялся. Но это было вроде бы очевидно, разве нет? Видимо, он их украл. Иначе зачем прятаться?

— Значит, вы думали, что это ворованные вещи, и молчали? — спросил Гамаш все тем же ровным голосом. — Не сообщили полиции?

— Не сообщил. Я знаю, что должен был сделать это, но не сделал.

На сей раз Бовуар не ухмыльнулся. Ему это казалось вполне естественным и понятным. Сколько людей сообщило бы о таком в полицию? Бовуара всегда удивляли истории о людях, которые находили чемодан с деньгами и сдавали его в полицию. Он не мог не спрашивать себя, нормальные ли они.

Гамаш же думал о другой стороне сделки. О людях, кому эти вещи когда-то принадлежали. Легендарная скрипка, бесценный хрусталь, фарфор, серебро, инкрустированное дерево. Если Отшельник прятался в лесу, значит кто-то загнал его туда.

— Он не говорил, откуда он? — спросил Гамаш.

— Нет. Один раз я спросил, но он не ответил.

Гамаш немного подумал.

— Как он говорил?

— Я вас не понял.

— Какой у него был голос?

— Нормальный голос. Мы говорили по-французски.

— На квебекском французском или на французском французском?

Оливье задумался. Гамаш ждал.

— На квебекском, но…

Гамаш сидел недвижимо, словно готов был так прождать весь день. Всю неделю. Всю жизнь.

— …но у него был небольшой акцент. Чешский, я думаю, — торопливо добавил Оливье.

— Вы уверены?

— Да. Он был чехом, — пролепетал Оливье.

Гамаш увидел, что Бовуар сделал пометку в своем блокноте. Это были первые сведения о личности убитого.

— Почему вы сразу нам не сказали, что знали Отшельника, когда было найдено тело?

— Должен был сказать, но думал, вы не найдете его хижину.

— А почему вы на это надеялись?

Оливье попытался набрать в грудь побольше воздуха, но кислород, казалось, не достигал его легких. Или мозга. Его сжатые губы словно заледенели, а глаза жгло. Неужели он и без того не сказал им достаточно? Но Гамаш все так же сидел напротив него в ожидании. И Оливье видел это ожидание в его глазах. Он знал. Гамаш знал ответ, но все равно хотел, чтобы Оливье дал его сам.

— Потому что в хижине были вещи, которые я хотел иметь. Сам.

Вид у Оливье был изможденный, он словно вывернул себя наизнанку. Но Гамаш знал, что Оливье есть еще о чем рассказать.

— Расскажите нам о деревянных скульптурах.

*** * ***

Клара прошла по дороге из оперативного штаба в Три Сосны, пересекла мост. Она остановилась, посмотрела в одну сторону, потом в другую.

Что ей делать?

Она только что вернула деревянную скульптуру в оперативный штаб.

«Проклятые гомосеки».

Два слова.

Конечно, она могла пропустить их мимо ушей. Сделать вид, что Фортен не произносил их. Или — еще лучше — найти кого-нибудь, кто убедит ее, что она поступила правильно.

Она ничего не сделала. Ничего не сказала. Просто поблагодарила Дени Фортена за то, что уделил ей время, согласилась, что все это здорово, согласилась, что они будут поддерживать связь по мере приближения выставки. Они пожали друг другу руки и поцеловались в обе щеки.

А теперь она стояла потерянная, смотрела в одну сторону, в другую. Клара думала поговорить об этом с Гамашем, но потом отказалась от этой идеи. Он был другом, но еще и полицейским, расследующим преступление похлеще грубости.

И все же Клара пребывала в недоумении. Не с этого ли начинались все убийства? Не со слов ли они начинались? Что-то сказанное западало в сердце и там пестовалось. Созревало. И убивало.

«Проклятые гомосеки».

А она ничего не сделала.

Клара повернула направо и двинулась к магазинам.

*** * ***

— О каких деревянных скульптурах?

— Например, об этой. — Гамаш поставил на стол плывущий парусник с его несчастным пассажиром, спрятанным среди улыбок.

Оливье уставился на него.

Они сгрудились на самом краю мира, сбились в кучу, глядя на океан. Кроме того юноши, который смотрел назад — туда, откуда они пришли.

Теперь не заметить свет в темном небе было невозможно. А небо уже некоторое время почти всегда было темным. Различие между ночью и днем исчезло. Но радость и предчувствие чего-то необыкновенного у обитателей деревни были настолько велики, что они не замечали этого. Или же им было все равно.

Луч света мечом разрезал темноту, тени, падавшие в их сторону. Практически на них.

Король Горы восстал. Он собрал армию из Желчи и Бешенства, армию, возглавляемую Хаосом. Их гнев рассек небо впереди — они искали некоего юношу. Одного юношу. Почти мальчика. И котомку, которую он держал в руках.

Они маршировали вперед, приближаясь с каждой минутой. А жители деревни ждали на берегу, когда их отвезут в землю обетованную. Где ничто не происходит, где никто не болеет и никто не старится.

Юноша бегал туда-сюда в поисках места, где можно было бы спрятаться. Скажем, пещеры, чтобы свернуться там и переждать, стать очень-очень маленьким. И незаметным.

— О, — произнес Оливье.

— Что вы можете рассказать нам об этом?

Страшную армию от жителей деревни отделял один небольшой холм. Час пути. А то и меньше.

Оливье снова услышал тот голос, историю, заполняющую всю хижину, вплоть до самых ее темных углов.

— Смотрите! — прокричал один из жителей деревни, показывая на воду.

Юноша повернулся, ожидая увидеть какой-нибудь ужас, надвигающийся на них из моря. Но увидел он корабль. С полными парусами. Корабль спешил к ним.

— Его послали нам боги, — сказала его старая тетушка, ступив на палубу.

И он знал: это было правдой. Один из богов сжалился над ними и послал мощный корабль и еще более мощный ветер. Они быстро заполнили палубу, и корабль поспешил прочь. Когда они были в море, молодой человек оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как над последним перед морем холмом поднимается что-то темное. Оно поднималось все выше и выше, а над ним летели Фурии, а с флангов двигались Печаль, Скорбь и Безумие. И возглавлял армию Хаос.

Когда Гора увидела крохотное суденышко в океане, она взвизгнула, и вопль наполнил паруса судна, отчего оно быстрее понеслось по океану. На носу счастливые обитатели деревни вглядывались вдаль — не покажется ли земля, их новый прекрасный мир. Но юноша, теснившийся среди них, смотрел назад. На Гору Злобы, созданную им. И на исступление, наполнявшее их паруса.

— Где вы это нашли? — спросил Оливье.

— В хижине. — Гамаш внимательно смотрел на него. Деревянная скульптура, казалось, ошеломила Оливье. Чуть ли не напугала. — Вы ее видели прежде?

— Никогда.

— А что-нибудь похожее?

— Нет.

Гамаш протянул скульптуру Оливье:

— Странная тема, вам не кажется?

— Что вы имеете в виду?

— Посмотрите: все так рады, даже счастливы. Кроме него. — Гамаш прикоснулся пальцем к голове фигурки присевшего мальчика.

Оливье присмотрелся, нахмурился.

— Не могу вам сказать, насколько это высокое искусство. Вам придется спросить кого-нибудь другого.

— А что вырезáл Отшельник?

— Да мало чего. В основном всякие деревяшки. Пытался и меня научить, но я постоянно резался. Руки у меня не из того места растут.

— А Габри на сей счет иного мнения. Он говорит, что вы сами шили

себе одежду.

— Это еще ребенком. — Оливье покраснел. — Да и то ерунду всякую.

Гамаш взял у Оливье скульптуру.

— Мы нашли в хижине инструменты для резьбы по дереву. Отправили их в лабораторию и скоро будем знать, ими ли было вырезано это. Но мы оба знаем ответ на этот вопрос. Разве нет?

Они уставились друг на друга.

— Вы правы, — сказал Оливье, рассмеявшись. — Я забыл. Он, бывало, вырезал всякие странные вещи, но эту мне никогда не показывал.

— А что он вам показывал?

— Не помню.

Гамаш редко проявлял нетерпение — это делал инспектор Бовуар. Он захлопнул свой блокнот. Звук получился не очень приятный. Но конечно, далеко не передающий раздражение инспектора на свидетеля, который ведет себя как малолетка, пойманный на краже печенья с кухни. Отрицает все. Лжет по любому поводу, словно не может удержаться.

— Постарайтесь, — сказал Гамаш.

Оливье вздохнул:

— Я чувствую себя виноватым. Он любил вырезать по дереву. И просил меня достать ему материал. Он просил совершенно конкретную вещь. Красный кедр из Британской Колумбии. Мне этот материал достал Старик Мюнден. Но когда Отшельник начал подсовывать мне свои поделки, я был очень разочарован. В особенности потому, что он перестал давать мне столько старинных вещей из своей хижины, сколько давал прежде. Только вот эти. — Он махнул рукой в сторону скульптурки.

— И что вы с ними сделали?

— Я их выбрасывал.

— Куда?

— В лес. Возвращаясь домой, я зашвыривал их в лес. Зачем они мне?

— Но эту вещь он вам не давал. Даже не показывал, верно?

Оливье кивнул.

Гамаш помедлил. Почему же Отшельник спрятал две эти вещи? Что в них было такого, что отличало их от других? Возможно, он подозревал, что Оливье выкинул остальные. Возможно, он подозревал, что Оливье нельзя доверить эти творения.

— А что значит вот это? — Старший инспектор показал на буквы, вырезанные на нижней стороне скульптуры.

НЭШЬШ

— Не знаю. — Оливье слегка разволновался. — На других ничего такого не было.

— Расскажите мне о «воо».

Гамаш сказал это так тихо, что Оливье показалось — он ослышался.

* * *

Клара сидела в глубоком удобном кресле и наблюдала за Мирной, которая разговаривала с месье Беливо. Старый владелец магазина пришел за какой-нибудь книжкой, вот только не знал — за какой. Они с Мирной поговорили об этом, она предложила ему несколько названий на выбор. Мирна знала вкусы всех жителей деревни — как те, о которых они заявляли, так и истинные.

В конечном счете месье Беливо ушел с биографиями Сартра и Уэйна Гретцки. Он чуть поклонился Кларе, которая поклонилась ему в ответ — она никогда толком не знала, как ей себя вести со стариком в таких ситуациях.

Мирна предложила Кларе холодный лимонад и села на стул напротив. Внутрь сквозь окно проникало солнце. На улице несколько жителей играли в мячики со своими собаками, а может, это собаки играли со своими хозяевами.

— Так у тебя сегодня состоялась встреча с месье Фортеном?

Клара кивнула.

— Ну и как все прошло?

— Неплохо.

— Кажется, пахнет дымом? — Мирна потянула носом.

Клара встревоженно огляделась.

— Так вот же! — Мирна показала на собеседницу. — У тебя брюки горят.

— Очень смешно.

Но Кларе как раз и требовался толчок в подобном духе, чтобы начать. Она старалась говорить безразличным тоном, описывая встречу. Когда она перечисляла людей, которые точно появятся в день открытия в галерее Фортена, Мирна вскрикнула и обняла подружку:

— Ты можешь в это поверить?

— Гомосек ты проклятый.

— Глупая сучка. Это что, новая игра? — рассмеялась Мирна.

— Тебя не обижает то, что я сказала?

— То, что ты назвала меня проклятым гомосеком? Ничуть.

— Почему?

— Потому что я знаю, ты не хотела оскорбить меня. Ведь так?

— А если бы хотела?

— Тогда я бы стала волноваться за тебя, — улыбнулась Мирна. — А ты это к чему?

— Когда мы сидели в бистро, Габри нас обслуживал, а когда он ушел, Фортен назвал его «проклятым гомосеком».

Мирна глубоко вздохнула:

— И что сказала ты?

— Ничего.

Мирна кивнула. Теперь пришла ее очередь ничего не говорить.

* * *

— Что-что?

— Воо, — повторил старший инспектор.

— Воо?

Оливье всем своим видом выражал недоумение, но он напускал его на себя на каждом узловом пункте этого допроса. Бовуар уже не верил ни одному его слову.

— Отшельник когда-нибудь говорил об этом? — спросил Гамаш.

— Говорил о «воо»? — переспросил Оливье. — Я даже не понимаю, о чем вы спрашиваете.

— Вы не обращали внимания на паутину в углу хижины?

— Что? На паутину? Нет. Я никогда не видел там паутины. Но я вам скажу кое-что. Я бы удивился, увидев там паутину. Отшельник содержал хижину в идеальном состоянии.

— Propre,[72] — сказал Гамаш.

— Propre, — повторил Оливье.

— «Воо», Оливье. О чем это вам говорит?

— Ни о чем.

— И тем не менее именно это слово было вырезано на куске дерева, который вы взяли из руки Отшельника. После его убийства.

Это было хуже, чем представлял себе Оливье. А представлял он себе совсем неважную ситуацию. Но Гамашу было известно все. Или почти все.

«Дай бог, чтобы он не знал всего», — подумал Оливье.

— Я ее поднял, — признался Оливье. — Но не разглядывал. Она

лежала на полу у его руки. Когда я увидел, что на ней кровь, я ее бросил. Там было вырезано «Воо»?

Гамаш кивнул и подался к Оливье, поставив локти на колени и сомкнув свои сильные пальцы:

— Вы убили его?

Глава двадцать шестая

Мирна наконец заговорила. Она подалась вперед и взяла Клару за руку:

— Ты поступила вполне естественно.

— Правда? Знаешь, чувствую я себя дерьмово.

— Ну, бо́льшая часть твоей жизни сплошное дерьмо, — сказала Мирна, кивая, словно мудрец. — Так что ощущение должно быть естественным.

— Ха-ха.

— Послушай, Фортен предлагает тебе все, о чем ты мечтала, все, что ты хотела.

— И он казался таким приятным.

— Может, он такой и есть. Ты уверена, что он не валял дурака?

Клара отрицательно покачала головой.

— Может, он и сам гей? — предположила Мирна.

Клара опять покачала головой:

— Я подумала об этом. Но у него жена и двое детишек. И он не похож на гея.

Клара и Мирна обладали отточенной способностью отличать геев от других людей. Они знали, что эта их способность далека от совершенства, но, будь у Фортена нетрадиционная сексуальная ориентация, они бы, вероятно, вычислили его. Однако ничего такого они не чувствовали. Только такой большой, очевидный субъект, каким был Габри, не вызывал никаких сомнений.

— И что мне теперь делать? — спросила Клара.

Мирна не ответила.

— Я должна поговорить с Габри, да?

— Возможно, от этого будет какая-то польза.

— Пожалуй, завтра.

Уходя, она думала о том, что сказала ей Мирна. Фортен предлагал ей все, чего она хотела, воплощал в жизнь единственную мечту ее детства. Успех, признание. И все это тем слаще после стольких лет, прожитых в глуши. Где над ней смеялись, считали ее маргиналкой.

И ей нужно было только промолчать.

Она могла сделать это.

* * *

— Нет, я его не убивал.

Но, даже не успев произнести эти слова, Оливье понял, какую катастрофу он на себя накликал. Он лгал в ответ чуть ли не на каждый вопрос, а когда наконец сказал правду, ему никто не поверил.

— Он уже был мертв, когда я пришел.

Господи, даже ему эти слова казались ложью. «Я не брал последнего печенья, я не разбивал чашечку старинного фарфора, я не брал денег из твоего кошелька. Я не гей».

Все время ложь. Всю его жизнь. Пока он не приехал в Три Сосны. Одно мгновение, несколько великолепных дней, он жил настоящей жизнью. С Габри. В их маленькой, взятой в аренду загаженной комнате над магазином.

Но потом появился Отшельник. А с ним потянулся след лжи.

— Послушайте, это правда. Был субботний вечер, и в бистро яблоку негде было упасть. Долгий уик-энд на День труда — это всегда дурдом. К полуночи оставалось всего несколько засидевшихся клиентов. Пришел Старик Мюнден со стульями и столом. Когда он уехал, здесь уже никого не осталось и Хэвок заканчивал наводить порядок. И я решил заглянуть к Отшельнику.

— После полуночи? — спросил Гамаш.

— Я обычно и ходил к нему после полуночи. Чтобы никто не видел.

Старший инспектор медленно откинулся на спинку стула, дистанцируясь от Оливье. Это был красноречивый жест, говоривший, что Гамаш не доверяет ему. Оливье уставился на этого человека, которого считал своим другом, и почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— И вы не боялись темноты?

Гамаш спросил это очень просто, и Оливье мгновенно осознал талант этого человека. Он обладал способностью заглядывать в души других людей, видеть, что происходит за их внешней оболочкой. И задавать вопросы обманчивой простоты.

— Если я чего и боюсь, то только не темноты, — сказал Оливье.

И он вспомнил то чувство свободы, которое охватывало его с наступлением темноты. В городских парках. В театре после выключения света, в спальне. Благодать, которая приходила с возможностью сбросить маску и быть самим собой. Под защитой темноты.

Его пугала не темнота, а то, что может выявить свет.

— Я знал дорогу, и занимала она минут двадцать.
— И что вы увидели, когда пришли?
— Все было как обычно. Свет в окне, фонарь на крыльце.
— Он ждал кого-то?
— Он ждал меня. Он всегда зажигал для меня фонарь. Я понял, что что-то случилось, лишь когда открыл дверь, вошел внутрь и увидел его. Я понял, что он мертв, но решил, что он просто упал — может быть, от удара или инфаркта — и ударился головой.
— Никакого оружия не было?
— Нет, ничего.
Гамаш снова подался вперед.
Неужели они начинали верить ему?
— Вы принесли ему еду?
Мысли Оливье метались как безумные. Он кивнул.
— Что вы ему принесли?
— Все как обычно. Сыр, молоко, масло. Немного хлеба. А вдобавок еще мед и чай.
— И что вы сделали с этим?
— С продуктами? Не знаю. Я был потрясен. Я не помню.
— Мы нашли их в кухне. Распечатанными.
Некоторое время они смотрели друг на друга. Потом глаза Гамаша сузились, и Оливье стало страшно.
Старший инспектор был рассержен.
— Я был там два раза в ту ночь, — пробормотал Оливье в стол.
— Громче, пожалуйста, — сказал старший инспектор.
— Я вернулся в хижину.
— Ну, уже пора, Оливье. Говорите правду.
Оливье дышал отрывисто. Словно рыба, которую подцепили на крючок, вытащили и оставили лежать на берегу, перед тем как выпотрошить.
— Когда я пришел туда в первый раз в ту ночь, Отшельник был жив. Мы выпили по чашке чая и поговорили.
— О чем вы говорили?
«Хаос наступает, старичок, и его не остановить. На это ушло немало времени — но вот теперь он здесь».
— Он всегда расспрашивал о людях, которые приезжают в деревню. Засыпал меня вопросами об окружающем мире.
— Об окружающем мире?
— Обо всем вокруг. Он ведь несколько лет не отходил от хижины

больше чем на пятьдесят футов.

— Продолжайте, — сказал Гамаш. — Что случилось потом?

— Было поздно, и я ушел. Он хотел дать мне что-то за продукты. Поначалу я отказывался, но он настоял. И когда я вышел из леса, то понял, что забыл подарок. Поэтому я вернулся.

Нет нужды рассказывать им о вещице в полотняном мешочке.

— Когда я вернулся, он был уже мертв.

— Сколько вы отсутствовали?

— Около получаса. Я хожу быстро.

Оливье снова почувствовал, как его хлещут ветки, будто пытаются задержать, ощутил запах сосновых игл, услышал хруст в лесу, словно бежала целая армия. Неслась со всех ног. Он думал, что эти звуки производит он сам и они лишь усиливаются темнотой и его страхом. А может, все было и не так.

— Вы ничего не видели и не слышали?

— Ничего.

— Который был час? — спросил Гамаш.

— Около двух, я думаю. Может, половина третьего.

Гамаш переплел пальцы:

— И что вы сделали, когда поняли, *что* случилось?

Остальную часть истории Оливье рассказал быстро, в один присест. Когда он понял, что Отшельник мертв, ему в голову пришла еще одна мысль. Он понял, как Отшельник может ему помочь. Положил тело на тележку и через лес отвез его в старый дом Хадли.

— На это ушло какое-то время, но я довез его. Хотел оставить на крыльце, но потом попробовал дверь — она оказалась не заперта. И я оставил его в прихожей.

Он пытался рассказать это полушутливо, но понимал, что у него не получилось. Это был жестокий, отвратительный, подлый поступок. Надругательство над телом, надругательство над дружбой, надругательство над домом Жильберов. И в конечном счете это было предательством по отношению к Габри и их жизни в Трех Соснах.

В комнате было так тихо, что он вполне мог вообразить, будто, кроме него, здесь никого нет. Но он поднял глаза и увидел Гамаша, который смотрел на него.

— Я сожалею, — сказал Оливье.

Он бранил себя, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать: та еще картинка — плачущий гей. Но он понимал, что своими поступками вывел себя далеко за рамки всяких клише или карикатуры.

И тут Арман Гамаш сделал нечто совершенно неожиданное. Он подался вперед так, что его большие, уверенные руки почти коснулись Оливье, словно не было ничего зазорного в такой близости с человеком столь низким, и заговорил спокойным, тихим голосом:

— Если его убили не вы, то кто это мог сделать? Мне нужна ваша помощь.

Одним этим предложением Гамаш поставил себя рядом с Оливье. С Оливье, который, возможно, все еще находился на краю пропасти, но, по крайней мере, был уже не один.

Гамаш поверил ему.

* * *

Клара стояла перед закрытой дверью студии Питера. Она почти никогда не стучала, никогда не беспокоила его. Если только не случалось чего-то чрезвычайного. Что-то чрезвычайное в Трех Соснах случалось довольно редко и обычно имело отношение к Рут и было практически неизбежным.

Клара сделала несколько кругов по саду, но потом вошла в дом, прогулялась по гостиной и кухне сужающимися кругами и наконец оказалась перед этой дверью. Она любила Мирну, верила Гамашу, восхищалась Габри и Оливье и многими своими друзьями. Но нужен ей был один Питер.

Она постучала. После некоторой паузы дверь открылась.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Что случилось? — Он тут же вышел и закрыл за собой дверь. — Что-то нехорошее?

— Как ты знаешь, я встречалась с Фортеном, и он сказал мне кое-что.

Сердце Питера екнуло. И в это мгновение ожила маленькая радость. Надежда на то, что Фортен передумает. Отменит персональную выставку Клары. Скажет, что они ошиблись и на самом деле им нужен Питер.

Его сердце билось для Клары каждый час каждого дня. Но иногда оно спотыкалось.

Он взял ее за руки:

— Что он сказал?

— Он назвал Габри проклятым гомосеком.

Питер ждал остального. Слов о том, что Питер лучше как художник. Но Клара только смотрела на него.

— Расскажи мне об этом. — Он повел ее к стулу, они сели.

— Все шло хорошо. Ему понравились мои идеи о том, как разместить картины. Он сказал, что будет Фицпатрик из Музея современного искусства. И Аллайн из «Таймс». И он говорит, что даже Ванесса Дестин Браун — ты ее знаешь. Из «Тейта». Ты можешь себе такое представить?

Питер не мог.

— Ну, дальше?

Он словно раз за разом кидался на стену, из которой торчали острые копья.

— А дальше он назвал Габри проклятым гомосеком, назвал за его спиной. Сказал, что его от них тошнит.

Стена с торчащими пиками стала ровной, гладкой.

— И что ты сказала?

— Ничего.

Питер опустил глаза, потом посмотрел на нее.

— Я бы, наверное, тоже ничего не сказал.

— Правда? — спросила Клара, вглядываясь в его лицо.

— Правда. — Он улыбнулся и сжал ее руки. — Ты не ждала этого.

— Для меня это было потрясением, — сказала Клара, которую распирало желание объясниться. — Что мне теперь делать?

— Ты о чем?

— Что делать — забыть о его предложении или сказать ему что-нибудь?

Питер немедленно увидел выход. Если она станет возражать владельцу галереи, тот может рассердиться. Почти наверняка рассердится. И как минимум отношения между ними испортятся. Вполне вероятно, что он даже отменит ее выставку.

Если она промолчит, то ей не грозят никакие неприятности. Вот только Питер знал ее. Совесть не будет давать ей покоя. Совесть, если ее разбудить, может быть ужасным зверем.

* * *

Габри просунул голову в дверь комнаты:

— Salut. Что-то у вас тут все так серьезно.

Оливье, Гамаш и Бовуар посмотрели на него. Никто из них не улыбнулся.

— Постойте, вы рассказываете Оливье о том, как встречались с его

отцом? — Габри сел рядом со своим партнером. — Я тоже хочу знать. Что он сказал обо мне?

— Мы не разговаривали об отце Оливье, — сказал Гамаш. Оливье глазами молил его об услуге, которую Гамаш не мог ему оказать. — Мы разговаривали об отношениях Оливье с убитым.

Габри перевел взгляд с Гамаша на Оливье, потом на Бовуара. Снова посмотрел на Оливье.

— Что?

Гамаш и Оливье посмотрели друг на друга, и наконец Оливье заговорил. Он рассказал Габри об Отшельнике, о том, как приходил к нему. О том, как нашел тело. Габри молча слушал. Бовуар впервые видел, чтобы Габри молчал в течение нескольких минут. И даже когда Оливье закончил, Габри заговорил не сразу. Он сидел с таким видом, будто вообще онемел.

Но потом он все же заговорил:

— Как ты мог быть таким идиотом?

— Я виноват. Я вел себя глупо.

— Это больше чем глупость. Не могу поверить, что ты ни слова не сказал мне об этой хижине.

— Я знаю — должен был сказать. Но он так всего боялся, требовал от меня молчания. Ты его не знаешь…

— Откуда же мне его знать.

— …а он если бы узнал, что я проговорился, то перестал бы со мной встречаться.

— А зачем тебе вообще нужно было с ним встречаться? Он был затворником, жил уединенно в хижине. Постой-ка… — На несколько секунд, пока Габри осмысливал все услышанное, воцарилось молчание. — Зачем ты вообще туда ходил?

Оливье посмотрел на Гамаша, и тот кивнул. Так или иначе, все это станет известно.

— Его хижина была полна сокровищ, Габри. В это трудно поверить. Он деньги засовывал между бревен для изоляции. Там были хрусталь и гобелены. Фантастика. Все, чем он владел, было бесценно.

— Ты это выдумываешь.

— Нет. Мы ели с фарфора, принадлежавшего Екатерине Великой. Вместо туалетной бумаги он пользовался долларами.

— Sacré.[73] Это твоя мальчишеская мечта. Теперь я знаю, что ты валяешь дурака.

— Нет-нет. Это было что-то невероятное. А случалось, я приходил к нему, и он дарил мне какую-нибудь мелочь.

— И ты брал? — возвысил голос Габри.

— Конечно брал, — отбрил его Оливье. — Я ведь не крал, а ему эти вещи были ни к чему.

— Но может быть, он спятил. И тогда это все равно что кража.

— Это ужас, что ты говоришь. Неужели ты думаешь, я стал бы красть у старика?

— А почему нет? Ты перетащил его тело к старому дому Хадли. Кто знает, на что еще ты способен.

— Вот как? А ты во всем этом невинная овечка? — В голосе Оливье зазвучали холодные, жестокие нотки. — На какие деньги, по-твоему, мы купили бистро? Или гостиницу? А? Ты никогда не спрашивал себя, как мы смогли, начав с той трущобной квартиры…

— Я ее отремонтировал. Она перестала быть трущобой.

— …стать владельцами бистро и гостиницы? С чего это мы вдруг разбогатели?

— Я считал, что торговля антикварными вещами идет неплохо. — Последовала пауза. — Ты должен был мне сказать, — проговорил наконец Габри и задумался, как задумались Гамаш и Бовуар, о чем еще умалчивает Оливье.

* * *

День уже клонился к вечеру, когда Арман Гамаш отправился в лес. Бовуар вызвался было его сопровождать, но Гамаш предпочел остаться наедине со своими мыслями.

После разговора с Оливье и Габри они вернулись в штаб, где их ждал агент Морен.

— Я знаю, кто такой БМ, — сказал он, следуя за ними по пятам, даже куртки не дал снять. — Смотрите.

Он подвел их к компьютеру. Гамаш сел, а Бовуар склонился над его плечом. На экране была черно-белая фотография человека с сигаретой во рту.

— Его зовут Богуслав Мартину, — сказал Морен. — Он описал скрипку, которую мы нашли. Родился он восьмого декабря, так что эта скрипка, вероятно, была ему подарком на день рождения от жены. Ее звали Шарлотта.

Гамаш слушал и одновременно смотрел на одну строку в информации, найденной его агентом. Мартину родился 8 декабря 1890 года. В Богемии.

Которая теперь была частью Чешской Республики.

— Дети у них были? — спросил Бовуар, тоже заметивший эту ссылку.

— Не было.

— Ты уверен? — Гамаш повернулся на стуле и посмотрел на Морена, но агент отрицательно покачал головой:

— Я проверял два… три раза. Там сейчас почти полночь, но у меня будет разговор с Пражской консерваторией — я хочу получить от них больше информации, и я у них спрошу, но, похоже, детей у него все же не было.

— Спроси про скрипку, — сказал Гамаш.

Он поднялся и надел куртку. Назад в хижину через лес он шел медленно, размышляя.

Женщина-полицейский, охранявшая хижину, приветствовала его на крыльце.

— Пойдемте со мной, — велел ей Гамаш и пошел к тачке, стоящей у огорода.

Он сказал, что эту тачку использовали для перевозки тела, и попросил агента взять образцы на анализ. Пока она занималась этим, Гамаш зашел в хижину.

На следующее утро отсюда все вывезут, составят список и поместят на безопасное хранение. В темном сейфе. Вдали от человеческих глаз.

Но прежде чем это произойдет, Гамаш хотел осмотреть все еще раз.

Закрыв за собой дверь, он дождался, когда глаза приспособятся к сумеречному свету внутри. Как и во все прежние посещения хижины, его поразил запах. Дерева и древесного дыма. Потом терпкого запаха кофе и, наконец, сладковатого запаха кориандра и эстрагона от ящиков на окнах.

Здесь было тихо, спокойно. Даже радостно. Хотя вещи, здесь находящиеся, были шедеврами, они казались вполне на месте в этой жалкой хижине. Отшельник, возможно, знал цену тому, чем владеет, но что он знал наверняка, так это назначение этих сокровищ, потому что пользовался ими, как надлежало. Бокалы, блюда, столовые приборы, вазы — все использовалось как положено.

Гамаш взял скрипку Бергонци и сел в кресло Отшельника у камина. «Один для одиночества, два для дружбы».

У покойного не было ни потребности, ни желания в обществе. Но компания у него была.

Теперь они знали, кто сидел во втором удобном кресле. Прежде Гамаш думал, что это был доктор Винсент Жильбер, но он ошибался. Это был Оливье Брюле. Он навещал Отшельника, приносил ему семена, продукты,

составлял компанию. А за это Отшельник давал ему то, что хотел Оливье. Сокровища.

Обмен был справедливый.

Но неужели никто другой его не нашел? Если нет или если Гамаш не сможет доказать это, то Оливье Брюле будет арестован за убийство. Арестован, предан суду и, возможно, приговорен.

Гамаш не мог отделаться от мысли о совпадении: убийство Отшельника и приезд доктора Винсента Жильбера случились почти одновременно. Кажется, Оливье говорил, что Отшельника беспокоило появление посторонних. Может быть, таким посторонним и был Жильбер.

Гамаш откинул голову назад и снова задумался. Что, если Отшельник прятался вовсе не от Винсента Жильбера? Ведь в конечном счете старый дом Хадли купил не он, а Марк. Марк, который бросил успешную работу в городе и приехал сюда. У него и Доминик была куча денег, они вполне могли купить любой дом в ближнем пригороде. Зачем же покупать старую развалину? Разве что им нужен был не дом, а лес.

А как насчет Парра? Оливье сказал, что Отшельник говорил с едва заметным акцентом. Чешским акцентом. А Рор расчищал дорожку. Дорожку, которая выходила прямо сюда.

Может быть, он нашел хижину. И сокровища.

Может быть, он знал, что Отшельник находится где-то здесь, и искал его. Может быть, когда Жильбер купил этот дом, Рор нанялся к нему на работу, чтобы совмещать ее с поисками в лесу. С поисками Отшельника.

А Хэвок? Что у них имелось против него? По всем данным он вроде бы был обычным молодым человеком. Но молодым человеком, который решил остаться здесь, в этом медвежьем углу, тогда как большинство его друзей уехали. Учиться. Делать карьеру. Работа официантом не может считаться карьерой. Что такой привлекательный, умный молодой человек делает здесь?

Гамаш подался вперед. Он представлял себе последний вечер жизни Отшельника. Толпу в бистро. Приезд Старика Мюндена с мебелью, потом его отъезд. Уход Оливье. Вот Хэвок запер замок. И вдруг обратил внимание, что его наниматель делает нечто неожиданное. Даже странное.

Видел ли Хэвок, что Оливье свернул к лесу, а не к своему дому?

Хэвок из любопытства мог последовать за Оливье. Прямо до хижины с ее сокровищами.

Все это прошло перед глазами Гамаша. Оливье ушел, а Хэвок предстал перед испуганным человеком. Потребовал, чтобы тот дал ему часть своих сокровищ. Отшельник отказался. Может быть, оттолкнул Хэвока. И Хэвок,

недолго думая, схватил, что попало под руку, и размозжил Отшельнику голову. А потом испугался и убежал. Как раз перед возвращением Оливье.

Но такая гипотеза не объясняла всего.

Гамаш положил скрипку и посмотрел на паутину в углу. Нет, это убийство случилось не вдруг. Тут было какое-то коварство. И жестокость. Отшельника сначала мучили, а потом убили. Мучили коротеньким словом.

«Воо».

Несколько минут спустя Гамаш встал и медленно прошелся по комнате, там и здесь поднимая какие-то вещи, прикасаясь к предметам, которых он никогда в жизни не предполагал увидеть, не говоря уже о том, чтобы прикасаться к ним. Панель из Янтарной комнаты, благодаря которой кухня окрашивалась желтоватым светом. Древние гончарные сосуды, в которых Отшельник держал травы. Поразительные эмалированные ложки и шелковые гобелены. И еще первые издания знаменитых книг. Одна из них лежала на прикроватном столике. Гамаш неторопливо взял ее.

Автор Каррер Белл. Агент Морен говорил об этой книге. Гамаш раскрыл ее. Еще одно первое издание. Потом он прочел название. «Джейн Эйр». Каррер Белл. Этим псевдонимом пользовалась…

Он снова открыл книгу. Шарлотта Бронте. Он держал в руках первое издание «Джейн Эйр».

Арман Гамаш тихо стоял в хижине. Но тишина была не полной. Какой-то шепоток разносил по хижине одно-единственное слово — это происходило с того момента, как они обнаружили хижину. Слово повторялось снова и снова. В детской книге, найденной в туалете, в янтарной панели, в скрипке, а теперь — в книге, которую он держал в руке. Одно слово. Имя.

Шарлотта.

Глава двадцать седьмая

— Поступили новые результаты из лаборатории, — сказала Лакост.

Вернувшись из леса, старший инспектор собрал свою команду. Они расселись за столом для совещаний, и теперь агент Лакост раздавала распечатки.

— Паутинка была сделана из рыболовной лески. Она свободно продается в магазинах. Конечно, никаких отпечатков пальцев или следов ДНК. Возможно, тот, кто ее сделал, работал в хирургических перчатках. Они нашли только немного пыли и паутину. — Она улыбнулась.

— Пыль? — переспросил Гамаш. — Они могут сказать, как долго она там провисела?

— По их предположению, всего несколько дней. Либо так, либо Отшельник ежедневно ее протирал. Что представляется маловероятным.

Гамаш кивнул.

— Кто ее туда повесил? — спросил Бовуар. — Жертва? Убийца?

— Тут есть кое-что еще, — сказала Лакост. — В лаборатории поработали с «воо» на деревяшке. Они говорят, что слово было вырезано много лет назад.

— И кто его вырезал — Отшельник? — спросил Гамаш.

— Они над этим работают.

— Есть какие-то мысли касательно того, что означает «воо»?

— Есть кинорежиссер с такой фамилией. Он родом из Китая. Снял «Миссия невыполнима-два», — серьезно сказал Морен, словно делясь жизненно важной информацией.

— Это может быть аббревиатурой. Есть организация автогонщиков с таким сокращенным названием. — Лакост посмотрела на шефа, который ответил ей отсутствующим взглядом. Она сразу же вернулась к своим заметкам — не найдется ли там чего-нибудь более полезного. — Есть и видеоигра с таким названием.

— Нет-нет, даже не понимаю, как я это забыл, — сказал Морен, повернувшись к Гамашу. — Так называется не игра, так зовут одного из персонажей. А название игры — «Король монстров».

— «Король монстров»? — Нет, Гамаш не мог себе представить, чтобы на уме у Отшельника или его мучителя было название видеоигры. — Что-нибудь еще?

— Есть коктейль с таким названием, — сообщила Лакост. — Готовят

его из персикового сока и водки.

— Есть еще и воо-воо, — сказал Бовуар. — Это английский сленг.

— Vraiment? — сказал Гамаш. — И что это означает?

— Оно означает «чокнутый». — Бовуар улыбнулся.

— Есть и еще кое-какие значения… — начала было Лакост, но потом отрицательно покачала головой.

Они ничуть не приблизились к истине.

Гамаш закрыл совещание, подошел к своему компьютеру и набрал в поисковике слово.

Шарлотта.

* * *

Габри нарезал помидоры, перец и лук. Он резал, резал и резал. Он уже нарезал золотистые сливы и клубнику, свеклу и маринованные огурцы. Потом заточил нож и продолжил резать.

И так весь день, до вечера.

— Мы теперь уже можем поговорить? — спросил Оливье, остановившись в дверях кухни.

Запах здесь был такой приятный, но чужой.

Габри, стоявший спиной к стене, продолжал резать. Взял кочан цветной капусты и принялся крошить его.

— Соленые огурчики в горчичном соусе, — сказал Оливье, входя в кухню. — Мои любимые.

Хряп-хряп-хряп — и нарезанная капуста была опущена в кипящую воду для бланширования.

— Прости, — сказал Оливье.

Габри у раковины очищал лимоны, потом нарезал четвертинками, заталкивал в банки и посыпал крупной солью. Затем он выжал оставшиеся лимоны и сок вылил поверх соли.

— Могу я помочь? — спросил Оливье, протягивая руку к кувшину.

Но Габри своим телом отгородил Оливье от банок и молча закупорил их.

Все горизонтальные поверхности в кухне были заняты красочными банками, наполненными джемами, желе, маринадами и приправами. Впечатление возникало такое, будто Габри собирается заниматься этим до конца света — молча превращать в консервы все, что попадет под руку.

* * *

Клара отсекла кончики у свежей морковки, глядя, как Питер опускает в кипящую воду крохотные клубни молодой картошки. У них сегодня был простой обед из овощей с огорода с травами и сливочным маслом. Такие обеды были у них самыми любимыми в конце лета.

— Не знаю, кто чувствует себя хуже — Оливье или Габри, — сказала она.

— А я знаю, — отрезал Питер, разламывая стручок с горошком. — Габри не сделал ничего плохого. Ты можешь себе представить, что Оливье несколько лет ходил к этому человеку в лесу и никому об этом не говорил? Я хочу сказать: о чем еще он умалчивает?

— Может, о том, что он гей?

— Может, он вообще натурал, только нам не говорит.

Клара усмехнулась:

— Ну вот это действительно разозлило бы Габри, но я знаю нескольких женщин, которые очень порадовались бы такому известию. — Она замолчала, кончик ее ножа застыл в воздухе. — Я думаю, Оливье чувствует себя отвратительно.

— Да брось ты. Будь тот убитый жив, он бы так и продолжал ходить к нему.

— Но ведь он не делал ничего плохого, — сказала Клара. — Отшельник сам отдавал ему вещи.

— Это он так говорит.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что Отшельник мертв. Разве это не удобно?

Клара прекратила нарезать морковку.

— Ты что хочешь сказать?

— Ничего. Просто я зол.

— Почему? Потому что он ничего нам не сказал?

— А ты разве ничего такого не чувствуешь?

— Немного — да. Но я в большей степени чувствую удивление. Слушай, мы все знаем, что Оливье любит хорошие вещи.

— Ты хочешь сказать, что он корыстный и прижимистый.

— Меня удивляет то, что он сделал с телом. Не могу себе представить, чтобы он тащил его через весь лес, а потом выгрузил в старом доме Хадли, — сказала Клара. — Я не думала, что у него столько сил.

— Я не думал, что у него столько злости, — сказал Питер.

Клара кивнула. Она тоже не думала. И тоже спрашивала себя: а что еще их друг утаивал от них? Но все это означало также, что Клара никак не может спросить у Габри, как он относится к тому, что его называют проклятым гомосеком. За обедом она сказала об этом Питеру.

— И потому, — заключила она, так почти и не прикоснувшись к содержимому тарелки, — я не знаю, как вести себя с Фортеном. Поехать ли в Монреаль и выяснить с ним отношения или просто забыть эту историю.

Питер взял еще один ломтик булки — мягкий внутри, с хрустящей корочкой. Размазал по нему масло, ровно, методично покрыл каждый миллиметр.

Глядя на него, Клара чувствовала, что готова закричать или взорваться. Или схватить этот чертов французский батон и швырнуть его об стену.

Но Питер продолжал размазывать масло, придавая ломтику булки идеальный вид.

Что он должен был сказать ей? Чтобы она забыла об этом? Что в словах Фортена нет ничего особо ужасного? Что из-за этого явно не стоит рисковать карьерой? Пусть оно так все и останется. И потом, душеспасительные разговоры с Фортеном не изменят его отношения к геям, а только настроят против Клары. А ведь Фортен устраивает для нее не какую-то там третьестепенную выставку. Эта выставка станет всем, о чем мечтала Клара. Там будут все принадлежащие к миру искусств. Клара сделает успешную карьеру.

Что ей сказать — чтобы она оставила все как есть или чтобы поговорила с Фортеном? Ради Габри и Оливье и всех их друзей-геев. Но главным образом ради себя.

Но если она сделает это, Фортен может рассердиться и отменить ее выставку.

Питер знал, что ему хочется сказать, но не знал, скажет ли это ради себя или ради Клары.

— Ну? — спросила она и сама услышала нетерпение в своем голосе. — Ну? — повторила она немного мягче. — Что ты думаешь?

— А что думаешь ты?

Клара вгляделась в его лицо.

— Я думаю оставить все как есть. Если он скажет еще что-нибудь в таком роде, я ему скажу, что об этом думаю. Сейчас для нас всех тяжелое время.

— Уверен, что ты права.

Клара посмотрела на свою полную тарелку. Она уловила неуверенность в голосе Питера. Что ж, ведь это не он рисковал своим

будущим.

* * *

Роза тихонько крякнула во сне. Рут чуть ослабила ночную сорочку на утке, и Роза расправила крылья, а потом снова погрузилась в сон, уткнув клюв под крыло.

Днем приходил Оливье. Раскрасневшийся и расстроенный. Она освободила стул от старых номеров «Нью-Йоркера», и он уселся в ее гостиной, словно беженец. Рут принесла ему стаканчик хереса и стебелек сельдерея, обмазанный плавленым сыром, после чего села рядом с ним. Они сидели молча почти час, пока в комнату не вошла Роза. На ней была серая фланелевая курточка. Рут увидела, как сжались губы Оливье и вытянулся его подбородок. Не было произнесено ни звука. Но из его глаз полились слезы, прочертившие борозды на красивом лице.

А потом он рассказал ей, что произошло. Рассказал о Гамаше, о хижине в лесу, об Отшельнике и его вещах. О том, как он перетащил тело, как стал владельцем бистро, пекарни и почти всего в Трех Соснах.

Рут было все равно. Она думала только об одном: что она может дать в обмен на эти признания. Сказать что-то. Правильные слова. Сказать Оливье, что любит его. Что Габри любит его и никогда, никогда не бросит. Что любовь никогда не бросает.

Она представляла себе, как встает и подсаживается к нему, берет его дрожащую руку и говорит: «Ну-ну. Ну-ну».

Ну-ну. Ну-ну. Легонько погладить его вздрагивающую в рыданиях спину, и он успокоится.

Но вместо этого она налила себе еще хереса и продолжала смотреть на него.

Теперь, когда солнце закатилось и Оливье ушел, Рут сидела на своей кухне на белом пластиковом садовом стуле, который нашла на свалке. Она была уже под градусом, когда достала свой блокнот и, слыша тихое покрякивание Розы под небольшим вязаным одеялом, написала:

Она взлетела в небо, и оставленная земля испустила вздох.
Она взлетела выше телефонных столбов, выше крыш,
под которыми прятались лишенные крыльев.
Она взлетела, но не забыла на прощанье вежливо помахать…

Потом, поцеловав Розу в голову, она похромала вверх по лестнице в свою кровать.

Глава двадцать восьмая

Когда на следующее утро Клара спустилась вниз, она с удивлением увидела Питера в саду: он сидел и смотрел перед собой. Кофе он приготовил, и она, налив напиток в две кружки, присоединилась к нему.

— Хорошо спал? — спросила она, протягивая ему кружку.

— Не очень. А ты?

— Неплохо. А что тебя мучило?

Небо с утра затянуло тучами, воздух был прохладный. Первое утро, когда по-настоящему почувствовалось, что лето ушло и наступает осень. Клара любила осень. Яркие листья, огонь в каминах, запах горящих поленьев по всей деревне. Она любила надеть свитер и сидеть, съежившись, за столиком перед бистро, попивая кофе с молоком.

Питер вытянул губы и посмотрел на свои ноги, обутые в резиновые сапоги, чтобы защититься от утренней росы.

— Я думал над твоим вопросом. Как поступить с Фортеном.

Клара замерла:

— Слушаю.

Питер думал об этом бо́льшую часть ночи. Он поднялся рано, спустился в кухню, сделал по ней несколько кругов и наконец оказался в своей студии. В своем убежище. Здесь стоял его запах. Запах его тела, масляных красок и полотен. А еще слабый запах лимонного безе, происхождения которого он не мог объяснить. Здесь стоял запах, какого не было ни в одном другом месте на земле.

И это успокаивало его.

Он пришел ночью в свою студию, чтобы подумать и в конечном счете прекратить думать. Освободить свой разум от воя, который только усиливался, словно с ним сближалась какая-то огромная масса. И наконец перед самым рассветом он понял, что́ должен сказать Кларе.

— Я думаю, ты должна с ним поговорить.

Ну вот. Он сказал об этом. Клара немного помолчала, сжимая в руках теплую кружку с кофе.

— Ты так думаешь?

Питер кивнул:

— Извини. Если хочешь, я поеду с тобой.

— Я пока еще не знаю, поеду ли сама, — отрезала она и отошла на несколько шагов.

Питер хотел подбежать к ней, забрать свои слова, сказать, что ошибся. Что она никуда не должна ехать. Ничего не говорить Фортену. Готовиться к выставке.

И что это он тут выдумал?

— Ты прав. — Клара с несчастным видом повернулась к нему. — Он не будет возражать, верно?

— Фортен? Не будет. Ты не должна очень уж сильно набрасываться на него. Просто скажи, что ты об этом думаешь. Я уверен, он поймет.

— Я могу сказать, что мне, возможно, послышалось. И что Габри — один из наших лучших друзей.

— Именно. Фортен, скорее всего, даже и не помнит, что он там сказал.

— Уверена, он не будет возражать.

Клара медленно пошла в дом, чтобы позвонить Фортену.

— Дени? Говорит Клара Морроу. Да, это было здорово. Вы считаете, это хорошая цена? Ладно, я скажу старшему инспектору. Послушайте, я сегодня буду в Монреале и подумала, не могли бы мы встретиться. У меня есть… несколько соображений. — Она помолчала. — Угу, угу. Замечательно. В половине первого в «Сантрополе» на Дулут. Отлично.

«Что я натворил?» — спрашивал себя Питер.

* * *

Завтрак в гостинице был хуже некуда: подгоревшие тосты, резиновая яичница и черный бекон. Кофе был слабым, а молоко вроде бы свернулось, как и Габри. По общему молчаливому согласию, они не сказали об этом ни слова — дождались, когда дойдут до оперативного штаба.

— Ну слава богу, — сказала агент Лакост, заваривая четверной кофе из припасенного агентом Мореном. К тому же здесь оказались пончики в шоколадной глазури. — Никогда не думала, что предпочту это завтраку у Габри. — Она вонзила зубы в мягкий, сладкий пончик. — Если это продолжится, то нам придется поскорее закрывать дело и уезжать.

— Тут есть одна мысль, — сказал Гамаш, надевая полукруглые очки для чтения.

Бовуар подошел к своему компьютеру проверить, нет ли новых сообщений. К монитору была приклеена бумажка, исписанная знакомым почерком. Он сорвал ее, смял и бросил в корзину для мусора.

Старший инспектор Гамаш тоже посмотрел на монитор своего компьютера — результаты гугл-поиска по запросу «Шарлотта».

Прихлебывая кофе, он прочел о «Доброй Шарлотте» — так назывался оркестр, о Шарлотте Бронте, о Шарлотте Черч и «Паутинке Шарлотты», о городке Шарлотта в Северной Каролине и Шарлоттауне на острове Принца Эдуарда, а также об островах Королевы Шарлотты неподалеку от Британской Колумбии. Как он выяснил, большинство этих мест были названы в честь королевы Шарлотты.

— Имя Шарлотта вам что-нибудь говорит? — спросил он у своей команды.

После паузы в несколько секунд все они отрицательно покачали головами.

— А как насчет королевы Шарлотты? Она была замужем за королем Георгом.

— Георгом Третьим? Это который сумасшедший? — спросил Морен.

Остальные удивленно посмотрели на него. Агент Морен улыбнулся:

— Я в школе хорошо учил историю.

«К тому же, — подумал Гамаш, — школу он закончил недавно». Зазвонил телефон, и агент Морен снял трубку. Звонили из Пражской консерватории. Гамаш слушал, что говорит Морен, пока не зазвонил его собственный телефон.

Звонила суперинтендант Брюнель.

— Я по приезде обнаружила, что мой кабинет выглядит как шатер Ганнибала. Здесь столько вещей вашего Отшельника, Арман, что мне некуда ногу поставить. — Но недовольства в ее голосе не было слышно. — Однако я вам звоню по другому поводу. Не хотите ли приехать на ланч к нам с Жеромом? Ему нужно кое-что вам показать. У нас дома. Да и у меня есть для вас новости.

Он договорился, что приедет в час в их квартиру на рю Лорье. Не успел он повесить трубку, как телефон зазвонил снова.

— С вами хочет поговорить Клара Морроу, сэр, — сказал агент Морен.

— Bonjour, Клара.

— Bonjour. Я хотела сообщить вам, что созванивалась сегодня утром с Дени Фортеном. Мы даже договорились встретиться сегодня за ланчем. Он сказал, что нашел покупателя на резные скульптуры.

— Неужели? И кто же это?

— Я не спросила. Но он сказал, что покупатель готов заплатить тысячу долларов за обе вещи. Он вроде бы считает, что это неплохая цена.

— Любопытно. Хотите, подвезу вас в город? У меня у самого там назначена встреча.

— Это будет здорово. Спасибо.

— Я вас подхвачу этак через полчасика.

Когда он повесил трубку, агент Морен закончил разговор.

— Они говорят, что у Мартину не было детей. Им известно о скрипке, но она исчезла после его смерти в… — Морен посмотрел в свои записки, — в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году. Я им сказал, что мы нашли скрипку и оригинальную нотную запись. Они очень обрадовались и сказали, что это должно стоить кучу денег. Что говорить, они сказали, это может считаться чешским национальным сокровищем.

Опять это слово — сокровище.

— Ты не спрашивал про его жену — Шарлотту?

— Спрашивал. Они долго прожили вместе, но зарегистрировали брак только на его смертном одре. Она умерла несколько лет назад. Никакого потомства они не оставили.

Гамаш задумчиво кивнул. Потом снова обратился к агенту Морену:

— Я хочу, чтобы ты поинтересовался местным чешским сообществом, в особенности Парра. Узнай об их жизни в Чехословакии. Как они смогли уехать оттуда. С кем были знакомы. Где их семья. В общем, всё.

Он повернулся к Бовуару:

— Я уезжаю на день в Монреаль поговорить с суперинтендантом Брюнель и еще проверить кое-какие наводки.

— D’accord. Как только Морен получит какую-нибудь информацию о Парра, я туда схожу.

— Не ходи один.

— Хорошо.

Гамаш нагнулся и поднял скомканный клочок бумаги с пола возле стола Бовуара. Он развернул его и прочел: «будто в разгар твоего кошмара».

— «Будто в разгар твоего кошмара», — повторил он, передавая бумажку Бовуару. — И что, по-твоему, это значит?

Бовуар пожал плечами и открыл ящик своего стола. Там лежали скомканные бумажки.

— Я нахожу их повсюду. В кармане куртки, прилепленные к двери моего номера утром. Эта была приклеена к компьютеру.

Гамаш залез в ящик его стола и наугад взял одну из бумажек.

будто божество, убивающее ради удовольствия,
может и исцелять.

— И они все в таком роде?

Бовуар кивнул:

— Каждая последующая дурнее предыдущей. И что я должен с ними делать? Она разозлилась, потому что мы отобрали у нее помещение пожарной дружины. Может быть, ограничить ее перемещения в судебном порядке?

— Ты имеешь в виду восьмидесятилетнего лауреата премии генерал-губернатора? Хочешь таким образом запретить ей писать тебе стихи?

При подобной формулировке получение судебного ограничения казалось маловероятным.

Гамаш снова посмотрел на скомканные листки бумаги, похожие на градины.

— Ну, я уезжаю.

— Спасибо за помощь, — сказал ему вслед Бовуар.

— De rien,[74] — помахал рукой Гамаш и вышел за дверь.

* * *

Всю дорогу до Монреаля Гамаш и Клара говорили о жителях Трех Сосен, о людях, приезжающих летом, о Жильберах, которые, по мнению Клары, теперь, вероятно, останутся.

— Старик Мюнден и Шарль вчера были в деревне. Старик очень надеется на Винсента Жильбера. Он явно знал, что именно Винсент и был в лесу, но не хотел ничего говорить.

— Как он мог его узнать?

— «Бытие», — пояснила Клара.

— Да, конечно, — сказал Гамаш, выезжая на Монреальское шоссе. — Ведь у Шарля синдром Дауна.

— После его рождения Мирна подарила им экземпляр «Бытия». Они прочли эту книгу, и их жизнь изменилась. Эта книга изменила жизнь многих. Мирна говорит, что Жильбер — великий человек.

— Он наверняка не будет против этого возражать.

Клара рассмеялась:

— И все же я не хотела бы, чтобы меня воспитывал святой.

Гамаш не мог с этим не согласиться. Большинство святых были мучениками. И они забрали с собой на тот свет немало людей. В дружелюбном молчании проехали они мимо указателей на Сен-Хилиер, Сен-Жан и деревню под названием Анж-Гардьен.

— Если бы я сказал «воо», что бы вы подумали? — спросил Гамаш.

— Ничего не приходит в голову. Очень жаль, что не могу вам помочь.

— Ну, может быть, это не имеет значения.

Они уже переехали через мост Шамплен. Гамаш поехал по бульвару Сен-Лоран, повернул налево, еще раз налево и высадил Клару у ресторана «Сантрополь».

Она поднялась на несколько ступенек, потом спустилась, наклонилась к окну его машины:

— Если бы человек оскорбил кого-то, кто вам небезразличен, вы бы возразили ему?

Подумав, Гамаш ответил:

— Надеюсь, что да.

Клара кивнула и пошла прочь. Но она знала Гамаша и знала, что о «надежде» речь тут не идет.

Глава двадцать девятая

После ланча с приправленным травами огуречным супом, приготовленными на открытом огне креветками, укропным салатом и грушевым пирогом Гамаш и Брюнели устроились в светлой гостиной квартиры на втором этаже. Стены комнаты были уставлены книжными шкафами. Здесь и там лежали всевозможные objets trouvés.[75] Обломки старинных гончарных изделий, расколотые кружки. Это была комната, в которой жили, где люди читали, разговаривали, думали и смеялись.

— Я изучала вещи из хижины, — сказала Тереза Брюнель.

— И?.. — Гамаш подался вперед на диване, держа в руках маленькую чашечку кофе.

— Пока ничего. Как это ни странно, ни один из предметов не числится среди похищенных. Впрочем, я еще не закончила просмотр. Потребуется несколько недель, чтобы дать окончательное заключение.

Гамаш медленно откинулся назад и скрестил длинные ноги. Если эти вещи не были похищены, то откуда они взялись?

— Какой другой вариант? — спросил он.

— Другой вариант — убитый владел этими вещами. Или они были взяты у убитых людей, которые не могли сообщить о краже. Во время войны, например. Как в случае с Янтарной комнатой.

— А может, он получил их в подарок, — предположил ее муж Жером.

— Но они бесценны, — возразила Тереза. — С какой стати кто-то будет дарить их ему?

— Ну, скажем, в благодарность за оказанные услуги, — сказал он.

Все трое замолчали на некоторое время, пытаясь представить себе, за какие услуги убитый мог получить такие подарки.

— Bon, Арман, я должна вам показать кое-что.

Жером поднялся в полный рост, который составлял всего пять с половиной футов. По форме он был почти идеальным кубом, но носил свою массу с легкостью, словно его тело было наполнено мыслями, фонтанирующими из головы.

Он устроился на диване рядом с Гамашем, держа в руках две резные скульптуры.

— Прежде всего, это очень примечательные работы. Они чуть ли не говорят, правда? Моя задача, как сказала Тереза, состояла в том, чтобы выяснить, что тут написано. Вернее, что это значит.

Он перевернул скульптурки буквами вверх.

С нижней стороны скульптуры с людьми на берегу было вырезано: ИРБЬЯГГР.

А под плывущим кораблем: НЭШЬШ.

— Это своего рода код, — объяснил Жером, надевая очки и снова вглядываясь в буквы. — Я начал с самого простого. Йцукен. Неспециалист чаще всего прибегает к такой шифровке. Вы ее знаете?

— Это раскладка клавиатуры на пишущей машинке. И еще на компьютере, — сказал Гамаш. — Йцукен — это первые шесть букв верхней линии.

— Обычно для шифровки человек садится за клавиатуру и набирает букву, соседнюю с той, которая ему нужна. Расшифровать это очень просто. Но здесь такой метод не использовался. — Жером поднялся, и Гамаш чуть не свалился в провал, оставленный его телом. — Я проверил множество шифров и, откровенно говоря, ничего не нашел. Мне очень жаль.

Гамаш всерьез рассчитывал на то, что этот знаток шифровального дела сумеет сломать код Отшельника. Но как и все остальное в этом деле, код не поддавался разгадке с лету.

— Однако я думаю, что знаю, какой код здесь использовался. По-моему, это шифр Цезаря.

— Слушаю вас внимательно.

— Bon, — сказал Жером, который получал удовольствие от аудитории и от поставленной перед ним задачи. — Юлий Цезарь был гений. Он воистину император фанатиков шифра. Блестящий ум. Для отправки секретных сообщений своим войскам во Франции он использовал греческий алфавит. Но позднее он усовершенствовал код. Перешел на латинский алфавит — тот, которым мы пользуемся и по сей день. И стал сдвигать буквы на три положения. Так что если вы хотите отправить слово «убить», то по шифру Цезаря это будет… — Он взял лист бумаги и написал на нем алфавит.

А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я

Потом он обвел кружочками буквы РЮЁПЩ.

— Видите?

Гамаш и Тереза склонились над захламленным письменным столом.

— Значит, он просто сдвигал буквы, — сказал Гамаш. — Если такой же шифр использован на скульптурках, то не могли бы вы прочесть, что

там написано? Сдвинуть буквы назад на три позиции? — Он посмотрел на буквы под плывущим кораблем. — В таком случае мы имеем… КЪХ. Ну, дальше и пытаться не стоит: в том, что получается, нет никакого смысла.

— Нет, Цезарь был умен, и, я думаю, ваш Отшельник тоже. По крайней мере, он знал коды. Изящество шифра Цезаря в том, что его почти невозможно разгадать, потому что сдвиг можно делать на любое количество букв. А еще лучше — использовать ключевое слово. То, которое ни вы, ни ваш адресат никогда не забудете. Пишете его перед алфавитом, потом начинаете шифровать. Скажем, это слово «Монреаль».

Он вернулся к своему алфавиту и написал слово «Монреаль» под первыми восемью буквами, потом дополнил строку буквами алфавита начиная с «А» до общего числа букв.

А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я

М, О, Н, Р, Е, А, Л, Ь А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч

— И вот теперь, если мы хотим послать слово «убить», то как оно будет выглядеть? — спросил Жером у Гамаша.

Старший инспектор взял карандаш и обвел пять букв — ЛОБКФ.

— Точно, — просиял доктор Брюнель.

Гамаш смотрел как зачарованный. Тереза, которая уже видела это прежде, отошла назад и улыбнулась, гордясь умом своего мужа.

— Нам нужно ключевое слово. — Гамаш выпрямился.

— Только и всего, — рассмеялся Жером.

— Я думаю, что знаю его.

Жером кивнул, подтянул стул к столу и сел. Он снова четкими буквами написал алфавит.

А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я

Его карандаш замер над следующей строкой.

— Шарлотта, — сказал Гамаш.

* * *

Клара и Дени Фортен неторопливо попивали кофе. В садике ресторана «Сантрополь» почти никого не было, нахлынувшая на ланч толпа — в основном ведущие богемный образ жизни молодые люди из квартала Плато-Мон-Руаяль — рассеялась.

Принесли счет, и Клара поняла: либо она скажет то, что собиралась, сейчас, либо никогда.

— Я хотела поговорить с вами еще кое о чем.

— О скульптурах? Вы их привезли? — Фортен подался вперед.

— Нет, они все еще у старшего инспектора, но я сказала ему о вашем предложении. Я думаю, трудность состоит в том, что они являются уликами в деле об убийстве.

— Конечно. Спешки никакой нет, хотя у этого покупателя может пропасть интерес. Вообще удивительно, что кто-то захотел их купить.

Клара кивнула и решила, что, наверное, сейчас самое время попрощаться. Она может вернуться в Три Сосны, начать составлять список приглашенных на вернисаж и забыть об этом деле. Да и замечание Фортена по поводу Габри стало забываться. Не стоило поднимать такую бучу из-за этого.

— Так о чем вы хотели поговорить? Стоит ли вам купить дом в провинции Тоскана? Как насчет яхты?

Клара не была уверена, шутит он или нет, но не сомневалась: легким разговор не получится.

— Да вообще-то, тут и говорить не о чем. Может быть, я ослышалась, но мне показалось, что вчера, когда вы приезжали в Три Сосны, вы сказали кое-что о Габри.

Фортен смотрел на нее с интересом, озабоченностью, недоумением.

— Он обслуживал нас в бистро, — пояснила Клара. — Принес нам напитки.

Фортен продолжал смотреть на нее, и она чувствовала, как испаряется ее мозг. Она целое утро повторяла те слова, что скажет ему, а теперь даже имени своего не могла вспомнить.

— Ну, я просто подумала, что вы знаете…

Ее голос смолк. Нет, она не могла сделать это. Она подумала, что это, вероятно, знак Господень и она не должна говорить ничего. И что она делает из мухи слона?

— Да нет, ерунда. — Она улыбнулась. — Просто подумала, что нужно назвать вам его имя.

К счастью, она сообразила, что Фортен привык иметь дело с художниками, которые либо пьяны, либо тронулись умом, либо накачались

наркотиками. Клара, вероятно, причастилась и того, и другого, и третьего. Должно быть, она казалась ему блестящим художником, но несколько съехавшим с шариков.

Фортен подписал чек и оставил, как заметила Клара, очень большие чаевые.

— Я его помню. — Фортен повел ее через ресторан с его темным деревом и запахом травяного чая. — Это тот, который пидор.

* * *

ЛАБКФ?

Они разглядывали буквы. Чем больше они смотрели, тем меньше видели в этом смысла, что тоже имело определенный смысл.

— Есть еще какие-нибудь предложения? — Жером поднял голову от стола.

Гамаш пребывал в полном недоумении. Он был уверен, что они на правильном пути, что «Шарлотта» — именно то слово, с помощью которого можно сломать этот шрифт. Он задумался на несколько секунд, вспоминая подробности дела.

— Уолден.

Он знал, что хватается за соломинку. И конечно, это слово тоже ничего не дало.

Ничего, ничего, ничего. Что же он упустил?

— Ну, я продолжу попытки, — сказал Жером. — Может быть, это и не шифр Цезаря. Есть куча других кодов.

Он обнадеживающе улыбнулся, и старший инспектор испытал то, что, вероятно, чувствовали пациенты доктора Брюнеля. Новости были нерадостные, но он видел перед собой человека, который не собирался сдаваться.

— А что вы можете мне сказать об одном из ваших коллег — Винсенте Жильбере? — спросил Гамаш.

— Он не был моим коллегой, — раздраженно сказал Жером. — И не был коллегой ни одному из тех, кого я помню. Он не мог выносить глупцов. Вы не замечали, что подобные люди всех считают глупцами?

— Настолько все плохо?

— Жером реагирует так раздраженно только потому, что доктор Жильбер считал себя богом, — сказала Тереза, присаживаясь на

подлокотник кресла мужа.

— Работать с такими трудновато, — сказал Гамаш, которому и самому пришлось поработать с несколькими «богами».

— Нет-нет, дело не в этом, — улыбнулась Тереза. — Жером раздражается потому, что настоящим богом он считает себя, а Жильбер не хотел коленопреклоняться перед ним.

Они рассмеялись, но прежде остальных улыбка сошла с лица Жерома.

— Винсент Жильбер очень опасный человек. И я думаю, у него действительно комплекс бога. Он страдает манией величия. Очень умен. Эта книга, которую он написал…

— «Бытие», — сказал Гамаш.

— Да. Она была продумана. До последней буквы. И нужно отдать ему должное: она произвела желаемый эффект. Большинство людей, которые читают книгу, соглашаются с ним. Он, безусловно, великий человек. А может, даже и святой.

— Вы в это не верите?

Доктор Брюнель фыркнул:

— Он убедил людей в своей святости — вот единственное чудо, которое он совершил. А это уже не мало, если ты знаешь, какой он подонок. Верю ли я в это? Нет, конечно.

— Ну, пришло время для моих новостей. — Тереза Брюнель встала. — Идемте со мной.

Гамаш последовал за ней, оставив Жерома ломать голову над шифром. В кабинете Терезы было больше журналов и газет. Она села за свой компьютер и после нескольких быстрых ударов по клавиатуре появилась фотография. На ней было изображено кораблекрушение.

Гамаш подтянул к столу стул, сел.

— Это?..

— Еще одна резная скульптура? Oui. — Она улыбнулась, как фокусник, который необыкновенно эффектно извлек из ниоткуда кролика.

— Это сделал Отшельник?

Гамаш повернулся на своем стуле и посмотрел на нее. Тереза кивнула. Он снова посмотрел на экран. Резьба была сложная. С одной стороны — разбитый корабль, потом лес, а на другой стороне — строящаяся деревня.

— Даже на фотографии работа кажется живой. Я вижу этих маленьких людей. Это те же люди, что и на других скульптурах?

— Я думаю, да. Но не могу найти испуганного мальчика.

Гамаш осмотрел деревню, корабль на берегу, лес. Ничего. Что случилось с мальчиком?

— Нам нужна скульптура, — сказал Гамаш.

— Она находится в частной коллекции в Цюрихе. Я связалась с одним своим цюрихским знакомым — владельцем галереи. Он очень влиятельный человек. Обещал помочь.

Гамаш был достаточно мудр, чтобы не расспрашивать суперинтенданта о ее связях.

— Дело не только в мальчике, — сказал он. — Нам необходимо узнать, что написано снизу.

Как и другие скульптуры, эта внешне имела мирный, спокойный вид. Однако какая-то тревога исходила и от нее.

Но опять же крохотные, вырезанные из дерева человечки казались счастливыми.

— Есть и еще одна. В некой кейптаунской коллекции.

Монитор мигнул, и появилось еще одно изображение. На склоне горы лежал спящий или мертвый мальчик. Гамаш надел очки, наклонился, прищурился.

— Сказать трудно, но я думаю, что это все тот же юноша.

— И я тоже так думаю, — сказал суперинтендант.

— Он мертв?

— Я и себе задавала тот же вопрос, но вряд ли. Вы не замечаете некую характерную особенность в этой скульптуре, Арман?

Гамаш откинулся назад, глубоко вздохнул, освобождаясь от напряжения, которое начал испытывать. Он закрыл глаза, потом снова открыл их. Но на этот раз не для того, чтобы посмотреть на изображение, выведенное на экран. На этот раз он хотел почувствовать его.

Прошло несколько секунд — и он понял, что Тереза Брюнель права. Это другая резная скульптура. Резчик явно был тот же самый, тут сомнений не было, но одна важная составляющая изменилась.

— Здесь нет страха.

Тереза кивнула:

— Только спокойствие, умиротворение.

— Даже любовь, — сказал старший инспектор.

Ему хотелось взять эту скульптуру в руки, даже завладеть ею, хотя он и понимал, что это невозможно. И он — уже не в первый раз — ощутил позыв желания. Жадности. Он знал, что никогда жадность не станет побудительным мотивом его действий. Но он знал, что другие могут оказаться не столь сдержанными. Да, такая скульптура стоила того, чтобы ею завладеть. И вероятно, все эти скульптуры того стоили.

— Что вы о них знаете? — спросил он.

— Они были проданы через одну компанию в Женеве. Я ее хорошо знаю. Репутация безупречная. Абсолютно.

— И что он за них получил?

— Они продали семь скульптур. Первую шесть лет назад. Она ушла за пятнадцать тысяч. Цены росли, пока не достигли трехсот тысяч долларов за последнюю. Она была продана прошлой зимой. Он говорит, что рассчитывает выручить за следующую не менее полумиллиона.

Гамаш удивленно вздохнул:

— Тот, кто их продавал, заработал сотни тысяч.

— Аукционный дом в Женеве берет солидные комиссионные, но я тут произвела расчеты на скорую руку. Продавец должен был получить около полутора миллионов.

Мысли Гамаша метались. Наконец в его памяти вспыхнул факт. Вернее, утверждение.

«Возвращаясь домой, я зашвыривал их в лес».

Это сказал Оливье. И опять Оливье солгал.

Глупый, глупый человек, подумал Гамаш. Потом он снова посмотрел на монитор и на мальчика, который лежал на склоне горы, чуть ли не ласкал ее. Неужели это возможно?

Неужели Оливье и в самом деле мог пойти на это? Убить Отшельника?

Миллион долларов — мощная мотивация. Но зачем убивать человека, который поставляет произведения искусства?

Нет, Оливье умалчивал о другом, и если у Гамаша была какая-то надежда найти настоящего убийцу, то настало время для откровений.

* * *

«Ну почему Габри такой проклятый гомосек? — думала Клара. — И пидор. И почему я такая проклятая трусиха?»

— Да-да, он самый, — услышала она собственный голос, вернувшись на некоторое время к реальности.

На улице потеплело, но она поплотнее завернулась в плащ, пока они стояли на тротуаре.

— Куда вас отвезти? — спросил Дени Фортен.

Куда? Клара не знала, где будет Гамаш, но у нее был номер его сотового.

— Спасибо, я сама.

Они обменялись рукопожатием.

— Эта выставка будет прорывом для нас обоих. Я за вас очень рад, — дружески сказал он.

— Я еще вот что хотела сказать. Габри — он мой друг.

Она почувствовала, как его рука разжалась. Но он все же улыбнулся ей.

— Я просто должна сказать, что он не гомосек и не пидор.

— Правда? Но по виду он явный гей.

— Да, он гей. — Она чувствовала, что путается.

— Что вы хотите сказать, Клара?

— Вы назвали его гомосеком и пидором.

— Да?

— Мне это кажется не очень красивым.

Она почувствовала себя школьницей. Слова вроде «красивый» не очень часто употребляются в мире искусств. Разве что в качестве оскорбления.

— Вы собираетесь стать моим цензором?

Его голос стал как патока. Клара чувствовала, как его слова липнут к ней. А его глаза, которые секунду назад смотрели задумчиво, стали жесткими. Предостерегающими.

— Нет, я просто говорю, что была удивлена и не люблю, когда обзывают моих друзей.

— Но ведь он же пидор и гомосек. Вы сами это признали.

— Я сказала, что он гей. — Она почувствовала, как защипало щеки, — значит, она покраснела.

— Вот оно что. — Фортен вздохнул и покачал головой. — Понимаю. — Он посмотрел на нее грустным взглядом, как смотрят на больное животное. — Это же маленький поселок. Вы слишком долго прожили в этой крохотной деревушке, Клара. И потому кругозор у вас ограниченный. Вы сами боитесь, как бы лишнего не сказать, а теперь еще и мне пытаетесь рот заткнуть. Это очень опасно. Политическая корректность, Клара. Художник должен раздвигать границы, быть агрессивным, все подвергать сомнению, шокировать. Вы не хотите это делать?

Она стояла, глядя перед собой, не в силах осознать, что он говорит.

— Но я мыслю иначе, — продолжал Фортен. — Я говорю правду, и говорю ее так, что мои слова могут шокировать, но они, по крайней мере, отражают реальность. А вы предпочитаете что-нибудь хорошенькое. И красивое.

— Вы оскорбили достойного человека у него за спиной, — выпалила Клара, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

Слезы гнева, но она представляла, как это может быть воспринято. Как слабость.

— Я намерен отменить выставку, — сказал Фортен. — Я очень разочарован. Я думал, вы настоящая, но вы только делали вид. Все это у вас лишь поверхностное. Банальности. Я не могу рисковать репутацией моей галереи, устраивая выставку тому, кто не идет на риски, на какие должен идти художник.

На проезжей части образовался редкий просвет, и Дени Фортен бросился на другую сторону Сен-Урбан. Оттуда он посмотрел на Клару и снова покачал головой. Потом резвым шагом пошел к своей машине.

* * *

Инспектор Жан Ги Бовуар и агент Морен подошли к дому Парра. Бовуар предполагал увидеть что-нибудь традиционное. Дом, в котором может жить чех-лесничий. Может быть, швейцарское шале. Для Бовуара существовало квебекское и «все остальное». Иностранное. Китайцы были похожи друг на друга, как и африканцы. Южноамериканцы, если он вообще о них когда-нибудь думал, были того же поля ягода — ели одну и ту же пищу и жили в совершенно одинаковых домах. Все это были дома менее привлекательные, чем тот, в котором жил он. Ничуть не лучше были и его знакомые англичане. Чокнутые.

Швейцарцы, чехи, немцы, норвежцы, шведы — все они были для него смешаны в одну кучу. Высокие, светловолосые, хорошие спортсмены, хотя и чуть полноватые, и жили они в домах с двускатной крышей, обшитых панелями, и пили много молока.

Бовуар сбросил скорость и притормозил перед домом Парра. Увидел он только стекло — часть его сверкала на солнце, часть отражала небеса, облака, птиц, лес, горы вдали и небольшой белый шпиль. Церковь в Трех Соснах, приближенную этим прекрасным домом, который был отражением жизни вокруг него.

— Еще минута — и вы бы меня не застали. Собираюсь на работу, — сказал Рор, открыв дверь.

Он провел Бовуара и Морена в дом, залитый светом. Пол из полированного бетона. Твердый, надежный. Благодаря этому дом становился безопасным и в то же время словно парил в воздухе. Впечатление, что он парит, было полное.

— Merde, — прошептал Бовуар, входя в большую комнату, которая

сочетала в себе кухню, столовую и гостиную.

Три стены были стеклянные, а потому возникало такое ощущение, будто наружное и внутреннее пространства не разделены, будто небо вплывает в комнату, будто помещение и лес едины.

Где еще жить чешскому лесничему, если не в лесу? В доме, залитом светом.

Ханна Парра стояла у раковины, вытирала руки, а Хэвок убирал посуду после ланча. В комнате пахло супом.

— Не работаете сегодня в бистро? — спросил Бовуар у Хэвока.

— Сегодня у меня смена с перерывом. Оливье спросил, не буду ли я возражать.

— И вы?

— Возражал ли я? — Они подошли к длинному обеденному столу и сели. — Нет. Я думаю, ему сейчас тяжело.

— А каков он в роли нанимателя?

Краем глаза Бовуар увидел, что Морен достал свои блокнот и авторучку. Он просил об этом молодого агента. Это выводило из себя подозреваемых, а Бовуару нравилось, когда подозреваемые выведены из себя.

— Он хороший человек, но для сравнения у меня есть только отец.

— И что это должно значить? — спросил Рор.

Бовуар посмотрел на низкорослого, мощного человека — не проявляет ли тот признаки агрессии, но, похоже, это была просто семейная шутка.

— По крайней мере, Оливье не заставляет меня работать пилой, топором или мачете.

— Шоколадный торт и мороженое Оливье куда опаснее. А работая с топором, вы, по крайней мере, заранее знаете, что должны быть осторожны.

Бовуар знал, что этими словами он задел за живое. То, что казалось опасным, на самом деле таковым не было. И то, что казалось прекрасным, тоже не было таковым.

— Я бы хотел показать вам фотографию убитого.

— Мы ее уже видели. Ее нам показывала агент Лакост, — сказала Ханна.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели еще раз.

— Вы это к чему, инспектор? — спросила Ханна.

— Вы — чехи.

— Ну и что с того?

— Вы здесь уже достаточно прожили, я это знаю, — продолжил

Бовуар, словно и не слыша ее. — Много чехов приехали сюда после вторжения России.

— Да, тут есть большое чешское сообщество, — согласилась Ханна.

— Оно настолько большое, что возникла даже Чешская ассоциация. Вы встречаетесь раз в месяц, приносите с собой кто что может и устраиваете обед.

Все это и еще кое-что ему стало известно благодаря разысканиям агента Морена.

— Верно, — подтвердил Рор, который внимательно смотрел на Бовуара, спрашивая себя, к чему тот ведет.

— И вас несколько раз избирали президентом ассоциации, — сказал Бовуар Рору. Потом обратился к Ханне: — И вас тоже.

— Не велика честь, инспектор, — улыбнулась Ханна. — Мы сменяем друг друга. У нас ротация.

— Справедливо ли будет предположить, что вы знаете всех в местном чешском сообществе?

Они переглянулись, насторожившись. Потом кивнули.

— Поэтому вы должны знать убитого. Он был чехом.

Бовуар вытащил фотографию из кармана и положил на стол. Но они не стали смотреть на фотографию. Все трое удивленно смотрели на него. Что их удивило — то, что он знает, или то, что убитый был чехом?

Бовуар должен был допустить и то и другое.

Наконец Рор взял фотографию и посмотрел на нее. Отрицательно покачав головой, он передал фотографию жене.

— Мы уже видели ее и не можем сказать ничего нового, кроме того, что говорили агенту Лакост. Мы его не знаем. Если он был чехом, то на наши обеды он не приходил. Никак с нами не контактировал. Конечно, нужно спросить у других.

— Вы нас подозреваете? — спросила Ханна Парра.

Она больше не улыбалась.

— Нет, просто провожу расследование. Если убитый был чехом, то вполне резонно порасспрашивать людей из вашего сообщества. Вы так не считаете?

Зазвонил телефон. Ханна подошла к нему, посмотрела на определитель номера.

— Это Ева.

Она сняла трубку и заговорила по-французски, сообщив, что в доме квебекские полицейские и что она не узнала человека на фотографии. Сказала, что она удивилась, когда ей сказали, что этот человек был чехом.

«Неглупо», — подумал Бовуар. Ханна повесила трубку, и телефон тут же зазвонил снова.

— Это Яна, — сказала она, но на сей раз трубку брать не стала.

Они поняли, что телефон будет звонить весь день после посещения агентов полиции. Члены чешского сообщества принялись перезваниваться.

В этом было что-то нечестное, но Бовуар с готовностью признал, что и сам бы делал то же самое.

— Вы знаете Богуслава Мартину?

— Кого?

Бовуар повторил имя, потом показал им распечатку.

— А, Богуслав Мартину, — сказал Рор, произнеся имя таким образом, что Бовуар и разобрать не смог. — Это чешский композитор. Только не говорите мне, что вы и его подозреваете.

Рор рассмеялся, но ни Ханна, ни Хэвок даже не улыбнулись.

— Кто-нибудь из местных с ним связан родственными узами?

— Нет, никто, — с уверенностью сказала Ханна.

Морен пытался найти что-нибудь о прошлом Парра, но его поиски не принесли практически никакого результата. Их круг общения на родине ограничивался, похоже, тетушкой и несколькими двоюродными родственниками. Когда они эмигрировали, им было по двадцать с небольшим, в Канаде они получили статус беженцев. А теперь стали гражданами.

Ничего примечательного. Никаких родственных уз, связывающих их с Мартину. Или с кем-нибудь знаменитым или скандально известным. Никаких воо, никакой Шарлотты, никаких сокровищ — ничего.

И все же Бовуар был убежден, что они знают больше, чем говорят. Больше, чем удалось найти Морену.

Когда полицейские сели в машину и поехали назад, их отражение появилось в стеклянном доме, и Бовуару вдруг пришло в голову: так ли прозрачны Парра, как их дом?

*** * ***

— У меня к вам вопрос, — сказал Гамаш, когда они направились назад в гостиную.

Жером на мгновение поднял голову, а потом снова погрузился в свои изыскания, пытаясь расшифровать загадочную надпись.

— Спрашивайте.

— Дени Фортен…

— Владелец галереи Фортен? — прервала его суперинтендант.

Гамаш кивнул:

— Он вчера был в Трех Соснах и видел одну из резных скульптур. Он сказал, что она ничего не стоит.

Тереза Брюнель немного помолчала.

— Меня это не удивляет. Он уважаемый арт-дилер. У него глаз на новые таланты. Но скульптура — не его специализация, хотя в его круг входит несколько известных скульпторов.

— Но даже я понял, что эти скульптуры — работы выдающиеся. Почему этого не увидел он?

— Что вы предполагаете, Арман? Что он солгал?

— А это возможно?

Тереза задумалась.

— Вероятно. Мне это всегда представляется немного забавным, а иногда полезным, — общее восприятие мира искусств. Люди со стороны, похоже, думают, что этот мир состоит из самоуверенных сумасшедших художников, тупоголовых покупателей и владельцев галерей, которые сводят двух первых. На самом же деле это бизнес, и все, кто этого не понимает и не оценивает его как таковой, ничего в нем не добиваются. В некоторых случаях на карту ставят сотни миллионов долларов. Но самомнение подчас куда больше, чем эти груды денег. Соедините огромное богатство и еще большее самомнение — и вы получите взрывчатую смесь. Это жестокий, нередко уродливый, часто агрессивный мир.

Гамаш вспомнил про Клару и спросил себя, понимает ли она это. Знает ли, что ее ждет.

— Но наверняка не все ведь такие, — сказал он.

— Да. Но не на этом уровне. — Она кивнула на скульптурки на столе ее мужа. — Один человек убит. Не исключено, что, когда мы займемся этим вплотную, появятся и другие трупы.

— Из-за этих резных скульптур? — Гамаш взял в руки корабль.

— Из-за денег.

Гамаш вгляделся в скульптуру. Он знал, что не все руководствуются одним этим мотивом. Были и другие причины. Ревность, гнев, месть. Он смотрел не на пассажиров, плывущих в счастливое будущее, а на того, кто оглядывался назад. С ужасом. Смотрел туда, откуда они плыли.

— У меня для вас есть хорошая новость, Арман.

Гамаш опустил корабль и посмотрел на суперинтенданта.

— Я нашла ваше «Воо».

Глава тридцатая

— Вот оно, — показала Тереза Брюнель.

Они приехали в центр Монреаля, и теперь суперинтендант показывала на одно из зданий. Гамаш притормозил, что немедленно вызвало к жизни целый хор звуковых сигналов. В Квебеке торможение считается чуть ли не самым опасным преступлением. Но он, игнорируя гудение, не стал увеличивать скорость, а попытался увидеть, на что она показывает. Это была художественная галерея Хеффеля. А перед ней стояла бронзовая скульптура. Но они проехали мимо, прежде чем Гамаш успел что-либо разглядеть. Следующие двадцать минут он искал место для парковки.

— Вы что, не можете припарковаться во втором ряду? — спросила суперинтендант Брюнель.

— Вы хотите, чтобы нам поотрывали головы?

Она прыснула со смеху, но возражать не стала. Наконец они припарковались и пошли назад по Шербрук-стрит к художественной галерее Хеффеля, где уставились на бронзовую скульптуру, которую видели прежде, но никогда не задерживали на ней взгляд.

В кармане Гамаша зазвонил телефон.

— Pardon, — сказал он суперинтенданту и ответил.

— Это Клара говорит. Хотела узнать, когда вы будете готовы.

— Через несколько минут. У вас все в порядке?

Голос у нее дрожал.

— Все хорошо. Где я могу с вами встретиться?

— Я на Шербруке, перед галереей Хеффеля.

— Я знаю, где это. Смогу подъехать через несколько минут. Вас устроит?

Она явно спешила уехать, словно ей невмоготу было оставаться в городе.

— Отлично. Я буду здесь.

Гамаш убрал телефон и вернулся к скульптуре. Молча обошел ее, а Тереза Брюнель с иронической улыбкой наблюдала за ним.

Он увидел бронзовую статую почти в полный размер: женщина средних лет стоит рядом с лошадью, у ее ног собака, а на спине лошади — обезьянка. Обойдя вокруг статуи, Гамаш остановился возле суперинтенданта Брюнель.

— Это и есть «воо»?

— Нет, это Эмили Карр. Работа Джо Фейфарда. А называется она «Эмили и ее друзья».

Гамаш улыбнулся и тряхнул головой. Да, конечно. Теперь он вспомнил. Эта женщина — степенная, приземистая, уродливая — была одной из самых удивительных художниц Канады. Талантливая и наделенная богатой фантазией, она творила главным образом в начале XX века и давно ушла из жизни.

Он внимательнее присмотрелся к бронзовой женщине. Она здесь была моложе, чем на старых, зернистых, черно-белых фотографиях, которые он видел. На них всегда была мужеподобная женщина. Одна. В лесу. Никакой улыбки на лице. Впечатление безрадостное.

А эта женщина казалась счастливой. Может быть, это была причуда скульптора.

— Она великолепна, правда? — сказала суперинтендант Брюнель. — Обычно у Эмили Карр мрачный вид. На мой взгляд, это блестящая идея — изобразить ее счастливой, а такой она явно была лишь среди своих животных. Кого она ненавидела, так это людей.

— Вы сказали, что нашли «воо». Где?

Он был разочарован и далеко не убежден в том, что суперинтендант и в самом деле нашла то, что им нужно. Каким образом давно умершая художница, жившая на другом конце континента, могла быть связана с расследованием?

Тереза Брюнель подошла к скульптуре и положила наманикюренные пальцы на обезьянку:

— Это Воо. Постоянная спутница Эмили Карр.

— Воо — это обезьянка?

— Эмили Карр любила всех животных, но больше всех — Воо.

Гамаш скрестил руки на груди, разглядывая скульптуру.

— Теория интересная, но «воо» в хижине Отшельника могло означать что угодно. Почему вы думаете, что речь идет об обезьянке Эмили Карр?

— Вот почему.

Она открыла сумочку и протянула ему брошюрку на глянцевой бумаге. Это была коллекция работ Эмили Карр в Ванкуверской галерее изящных искусств. Гамаш просмотрел фотографии легко узнаваемых картин Карр, изображающих дикие места западного побережья, каким оно было почти век назад.

Ее манера письма была исключительная. Сочные зеленые и коричневые тона перемешивались так, что лес казался одновременно впавшим в безумие и спокойным. Того леса давно уже не стало. Его

спилили, сровняли с землей, уничтожили. Но он все еще оставался живым благодаря кисти и таланту Эмили Карр.

Однако не это сделало ее знаменитой.

Гамаш листал брошюру, пока не нашел картины ее фирменной серии. Картины, навсегда остававшиеся в душе любого канадца, который их видел.

Тотемные шесты.

Установленные на берегу далекой рыбацкой деревушки племени хайда на севере Британской Колумбии. Она рисовала эти шесты там, где их установили хайда.

И тут изящный палец указал на три коротких слова.

Острова Королевы Шарлотты.

Вот где находились эти шесты.

Шарлотта.

Мурашки побежали по спине Гамаша. Неужели они и в самом деле нашли Воо?

— Скульптуры Отшельника были вырезаны из красного кедра, — сказала Тереза Брюнель. — Как и слово «Воо». Красный кедр растет всего в нескольких местах, но не здесь, не в Квебеке. Одно из мест, где он растет, — Британская Колумбия.

— На островах Королевы Шарлотты, — прошептал Гамаш, зачарованный картинами, где были изображены тотемные шесты. Прямые, высокие, великолепные. Еще не обрушенные — ведь они были признаны языческими символами, — еще не сломанные миссионерами и правительством.

Картины Эмили Карр были единственными изображениями тотемных шестов в том виде, в каком их хотели видеть хайда. Она никогда не рисовала людей, но рисовала их творения. Общинные дома. Высокие тотемные шесты.

Гамаш смотрел на картины, теряясь в этой дикой красоте и приближающейся катастрофе.

Потом он снова посмотрел на подпись. Деревня племени хайда. Деревня Королевы Шарлотты.

И он знал, что Тереза права. Воо указывало на Эмили Карр, а Карр указывала на острова Королевы Шарлотты. Вероятно, в хижине Отшельника именно поэтому было столько отсылок к Шарлотте. «Паутинка Шарлотты». Шарлотта Бронте. Шарлотта Мартину, которая подарила мужу скрипку. Янтарная комната, сделанная для Шарлотты. Все вело его туда. На острова Королевы Шарлотты.

— Оставьте это себе. — Суперинтендант Брюнель показала на брошюру. — Там много биографической информации об Эмили Карр. Может оказаться полезным.

— Merci.

Гамаш закрыл каталог и уставился на скульптуру — на эту женщину, которая уменьшила позор Канады, изобразив не изгнанный, униженный народ, а его славу.

* * *

Они ехали по мосту Шамплен, и Клара смотрела на серые воды реки Святого Лаврентия.

— Как прошел ваш ланч? — спросил Гамаш, когда они выехали на шоссе, ведущее в Три Сосны.

— Мог бы пройти и получше.

Настроение Клары, как на качелях, переходило от бешенства к чувству собственной вины, потом к раскаянию. В какую-то минуту она жалела, что не сказала Дени Фортену, какое он merde, а в другую умирала от желания поскорее добраться до дома, позвонить ему и извиниться.

Клара была образцом самобичевания. Упреки, обвинения, критика — все это летело со всех сторон и прилипало к ней. Она притягивала все отрицательное, возможно потому, что сама была заряжена положительно.

Наконец она решила, что хватит, и расправила плечи. Пошел он в жопу! Но потом опять: может быть, лучше позвонить и извиниться, а уж после персональной выставки сказать все, что она думает?

Какой же она была идиоткой. С какой стати она решила, что ей сойдет с рук, если она разозлит владельца галереи, который предлагал ей славу и состояние? Признание. Одобрение. Внимание.

Черт, что же она сделала? Можно ли переиграть случившееся? Ну разве нельзя было дождаться открытия, появления рецензии в «Нью-Йорк таймс», в лондонской «Таймс»? Тогда его злость уже не смогла бы уничтожить ее. А сейчас может.

И не только может, но и уничтожит.

Она слышала его слова. Но еще важнее: она видела это на лице Фортена. Он ее уничтожит. Впрочем, чтобы уничтожить, нужно сначала построить, а потом уже разрушать. Нет, он поступит с ней хуже. Он попытается сделать так, чтобы мир никогда не узнал о Кларе Морроу. Никогда не увидел ее картин.

Она посмотрела на часы на приборном щитке машины.

Без десяти четыре. Напряженный трафик из города становился жиже. Если они вернутся до пяти часов, она успеет позвонить в галерею и попросить прощения.

А может, лучше позвонить ему и сказать, какой он говнюк?

Возвращение домой было таким долгим.

— Не хотите поговорить о том, что вас мучает? — спросил после тридцати минут молчания Гамаш.

Они свернули с шоссе и теперь ехали на Кауансвилл.

— Даже не знаю, что и сказать. Дени Фортен вчера в бистро назвал Габри проклятым гомосеком. Габри этого не слышал, но слышала я. Я ему ничего не сказала. Я поговорила об этом с Питером и Мирной, они выслушали, но решение оставили за мной. А сегодня утром Питер намекнул, что я должна поговорить с Фортеном.

Гамаш свернул с главной дороги. Домов и предприятий становилось все меньше, и лес начал смыкаться вокруг них.

— И как прореагировал Фортен?

— Он сказал, что отменяет выставку.

Гамаш вздохнул:

— Примите мои сожаления, Клара.

Он посмотрел на ее несчастное лицо — она сидела, уставившись перед собой. Глядя на нее, он вспомнил свою дочь Анни, с которой разговаривал предыдущим вечером. Усталая львица.

— А у вас как прошел день? — спросила Клара.

Они выехали на грунтовую дорогу, и машину потряхивало. Этой дорогой мало кто пользовался. В основном люди, которые знают, куда едут, или совершенно заблудились.

— Я думаю, продуктивно. Хочу у вас кое-что спросить.

— Спрашивайте.

Она явно почувствовала облегчение оттого, что ей есть чем еще занять себя, кроме поглядывания на часы: сколько там осталось до пяти?

— Что вы знаете об Эмили Карр?

— Вот уж никак не думала, что вы зададите мне такой вопрос. — Она улыбнулась, потом собралась с мыслями. — Мы в художественной школе занимались ее работами. Она стала громадным вдохновением для множества канадских художников. И определенно для женщин. Для меня.

— Каким образом?

— Она с одним только мольбертом заглядывала в такие дебри, куда не смел заходить никто другой.

— И со своей обезьянкой.

— Это эвфемизм, старший инспектор?

Гамаш рассмеялся:

— Нет. Продолжайте, пожалуйста.

— Она была очень независимой. И она развивалась как художник. Поначалу ее работы были ученическими. Дерево значило дерево, дом значил дом. Это даже напоминало фотографию. Знаете, она хотела передать, какими были хайда в их деревнях, прежде чем их уничтожили.

— Большинство ее картин было написано на островах Королевы Шарлотты, насколько я понимаю.

— Многие из ее знаменитых работ — да. В какой-то момент она поняла, что точной передачи того, что видит художник, недостаточно. И она пустилась во все тяжкие, отказалась от всех условностей и стала рисовать не то, что видит, а то, что чувствует. Ее высмеивали за это. По иронии судьбы, ее осмеянные работы сегодня — самые знаменитые ее творения.

Гамаш кивнул, вспоминая тотемные шесты на фоне обступившего их живого леса.

— Удивительная женщина.

— Я думаю, все это началось с жестоких слов, — сказала Клара.

— С чего?

— С жестоких слов. Это стало широко известным понятием в художественных кругах. Она была младшей из пяти дочерей и очень близкой с отцом. У них, несомненно, были замечательные отношения. Ничего выходящего за рамки любви и взаимопомощи.

— Вы хотите сказать, ничего сексуального.

— Ничего. Просто близкие отношения отца и дочери. А потом, когда ей было лет семнадцать-восемнадцать, что-то случилось и она ушла из дома. Она больше никогда не видела отца и не разговаривала с ним.

— И что же случилось? — спросил Гамаш, сбрасывая скорость.

Клара заметила это и бросила взгляд на часы: было почти без пяти пять.

— Никто этого не знал. Она никому не говорила. И ее семья тоже помалкивала. Но она вдруг из беззаботного, счастливого ребенка превратилась в озлобленную женщину. Очень одинокую и явно не очень привлекательную. Уже в конце жизни она написала письмо одному другу, в котором говорила, что ее отец сказал ей какие-то слова. Слова ужасные и такие, что невозможно простить.

— Жестокие слова.

— Так она их описала.

Они приехали. Машина остановилась перед ее домом, и они посидели молча некоторое время. Было пять минут шестого. Слишком поздно. Она, конечно, могла попробовать, но знала, что Фортен не ответит.

— Спасибо, — сказал Гамаш. — Вы мне очень помогли.

— И вы мне тоже.

— Хотелось бы, чтобы так оно и было. — Он улыбнулся ей.

И как это ни удивительно, ей вроде бы и в самом деле стало лучше. Клара вышла из машины, но вместо того, чтобы идти в дом, постояла какое-то время, а потом зашагала по тропинке. Вокруг деревенского луга. Она шла и шла, пока не вернулась туда, откуда начала. А шагая, она думала об Эмили Карр. И о насмешках, что терпела от владельцев галерей, критиков, общественности, которые боялись идти туда, куда она, Клара, звала их.

Все глубже и глубже в дебри.

Наконец Клара пришла к своему дому.

* * *

В Цюрихе была ночь, когда один коллекционер взял в руки старую маленькую резную скульптурку, за которую заплатил немалые деньги. Его убедили, что это великое произведение искусства и — что было еще важнее — отличное вложение денег.

Поначалу он выставил ее у себя дома. Потом его жена попросила убрать скульптурку. Куда подальше. Поэтому он поместил ее в свою частную галерею. Как-то раз он сидел там, попивая коньяк и разглядывая свои шедевры. Пикассо, родены, генри муры.

Но его взгляд постоянно возвращался к веселой маленькой скульптурке: лес, счастливые люди, строящие деревню. Поначалу она доставляла ему удовольствие, но теперь казалась пугающей. Он подумывал, не убрать ли ее еще дальше. Может быть, в кладовку.

Когда днем ему позвонили из полиции и спросили, не согласится ли он отправить резную скульптурку назад в Канаду, где ведется полицейское расследование, он отказался. Ведь в конечном счете она была выгодным вложением. А принудить его никто не мог. Он не совершил ничего противозаконного, и заставить его они не могли.

Однако брокер перенаправил ему две просьбы из полиции. Ответ на первую он знал, но все же взял скульптурку и посмотрел на ее ровное

основание. Никаких букв, никакой подписи. Ничего. Но второй запрос показался ему просто смешным. Тем не менее он попытался. Он уже собирался убрать скульптуру и ответить по электронной почте, что ничего подобного у себя не нашел, когда его глаза заметили что-то светлое среди темных сосен.

Он пригляделся. Там, в глубине леса, вдали от деревни, он обнаружил то, что искала полиция.

Крохотную деревянную фигурку. Юношу, совсем мальчика, прячущегося в лесу.

Глава тридцать первая

День клонился к вечеру. Агент Лакост уже ушла, а инспектор Бовуар и агент Морен докладывали о проделанной за день работе.

— Мы побывали у Парра, у Кмеников, у Маку. У всего чешского сообщества, — сказал Бовуар. — Безрезультатно. Никто не знал Отшельника, никто его не видел. Все они слышали об этом скрипаче… как его…

— Мартину, — подсказал Морен.

— …потому что он известный чешский композитор, но никто его в глаза не видел.

— Я связался с Институтом Мартину и еще попытался узнать, что можно, о предыстории местных чешских семей, — сказал Морен. — Они именно те, за кого себя выдают. Беженцы от коммунистического режима. Ничего другого. Я бы даже сказал, что они более законопослушные люди, чем большинство остальных. Никаких связей с Мартину.

Бовуар отрицательно покачал головой. Если инспектора выводила из себя ложь, то правда раздражала его еще больше. В особенности когда она оказывалась неудобной.

— Твое впечатление? — спросил Гамаш у агента Морена.

Прежде чем ответить, тот кинул взгляд на инспектора Бовуара.

— Я думаю, скрипка и музыка не имеют никакого отношения к людям, которые здесь живут.

— Возможно, ты прав, — согласился Гамаш, который знал, что, прежде чем найти убийцу, им придется заглянуть во множество пустых пещер. Видимо, это и была одна из таких пещер. — А что Парра? — спросил он, предвидя ответ.

Если бы что-то было, то Бовуар уже сказал бы ему.

— В их предыстории — ничего, — подтвердил Бовуар. — Однако…

Гамаш ждал.

— Вид у них был какой-то настороженный, взволнованный. Они удивились, узнав, что убитый был чехом. Все удивились.

— И что ты думаешь? — спросил Гамаш.

Бовуар провел усталой рукой по лицу.

— Не могу связать все это воедино, но, по-моему, здесь что-то есть.

— Ты полагаешь, тут существует какая-то связь? — не отступал Гамаш.

— А как же без этого? Убитый был чехом, нотные записи, бесценная скрипка, и здесь существует большое чешское сообщество, включая двоих человек, которые могли обнаружить хижину. Если только…

— Что?

Бовуар подался вперед, сцепил нервные руки на столешнице:

— Что, если мы ошибаемся? Что, если убитый не был чехом?

— Ты хочешь сказать, что Оливье лжет? — спросил Гамаш.

Бовуар кивнул:

— Он лгал во всем остальном. Может, он сказал это, чтобы сбить нас со следа. Чтобы мы подозревали других.

— Но как быть со скрипкой и музыкой?

— А что со скрипкой и музыкой? — Бовуар задумался на несколько секунд. — В хижине есть много других вещей. Возможно, Морен прав. — Впрочем, он произнес это тем же тоном, каким мог бы сказать, что, возможно, прав шимпанзе, то есть со смесью сомнения и благоговения, испытываемого свидетелем чуда. — Возможно, музыка и скрипка не имеют к этому никакого отношения. Там ведь были блюда и из России, а хрусталь — откуда-то еще. Эти предметы ни о чем нам не говорят. Он может быть кем угодно. У нас в подтверждение его чешского происхождения есть только слова Оливье. Может быть, Оливье и не лгал. Может быть, этот человек и в самом деле говорил с акцентом. Но не с чешским. Может, это был русский, или польский, или какой-то другой сходный акцент.

Гамаш откинулся на спинку стула, задумался, потом кивнул и подался вперед.

— Это вероятно. Но возможно ли?

Это была часть расследования, которая нравилась ему более всего и пугала его более всего. Пугал не загнанный в угол и опасный подозреваемый — пугала возможность того, что они повернут влево, тогда как должны были бы повернуть вправо. Или откажутся от версии, бросят многообещающий след. Или не заметят такового в стремлении к результату.

Нет, теперь он должен был двигаться с осторожностью. Как и любой искатель, он знал, что опасно не спускаться со скалы — опасно безнадежно заблудиться. Запутаться. Получить слишком много информации и в результате окончательно сбиться со следа.

В конечном счете расследование убийства неизменно давало сокрушительно простой ответ. Он всегда присутствовал, всегда был очевиден. Просто он прятался среди фактов, свидетельств, обманов и заблуждений следователей.

— Оставим это пока, — сказал Гамаш, — и не будем отказываться ни

от каких версий. Отшельник мог быть чехом, а мог и не быть. Но в любом случае содержимое его хижины сомнению не подлежит.

— А что сказала суперинтендант Брюнель? Есть ли среди этих вещей похищенные? — спросил Бовуар.

— Ничего такого она не нашла, но продолжает поиски. А Жером Брюнель занимался буквами, вырезанными на нижней стороне, и он считает, что это шифр Цезаря. Так называется один из видов шифра.

Гамаш объяснил, что такое шифр Цезаря.

— Значит, нам остается найти ключевое слово? — спросил Бовуар. — Это должно быть просто. «Воо».

— Нет. Это слово уже попробовали.

Бовуар подошел к листу бумаги, закрепленному на стене, и снял колпачок с маркера. Написал буквы алфавита. Затем его рука замерла.

— Как насчет скрипки? — спросил Морен.

Бовуар еще раз посмотрел на него, как смотрят на шимпанзе, проявившего неожиданную сообразительность. Написал на отдельном листе бумаги «скрипка». Потом добавил «Мартину» и «Богуслав».

— «Богемия», — предложил Морен.

— Неплохая мысль, — сказал Бовуар.

Не прошло и минуты, как у них уже было с десяток предложений. Они все их опробовали и ничего не нашли.

Бовуар с некоторым раздражением пощелкал по своему маркеру, разглядывая буквы алфавита, словно это они были виноваты во всем.

— Ну что ж, не оставляйте попыток, — сказал Гамаш. — Суперинтендант Брюнель пытается найти остальные резные скульптуры.

— Вы думаете, что его убили из-за них? — спросил Морен. — Из-за скульптурок?

— Может быть, — сказал Гамаш. — Есть немало людей, готовых на убийство ради таких ценных вещей.

— Но когда мы нашли хижину, там все оставалось в целости, — возразил Бовуар. — Если убийца находит хижину, находит хозяина и убивает его, то, по логике, он должен обыскать дом — разобрать его по бревнышку, чтобы найти скульптурки. Разве нет? И убийце особо не приходится беспокоиться о соседях.

— Может, он и собирался это сделать, но услышал, что возвращается Оливье, и ему пришлось ретироваться, — сказал Гамаш.

Бовуар кивнул. Он забыл о вернувшемся Оливье. Да, в этом был резон.

— Да, кстати, — сказал он, садясь. — Из лаборатории пришли результаты обследования резных инструментов и дерева. Они говорят, что

эти инструменты использовались для изготовления скульптур, но слово «Воо» было вырезано чем-то другим. Канавки не совпали, да и техника исполнения тоже иная. Явно сделано разными людьми.

Хоть какая-то определенность в этом деле была воспринята с облегчением.

— Но во всех случаях использовался красный кедр? — Гамаш хотел услышать подтверждение.

Бовуар кивнул:

— И они даже высказываются более определенно, по крайней мере в том, что касается словечка «Воо». По содержанию воды, насекомым, годовым кольцам и всяким другим параметрам они могут сказать, откуда это дерево.

Гамаш склонился над столом и написал на листе бумаги три слова. Он подтолкнул листок к Бовуару, тот прочитал и фыркнул:

— Вы звонили в лабораторию?

— Я разговаривал с суперинтендантом Брюнель.

Он рассказал им про обезьянку Воо и Эмили Карр. Про тотемные шесты племени хайда, вырезанные из красного кедра.

Бовуар посмотрел на лист бумаги, подсунутый ему шефом.

«Острова Королевы Шарлотты» — вот что там было написано.

Таким же было и заключение лаборатории. Дерево, на кусочке которого они обнаружили надпись «Воо», появилось в этом мире сотни лет назад на островах Королевы Шарлотты.

* * *

Габри шел, чуть ли не маршировал, по рю Дю-Мулен. Он принял решение и хотел добраться до места, прежде чем передумает, потому что весь день его решение менялось каждые пять минут.

С тех пор как старший инспектор Гамаш во время допроса вывел на чистую воду Оливье, который признался в том, что многое утаивал от своего партнера, Габри не обменялся с Оливье и десятком слов. Наконец он достиг цели своего похода — перед ним предстал во всем своем обновленном блеске старый дом Хадли. Теперь у главного входа висела деревянная доска, чуть покачивавшаяся на ветру. Надпись на ней гласила:

«Auberge et spa».[76]

Буквы были изящные, четкие, красивые. Именно такую вывеску он хотел заказать Старику Мюндену для их гостиницы, но всё руки не

доходили. Над буквами были вырезаны в ряд три сосны. Традиционные, памятные, классические.

Он и это хотел заказать для гостиницы. И по крайней мере, их гостиница действительно находилась в Трех Соснах. А этот дом витал где-то над деревней, не принадлежа ей.

Но теперь уже все равно было слишком поздно. И он пришел сюда не для того, чтобы искать какие-то недочеты. Напротив.

Габри поднялся на крыльцо и вдруг осознал, что на этом самом месте стоял и Оливье с телом. Он попытался прогнать этот навязчивый образ. Его добрый, тихий, нежный Оливье. Как он мог совершить такую мерзость?

Габри позвонил и замер в ожидании. Обратил внимание на блестящую медь ручки, стекло с декоративной обработкой кромки и свежую красную краску на двери. Приятно и привлекательно.

— Bonjour.

Дверь открыла Доминик Жильбер. На ее лице застыло выражение вежливой подозрительности.

— Мадам Жильбер? Мы встречались в деревне, когда вы только приехали. Меня зовут Габриэль Дюбо.

Он протянул свою большую ладонь, и они обменялись рукопожатием.

— Я вас знаю. Вы хозяин этой маленькой замечательной гостинички.

Габри чувствовал, когда его хотят умаслить, — сам прибегал к таким приемам. Тем не менее услышать комплимент было приятно, и Габри никогда этому не противился.

— Да, это я. — Он улыбнулся. — Но наша гостиница не идет ни в какое сравнение с тем, что сделали здесь вы. Это поразительно.

— Войдете?

Доминик посторонилась, и Габри вошел в большую прихожую. Когда он был здесь в предыдущий раз, это был не дом, а руины, как и он сам. Но старого дома Хадли больше не существовало — это было ясно. Трагедия, вздох на холме превратились в улыбку. Приветливая, изящная, приятная гостиница. Он бы и сам отдохнул здесь, чтобы прийти в себя. Спрятаться от всех.

Он подумал о своей гостинице, уже требовавшей ремонта. То, что недавно казалось удобным, очаровательным, привлекательным, теперь стало поблекшим. Как состарившаяся великосветская дама. Кто поедет в гости к тетушке, когда можно остановиться в гостинице со спа-салоном у таких замечательных ребят?

Оливье был прав. Это конец.

И, глядя на дружелюбную, уверенную в себе Доминик, Габри понимал:

она своего добьется. Она была рождена для успеха, для побед.

— Мы все собрались в гостиной — выпиваем. Хотите к нам присоединиться?

Он хотел было отказаться. Он ведь пришел для того, чтобы сказать Жильберам всего несколько слов и тут же уйти. Это не был приход в гости. Но она уже повернулась, приняв его молчание за согласие и пошла в дом через большую арку.

Но, несмотря на легкое изящество этого дома и этой женщины, он чувствовал здесь какую-то ущербность.

Он на ходу разглядывал хозяйку дома. Тонкая шелковая блуза, шикарные брюки-слаксы, свободный шарфик. И запах. Что это за запах?

Наконец он узнал его и улыбнулся. От хозяйки этого замка пахло не «шанелью», а лошадьми. И не просто лошадьми — он отчетливо ощутил едкий запах конского навоза.

Настроение Габри улучшилось. В его гостинице хотя бы пахло горячими сдобными булочками.

— Это Габриэль Дюбо, — сообщила Доминик присутствующим в комнате.

Горели дрова в камине, и перед ним, глядя в огонь, стоял пожилой человек. Кароль Жильбер сидела в кресле, а Марк стоял у подноса с напитками. Все повернулись в сторону Габри.

* * *

Старший инспектор Гамаш еще не видел бистро таким пустым. Он сел в кресло у огня, и Хэвок Парра принес ему выпивку.

— Спокойный вечер? — спросил Гамаш, когда молодой человек поставил перед ним порцию виски и тарелочку с квебекским сыром.

— Мертвый, — ответил Хэвок и чуть зарделся. — Но может, люди еще подтянутся.

Они оба знали, что ничего такого не случится. Было половина седьмого — самый пик коктейлей и предобеденной суеты. В большом зале сидели два других посетителя, а в ожидании застыл небольшой взвод официантов. В ожидании сутолоки, которая никогда не наступит. Во всяком случае, не в этот вечер. А может быть, вообще никогда больше.

Три Сосны многое прощали Оливье. Труп, обнаруженный в его бистро, списали на невезение. Даже тот факт, что Оливье знал Отшельника и его хижину, не стал поводом для отчуждения. Хотя это и было нелегко.

Но Оливье любили, а любовь склонна прощать. Они даже простили ему то, что он подбросил тело в дом Жильберов. Этот поступок был воспринят как помутнение мозгов.

Но любовь прошла, когда они узнали, что Оливье тайно зарабатывал миллионы долларов на Отшельнике, вероятно давно спятившем. И делал это на протяжении многих лет. А потом потихоньку скупил чуть ли не все Три Сосны. Он был арендодателем Мирны, Сары и месье Беливо.

Деревушка превратилась в Оливьевиль, и жители начали испытывать беспокойство. Человек, которого, как им думалось, они хорошо знали, оказался чужаком.

— Оливье здесь?

— Он в кухне. Отпустил шеф-повара и решил сегодня готовить сам. Вы знаете, он ведь удивительный повар.

Гамаш это знал — он много раз вкушал плоды кулинарного искусства Оливье. Но еще он знал, что решение заняться готовкой позволяло Оливье спрятаться от людских глаз. В кухне. Где он не видел обвиняющих, огорченных лиц людей, которые были его друзьями. А может, и того хуже: не видел пустых столов, за которыми прежде сидели его друзья.

— Не могли бы вы попросить его выйти ко мне?

— Постараюсь.

— Пожалуйста.

Одним этим словом старший инспектор давал понять, что хотя внешне это и выглядит как вежливая просьба, на самом деле таковой не является. Несколько минут спустя Оливье опустился на стул напротив Гамаша. Им можно было не перешептываться — в бистро теперь никого не было.

Гамаш подался вперед, отхлебнул виски, внимательно посмотрел на Оливье.

— Что вам говорит имя Шарлотта?

Брови Оливье удивленно взметнулись.

— Шарлотта? — Он задумался на несколько секунд. — Никогда не был знаком ни с одной Шарлоттой. Когда-то знал одну девчонку по имени Шарли.

— Отшельник никогда не называл этого имени?

— Он вообще не называл никаких имен.

— А о чем вы говорили?

Оливье снова услышал голос убитого, не низкий, но странным образом успокаивающий.

— Мы разговаривали про огороды, строительство, водопроводы. Он учился у римлян, греков, первых поселенцев. Это было очаровательно.

Не в первый раз Гамаш пожалел, что в той хижине не было третьего стула — для него.

— А про шифр Цезаря он никогда не говорил?

И опять Оливье удивленно посмотрел на него, потом отрицательно покачал головой.

— А про острова Королевы Шарлотты? — спросил Гамаш.

— В Британской Колумбии? С чего бы это мы стали о них говорить?

— Вы не знаете, есть ли в Трех Соснах кто-нибудь из Британской Колумбии?

— Люди приехали сюда из самых разных мест. Но чтобы кто-то приехал из Британской Колумбии — я такого не слышал. А что?

Гамаш вытащил скульптуры и поставил их на стол так, что корабль уплывал от сыра, а слезящийся сыр преследовал его.

— А то, что вот это из Британской Колумбии. По крайней мере, дерево именно оттуда. Это красный кедр с островов Королевы Шарлотты. Давайте еще раз с самого начала, — спокойно сказал Гамаш. — Расскажите мне, что вы знаете об этих скульптурах.

Оливье смотрел с бесстрастным выражением. Гамаш знал этот взгляд. Это был взгляд лжеца, пойманного на обмане. Лжеца, пытающегося найти выход, заднюю дверь, щелочку. Гамаш ждал. Он отхлебнул виски и размазал немного сыра по превосходному ореховому хлебу. Положив его перед Оливье, он то же самое приготовил для себя. Потом в ожидании ответа принялся есть.

— Их вырезал Отшельник, — сказал Оливье ровным безразличным голосом.

— Вы это уже нам говорили. Еще вы говорили, что некоторые из этих вещиц он давал вам, но вы закидывали их в лес.

Гамаш ждал, зная, что остальное последует именно сейчас. Он посмотрел в окно и увидел Рут, выгуливающую Розу. На утке по какой-то причине был крохотный красный плащик.

— Я их не выбрасывал. Оставлял, — прошептал Оливье, и мир за кругом света из камина, казалось, исчез. Ощущение было такое, будто эти двое сидят каждый в своей маленькой хижине. — Я ходил к Отшельнику уже около года, когда он дал мне первую вещицу.

— Вы не помните, что это было?

— Холм с деревьями. Даже скорее гора. И лежащий на ней мальчик.

— Вот эта? — Гамаш достал фотографию, которую ему дала Тереза Брюнель.

Оливье кивнул:

— Я помню это довольно ясно, потому что я не знал, что Отшельник делает такие штуки. Его хижина была наполнена изумительными вещами, но созданными другими людьми.

— И что вы сделали с этой скульптурой?

— Какое-то время хранил у себя, но мне приходилось прятать ее от Габри, иначе он начал бы задавать вопросы. И тогда я решил, что проще ее продать. Вот и выставил ее на продажу на интернет-аукцион. Она ушла за тысячу долларов. Потом мне позвонил дилер. Сказал, что у него есть покупатели, если у меня найдутся еще такие же вещи. Я думал, он шутит. Но когда восемь месяцев спустя Отшельник вручил мне еще одну скульптурку, я вспомнил о том дилере и связался с ним.

— Это был Дени Фортен?

— Владелец галереи, который предлагает устроить выставку Кларе? Нет. Это был кто-то из Европы. Могу вам дать его координаты.

— Это будет полезно. Что представляла собой вторая скульптурка?

— Ничего особенного. Простенькая. Все на поверхности. Я был немного разочарован. Лес. Но если приглядеться, то увидишь ниточку людей, идущих под кронами.

— И среди них мальчик?

— Какой мальчик?

— Тот, что с горы.

— Нет, это была другая скульптура.

— Я это понимаю, — сказал Гамаш, спрашивая себя, ясно ли он выражается. — Но представляется вероятным, что Отшельник в каждой из своих скульптур вырезал одни и те же фигуры.

— Мальчика?

— И людей. Что-нибудь еще?

Оливье задумался. Было и еще что-то. Тень над деревьями. Что-то маячило за ними. Что-то поднималось. И Оливье знал, что это такое.

— Нет, ничего. Только лес и люди в нем. Дилер проявил большой интерес.

— Сколько вы за нее получили?

— Пятнадцать тысяч. — Он полагал, что Гамаш будет потрясен.

Но выражение лица Гамаша ничуть не изменилось, и Оливье поздравил себя с тем, что сказал правду. Было ясно, что старший инспектор и без Оливье знает ответ на этот вопрос. Говорить правду было сродни лотерее. Как и говорить ложь. Оливье давно пришел к выводу, что лучше смешивать одно с другим в равных пропорциях.

— Сколько скульптурок он изготовил?

— Я думал, что восемь, но теперь, когда вы показали мне эти, получается, что десять.

— И все те, что он вам дал, вы продали?

Оливье кивнул.

— Вы говорили, что он начал давать вам другие свои вещицы за еду. Куда вы их девали?

— Отвозил в магазин антиквариата на рю Нотр-Дам в Монреале. Но потом, поняв, что это ценные вещи, я нашел частных дилеров.

— Кого?

— Я давно с ними не контактировал. Нужно посмотреть в моих записях. Это люди из Торонто и Нью-Йорка. — Он откинулся на спинку стула и обвел глазами пустой зал. — Видимо, мне следует отпустить на сегодня Хэвока и остальных.

Гамаш хранил молчание.

— Как вы думаете, люди сюда вернутся?

Старший инспектор кивнул:

— Их расстроило то, что вы сделали.

— Я? Марк Жильбер поступил куда хуже. Будьте с ним осторожны. Он совсем не такой, каким кажется.

— И вы тоже, Оливье. Вы все время лгали. Возможно, вы лжете и теперь. Я сейчас задам вам один вопрос и прошу трижды подумать, прежде чем ответить.

Оливье кивнул и выпрямился.

— Был ли Отшельник чехом?

Оливье тут же открыл рот, но Гамаш быстро поднял руку, останавливая его:

— Я просил вас трижды подумать, прежде чем ответить. Взвесьте всё. Не могли ли вы ошибиться? Может быть, никакого акцента не было? — Гамаш внимательно смотрел на собеседника. — Может быть, он говорил с акцентом, но не чешским. Может быть, чешский акцент — это только ваше предположение. Подумайте хорошенько, прежде чем ответить.

Оливье уставился на крупную неподвижную руку Гамаша, а когда она опустилась, перевел взгляд на его лицо.

— Тут ошибки быть не может. Я слышал немало чехов за последние годы — у меня друзья и соседи чехи. Он был чехом.

Это было сказано с большей определенностью, чем все, что говорил Оливье Гамашу с начала расследования. И все же Гамаш продолжал смотреть на этого стройного человека. Он разглядывал его рот, глаза, морщинки на лбу, цвет кожи. Наконец старший инспектор кивнул.

— Холодный вечер, — сказала Рут, плюхаясь на стул рядом с Гамашем и больно ударив его по коленке своей запачканной грязью тростью. — Извините, — сказала она и ударила его еще раз.

Она совершенно не обратила внимания ни на разговор между Гамашем и Оливье, в который вмешалась, ни на напряжение, возникшее между ними. Она перевела взгляд с одного на другого.

— Ну, хватит этой веселой болтовни. Вы можете поверить в то, что Оливье сделал с телом? Его идиотизм затмевает даже ваш собственный. Дает мне представление о бесконечности. Ощущение почти духовное. Сыр?

Она взяла последний кусочек сыра и потянулась за виски Гамаша, но он успел первым. Появилась Мирна, за ней Клара и Питер, которые рассказали всем о Дени Фортене. Все выразили Кларе сочувствие и сошлись на том, что она поступила правильно. Потом они пришли к выводу, что утром она должна позвонить Фортену и попросить прощения. Потом решили, что делать это все же не стоит.

— Я видела на лугу Розу, — сказала Клара, спеша сменить тему. — Она просто красавица в этом плащике.

Она удивилась, увидев на утке непромокаемый плащ, но потом решила, что Рут просто приучает Розу к ношению одежды.

Разговор неминуемо вернулся к Оливье и Отшельнику, мертвому и живому. Рут наклонилась и взяла Оливье за руку:

— Ничего страшного, дорогой, мы все знаем, что ты жадный. — Потом она посмотрела на Клару. — А ты бедная, а Питер мелочный, а наш Клузо, — она повернулась к Гамашу, — спесивый. А ты… — Она повернулась к Мирне, потом снова посмотрела на Оливье. — А кто это вообще? Она постоянно ошивается где-то поблизости.

— Ты отвратительная, выжившая из ума, пьяная старуха, — сказала Мирна.

— Я еще не пьяна.

Они допили заказанное и ушли, но прежде Рут передала Гамашу аккуратно сложенный и разглаженный по краям листок бумаги.

— Передай это тому пареньку, который вечно ходит за тобой следом.

Оливье смотрел из окна на Розу, которая неподвижно сидела на травке в ожидании Рут. А того, кого хотел увидеть Оливье, за окном не было.

* * *

Габри любопытнее всего было встретиться со святым. Винсентом Жильбером. Мирна побаивалась его, а в мире было не так уж много людей, которых она побаивалась. Старик Мюнден и Жена сказали, что его книга «Бытие» и его работа в Лапорте изменили их жизнь. И само собой разумеется, жизнь Шарли.

— Bonsoir, — нервно поздоровался Габри.

Он посмотрел на Винсента Жильбера. Воспитанный в католической вере, Габри провел бесконечные часы в церквях, где на витражных окнах были показаны мученические жизни и величественные смерти святых. Отойдя от церкви, он взял с собою одно: уверенность в том, что святые были хорошими ребятами.

— Что вы хотите? — спросил Марк Жильбер.

Он, его жена и мать стояли у дивана, образуя полукруг. Его отец, словно космический спутник, находился на отдаленной орбите. Габри ждал, что Винсент Жильбер успокоит сына, скажет, что гостя нужно встречать вежливо. Урезонит его.

Жильбер-старший молчал.

— Итак? — сказал Марк.

— Я приношу извинения, что не пришел познакомиться с вами раньше.

Марк фыркнул:

— Тут уже приезжал «Уэлкам вэгон»[77] и оставил нам посылочку.

— Марк, прошу тебя, — сказала Доминик. — Он наш сосед.

— Не по нашему выбору. Будь это в его власти, нас бы давно уже здесь не было.

И Габри не стал это отрицать. Это было верно. Их неприятности начались с появлением Жильберов. Но вот они обосновались здесь, и теперь что-то нужно было сказать.

— Я пришел извиниться, — сказал он, стоя в свой полный рост в шесть футов один дюйм. — Мне жаль, что я не сумел оказать вам надлежащее гостеприимство. И примите мои извинения в связи с подброшенным телом.

Да, это явно было неубедительно, как он того и опасался. Но по меньшей мере, он надеялся, что голос его звучал искренне.

— А почему сюда не пришел Оливье? — спросил Марк. — Не вы это сделали — с чего это вы извиняетесь?

— Марк, ну в самом деле, — сказала Доминик, — ты разве не видишь, как ему трудно это дается.

— Не вижу. Возможно, его подослал Оливье в надежде, что нас

удастся убедить не подавать заявления в суд. Или не говорить всем, какой он псих.

— Оливье не псих, — сказал Габри, чувствуя, как у него начинает все дрожать внутри. — Он замечательный человек. Вы просто его не знаете.

— Это вы его не знаете, если говорите, что он замечательный. Разве станет замечательный человек подбрасывать труп в дом соседа?

— И это говорите вы!

Они встали друг против друга.

— Я не подбрасывал тело в частный дом, где оно могло до смерти напугать хозяев. Вот ведь в чем ужас.

— Оливье был спровоцирован на это. Он пробовал завязать с вами дружбу, когда вы только здесь появились, но потом вы попытались переманить наш персонал и открыть этот огромный отель и спа-салон.

— Десять номеров — что тут огромного?

— В Монреале — да, это капля в море. Но здесь у нас маленькая деревня. Мы долгое время жили себе тихо-спокойно. Вы приехали, и все это закончилось. Вы не сделали никаких попыток вписаться в нашу жизнь.

— Под «вписаться» вы имеете в виду посыпать голову пеплом и благодарить вас за то, что вы позволили нам жить здесь? — спросил Марк.

— Нет, я имею в виду проявить уважение к заведенному здесь порядку. К тому, над созданием чего люди трудились долгие годы.

— Вы что, хотите поднять разводной мост? — с отвращением сказал Марк. — Запереться в замке и никого в него не впускать?

— Это неправда. Большинство людей в Трех Соснах приезжие.

— Но вы принимаете только тех, кто следует вашим правилам. Кто делает то, что вас устраивает. Мы приехали сюда, чтобы осуществить нашу мечту, а вы возражаете против этого. Почему? Потому что это противоречит вашим интересам. Вы чувствуете в том, что мы делаем, угрозу, а потому хотите выставить нас отсюда. Да вы просто бандиты с вежливыми физиономиями!

Марк чуть ли не брызгал слюной.

Габри удивленно уставился на него:

— Но вы ведь не ждете, чтобы мы тут обрадовались тому, что вы делаете, верно? Почему вы приехали и намеренно огорчали людей, которые стали вашими соседями? Вы не хотели, чтобы мы были вашими друзьями? Вы должны были предвидеть такую реакцию Оливье.

— Предвидеть что? Что он подбросит труп в наш дом?

— Это отвратительно. Я вам уже сказал об этом. Но вы его спровоцировали. Всех нас спровоцировали. Мы хотели стать вашими

друзьями, но вы воспротивились этому.

— Значит, вы готовы дружить с нами до определенной черты, да? Пока наши успехи скромны? Пока посетителей у нас немного, пока процедуры принимают единицы? Пока у нас маленький ресторанчик, если нам повезет? И никакой конкуренции с вами и Оливье?

— Верно, — сказал Габри.

Марк не нашел что на это сказать.

— Послушайте, как вы думаете, почему мы не делаем круассаны? — продолжил Габри. — Или пироги? И вообще какую-либо выпечку? Ведь мы могли бы. Я люблю этим заниматься. Но когда мы приехали, здесь уже работала пекарня Сары. Сара всю жизнь прожила в этой деревне. Эта пекарня принадлежала еще ее бабке. Поэтому мы вместо пекарни открыли бистро. И все наши круассаны, пироги и хлеб делает Сара. Мы приспособили наши мечты к уже существующим здесь, сбывшимся. Для нас было бы дешевле и интереснее самим заниматься выпечкой, но смысл же не в этом.

— А в чем? — впервые подал голос Винсент Жильбер.

— Смысл не в том, чтобы заработать состояние, — сказал Габри, с благодарностью поворачиваясь к нему. — А в том, чтобы знать, что такое «достаточно». Быть счастливым.

Наступило молчание, и Габри в душе поблагодарил святого, который дал ему эту возможность воззвать к разуму.

— Может быть, вам стоит напомнить об этом вашему партнеру, — сказал Винсент Жильбер. — Говорите вы замечательные вещи, только сами живете по другим принципам. Вздумали обвинять моего сына. Свое поведение вы считаете нравственным, дружелюбным, человечным, а знаете, что это на самом деле?

Винсент Жильбер вплотную подошел к Габри, который при этом словно уменьшился в размерах, тогда как Жильбер увеличился.

— Это эгоизм, — прошипел Жильбер. — Мой сын проявлял терпение. Он нанял местных людей, создал рабочие места. Это место предназначено для исцеления, а вы не только пытаетесь уничтожить Марка, вы еще пытаетесь сделать его виноватым.

Винсент встал рядом со своим сыном, обретя наконец это ощущение семейного единства.

Габри больше нечего было сказать, и он ушел.

Он направлялся назад в деревню, а в окнах дома на холме сиял свет. Над его головой утки клином летели на юг, подальше от убийственного холода, который наступал на Канаду. Габри присел на пенек у обочины

дорожки, глядя на закат, думая о les temps perdus;[78] он чувствовал себя очень одиноким, не имея даже веры в святых в качестве утешения.

* * *

На стол принесли пиво для Бовуара, а Гамаш вертел в руке стакан с виски. Они устроились на удобных стульях и принялись изучать меню. В бистро было пусто. Питер, Клара, Мирна и Рут — все ушли, и Оливье удалился в кухню. Хэвок, последний из оставшихся официантов, принял заказ и ушел, оставив их говорить.

Гамаш надломил небольшую французскую булку и рассказал своему подчиненному о разговоре с Оливье.

— Значит, он продолжает утверждать, что Отшельник был чехом. Вы ему верите?

— Верю, — сказал Гамаш. — По крайней мере, я верю, что Оливье убежден в этом. Есть какой-нибудь прогресс с шифром Цезаря?

— Ни малейшего.

Они оставили все попытки, после того как попробовали подставлять свои собственные имена. Оба испытали некоторое облегчение, когда из этого ничего не получилось.

— Что случилось? — спросил Гамаш.

Бовуар откинулся на спинку стула и швырнул салфетку на стол.

— Просто я разочарован. Впечатление такое, что каждый раз, когда мы добиваемся какого-то прогресса, все опять уходит в песок. Мы до сих пор не знаем даже имени убитого.

Гамаш улыбнулся. Это затруднение возникало у них каждый раз. Чем глубже расследовалось дело, тем больше улик появлялось. Потом наступало время, когда раздавалось что-то вроде воя, словно они ухватили что-то безумное, с воплем осыпавшее их уликами. Гамаш знал, что это крик чего-то загнанного в угол и испуганного. Они входили в последний этап расследования. Скоро улики, части целого, прекратят сопротивление и начнут выдавать убийцу. Они были близки.

— Кстати, завтра я уезжаю, — сказал старший инспектор, когда Хэвок принес закуски и ушел.

— Назад в Монреаль?

Бовуар подцепил вилкой кальмара, поджаренного на открытом огне, а Гамаш принялся за грушу с сыровяленой ветчиной.

— Чуть дальше. На острова Королевы Шарлотты.

— Вы шутите? В Британскую Колумбию? Почти на Аляску? Из-за обезьянки по кличке Boo?

— Ну, можешь сказать и так, если хочешь…

Бовуар развернул поджаренный кусочек кальмара и окунул его в чесночный соус.

— Voyons, вам не кажется, что это уже крайности?

— Нет, не кажется. В этом деле все время повторяется имя Шарлотта. — Гамаш потер кончики пальцев. — Первое издание Шарлотты Бронте, первое издание «Паутинки Шарлотты», панель из Янтарной комнаты, сделанная для принцессы по имени Шарлотта. Записка о скрипке, которую хранил Отшельник, была написана Шарлоттой. Я пытался сообразить, что они все значат — эти бесконечные Шарлотты, и вот сегодня суперинтендант Брюнель дала мне ответ. Острова Королевы Шарлотты. Где писала свои картины Эмили Карр. Откуда привозилось дерево для резьбы. Может быть, это тупик, но с моей стороны было бы глупо не потянуть за эту ниточку.

— Но кто тянет за эту ниточку — вы или убийца? Я думаю, они уводят вас в сторону. Я думаю, убийца здесь — в Трех Соснах.

— И я тоже так думаю, но я считаю, убийство началось на островах Королевы Шарлотты.

Бовуар раздраженно выдохнул:

— Вы берете несколько улик и складываете их так, чтобы они отвечали вашей гипотезе.

— И что ты предлагаешь?

Теперь Бовуару нужно было проявлять осторожность. Старший инспектор Гамаш был не только его начальником. Между ними возникли человеческие отношения, каких у Бовуара не было ни с кем прежде. И он понимал, что терпению Гамаша есть предел.

— Я думаю, человек видит то, что хочет видеть. Вы видите то, чего нет.

— Ты хочешь сказать, то, что не очевидно.

— Нет, я хочу сказать, то, чего нет. Прийти к какому-то заключению — это еще не значит скакнуть на конец света, но вы собираетесь прыгнуть именно туда, и к чему это вас приведет? К концу этого долбаного света, сэр.

Бовуар кинул взгляд в окно, стараясь остыть. Хэвок взял их тарелки, и Бовуар, прежде чем продолжить, дождался, когда тот уйдет.

— Я знаю, вы любите историю, литературу, искусство, и хижина Отшельника, вероятно, могла показаться вам настоящим кондитерским магазином для гурманов, но я думаю, вы в этой ситуации видите гораздо

больше, чем есть на самом деле. Я думаю, вы усложняете. Вы знаете, что я пойду за вами хоть на край света. Мы все пойдем. Вы только скажите. Но даже вы можете совершать ошибки. Вы всегда говорите, что мотивы убийства в конце концов оказываются проще пареной репы. Что эти мотивы эмоциональны. Эта эмоция находится здесь. Как и убийца. У нас есть немало ниточек, кроме обезьянки, куска дерева и забытых Богом островов у черта на куличках.

— Ты закончил? — спросил Гамаш.

Бовуар расправил плечи и глубоко вздохнул:

— У меня еще найдется что сказать.

Гамаш улыбнулся:

— Я с тобой согласен, Жан Ги: убийца находится здесь. Кто-то из местных жителей знал Отшельника, и кто-то из них убил его. Ты прав. Когда удается отслоить всю шелуху, мотивы и в самом деле оказываются просты. Некто завладевает старинными вещами, которые стоят целое состояние. Может быть, он их украл. Он хочет спрятаться, а потому приходит в эту деревню, о которой никто не знает. Но даже этого недостаточно. Он делает еще один шаг и строит себе хижину в лесу. Может быть, он прячется от полиции? Не исключено. От чего-то или кого-то похуже? Я думаю — да. Но одному ему с этим не совладать. Если забыть обо всем остальном, ему требовались новости. Ему нужны были глаза и уши во внешнем мире. И потому он рекрутировал Оливье.

— Почему его?

— Рут сказала об этом сегодня.

— «Еще виски, задница»?

— Да, и это тоже. Но она сказала, что Оливье жадный. Так оно и есть. Таким же был и Отшельник. Возможно, в Оливье он увидел самого себя. Ту же жадность. То же желание владеть. И он знал, что у него есть рычаг влияния на Оливье. Он обещал ему все новые и более дорогие вещи. Но за прошедшие годы что-то случилось.

— Он рехнулся?

— Может быть. Или наоборот. Он был сумасшедшим, а потом выздоровел. Хижина, которую он себе выстроил, стала его домом, прибежищем. Ты это почувствовал. В жизни Отшельника было какое-то умиротворение, даже утешение. Он вел простой образ жизни. Кто из нас не жаждет этого в наше сумасшедшее время?

Принесли обед, и настроение Бовуара улучшилось, когда перед ним на столе появилась ароматная говядина по-бургундски. Он посмотрел на старшего инспектора, который улыбался, глядя на принесенный ему омар

«термидор».

— За простую жизнь в лесу! — Бовуар поднял свой бокал с красным вином, шутливо предлагая выпить за это.

Гамаш чокнулся своим бокалом с белым вином с бокалом инспектора, потом подцепил на вилку сочный кусок омара. Он ел, вспоминая свои первые минуты в хижине Отшельника. И то мгновение, когда он понял, что перед ним — сокровища. Причем эти сокровища имели свое назначение, будь то практическое или духовное, как книги или скрипка.

Но была одна вещь. Одна вещь, у которой вроде бы не было назначения.

Гамаш медленно положил вилку и посмотрел куда-то за спину Бовуара. Через несколько секунд инспектор тоже положил вилку и оглянулся. Там ничего не было — только пустой зал.

— Что такое?

Гамаш поднял палец, призывая к тишине. Затем он залез в нагрудный карман, вытащил авторучку и блокнот и быстро написал что-то, словно боялся, что мысль ускользнет от него. Бовуар напряг глаза, пытаясь прочесть, что там написал Гамаш. Удивился, когда разобрал.

В блокноте появилась строка с алфавитом.

Бовуар молча следил, как его шеф пишет строку ниже алфавита. Его глаза распахнулись от удивления. Он удивлялся собственной глупости. Как он мог не заметить столь очевидного?

Под строкой алфавита старший инспектор Гамаш написал слово ШЕСТНАДЦАТЬ.

— Номер над дверью хижины, — прошептал Бовуар, словно тоже боялся спугнуть эту важную улику.

— Какие там были буквы? — быстро спросил Гамаш.

Ему было невтерпеж получить результат.

Бовуар порылся в своем кармане и тоже вытащил блокнот.

— ИРБЬЯГГР под скульптурой с людьми на берегу. А на скульптуре с парусником — НЭШЬШ.

Он стал наблюдать за попыткой Гамаша расшифровать послание Отшельника.

А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я

Ш, Е, С, Т, Н, А, Д, Ц, А, Т, Ь, А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф

Гамаш читал буквы, находя их одну за другой. Получалась какая-то абракадабра.

— Что это значит? Имя? Может, чешское?

— Может, это анаграмма? — сказал Гамаш. — Нужно переставить буквы.

Несколько минут они переставляли буквы, не забывая и об обеде. Наконец Гамаш отложил ручку и покачал головой:

— А я уж подумал, что нашел.

— Может, и нашли, — сказал Бовуар, не желая так легко сдаваться.

Он тоже написал несколько букв, попробовал другие варианты. Переставил буквы — и все-таки вынужден был прийти к тому же выводу, что и его шеф.

Значит, ключевое слово было не «шестнадцать».

— И все же, — сказал Бовуар, макая кусочек французской булки с хрустящей корочкой в подливку, — не могу понять, почему там эти цифры.

— Может быть, какие-то вещи не имеют никакой цели, — сказал Гамаш. — Может быть, в этом и состоит их цель.

Но для Бовуара это было слишком уже сложно. Как и аргументация старшего инспектора по поводу островов Королевы Шарлотты. На самом деле Бовуар даже не считал это аргументацией. В лучшем случае это была интуиция старшего инспектора, в худшем — ошибочное предположение. Возможно даже, на это его навел сам убийца.

Единственное, что возникало перед мысленным взором Бовуара, когда он слышал об этих островах на другом конце страны, были густые леса, горы и бесконечные просторы серой воды. Но главным образом — туман.

И в этот туман собирался в одиночестве отправиться Арман Гамаш.

— Да, чуть не забыл. Мне это дала Рут Зардо. — Гамаш протянул Бовуару сложенный лист бумаги.

Бовуар развернул его и прочел вслух:

и за загривок нежно поднимет твою душу
и осторожно в темень рая отнесет.

По крайней мере, на этот раз в конце предложения стояла точка. Неужели это последнее послание?

Глава тридцать вторая

К вечеру Арман Гамаш добрался до островов, совершив несколько пересадок на все более маленькие самолеты; последний из них, поднявшийся со взлетной полосы Принс-Руперта, был не более чем фюзеляжем, в который он втиснул свое крупное тело.

Крохотный самолет летел над архипелагом у северного берега Британской Колумбии, а Гамаш сверху разглядывал ландшафт — горы да густые древние леса. Эти острова тысячи лет были скрыты от человеческих глаз за туманом, почти таким же густым, как и леса. Архипелаг оставался изолированным. Но он вовсе не был необитаем. В этом котле появились крупнейший в мире черный медведь и самая мелкая сова. Здесь кипела жизнь. Да и первые люди были обнаружены здесь вороном в гигантской двустворчатой раковине у оконечности одного из островов. Так в соответствии с самой достоверной из их легенд творения появился здесь народ хайда. И совсем недавно на острове были замечены лесорубы. Их появление не было частью творения. Они вгляделись в плотный туман и увидели за ним деньги. Они появились на островах Королевы Шарлотты около века назад и даже внимания не обратили на это чудо природы — их интересовало только сокровище. Древние леса красного кедра. Эти деревья ценились за их долговечность — они были высокими и стройными еще до рождения королевы Шарлотты и ее брака с безумным монархом. Но теперь они упали под напором пилы и стали дранкой, досками, сайдингом. И десятью маленькими резными скульптурками.

Мягко приводнившись, молодой пилот помогла крупному пассажиру выбраться из самолета.

— Добро пожаловать на Хайда-Гуаи,[79] — сказала она.

Когда Гамаш этим утром пробудился в Трех Соснах и обнаружил в кухне едва проснувшегося Габри, который готовил маленький завтрак, чтобы Гамаш съел его в машине по пути в Монреальский аэропорт, старший инспектор ничего не знал об этих островах на другом конце света. Но во время долгого полета из Монреаля в Ванкувер, потом в Принс-Руперт и в деревню Королевы Шарлотты он читал об островах и потому знал это их название — Хайда-Гуаи.

— Спасибо, что привезли меня на вашу родину.

Глубокие карие глаза пилота смотрели на него подозрительно, что, впрочем, было вполне объяснимо. Прибытие еще одного бледнолицего

средних лет в костюме-двойке всегда было плохим знаком. Чтобы знать это, вовсе не обязательно было принадлежать к племени хайда.

— Вы, вероятно, старший инспектор Гамаш?

К Гамашу по пристани приближался крепко сложенный черноволосый человек с кожей цвета красного кедра. Они обменялись рукопожатием.

— Сержант Миншолл, Королевская канадская конная полиция. Мы с вами переписывались.

Голос у него был низкий и слегка певучий. Он был хайда.

— Ah, oui, merci. Спасибо, что встретили самолет.

Сержант взял у пилота командировочную сумку Гамаша и набросил себе на плечо. Поблагодарив летчицу, которая проигнорировала их, двое мужчин направились к концу пристани, потом вверх по пандусу и дальше по дороге. Воздух здесь был морозный, и Гамаш не мог не вспомнить, что это место ближе к Аляске, чем Ванкувер.

— Я вижу, вы к нам ненадолго.

Гамаш посмотрел на океан и понял, что материк исчез. Нет, даже не исчез — его не существовало вообще. Материк был только здесь, под их ногами.

— Я бы и рад задержаться подольше. У вас тут так красиво. Но нужно возвращаться.

— Ясно. Я устроил для вас комнату в охотничьем домике. Думаю, вам понравится. Вы, вероятно, знаете, что на островах Королевы Шарлотты людей немного. Тысяч пять. Половина из них хайда, а другая, — он запнулся, — нет. Сюда приезжает немало туристов, но сейчас сезон уже на исходе.

Они замедлили шаг, а теперь совсем остановились. Позади остались магазин скобяных изделий, кофейня, маленькое здание со скульптурой русалки перед входом. Но внимание Гамаша привлекла гавань. Он за всю жизнь не видел ничего подобного, хотя в Квебеке немало красивых мест. Но всем им было далеко до этого.

Здесь перед ним была девственная природа. Насколько хватало глаз, из воды поднимались горы, покрытые густым лесом. Гамаш видел остров и рыбацкие лодки. Над головой парили орлы. Мужчины сошли на берег, усыпанный галечником и ракушками, где они постояли молча несколько минут, слушая пение птиц и плеск воды, вдыхая воздух, в котором висел запах водорослей, рыбы и леса.

— Знаете, здесь больше орлиных гнезд, чем где бы то ни было в Канаде. А это знак удачи.

Полицейские канадской полиции редко говорили о знаках, если только

это были не дорожные знаки. Гамаш не повернулся к сержанту, его слишком захватило зрелище. Но он слушал.

— Существует два клана хайда. Клан орла и клан ворона. Я организовал вам встречу со старейшинами обоих кланов. Они пригласили вас на обед.

— Спасибо. А вы там будете?

Сержант Миншолл улыбнулся:

— Нет, я подумал, вам без меня будет удобнее. Хайда очень дружелюбные люди. Они жили здесь тысячи лет, и никто их не тревожил. До недавнего времени.

«Любопытно, что он говорит о хайда „они“, а не „мы“, — подумал Гамаш. — Может быть, делает это из уважения к гостю, чтобы не показаться пристрастным».

— Я постараюсь не тревожить их сегодня.

— Ну, с этим уже поздно.

* * *

Арман Гамаш принял душ, побрился, вытер зеркало. Ощущение было такое, будто туман, висящий над древними лесами, пробрался и сюда. Должно быть, чтобы понаблюдать за Гамашем. Разгадать его намерения.

Протерев для начала небольшое окошко в зеркале, он увидел очень усталого офицера полиции вдали от дома.

Надев свежую рубашку и темные широкие брюки, он выбрал галстук и сел на край двуспальной кровати, покрытой простеганным, видимо, вручную лоскутным одеялом.

Комната была простая, чистая и удобная. Но даже если бы здесь было хранилище репы, это тоже не имело бы значения. Все, на что ты обращал тут внимание, — вид из окна, которое выходило прямо на залив. Закат окрасил небо золотом, пурпуром и красным, все это вибрировало и смещалось. Жило. Здесь все казалось живым.

Гамаш подошел к окну; его глаза впитывали эту красоту, а руки завязывали шелковый галстук. Раздался стук в дверь, он открыл ее, предполагая увидеть хозяйку или сержанта Миншолла, но, к его удивлению, перед ним предстала пилот маленького самолета.

— Моя прабабушка, нони, попросила меня пригласить вас на обед.

Она по-прежнему не улыбалась. Напротив, это приглашение было ей не очень приятно. Гамаш надел свой серый пиджак и куртку, и они вышли в

сгущающиеся сумерки. В домах, сгрудившихся вокруг гавани, горел свет. Воздух был сырой и холодный, но свежий, и Гамаш почувствовал себя бодрее и собраннее, чем в течение прошедшего дня. Они сели в старый пикап и двинулись из города.

— Значит, вы здесь живете, на островах Королевы Шарлотты?

— На Хайда-Гуаи, — сказала она.

— Да, конечно, извините. Вы принадлежите к клану орла?

— Во́рона.

— Вот как, — сказал Гамаш, понимая, что может показаться смешным.

Но молодой женщине, видимо, было все равно. Похоже, ей было удобнее вообще его не замечать.

— Наверное, ваша семья довольна, что вы летчик.

— Почему?

— Ну, вы же летаете.

— Потому что я ворон? Здесь все летают, старший инспектор. Просто мне нужно больше подмоги.

— И давно вы в авиации?

Она не ответила. Этот вопрос не стоил того, чтобы на него отвечать. И Гамашу пришлось согласиться. Молчание лучше. Его глаза приспособились к темноте, и он различил линию гор по другую сторону залива. Через несколько минут они добрались до соседней деревни. Молодая летчица остановила машину перед ничем не примечательным белым домом, у двери которого висела табличка «Общинный дом Скайдгейта». Летчица вышла и направилась к двери, даже не оглянувшись, чтобы убедиться, идет ли он за нею. Либо считала, что он никуда не денется, либо, что более вероятно, ей было все равно.

Он отвернулся от погруженной в сумерки гавани и последовал за ней в дверь общинного дома. А шагнув через порог, оказался в оперном театре. Гамаш повернулся назад, чтобы убедиться, что дверь осталась на месте, а он каким-то волшебным образом не перенесся в другой мир. Они были с трех сторон окружены нарядными балконами. Гамаш медленно развернулся на 360 градусов, подошвы его ботинок чуть поскрипывали на полированном полу. И только тут он понял, что рот его слегка приоткрыт. Он закрыл его и посмотрел на молодую женщину рядом с ним.

— Mais, c’est extraordinaire.[80]

— Haw’ aa.[81]

Широкие удобные лестницы вели на балконы, а в дальнем конце зала размещалась сцена. Ее задняя стена была расписана маслом.

— Это деревня хайда, — сказала летчица, кивая в сторону стенной росписи.

— Incroyable, — прошептал Гамаш.

Старший инспектор нередко удивлялся, поражался тому, что видел в жизни. Но почти никогда не бывал он ошарашен до такой степени, как сейчас.

— Вам нравится?

Гамаш повернулся и понял, что к ним присоединилась другая женщина, гораздо старше, чем летчица и сам он. В отличие от сопровождавшей его молодой женщины она улыбалась. По легкости ее улыбки можно было подумать, что она повидала немало смешного в этой жизни.

— Очень нравится. — Он протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

— Это моя нони, — сказала молодая женщина.

— Эстер, — представилась нони.

— Арман Гамаш, — сказал старший инспектор, чуть поклонившись. — Для меня это большая честь.

— Это для меня большая честь, старший инспектор. Прошу вас. — Она показала в центр зала, где был накрыт длинный стол. Приготовленная еда наполняла помещение аппетитным ароматом, в зале были люди — они разговаривали, обменивались приветствиями, окликали друг друга.

Гамаш полагал, что старейшины приходят на собрание в традиционной одежде. Теперь он испытывал смущение от привычки мыслить стереотипами. Он увидел перед собой мужчин и женщин в том виде, в каком они приходят с работы домой: кто в футболках, кто в теплых свитерах, кто в костюмах. Кто-то из них работал в банке, кто-то в школе, кто-то в клинике, кто-то на холодной воде. Среди них были и художники, и большая их часть — резчики.

— У нас родство определяется по женской линии, старший инспектор, — сказала Эстер. — Но большинство вождей — мужчины. Хотя это не значит, что женщины не имеют прав. Вовсе нет.

Она посмотрела на него своими ясными глазами. Ее слова были простой констатацией факта и никак не хвастовством.

Затем она представила его всем собравшимся — каждому по отдельности. Он повторял их имена, пытаясь запомнить, хотя после полудюжины запутался. Наконец Эстер подвела его к столу с готовыми блюдами на выбор.

— Это Скаай, — сказала она, представляя крохотного старика,

который при этом оторвал голову от тарелки. Глаза у него были молочного цвета, слепые. — Из клана орла.

— Роберт, если вам так проще, — сказал Скаай.

Голос его звучал сильно, а еще сильнее было рукопожатие. Он улыбнулся:

— Женщины обоих кланов приготовили для вас традиционный пир хайда, старший инспектор. — Слепой старик повел Гамаша вдоль длинного стола, называя каждое блюдо. — Это к'аав — икра селедки на водорослях. А здесь лосось, копченный на перце. А если вы предпочитаете, то вот лосось, копченный на дереве. Его сегодня утром выловил Рег. Целый день коптил. Для вас.

Они медленно шли вдоль стола с блюдами. Шарики из осьминога, лепешки из краба, палтус. Картофельный салат, свежий, еще теплый хлеб. Соки и вода. Никакого алкоголя.

— Здесь у нас бывают танцы. Большинство людей справляют здесь свадьбы. Здесь же устраивают и поминки. И множество обедов. Когда прием дает клан орла, обслуживает клан ворона. И наоборот. Но сегодня прием дают оба клана. И вы наш почетный гость.

Гамаш, который бывал на правительственных обедах в великолепных дворцах, на банкетах в его честь, на награждениях, редко чувствовал себя таким польщенным, как сегодня.

Он взял всего понемногу и сел. К его удивлению, рядом с ним села молодая летчица. За обедом все разговаривали, но он обратил внимание, что старейшины хайда больше спрашивали, чем отвечали. Их интересовала его работа, его жизнь, его семья. Они спрашивали про Квебек. Они много знали и были вдумчивы. Добры и сдержанны.

За лепешками, свежими ягодами, взбитым кремом Гамаш рассказал им об убийстве. О затворнике, поселившемся в глубине леса. Старейшины, и без того всегда внимательные, стали еще более чуткими, когда услышали о человеке, который жил в одиночестве среди сокровищ. О человеке, у которого забрали жизнь, но не ограбили. О человеке без имени, человеке, окруженном историей, но без намека на собственную историю.

— Как вы думаете, он был счастлив? — спросила Эстер.

Определить, есть ли среди принимающих кто-то главный (выбранный голосованием или по взаимному согласию), было почти невозможно. Но Гамаш решил, что если таковой и был, то это она.

Он помедлил с ответом, потому что не задавал себе этого вопроса.

Был ли Отшельник счастлив?

— Я думаю, он был доволен. Вел незаметную, тихую жизнь. Я бы и

сам от такой не отказался.

Молодая летчица посмотрела на него. До этого мгновения она смотрела только перед собой.

— Он был окружен красотой, — продолжал Гамаш. — И время от времени к нему приходил один человек. Тот, кто приносил ему то, чего он не мог изготовить сам. Но он боялся.

— Трудно одновременно быть счастливым и бояться, — сказала Эстер. — Однако от страха может родиться отвага.

— А отвага может родить мир, — сказал молодой человек в костюме.

Это напомнило Гамашу о том, что написал один рыбак на стене столовой в Маттон-Бее несколькими годами ранее. Он тогда смотрел на Гамаша через комнату и так широко улыбался, что у старшего инспектора даже дыхание перехватило. Потом рыбак написал эти слова на стене и ушел. Гамаш подошел к стене и прочел.

Там, где есть любовь, есть и отвага,
Где есть отвага, есть и мир,
Где есть мир, там есть Бог.
А когда у вас есть Бог, у вас есть всё.

Гамаш произнес эти слова, и в зале наступила тишина. Хайда умели хорошо молчать. Как и Гамаш.

— Это молитва? — спросила наконец Эстер.

— Один рыбак написал эти слова на стене в одном местечке, которое называется Маттон-Бей, — это далеко отсюда.

— Может быть, не так уж и далеко, — сказала Эстер.

— Рыбак? — улыбнувшись, переспросил человек в костюме. — Это на них похоже. Они все сумасшедшие.

Пожилой человек рядом с ним, одетый в теплый свитер, шлепнул его по спине, и они рассмеялись.

— Мы все рыбаки, — сказала Эстер, и у Гамаша возникло впечатление, что она имеет в виду и его. Она задумалась на мгновение, потом спросила: — А что любил ваш Отшельник?

Гамаш растерялся:

— Не знаю.

— Когда узнаете, тогда и найдете убийцу. Чем мы можем помочь?

— В хижине Отшельника обнаружилось несколько упоминаний Воо и Шарлотты. Это привело меня к Эмили Карр, а она привела меня сюда.

— Ну, вы далеко не первый, — рассмеявшись, сказал пожилой человек. Это был не самодовольный и не иронический смех. — Благодаря ее картинам на Хайда-Гуаи много лет приезжают люди.

Было непонятно, хорошо это или плохо с точки зрения говорившего.

— Я думаю, лет пятнадцать, а то и больше назад Отшельник был на островах Королевы Шарлотты. Мы считаем, он был чехом. Говорил с акцентом.

Гамаш вытащил фотографии, сделанные в морге. Он предупредил собравшихся о том, что́ они увидят, но особо не беспокоился. Эти люди знали, что такое жизнь и что такое смерть, — они жили в таком месте, где грань между тем и другим размывалась и люди, животные и духи обитали бок о бок. В таком месте, где слепые видели и все были наделены способностью летать.

Попивая крепкий чай, они разглядывали фотографии мертвеца. Вглядывались долго, пристально. Даже молодая летчица уделила им внимание.

Они смотрели на фотографии, а Гамаш смотрел на них. Не вспыхнет ли в ком огонек узнавания. Не дрогнут ли губы, не изменится ли частота дыхания. Он вдруг обрел сверхчувствительность по отношению к каждому из них. Но видел только людей, которые хотят ему помочь.

— Боюсь, мы вас разочаровали, — сказала Эстер, когда Гамаш убирал фотографии в свою сумку. — Почему вы просто не отправили их нам по электронной почте?

— Я отправил их сержанту Миншоллу, а он роздал их полицейским, но я хотел побывать у вас лично. И есть такие вещи, которые невозможно отправить по электронной почте. Я привез их с собой.

Он положил на стол два свертка в полотенцах и осторожно развернул первый.

В зале воцарилась полная тишина — не было слышно ни звяканья ложек, ни открывания крышек, ни дыхания. В этот момент словно что-то присоединилось к ним. Словно тишина села на свободный стул.

Гамаш осторожно развернул вторую вещь, и она на всех парусах полетела по столу к первой.

— Есть и другие. Всего их было восемь, как мы думаем.

Если они и слышали его, то никак не дали это понять. Потом один крепкий мужчина средних лет протянул руку, но замер и посмотрел на Гамаша:

— Можно?

— Прошу вас.

Крепыш взял скульптуру в большие мозолистые руки, которые натягивали паруса на лодках. Поднес скульптуру к лицу — теперь он заглядывал прямо в глаза крохотных мужчин и женщин, которые с такой радостью и надеждой смотрели вперед.

— Это Хаавасти, — прошептала ему на ухо летчица. — Уилл Сомс.

— Это Уилл Сомс? — переспросил Гамаш.

Он читал об этом человеке. Об одном из величайших живых художников Канады. Его традиционная резьба дышала жизнью, и частные коллекционеры и музеи по всему миру жаждали заполучить его работы. Гамаш полагал, что Сомс жил жизнью затворника и обрел известность именно благодаря этому. Но старший инспектор начал понимать, что на Хайда-Гуаи легенды оживают, ходят среди людей, а иногда попивают черный чай и едят взбитый крем.

Сомс взял вторую скульптуру, перевернул ее:

— Красный кедр.

— Отсюда, — подтвердил Гамаш.

Сомс посмотрел на плывущий парусник снизу:

— Это что — подпись?

— Может быть, вы мне скажете?

— Только буквы. Но что-то они должны значить.

— Похоже, это какой-то шифр. Мы пока еще не разобрались.

— И это сделал убитый? — Сомс поднял скульптурку.

— Да.

Сомс посмотрел на то, что держал в руках.

— Не могу вам сказать, кем он был, но кое-что могу сообщить. Ваш Отшельник не просто боялся — он был охвачен ужасом.

Глава тридцать третья

Проснувшись на следующее утро, Гамаш ощутил через открытое окно свежий, прохладный ветерок, который нес с собой запахи моря и крики птиц, кормящихся из океана. Он повернулся на кровати и, закутавшись в лоскутное одеяло, уставился в окно. Предыдущий день казался теперь сновидением. Проснуться в Трех Соснах, а лечь спать в этой деревеньке народа хайда у океана.

Небо отливало сочной синевой, и Гамаш видел парящих в нем орлов и чаек. Он вылез из-под одеяла и быстро надел самую теплую свою одежду, обругав себя за то, что не взял кальсоны.

Внизу его ждал завтрак: бекон, яйца, тосты и крепкий кофе.

— Звонила Лавина и просила вас быть на пристани к девяти, иначе она улетит без вас.

Гамаш оглянулся посмотреть, с кем говорит домохозяйка.

Кроме него и ее, в комнате никого не было.

— Moi?

— Да-да, вас. Лавина просила вас не опаздывать.

Гамаш посмотрел на свои часы. Времени было половина девятого, и он понятия не имел, кто такая Лавина, где находится пристань и почему он должен туда идти. Он выпил еще чашечку кофе, поднялся в свою комнату, зашел в туалет, потом взял куртку и шляпу, спустился и спросил у домохозяйки:

— А Лавина сказала, какая пристань?

— Я полагаю, та самая, которой она всегда пользуется. Не ошибетесь.

Как часто Гамаш слышал такие слова, а потом все равно ошибался? Он вышел на крыльцо и, вдохнув полной грудью морозный воздух, оглядел берег. Пристаней было несколько.

Но гидроплан стоял только у одной. А рядом молодая женщина-летчик, поглядывавшая на часы. Значит, ее зовут Лавина? К своему смущению, он понял, что так и не спросил у нее.

Он поспешил на пристань и, ступив на деревянную пристань, увидел, что Лавина не одна. Рядом с ней стоял Уилл Сомс.

— Я подумал, вам захочется узнать, откуда берутся эти куски дерева, — сказал резчик, приглашая Гамаша в маленький гидросамолет. — Моя внучка согласилась показать нам. Самолет, на котором вы прилетели вчера, коммерческий. А это — ее собственный.

— У меня тоже есть внучка, — сказал Гамаш, надеясь, что его поспешные поиски ремня безопасности не были замечены; самолет тем временем отвалил от пристани и направился в пролив. — И еще одна на подходе. Моя внучка рисует для меня картинки пальцами.

Он чуть было не добавил, что рисование пальцами, по крайней мере, никого не может убить, но потом решил, что это будет невежливо.

Самолет набрал скорость и начал подпрыгивать на невысоких волнах. И только теперь Гамаш обратил внимание на порванные брезентовые ремни в салоне, тронутые ржавчиной сиденья, продранные подушки. Он выглянул в иллюминатор и пожалел, что так плотно позавтракал.

Наконец они поднялись в воздух, заложили вираж влево и стали набирать высоту, двигаясь вдоль береговой линии. Они летели сорок минут. В кабине стоял такой шум, что им приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Время от времени Сомс подавался к иллюминатору, показывал на что-нибудь — например, на небольшую бухточку — и говорил что-нибудь вроде: «Вот тут впервые и появился человек в двустворчатой раковине. Это наш райский сад». Или чуть позднее: «Посмотрите, это последний девственный лес красного кедра, последний древний лес».

Гамаш смотрел на этот мир с высоты птичьего полета, видел реки и бухты, леса и горы, прорезанные ледниками. Наконец они спустились в бухту, горы вокруг которой даже в этот ясный день были окутаны туманом. Они снизились, заскользили по воде к темной береговой линии. И тут Сомс снова наклонился к Гамашу и прокричал:

— Добро пожаловать на Гуаи-Хаанас. В мир чудес.

Так оно и оказалось.

Лавина подрулила как можно ближе к берегу, на котором появился человек, оттолкнул лодку, запрыгнул в нее в последний момент. У дверей гидроплана он протянул руку, помог старшему инспектору сойти в шаткую лодку и представился:

— Меня зовут Джон. Я хранитель.

Гамаш обратил внимание, что Джон бос, потом увидел, что, пока хранитель гребет, Лавина и ее дедушка снимают обувь и закатывают штанины. Вскоре Гамаш понял почему. Лодка не могла подойти вплотную к берегу. Последние десять футов им нужно было пройти по воде. Он снял ботинки и носки, закатал брюки и перекинул ноги за борт. Почти. Не успел его большой палец коснуться воды, как его ногу и самого Гамаша чуть не подбросило наверх. Он посмотрел на Лавину и Сомса — они улыбались.

— Да, вода холодная, — признал хранитель.

— Ну-ну, принцесса, не бойся ножки замочить, — сказала Лавина.

«Уж не переписывается ли она с Рут Зардо? — подумал Гамаш. — Похоже, в любой компании непременно найдется одна Рут».

Гамашу пришлось не побояться замочить ножки, и вскоре он присоединился к остальным на берегу. Ноги его посинели после нескольких секунд пребывания в воде. Он быстро прошел по камням до пенька, сел, стряхнул с пяток осколки ракушек и мелкие камушки, надел носки и ботинки. Он не помнил, когда в последний раз испытывал такое облегчение. Впрочем, приводнение гидросамолета, вероятно, и было этим последним случаем.

Его настолько поразили пейзаж, хранитель, ледяная вода, что он практически не увидел того, что было вокруг. А вот теперь увидел. На самой кромке леса стояли торжественным полукругом тотемные шесты.

Гамаш почувствовал, как вся его кровь хлынула в самое его нутро, самую сердцевину.

— Это Нинстинц,[82] — прошептал Уилл Сомс.

Гамаш не ответил. Не мог. Он смотрел на высокие шесты, резьба которых отражала мифологические времена, браки животных и духов. Киты-убийцы, акулы, волки, медведи, орлы и вороны — все они смотрели на него. И еще кое-кто. Зубастые твари с длинными языками и громадными глазами. Существа, неизвестные за пределами мифа, но вполне реальные здесь.

Некоторые тотемные шесты были прямые и высокие, но большинство упали или покосились.

— Мы все рыбаки, — сказал Уилл. — Эстер была права. Море кормит наши тела, а вот это кормит наши души. — Он распахнул руки и подался всем телом в сторону леса.

Они двинулись между тотемных шестов, и хранитель Джон заговорил:

— Это самая большая коллекция стоящих тотемных шестов в мире. Теперь это место охраняется, но так было не всегда. Некоторые шесты увековечивают какое-нибудь событие, некоторые шесты похоронные. Каждый рассказывает свою историю. Образы находятся один над другим в определенном и заданном порядке.

— Здесь Эмили Карр написала бо́льшую часть своих картин, — сказал Гамаш.

— Я решил, что вам интересно будет это увидеть, — сказал Сомс.

— Merci. Я вам очень признателен.

— Это поселение пало последним. Оно было самым отдаленным и, возможно, самым стойким, — сказал Джон. — Но все же пало и оно. Волна болезней, пьянства и миссионерства накрыла деревню, как и все другие.

Тотемные шесты были срублены, общинные дома уничтожены. Это все, что осталось. — Он показал на возвышение в лесу, поросшее мхом. — Здесь был общинный дом.

В течение часа Арман Гамаш ходил среди тотемных шестов и ловил себя на том, что поднимает руку и кладет свою крупную, уверенную ладонь на эти великолепные лица, пытается понять того, кто вырезал это существо.

Наконец он подошел к Джону, который весь этот час простоял в одной точке, наблюдая.

— Я расследую убийство. Позвольте показать вам кое-что?

Джон кивнул.

— Первое — это фотография убитого. Я полагаю, что он какое-то время провел на Хайда-Гуаи, хотя думается мне, что он называл архипелаг островами Королевы Шарлотты.

— Значит, он был не хайда.

— Скорее всего, да.

Гамаш показал Джону фотографию. Тот взял и внимательно ее рассмотрел.

— К сожалению, я его не знаю.

— Прошло какое-то время. Лет пятнадцать, двадцать.

— То были трудные времена. Здесь толклось много людей. Именно тогда хайда остановили лесорубов, заблокировав дороги. Возможно, он был лесорубом.

— Возможно. Он явно чувствовал себя в лесу как дома. Построил себе бревенчатую хижину. Кто здесь мог его научить этому?

— Вы шутите?

— Нет.

— Практически любой. Большинство хайда живут теперь в деревнях, но почти у всех у нас есть лесные домики. Те, которые построили мы сами. Или наши родители.

— И вы живете в таком домике?

Не задумался ли Джон, прежде чем ответить на этот вопрос?

— Нет, у меня номер в «Холидей Инн Нинстинц». — Он рассмеялся. — Да, я построил собственный домик несколько лет назад. Хотите его увидеть?

— Если вы не возражаете.

Уилл Сомс с внучкой остались прогуливаться неподалеку от берега, а хранитель Джон повел Гамаша глубже в лес.

— Знаете, некоторым из этих деревьев больше тысячи лет.

— Они стоят того, чтобы их сохранить.

— Не все с этим согласны.

Он остановился и показал на небольшой домик в лесу. Домик с крылечком и креслом-качалкой при входе.

Точная копия домика Отшельника.

— Вы его знали, Джон? — спросил Гамаш, вдруг остро почувствовав, что он один на один в лесу с человеком большой физической силы.

— Убитого?

Гамаш кивнул.

Джон снова улыбнулся:

— Нет. — При этом он подошел очень близко к Гамашу.

— Это вы научили его строить бревенчатые хижины?

— Нет.

— Вы научили его искусству резьбы по дереву?

— Нет.

— А если да, то сказали бы мне?

— У меня нет повода вас бояться. Мне нечего скрывать.

— Тогда почему вы здесь? В одиночестве?

— А вы? — Голос Джона стал не громче шепота, шипения.

Гамаш развернул скульптуру. Джон посмотрел на людей на паруснике и отшатнулся.

— Это вырезано из красного кедра. С Хайда-Гуаи, — сказал Гамаш. — Может быть, дерево, из которого это вырезано, росло где-то здесь. А вырезал эту скульптурку убитый.

— Это не имеет ко мне никакого отношения, — сказал Джон и, бросив последний взгляд на скульптурку, пошел прочь.

Гамаш последовал за ним из леса. Уилл Сомс стоял на берегу и улыбался.

— Хорошо поговорили с Джоном?

— Ему почти нечего сказать.

— Ну, он же хранитель, а не болтун.

Гамаш улыбнулся и принялся заворачивать скульптуру в полотенце, но Сомс остановил его и снова взял скульптуру.

— Вы говорите, дерево привезено отсюда? Оно старое?

— Мы не знаем. Специалисты не могут определить. Для этого нужно разрушить скульптуру, но я не позволяю им сделать это.

— И это стоит больше человеческой жизни? — Сомс поднял скульптуру повыше.

— Мало что стоит больше человеческой жизни, месье. Но эту жизнь уже забрали. Я хочу найти того, кто это сделал, но не уничтожая еще и

творение убитого.

Это удовлетворило Сомса, который вернул — хотя и неохотно — скульптуру Гамашу.

— Я бы хотел познакомиться с автором. У него был настоящий талант.

— Возможно, он был лесорубом. Участвовал в сведении на нет ваших лесов.

— В моей семье многие были лесорубами. Такое случается. Это не делает их плохими людьми или врагами до смерти.

— Вы обучаете других резчиков? — словно невзначай спросил Гамаш.

— Вы думаете, что он приходил сюда говорить со мной? — спросил в ответ Сомс.

— Я думаю, он приезжал сюда. И был резчиком.

— Сначала лесоруб, потом резчик. Так кем же он все же был, старший инспектор?

Это было сказано с юмором, но Гамаш почувствовал критическую нотку. Он закидывал удочку и знал это. Так же, как и Сомс. Как и Эстер. «Мы все рыболовы», — сказала она.

Нашел ли он что-нибудь на этих островах? Гамаш начинал сомневаться в этом.

— Вы обучаете резчиков? — повторил он свой вопрос.

Сомс отрицательно покачал головой:

— Только других хайда.

— Отшельник пользовался местным деревом. Это вас удивляет?

— Вовсе нет. Некоторые делянки сейчас под охраной, но мы согласились на вырубку кое-каких площадей. С последующей посадкой деревьев. Если это дело в хороших руках, то ничего плохого в нем нет. И молодые деревья нужны экосистеме. Я всем резчикам советую работать по красному кедру.

— Нам пора, — сказала Лавина. — Погода меняется.

Гидроплан поднялся в воздух и заложил вираж, удаляясь от неприметной бухточки. Гамаш посмотрел вниз. Ему показалось, будто один из тотемных шестов ожил и машет ему. Но потом он понял, что это Джон, который охраняет обиталище призраков, но боится маленького кусочка дерева в руке Гамаша. Джон, который вышел за предел.

— Вы знаете, он участвовал в споре с лесорубами, — перекрикивая старый двигатель, сообщил ему Сомс.

— Такого человека хорошо иметь на своей стороне.

— Он и был на вашей стороне. Служил в королевской конной полиции. Был вынужден арестовать собственную бабушку. Я до сих пор вижу, как он

уводит ее.

— Джон — мой дядя, — прокричала Лавина с пилотского места.

Гамашу понадобилось несколько минут, чтобы осознать все услышанное. Этот тихий, мрачный, одинокий человек, который махал вслед их самолету, арестовал Эстер.

— А теперь он хранитель — сторожит последние тотемные шесты, — сказал Гамаш.

— Все мы что-нибудь сторожим, — сказал Сомс.

* * *

Сержант Миншолл оставил ему послание в гостевом домике и конверт. За ланчем из свежей рыбы и консервированной кукурузы Гамаш открыл конверт и вытащил новые фотографии, распечатанные с компьютера сержанта. Была и распечатка электронного письма.

Арман,

мы нашли четыре другие резные скульптуры. Остались еще две, которые найти не удается: одну Оливье продал через интернет-аукцион и одна ушла с аукциона в Женеве. Никто из коллекционеров не согласился прислать нам оригинал, но они прислали фотографии (см. приложение). Ни на одной другой скульптуре нет вырезанных снизу букв.

Жером продолжает работать над шифром. Пока без успехов.

Что вы думаете об этих фотографиях? Потрясающе, правда?

Я работала с вещами из хижины. Пока не удалось выявить, чтобы что-нибудь из них было украдено, и я не сумела обнаружить какую-либо связь между ними. Я думала, что золотой браслет из Чехии, но оказалось, что он из Дакии. Удивительная находка. Румыния в тех краях возникла гораздо позже.

Но это все очень странно. Эти вещи, кажется, ничем между собой не связаны. Если только это не ключ к разгадке. Нам нужно будет еще об этом подумать. Я пытаюсь не выпускать информацию о наших находках за стены моего кабинета, но уже получаю звонки со всех уголков света.

Новостные агентства, музеи. Понять не могу, как они узнали, но ведь узнали же. Больше всего интереса к Янтарной комнате. То ли еще будет, когда они узнают про остальное.

Говорят, вы улетели на острова Королевы Шарлотты. Вот повезло. Если увидите Уилла Сомса, скажите ему, что я в восторге от его работ. Вообще-то, он отшельник, так что вы вряд ли его увидите.

Тереза Брюнель

Гамаш разложил фотографии и, не переставая есть, начал их разглядывать. Когда ему подали пирог с кремом из кокосовых орехов, он уже просмотрел все. Они лежали перед ним веером на столе, и теперь он принялся разглядывать их внимательнее.

Их настроение менялось. На одной вроде бы какие-то люди нагружали телеги, собирали пожитки. Вид у них был радостно-возбужденный. У всех, кроме молодого человека, который жестами поторапливал их. Но на следующей явно было видно, что беспокойство у людей растет. А две последние были совсем иными. На одной люди никуда уже не шли — находились в своих убогих домах. Кое-кто выглядывал из окон. Настороженно. Но без боязни. Пока. Боязнь резчик оставил для последней скульптуры, фотокопию которой прислала суперинтендант Брюнель. Это была самая большая скульптура, фигуры на ней стояли и смотрели вверх. Гамашу показалось, что смотрят они на него.

Это была такая странная перспектива. В ней наблюдатель чувствовал себя частью работы. И не самой приятной частью. Ему казалось, будто он и есть причина их страха.

А они теперь пребывали в страхе. Что там говорил Уилл Сомс предыдущим вечером, когда увидел паренька, сутулящегося на корабле?

Они не просто боялись — они были охвачены ужасом.

Какой-то ужас обуял людей на этих скульптурах. И какой-то ужас нашел их создателя.

Странно было то, что на двух последних скульптурках Гамаш не увидел парнишку. Он спросил у домохозяйки, нет ли у нее увеличительного стекла. Чувствуя себя Шерлоком Холмсом, он наклонился и стал внимательно изучать фотографии. Но так ничего и не нашел.

Он откинулся на спинку стула и отхлебнул чая. Пирог с кокосовым кремом остался нетронутым. Тот ужас, который проглотил счастье со скульптурок, уничтожил и аппетит Гамаша.

Через несколько минут пришел сержант Миншолл, и они прошлись по поселку до офиса компании «Грилиз констракшн».

— Чем могу быть вам полезен? — спросил пожилой человек; у него были серые глаза, седые борода и волосы, но молодое и гибкое тело.

— Мы хотели поговорить с вами о тех, кто работал у вас в восьмидесятых или начале девяностых, — ответил сержант Миншолл.

— Вы, наверное, шутите. Вы же знаете лесорубов. Они приходят и уходят. Особенно в те времена так было.

— Почему особенно в те времена, месье? — спросил Гамаш.

— Это старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции, — сказал сержант, потом представил пожилого человека.

Они обменялись рукопожатием. У Гамаша возникла уверенность, что Грили принадлежит к той категории людей, которых лучше не раздражать.

— Далеко вас занесло от дома, — сказал Грили.

— Это верно. Но меня так радушно принимают… А что такого особого было в то время?

— Конец восьмидесятых — начало девяностых? Да вы что, шутите? Вы не слышали про остров Лайалл? Про завалы на дорогах, про протесты? Тут тысячи акров леса, а хайда вдруг начинают возражать против лесоповала. Вы разве об этом не слышали?

— Слышать слышал, но меня здесь не было. Может, вы мне расскажете, что случилось?

— Виноваты были не хайда. Их обидели эти говнюки-дистрибьюторы. Эти свихнувшиеся экологи. Настоящие террористы. Они наняли шайку головорезов и мальчишек, которым хотелось привлечь к себе внимание. Это не имело ни малейшего отношения к лесу. Слушайте, мы ведь не убивали людей. Даже животных не убивали. Мы только рубили лес. Который все равно вырастет. И мы были самым крупным работодателем в этих краях. Но экологи науськали на нас хайда. Наврали ребятам с три короба.

Рядом с Гамашем заелозил ногами сержант Миншолл. Однако ничего не сказал.

— И все же средний возраст арестованных хайда составлял семьдесят шесть лет, — сказал Гамаш. — Старики встали между молодыми протестующими и вами.

— Известны нам эти трюки. Они ничего не значат, — отрезал Грили. — Мне послышалось, вы сказали, что ничего об этом не знаете.

— Я сказал, что меня здесь не было. Отчеты я читал, но это не заменяет присутствия.

— Чертовски верно. Пресса заглотала наживку. Мы выглядели как

плохие ребята, а мы всего лишь хотели вырубить несколько сотен акров. И имели на это полное право.

Грили говорил все громче и громче. Эта рана не заживала, злость закипала быстро.

— Имело место насилие? — спросил Гамаш.

— В известном смысле. Без этого было не обойтись. Но не мы его начали. Мы просто хотели работать.

— И в то время приезжало-уезжало много людей? Лесорубы и протестующие, насколько я понимаю.

— Тут люди были повсюду. И вы хотите, чтобы я вам помог найти одного из них? — Грили фыркнул. — Как его зовут?

— Не знаю. — Гамаш проигнорировал издевательский смех Грили и его сотрудников. Он просто показал фотографию убитого. — Он мог говорить с чешским акцентом.

Грили взглянул на фотографию и вернул ее Гамашу.

— Прошу вас, посмотрите внимательнее, — сказал старший инспектор.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Возможно, будет лучше, если вы посмотрите на фотографию, а не на меня, месье, — спокойно, но твердо произнес Гамаш.

Грили взял фотографию и посмотрел подольше.

— Нет, я его не знаю. Может, он и был здесь, но кто это может сказать? И конечно, он был тогда гораздо моложе. Откровенно говоря, он не похож ни на лесоруба, ни на лесничего. Слишком уж хрупкий.

Это была первая полезная информация, какую сообщил Грили. Гамаш снова посмотрел на старого отшельника. В то время на острова Королевы Шарлотты приезжали три вида людей: лесорубы, экологи и художники. Скорее всего, убитый принадлежал к последним. Гамаш поблагодарил Грили и ушел.

Выйдя на улицу, он посмотрел на часы. Если бы Лавина смогла доставить его в Принс-Руперт, он успел бы на последний рейс до Монреаля. Но Гамаш задержался, чтобы сделать еще один звонок.

— Месье Сомс?

— Да, инспектор. Вы теперь подозреваете, что тот, кого вы ищете, может быть экотеррористом?

— Voyons, как вы догадались?

Уилл Сомс рассмеялся:

— Чем могу вам помочь?

— Хранитель Джон показал мне свою хижину в лесу. Вы ее видели?

— Видел.

— Хижина убитого человека — ее полная копия, но она находится в другой части страны — в лесу Квебека.

В трубке наступила тишина.

— Месье Сомс? — Гамаш уже решил, что соединение нарушено.

— Не думаю, что это может что-то значить. У меня такой же домик в лесу. Все они, за небольшим исключением, одинаковы. Извините, если разочаровываю вас.

Гамаш отключился, ничуть не разочарованный. Теперь он наверняка знал одно: Отшельник побывал на островах Королевы Шарлотты.

* * *

Старший инспектор Гамаш еле-еле успел на последний самолет из Ванкувера. Он втиснулся на среднее сиденье, и как только самолет взлетел, пассажир перед ним опустил до предела спинку своего сиденья, которое почти легло на колени Гамашу. Двое пассажиров по сторонам Гамаша опустили подлокотники, и старший инспектор оказался на семь часов заперт и вынужден слушать, как маленький мальчик по другую сторону прохода играет в солдатиков.

Гамаш надел свои полукруглые очки и стал читать об Эмили Карр, о ее искусстве, ее путешествиях, ее «жестоких словах». Он разглядывал острова Королевы Шарлотты на ее картинах, и теперь эти мощные поэтические образы производили на него даже большее впечатление. Дольше всего разглядывал он изображения из Нинстинца. Она успела написать эти картины, когда шесты еще стояли высокие и прямые, а общинные дома еще не поросли мхом.

Когда самолет пролетал над Виннипегом, Гамаш вытащил фотографии скульптур, вырезанных Отшельником.

Он смотрел на них, и мысли его поплыли сами по себе. Где-то на заднем плане слышался голос мальчика, который хитро расставил своих солдатиков для генерального героического сражения. Гамаш думал о Бовуаре в Трех Соснах, преследуемого сонмом фактов и словами Рут Зардо. Он закрыл глаза, откинул голову на подголовник, вспоминая строки, которые писала Бовуару Рут, словно поэзия — это оружие, каковым она, собственно говоря, и была.

и за загривок нежно поднимет твою душу

и осторожно в темень рая отнесет.

«Как это прекрасно», — думал Гамаш, погружаясь в неровный сон. Лайнер компании «Эйр Кэнада» нес его домой. И когда Гамаш растворился во сне, всплыли другие строки:

будто божество, убивающее ради удовольствия,
может и исцелять.

Когда они пролетали над Торонто, Гамаш уже знал, что означают деревянные скульптуры и что он должен делать.

Глава тридцать четвертая

Пока Гамаш находился на туманных островах Королевы Шарлотты, Клару затянула ее собственная мгла. Она целый день кругами бродила у телефона, подходила все ближе и ближе, а потом отскакивала прочь.

Питер наблюдал за ней из своей студии. Он уже не знал, на что надеется. На то, что Клара позвонит Фортену или что не позвонит. Он больше не знал, что лучше. Для нее, для него.

Питер уставился на картину у себя на мольберте. Взял кисть, макнул ее в краску и подошел к полотну, исполненный решимости внести в него тот неповторимый штрих, которого ждут от него зрители. Сложность. Многоплановость.

Он добавил единственную точку и отошел.

— О боже, — вздохнул он, разглядывая свежую точку на белом холсте.

Клара опять приближалась к телефону — на сей раз со стороны холодильника. В одной руке она держала шоколадное молоко, в другой печенье, а глаза были устремлены на аппарат.

Кто она — несговорчивая упрямица? Или она просто защищает то, во что верит? Героиня или сука? Странно, что нередко трудно отделить одно от другого.

Она вышла в огород и несколько минут без особого энтузиазма выдергивала сорняки, потом приняла душ, переоделась, поцеловала Питера, села в машину и поехала в Монреаль. В галерею Фортена — чтобы забрать свой портфолио.

На обратном пути она заехала на минуту к мисс Эмили Карр. Клара смотрела на скульптуру некрасивой эксцентричной женщины с лошадью, собакой и обезьянкой. И приговором жестоких слов на лице.

* * *

Инспектор Бовуар встретил Гамаша в аэропорту Трюдо.

— Есть что-нибудь от суперинтенданта Брюнель? — спросил старший инспектор, когда Бовуар укладывал его чемодан на заднее сиденье.

— Она нашла еще одну скульптурку. Ее купил какой-то тип из Москвы. Из рук ее выпускать не хочет, но фотографии прислал. — Бовуар протянул конверт старшему инспектору. — А у вас как дела? Удалось что-

нибудь найти?

— Ты понял, что строки, которые оставляла тебе Рут, взяты из одного стихотворения?

— И вы обнаружили это на островах Королевы Шарлотты?

— Опосредованно. Ты их сохранил?

— Эти бумажки? Нет, конечно. Да и зачем? Они что, имеют какое-то отношение к делу?

Гамаш вздохнул. Он чувствовал усталость. Ему предстоял нелегкий день, и он не мог позволить себе оступиться. Не сейчас.

— Нет, не думаю. Но потерять их жаль.

— Вам хорошо говорить. А вот начнет она на вас писать — что тогда запоете?

— «…и за загривок нежно поднимет твою душу и осторожно в темень рая отнесет», — прошептал Гамаш.

— Куда? — спросил Бовуар, когда они свернули на неровную дорогу к Трем Соснам.

— В бистро. Нам нужно еще раз поговорить с Оливье. Ты разбирался с его финансовыми делами?

— У него около четырех миллионов. Полтора из них — от продажи деревянных скульптур. Чуть больше миллиона — от продажи антикварных вещей, подаренных Отшельником. И собственности приблизительно на миллион долларов. Мы не очень сильно продвинулись, — мрачно сказал Бовуар.

Но Гамаш знал, что они уже в одном шаге от разгадки. Он знал об этом и когда машина подпрыгивала на неровностях, и когда возвращалась на твердую землю.

Они остановились перед бистро. Старший инспектор так тихо сидел на пассажирском месте, что Бовуару показалось, будто тот вздремнул. Вид у него был усталый — да и кто бы не устал после семичасового перелета даже в самолете «Эйр Кэнада»? Перевозчика, который отвечает за все. Бовуар был убежден, что вскоре в салоне рядом с отсеком с кислородной маской появится платежный терминал.

Инспектор посмотрел на Гамаша, которого и правда сморило: голова опустилась, глаза были закрыты. Бовуару не хотелось беспокоить шефа — у того был такой умиротворенный вид. Потом он обратил внимание, что большой палец Гамаша мягко поглаживает фотографию, которую он легко держит в руке. Глаза шефа не были закрыты, вернее, не были закрыты совсем.

Он прищурился и разглядывал изображение на фотографии.

А скульптура изображала гору. Голую, безлюдную. Словно ее обстригли. Остались лишь несколько чахлых сосен у основания. Гамаш чувствовал, что от нее исходит печаль, ощущение опустошенности. Но в этой работе было и что-то еще, отличавшее ее от других. Некое легкомыслие. Он прищурился, всмотрелся пристальнее и увидел: то, что он ошибочно принял за одну из сосен у основания горы, на самом деле было чем-то иным.

Это был молодой человек, мальчик, нерешительно шагнувший на край скульптуры.

И там, где ступила его нога, начали пробиваться молодые деревца.

Это напомнило Гамашу портрет Рут кисти Клары. Было схвачено то мгновение, когда отчаяние переходит в надежду. Эта удивительная скульптура кричала об одиночестве, но в то же время и вселяла надежду. Гамашу не нужно было приглядываться — он и без того знал, что мальчик здесь тот же самый, именно его видел он и на других скульптурах. Но страх исчез. Или еще не появился?

На газоне закрякала Роза. Сегодня на ней был бледно-розовый свитер. И жемчужины?

— Voyons, — сказал Бовуар, кивая на утку, когда они вышли из машины. — Можете вы себе это представить — слушать это кряканье целый день?

— Подожди, когда у тебя будут дети, — сказал Гамаш, останавливаясь перед бистро, чтобы посмотреть на Розу и Рут.

— Они что, крякают?

— Нет. Но шумят они сильно, в этом можешь не сомневаться. И кстати, ты собираешься обзаводиться детьми?

— Наверное, когда-нибудь. Энид пока не горит желанием.

Он стоял рядом со своим шефом, и они оба смотрели на тихую деревню. Тихую, если не считать кряканья.

— Есть новости от Даниеля?

— Мадам Гамаш говорила с ними вчера. Все в порядке. Ждут ребеночка недели через две. Как только это случится, мы полетим в Париж.

Бовуар кивнул:

— Значит, у Даниеля будет двое. А что насчет Анни? У нее есть какие-то планы?

— Никаких. Мне думается, что Дэвид не против, но Анни не умеет обращаться с детьми.

— Я видел ее с Флоранс, — сказал Бовуар, вспомнив приезд Даниеля с внучкой старшего инспектора. Он видел, как Анни держит племянницу,

поет ей. — Она в восторге от девочки.

— Она заявляет, что не хочет детей. А мы, откровенно говоря, не хотим ее подталкивать.

— Да, тут лучше не вмешиваться.

— Дело не в этом. Мы видели, какой кошмар получался каждый раз, когда она в юности подрабатывала бебиситтером. Как только ребенок начинал плакать, Анни звала нас, и нам приходилось приезжать и выручать ее. Мы как бебиситтеры заработали больше денег, чем она. И вот еще что, Жан Ги. — Гамаш подался к инспектору и понизил голос. — Не вдаваясь в детали, что бы ни случилось, не позволяй Анни надевать на меня памперсы.

— О том же самом она просила и меня, — проговорил Бовуар, и на лице Гамаша появилась улыбка. Потом растаяла.

— Ну, идем? — Гамаш показал на дверь бистро.

* * *

Они вчетвером решили сесть подальше от окон. В прохладном и тихом зале. В обоих каминах по концам зала полыхал огонек. Гамаш вспомнил свой первый приход в это бистро несколько лет назад: он тогда увидел разнородную мебель, простые кресла, кресла с подголовниками и резные кресла. Столы круглые, квадратные и прямоугольные. Камины и деревянные балки под потолком. И на всем ценники.

Всё продавалось. И все? Гамаш так не думал, но иногда его охватывали сомнения.

— Bon Dieu, ты хочешь сказать, что не говорил своему отцу обо мне? — спросил Габри.

— Говорил. Я ему сказал, что со мной живет Габриэль.

— Значит, ваш отец думает, что вы живете с Габриэль, — сказал Бовуар.

— Quoi?[83] — сказал Габри, пронзая гневным взглядом Оливье. — Он думает, что я женщина? А это значит… — Габри недоуменно посмотрел на своего партнера. — Он не знает, что ты гей?

— Я ему об этом не говорил.

— Может быть, не словами, но ты ему точно говорил, — сказал Габри и повернулся к Бовуару. — Под сорок лет, не женат, продает старинные вещи. Господи, он рассказывал мне, что в то время, когда другие ребята играли в золотоискателей, его интересовали фарфоровые статуэтки фирмы

«Ройял Даултон». Это что, разве не гей? — Он повернулся к Оливье. — У тебя была детская духовка, и ты сам шил себе костюмы на Хеллоуин.

— Я ему об этом не говорил и не собираюсь, — отрезал Оливье. — Это не его дело.

— Ну и семейка, — вздохнул Габри. — Вы идеально подходите друг к другу. Один ничего не хочет знать, а другой ничего не хочет говорить.

Но Гамаш знал, что за этим скрывается нечто большее, чем нежелание говорить. Тут речь шла о маленьком мальчике со своими тайнами. А потом маленький мальчик стал большим, но тайны остались. Потом он стал взрослым мужчиной. Гамаш вытащил из сумки конверт и положил на стол перед Оливье семь фотографий. Потом он развернул скульптурки и тоже поставил их на стол.

— В каком порядке они изготовлялись?

— Не помню, какую когда он мне дал, — пробурчал Оливье.

Гамаш посмотрел на него, потом мягко сказал:

— Я спросил не об этом. Я спросил, в каком порядке они изготовлялись. Вы ведь это знаете, да?

— Я не понимаю, о чем вы, — смущенно проговорил Оливье.

И тут Арман Гамаш сделал нечто такое, что Бовуар видел редко. Он с такой силой стукнул кулаком по столу, что деревянные скульптурки подпрыгнули. Как и его собеседники.

— Хватит! Наслушался я!

И вид его вполне отвечал этим словам. Лицо посуровело, на нем появились резкие морщины, словно проявленные ложью и тайнами.

— Вы хоть представляете, в какую переделку попали? — Голос его звучал низко, напряженно, он словно продавливал его через горло, которое грозило вот-вот сомкнуться. — С этой минуты чтобы никакой лжи! Если хотите сохранить надежду на благополучный для себя исход, хоть малейшую надежду, говорите правду. Сейчас же!

Гамаш накрыл своей широкой ладонью фотографии и подтолкнул их к Оливье, который уставился на них будто в ужасе.

— Я не знаю, — заикаясь, проговорил он.

— Оливье, бога ради, прошу тебя, — простонал Габри.

Гамаш теперь излучал гнев. Гнев, разочарование и опасение, что истинный убийца может уйти от ответственности, укрыться во лжи другого человека. Оливье и старший инспектор смотрели друг на друга. Один всю жизнь прятал тайны, другой посвятил себя тому, чтобы извлекать тайны на свет божий.

Бовуар и Габри смотрели на происходящее молча, ощущая эту

подспудную борьбу, не в силах никому помочь.

— Говорите правду, Оливье, — проскрежетал Гамаш.

— Как вы узнали?

— Побывал в стране чудес. В деревне Нинстинц на островах Королевы Шарлотты. Тотемные шесты сказали мне.

— Они сказали вам?

— На свой лад. Там одно изображение следует за другим. Каждое рассказывает свою историю и само по себе является чудом. Но если брать их в целом, то история получается более полная.

Слушая эти слова, Бовуар подумал о тех строках, что отправляла ему Рут. Шеф сказал ему, что и они имеют то же свойство. Если их соединить в определенном порядке, то и они расскажут историю. Он опустил руку в карман и нащупал клочок бумаги, подсунутый ему под дверь этим утром.

— Так что за историю они рассказывают, Оливье? — спросил Гамаш.

Понимание пришло к нему в самолете, когда он слышал щебет мальчика, выстраивавшего своих солдатиков в сложном боевом порядке. Гамаш думал о деле, думал о хайда, о хранителе, которому не давала покоя больная совесть и который наконец обрел покой в лесной глуши.

Старший инспектор подозревал, что то же самое случилось и с Отшельником. Он спрятался в лесу вместе со своими сокровищами. Но был найден. Много лет назад. Он сам нашел себя. И стал использовать деньги для затыкания щелей в стене и как туалетную бумагу. Первые издания книг он использовал, чтобы получать знания и скрашивать одиночество. Он ел каждый день с бесценных блюд.

И в лесной глуши он обрел свободу и счастье. И мир.

Но чего-то ему все же не хватало. Или, точнее, что-то мешало ему. Он освободился от грузов житейских, но какой-то груз давил ему на плечи. Истина.

И тогда он решил поделиться ею с кем-нибудь. С Оливье. Но он не мог заставить себя пойти на это. Вместо этого он поведал правду в притчевой, аллегорической форме.

— Он заставил меня пообещать ему, что я никому об этом не скажу. — Оливье уронил голову.

— И вы никому ничего не говорили. Пока он был жив. Вы сдержали обещание. Но теперь должны рассказать.

Оливье молча взял фотографии и разложил их в определенном порядке, над двумя помедлил несколько секунд, один раз поменяв их местами. Наконец они все легли перед ним, рассказывая историю Отшельника.

И тогда Оливье заговорил, по мере рассказа трогая ту или иную фотографию. Мягкий, чуть ли не гипнотический голос Оливье заполнял пространство между ними, и перед мысленным взором Гамаша представал Отшельник, каким он был при жизни. Поздним вечером сидел в своей хижине. Единственный его посетитель напротив него рядом с камином, в котором потрескивают дрова, слушает его историю гордыни, наказания и любви. И предательства.

Гамаш видел, как жители деревни, счастливые в своем неведении, покидают свои дома. И юноша бежит впереди, торопит их. В рай, как думали они. Но юноша знал иное. Он похитил сокровище Горы.

Хуже того.

Он обманул доверие Горы.

Теперь каждая фигура, вырезанная Отшельником, обретала смысл. Мужчины и женщины, которые ждут на берегу, дойдя до края земли. И парнишка, который, дойдя до грани отчаяния, присел от страха.

И тут прибыл корабль, посланный богами, завидовавшими Горе.

Но за их спиной постоянно нависала тень. И угроза чего-то невидимого, но вполне реального. Ужасная армия, собранная Горой. Армия Ярости и Мести, грозящая катастрофой. Гнев питал эту армию. А за всем этим — сама Гора, которую невозможно остановить, которая не знает пощады.

Она найдет всех обитателей деревни. И мальчика найдет. И найдет похищенное сокровище.

Наступавшая армия сеяла смерть и голод, разорение и болезни. Она оставляла за собой пустыню. Хаос вел армию, и хаос воцарялся там, где она прошла.

Бовуар слушал рассказ. Его рука в кармане мяла последнее послание от Рут, он чувствовал, как бумага напиталась потом с его ладони. Посмотрел на фотографии резных скульптурок и увидел жителей деревни, пребывающих в счастливом неведении, увидел, как они медленно преображаются, чувствуя приближение чего-то. А потом уже не чувствуя — зная.

И он, Бовуар, разделял их ужас.

Наконец войны и голод добрались до берегов Нового Света. Долгие годы бушевала война вокруг их нового дома, не доходя до него. Но потом…

Они все посмотрели на фотографию последней скульптуры. На ней жители деревни плотно сгрудились. Изможденные, в драных одеяниях. Они в ужасе поднимали головы вверх и смотрели.

Смотрели на четырех мужчин за столом.

Оливье замолчал. История закончилась.

— Продолжайте, — прошептал Гамаш.

— Это конец.

— А мальчик? — спросил Габри. — Его больше не видно на скульптурах. Куда он делся?

— Скрылся в лесу, зная, что Гора найдет жителей деревни.

— Так он и их предал? Предал собственную семью? Друзей? — спросил Бовуар.

Оливье кивнул:

— Но было и еще кое-что.

— Что?

— Что-то было за Горой. Что-то гнало ее. Что-то вгоняло в ужас даже саму Гору.

— Страшнее Хаоса? Страшнее смерти? — спросил Габри.

— Страшнее всего на свете.

— И что же это было? — спросил Гамаш.

— Не знаю. Отшельник не успел рассказать конец — его убили. Но я думаю, он его вырезал.

— Что это значит? — спросил Бовуар.

— У него было что-то в полотняном мешке, но он мне эту вещь никогда не показывал. Правда, он видел, что я все время поглядываю на этот мешок. Я никак не мог удержаться. А он только посмеивался и говорил, что когда-нибудь покажет мне, что там.

— А когда вы нашли Отшельника убитым? — спросил Гамаш.

— Мешок исчез.

— Почему вы не сказали нам об этом раньше? — рявкнул Бовуар.

— Потому что тогда мне пришлось бы признаться во всем — и в том, что я его знал, что брал у него скульптурки и продавал их. Он таким образом обеспечивал мое возвращение — раздавал свои сокровища понемногу.

— Опытный наркоторговец, — сказал Габри без обиды, но и без удивления.

— Как Шехерезада.

Все посмотрели на Гамаша.

— Кто? — спросил Габри.

— Это симфоническая сюита Римского-Корсакова. По «Тысяче и одной ночи».

Трое недоуменно смотрели на него.

— Восточный царь на ночь брал себе в спальню девушку, а наутро

убивал ее, — пояснил старший инспектор. — И вот он взял Шехерезаду. Она знала, что ее ждет, а потому заранее составила план.

— Убить царя? — спросил Габри.

— Лучше. Каждую ночь она рассказывала ему сказку, но оставляла ее незаконченной. И он оставлял ее живой, потому что хотел услышать конец.

— Может быть, Отшельник делал это, чтобы сохранить свою жизнь? — недоуменно спросил Бовуар.

— В некотором роде — да, — ответил Гамаш. — Ему, как и Горе, требовался собеседник, и, возможно, он достаточно хорошо изучил Оливье и понимал, что кормить его обещаниями — это единственный способ заставить его приходить снова и снова.

— Это несправедливо. Вы выставляете меня шлюхой. Я не только брал его вещи. Я помогал ему в огороде, приносил еду. Он немало получил от меня.

— Да, получил. Но и вы тоже получили немало. — Гамаш сплел пальцы своих больших рук и посмотрел на Оливье. — Кем был убитый?

— Он взял с меня слово хранить тайну.

— Тайны для вас важны. Это я понимаю. Вы были добрым другом Отшельника. Но теперь вы должны сказать нам, кто он был.

— Он приехал из Чехословакии, — сказал наконец Оливье. — Звали его Якоб. Фамилии своей он не называл. Он приехал сюда с падением Берлинской стены. Я думаю, мы не понимали, какой там царил хаос. Я помню, что думал о том, как, наверное, радуются эти люди, которые наконец-то обрели свободу. Но он говорил о других вещах. Все государственные институты были разрушены. Наступило беззаконие. Ничто не работало — ни телефоны, ни железные дороги. Самолеты перестали летать. Он говорил, что это было ужасно. Но и время для побега — идеальное. Для того, чтобы выбраться оттуда.

— Все, что было у него в этой хижине, он привез с собой?

Оливье кивнул:

— За американские доллары — он называл их твердой валютой — можно было организовать что угодно. У него были связи со здешними торговцами антиквариатом, он продал им кое-что из своих сокровищ, а вырученные деньги использовал на подкуп чехословацких чиновников. И ему помогли вывезти его коллекцию. Он погрузил все в контейнер, который доставили в порт Монреаля. Затем он поместил свои вещи на хранение и стал ждать.

— Чего?

— Пока не найдет дома.

— Сначала он побывал на островах Королевы Шарлотты, верно? — спросил Гамаш.

Помедлив, Оливье кивнул.

— Но он там не остался, — продолжил Гамаш. — Он хотел покоя и тишины, но там начались протесты, люди приезжали туда со всего мира. Поэтому он уехал. Вернулся сюда. Поближе к своим сокровищам. И решил найти себе место в Квебеке. В местных лесах.

И снова Оливье кивнул.

— А почему он выбрал Три Сосны?

Оливье отрицательно покачал головой:

— Не знаю. Я спрашивал, но он не отвечал.

— И что случилось потом?

— Как я уже сказал, он приехал сюда и стал строить себе хижину. Когда домик был готов, он стал понемногу привозить сюда свои сокровища. На это ушло какое-то время, но он никуда не спешил.

— А те сокровища, что он привез из Чехословакии, — они принадлежали ему? — спросил Гамаш.

— Я никогда не спрашивал, а он ничего об этом не говорил. Но я не думаю, что они принадлежали ему. Уж слишком он боялся. Я знаю, он прятался от чего-то. От кого-то. Но я не знаю от кого.

— Вы представляете, сколько мы из-за вас потеряли даром времени? Боже мой, и что только было у вас в голове? — сказал Бовуар.

— Я все время думал, что вы найдете убийцу и тогда вся эта ерунда останется в тайне.

— Ерунда? — переспросил Бовуар. — Вот как вы об этом думаете? Словно это несущественные подробности? Как мы, по-вашему, могли найти убийцу, если вы нагромоздили горы лжи, вынудив нас метаться по всей округе?

Гамаш чуть приподнял руку, и Бовуар заставил себя податься назад. Он глубоко вздохнул.

— Расскажите нам о Воо, — попросил Гамаш.

Оливье поднял голову, посмотрел усталыми глазами. Он был бледен, изможден, за неделю состарился лет на двадцать.

— Вы же сказали, что это кличка обезьянки, которая принадлежала Эмили Карр.

— Я тоже так думал, но потом много размышлял об этом. Мне кажется, для убитого это слово имело еще какое-то значение. Что-то личное. Пугающее. Мне кажется, оно было оставлено в паутине и вырезано в дереве как угроза. Это было что-то такое, о чем знали, вероятно, только

убийца и убитый.

— Тогда зачем спрашивать меня?

— Затем, что Якоб мог сказать вам об этом. Сказал или нет, Оливье?

Гамаш сверлил Оливье взглядом, требуя от него правды.

— Он мне ничего такого не говорил, — ответил наконец Оливье.

Этот ответ был воспринят с недоверием.

Гамаш не сводил с него взгляда, прилагая все силы, чтобы увидеть — что там, за наслоениями лжи. Или же Оливье на сей раз сказал правду?

Гамаш встал. У двери он остановился, повернулся. Оливье был как выжатый лимон. Не осталось ничего. По крайней мере, Гамаш надеялся на это. С раскрытием каждой лжи Оливье словно срывал с себя кусок кожи. И теперь он сидел в бистро с содранной кожей.

— А что случилось с молодым человеком? — спросил Гамаш. — Из этой притчи. Гора нашла его?

— Видимо, да, — ответил Оливье. — Ведь он мертв, верно?

Глава тридцать пятая

Гамаш принял душ и побрился в гостинице, переоделся. Кинул взгляд на свою кровать с ее чистыми, хрустящими простынями, отогнутым одеялом. Как ему хотелось лечь! Но он не стал слушать песни сирен, и вскоре они с Бовуаром прошли по деревне в оперативный штаб, где их ждали агенты Лакост и Морен.

Они сидели за столом для совещаний, перед ними стояли кружки с крепким кофе и резные скульптуры Отшельника. Старший инспектор кратко сообщил о своем пребывании на островах Королевы Шарлотты и разговоре с Оливье.

— Значит, убитый своими скульптурами все время рассказывал эту историю, — сказала Лакост.

— Давайте подведем итоги. — Бовуар подошел к листам бумаги на стене. — Отшельник бежит из Чехословакии со своими сокровищами, когда Советский Союз начинает рушиться. В стране царит хаос, поэтому ему удается подкупить чиновников в порту и доставить контейнер с сокровищами в Монреаль. Добравшись до места, он помещает сокровища на хранение.

— Будь он беженцем или иммигрантом, его отпечатки пальцев нашлись бы в базе, — сказал агент Морен.

Агент Лакост повернулась к нему. Она знала, что он молод и неопытен.

— В Канаде множество нелегальных иммигрантов. Некоторые скрываются. Другие добывают подложные документы, очень похожие на настоящие. Нужно только заплатить немного денег правильным людям.

— Значит, он проник в страну незаконно, — сказал Морен. — А как насчет старинных вещей? Они были украдены? Как они ему достались? Например, эта скрипка или панель из Янтарной комнаты?

— Суперинтендант Брюнель говорит, что Янтарная комната исчезла во время Второй мировой, — ответил Гамаш. — Существует немало гипотез относительно того, что с ней случилось. Одна из гипотез утверждает, что Альберт Шпеер спрятал ее в горах. Между Германией и Чехословакией.

— Правда? — сказала быстрая на ум Лакост. — Предположим, что этот Якоб нашел ее?

— Если бы он ее нашел, то у него была бы вся комната, — возразил Бовуар. — Что, если ее или ее часть нашел кто-то другой и продал Отшельнику?

— Что, если он ее украл? — подхватил Морен.

— Предположим, все вы правы, — сказал Гамаш. — Предположим, кто-то ее нашел. Может быть, много лет назад. И разбил на части. А все, что осталось его семье, — это единственная панель. Предположим, панель доверили Отшельнику, чтобы он вывез ее из страны.

— Зачем? — спросила Лакост, подаваясь вперед.

— Чтобы начать новую жизнь, — вскочил на ноги Бовуар. — Они не первые контрабандой протаскивали семейные ценности через границу и продавали, чтобы начать бизнес или купить дом в Канаде.

— Значит, эту панель дали Отшельнику, чтобы он вывез ее из страны, — сказал Морен.

— А вся коллекция — она что, поступила от разных людей? — предположила Лакост. — От одного — книга, от другого — бесценный предмет мебели или хрусталя или серебряный прибор? Что, если все эти вещи принадлежали разным людям, которые собирались начать здесь новую жизнь? И он контрабандой вывез все это из страны.

— Это может быть ответом на вопрос суперинтенданта Брюнель относительно такого разброса предметов, — сказал Гамаш. — Если предположить, что эти вещи не из одной коллекции, а из многих.

— Никто не стал бы доверять другому человеку вещи такой ценности, — заметил Бовуар.

— Возможно, у них не было выбора, — сказал старший инспектор. — Им необходимо было вывезти эти вещи из страны. Если он был незнакомым для них человеком, они бы не доверились ему. Но если он был другом…

— Как мальчик из той притчи, — сказал Бовуар. — Он предал всех, кто доверился ему.

Некоторое время они в молчании смотрели перед собой. Морен прежде не понимал, что убийц ловят молча. Но так оно и случалось.

Что могло произойти? Семьи ждали в Праге, в маленьких городках, в деревнях. Ждали известий от него. От друга, которому они доверяли. В какой момент надежда перешла в отчаяние? А потом в ярость? И месть?

Неужели один из них догадался, приехал в Новый Свет и нашел Отшельника?

— Но почему он поселился здесь? — спросил агент Морен.

— А почему нет? — ответил вопросом Бовуар.

— Здесь большая чешская община. Если при нем были ворованные вещи, которые он взял у людей в Чехословакии, то разве не лучше ему было держаться от них подальше?

Они обращались к Гамашу, который слушал и думал. Потом он подался вперед и разложил перед собой фотографии резных скульптур. Он вгляделся в ту, на которой были изображены счастливые люди, строящие свой новый дом. Без молодого человека.

— Возможно, лжет не только Оливье, — сказал он, вставая. — Возможно, Отшельник приехал в Канаду не один. Может, у него были пособники.

— Которые все еще живут в Трех Соснах, — сказал Бовуар.

* * *

Ханна Парра убирала со стола после ланча. Она приготовила наваристый суп, и в доме стоял запах, который часто витал в доме ее матери в чешской деревне. Запах бульона, петрушки, лаврового листа, овощей с огорода.

Ее новый, сверкающий металлом и стеклом дом — как он не похож на деревянный домишко, в котором она выросла! Тот был наполнен прекрасными ароматами и привкусом страха. Страха привлечь внимание. Выделиться. Ее родители, ее тетушки, ее соседи — все они прежде жили комфортабельной конформистской жизнью. Боялись, что кто-то увидит их непохожесть, несмотря на ту тонкую пленку, что разделяла людей.

Но здесь все было прозрачным. Стоило им прилететь в Канаду, как она почувствовала необыкновенную легкость. Здесь никто не совал нос в чужие дела.

По крайней мере, так ей казалось. Сверкнувший солнечный зайчик привлек внимание Ханны, и ее рука застыла над мраморной столешницей кухонного стола. К дому направлялась машина.

* * *

Арман Гамаш некоторое время разглядывал стеклянно-металлический куб перед ним. Он читал отчеты о допросах семейства Парра, в которых было и описание дома, и тем не менее вид этого сооружения застал его врасплох.

Дом сверкал на солнце. Не ослеплял, но сиял так, будто находился в несколько ином мире. В мире света.

— Как красиво, — сказал Гамаш, у которого перехватило дыхание.

— Вы еще посмотрите, что там внутри.

— Пожалуй, так я и сделаю.

Гамаш кивнул, и вдвоем с Бовуаром они двинулись через двор.

Ханна Парра впустила их, взяла их куртки.

— Старший инспектор, рада вас видеть.

В ее голосе слышался небольшой акцент, впрочем, говорила она на прекрасном французском. Так говорят люди, которые не только выучили чужой язык, но и полюбили его. А каждый произнесенный ею слог свидетельствовал об этом. Гамаш знал, что язык неотделим от культуры. Что одно без другого вянет. Любовь к языку свидетельствовала об уважении к культуре.

Именно поэтому он и сам так хорошо выучил английский.

— Мы бы хотели поговорить и с вашим мужем и сыном. Если это возможно.

Его тон был очень мягок, но уже одна эта вежливость придавала вес его словам.

— Хэвок сейчас в лесу, но Рор здесь.

— А где в лесу, мадам? — спросил Бовуар.

Ханна слегка смутилась:

— Там, за домом. Заготавливает сушняк на зиму.

— Не могли бы вы его позвать? — сказал Бовуар.

От стараний быть вежливым голос Бовуара становился лишь еще более зловещим.

— Мы не знаем, где он, — раздался голос у них за спиной.

Гамаш и Бовуар повернулись и увидели Рора, который стоял в прихожей. Он был плечистый, коренастый и мощный. Руки его лежали на бедрах, локти были выставлены в стороны — он походил на загнанное в угол животное, которое пытается казаться крупнее, чем на самом деле.

— Тогда мы можем поговорить с вами, — сказал Гамаш.

Рор не шелохнулся.

— Прошу вас, пройдите в кухню, — сказала Ханна. — Там теплее.

Она провела их в дом, стрельнув на ходу в Рора предостерегающим взглядом.

В комнате было тепло от проникающих сюда солнечных лучей.

— Mais, c’est formidable,[84] — сказал Гамаш.

Из окна высотой от пола до потолка видно было поле, а за ним — лес, а вдали — церковь Святого Томаса в Трех Соснах. Парра словно жили на природе, потому что дом ничуть не вторгался в окружающую среду, а был ее частью. Это было неожиданно. И уж определенно необычно. Но не

казалось чем-то чужеродным. Напротив, дом был здесь как нельзя на своем месте. Он выглядел идеально.

— Félicitations. — Он повернулся к Парра. — Удивительный дом. Вы, вероятно, долгое время вынашивали мечту построить его.

Рор уронил руки и указал на сиденье у стеклянного стола. Гамаш принял предложение.

— Мы некоторое время обсуждали это в семье. Я сделал этот выбор не сразу. Поначалу хотел построить что-нибудь более традиционное.

Гамаш посмотрел на Ханну, которая села во главе стола.

— Видимо, тут не обошлось без убедительных доводов, — заметил он, улыбнувшись.

— Это точно, — сказала Ханна, возвращая ему улыбку, вежливую, но без теплоты или юмора. — Сколько лет ушло! Здесь на участке стоял домик, и мы в нем жили, пока Хэвоку не исполнилось лет шесть. Он продолжал расти, и мне захотелось иметь дом, который бы нас устраивал.

— Je comprends,[85] но почему такая архитектура?

— Вам не нравится? — спросила она не настороженно, всего лишь заинтересованно.

— Вовсе нет. Мне ваш дом кажется великолепным. Он здесь очень на своем месте. Но вы должны признать, что выглядит он необычно. Ни у кого больше нет такого дома.

— Мы хотели построить что-нибудь совершенно не похожее на те дома, в которых росли. Мы хотели перемен.

— Мы? — переспросил Гамаш.

— Я был не против, — сказал Рор; голос его звучал жестко, но глаза смотрели опасливо. — К чему все эти вопросы?

Гамаш кивнул и подался к столу, положил свои большие руки на холодную поверхность.

— Почему ваш сын работает на Оливье?

— Ему нужны деньги, — сказала Ханна.

Гамаш кивнул:

— Понимаю. Но разве в лесу он не заработал бы больше? Или на стройке? Ведь официанты даже с учетом чаевых зарабатывают очень мало.

— Почему вы задаете нам эти вопросы? — спросила Ханна.

— Будь он здесь, я бы спросил у него.

Рор и Ханна переглянулись.

— Хэвок пошел в мать, — сказал наконец Рор. — Внешне он похож на меня, но характером в мать. Он любит людей. И хотя с удовольствием трудится в лесу, но предпочитает работать с людьми. Это бистро его

идеально устраивает. Он там счастлив.

Гамаш задумчиво кивнул.

— Хэвок каждый вечер работал в бистро допоздна, — сказал Бовуар. — Когда он приходил домой?

— Около часа. Редко позже.

— Но иногда все же и позже? — спросил Бовуар.

— Да, иногда случалось, — сказал Рор. — Я его не ждал — ложился спать.

— Я думаю, вы его дожидались, — обратился Бовуар к Ханне.

— Да, — ответила она. — Но не могу вспомнить, чтобы он возвращался после половины второго. Если клиенты засиживались, в особенности если там устраивались какие-нибудь вечеринки, ему приходилось убирать после окончания, поэтому он иногда приходил чуть позднее обычного. Но ненамного.

— Будьте осторожны, мадам, — тихо сказал Гамаш.

— Осторожна?

— Нам нужна правда.

— Вы и получаете правду, старший инспектор, — сказал Рор.

— Надеюсь. Кто был убитый?

— Почему полиция все время задает нам этот вопрос? — спросила Ханна. — Мы его не знали.

— Его звали Якоб, — сказал Бовуар. — И он был чех.

— Понятно, — сказал Рор, и его лицо перекосило от гнева. — Значит, по-вашему, все чехи знают друг друга? Вы хоть отдаете себе отчет в том, насколько это оскорбительно?

Арман Гамаш пододвинулся к Рору.

— Это не оскорбительно. Это свойственно человеческой природе. Если бы я жил в Праге, то меня тянуло бы к живущим там квебекцам. В особенности в начальный период. Он приехал сюда более десяти лет назад и построил хижину в лесу. Заполнил свой дом сокровищами. Вы не знаете, откуда они могли взяться?

— Откуда нам знать?

— Мы полагаем, он мог их украсть в Чехословакии.

— И поскольку они привезены из Чехословакии, мы должны об этом знать?

— Если он что-то украл, то неужели вы думаете, что он первым делом заявился бы на обед вскладчину, устраиваемый чешской общиной? — спросила Ханна. — Мы не знаем этого Якоба.

— Чем вы занимались до приезда сюда? — спросил Гамаш.

— Мы оба учились. Познакомились в Карловом университете в Праге, — сказал Ханна. — Я изучала политические науки, а Рор учился на техническом отделении.

— С вами понятно — вы здесь член совета, — сказал он Ханне, потом обратился к Рору. — Но вы, кажется, не работали здесь по специальности. Почему?

Парра помолчал, потом посмотрел на свои большие, грубые руки, поковырял мозоль:

— Я устал от людей. Не хотел иметь с ними ничего общего. Почему, вы думаете, здесь, вдали от городов, такое большое чешское сообщество? Потому что мы устали от людей, от их поступков. От людей, которых подстрекают другие, воодушевляют их. От людей, зараженных цинизмом, страхом, подозрительностью. Завистью и корыстью. От людей, которые готовы глотки перегрызть друг другу. Я не хочу иметь с ними ничего общего. Позвольте мне тихо работать в саду, в лесу. Люди — ужасные существа. Вы это знаете не хуже меня, старший инспектор. Вы видели, что они способны сделать друг с другом.

— Да, видел, — согласился Гамаш. Он замолчал на несколько секунд, и за это время перед его мысленным взором пронеслись все те ужасы, что он видел на своем посту начальника отдела по расследованию убийств. — Я знаю, на что способны люди. — После этого он улыбнулся и заговорил тихим голосом: — На плохое, но и на хорошее. Я видел жертвенность, я видел прощение в ситуациях, где оно казалось невозможным. Доброта существует, месье Парра. Поверьте мне.

И на несколько секунд возникло ощущение, что Рор Парра может в это поверить. Он смотрел на Гамаша широко раскрытыми глазами, словно этот большой, спокойный человек приглашал его в дом, в который Рору так хотелось войти. Но потом он отступил.

— Вы глупы, старший инспектор. — Он уничижительно рассмеялся.

— Но при этом и счастлив, — улыбнулся Гамаш. — Так о чем мы тут говорили? Ах да, об убийстве.

— Чья это там машина на дорожке? — донесся из прихожей молодой голос, а еще через секунду хлопнула дверь.

Бовуар встал. Ханна и Рор тоже встали и уставились друг на друга. Гамаш подошел к кухонной двери:

— Это моя машина, Хэвок. Мы можем поговорить?

— Конечно.

Молодой человек вошел в кухню, снял шапку. Лицо у него было потное, в грязи, и он обезоруживающе улыбался.

— А что так серьезно? — Он изменился в лице. — Уж не случилось ли еще одно убийство?

— С чего вы взяли? — спросил Гамаш, глядя на него.

— Вы такой мрачный. Мне кажется, будто сегодня день, когда в школе выдают табель успеваемости.

— В некотором роде, пожалуй, так оно и есть. Время подвести итоги.

Гамаш показал на стул рядом с отцом Хэвока, и молодой человек сел. Сел и Гамаш.

— Вы с Оливье последними уходили из бистро вечером в прошлую субботу?

— Верно. Оливье ушел, а я закрыл дверь.

— Куда направился Оливье?

— Домой, наверное, — пожал плечами Хэвок.

— Нам теперь известно, что Оливье по ночам бывал у Отшельника. Как раз по субботам.

— Это точно?

— Точно.

Самообладание молодого человека было слишком уж идеальным. Даже наигранным, как показалось Гамашу.

— Но об Отшельнике знал и кое-кто еще. Не только Оливье. Якоба можно было найти двумя разными способами. Один — это пройти заросшими ездовыми тропинками. А другой — выследить Оливье. На его пути к хижине.

Улыбка сошла с лица Хэвока.

— Вы хотите сказать, что я пошел следом за Оливье? — Молодой человек перевел взгляд с Гамаша на родителей, всмотрелся в их лица, потом снова посмотрел на Гамаша.

— Где вы были только что?

— В лесу.

Гамаш задумчиво кивнул:

— И чем занимались?

— Заготавливал дрова.

— Но мы не слышали работы пилы.

— Напилил я раньше. А сейчас только складывал. — На сей раз Хэвок метнул быстрый взгляд в сторону отца.

Гамаш встал, сделал несколько шагов в сторону двери, наклонился и поднял что-то. Потом сел и положил поднятое на полированный стол. Это была деревянная щепка. Нет. Стружка. Скрученная.

— На что вы построили этот дом? — спросил Гамаш.

— Что вы имеете в виду? — выпалил Рор.

— Он стоит несколько сотен тысяч долларов. Одних материалов сколько ушло. Добавить оплату архитектора, подготовку чертежей для такого необычного дома. Потом оплата строителям. Вы говорите, что построили его пятнадцать лет назад. Какие произошли события, позволившие вам сделать это? Где вы достали деньги?

— А какие, по-вашему, могли произойти события? — Рор подался к старшему инспектору. — Вы, квебекцы, такой обособленный народ. Что произошло пятнадцать лет назад? Давайте вспомним. Был референдум о независимости Квебека, был страшный лесной пожар в Абитиби, в провинции прошли выборы. Больше вроде бы ничего.

Эти слова, посланные в лицо Гамашу, сотрясли стружку, лежащую на столе.

— Я все это пережил, — закончил Рор. — Боже мой, как же вы можете не знать, что произошло тогда?

— Чехословакия разделилась, — сказал Гамаш. — На Словакию и Чешскую Республику. Фактически это произошло лет двадцать назад, но последствия могут сказываться и дольше. Те стены рушились, а эти, — он кинул взгляд на стеклянные стены дома, — эти росли.

— Мы можем снова видеться с нашей семьей, — сказала Ханна. — То, с чем мы прощались навсегда, вернулось. Семья, друзья.

— Искусство, серебро, фамильные ценности, — сказал Бовуар.

— Вы думаете, эти вещи имели значение? — спросила Ханна. — Мы так долго жили без них. Мы тосковали по людям, а не по вещам. Мы даже не смели надеяться. Нас обманывали и раньше. Летом шестьдесят восьмого года. И конечно, те сообщения, что мы видели на Западе, отличались от рассказов, которые доходили до нас из дома. Здесь мы слышали только о том, как там все замечательно. Мы видели, как люди машут флажками и поют. Но мои двоюродные родственники и тетушки рассказывали другую историю. Старая система была ужасна. Коррумпированная, жестокая. Но она, по крайней мере, была системой. Когда она рухнула, не осталось ничего. Вакуум. Хаос.

Гамаш чуть наклонил голову, услышав это слово. Опять. Хаос.

— Это было ужасно. Людей избивали, убивали, грабили. А ни полиции, ни судов не было.

— Подходящее время для того, чтобы вывезти ценные вещи, — сказал Бовуар.

— Мы хотели помочь с выездом нашей двоюродной родне, но они решили остаться, — сказал Рор.

— А моя тетушка, конечно, решила остаться с ними.

— Конечно, — сказал Гамаш. — Но если не люди, то что — вещи?

Секунду спустя Ханна кивнула:

— Нам удалось вывезти кое-какие фамильные ценности. Мои мать и отец спрятали их после войны и сказали нам, что их нужно приберечь для обмена, для торговли, если дела пойдут плохо.

— И дела пошли плохо.

— Мы тайком вывезли их и продали. И потому смогли построить дом нашей мечты, — сказала Ханна. — Мы тяжело шли к этому решению, но в конечном счете я решила, что мои родители поняли бы нас и одобрили. Ведь то были всего лишь вещи. А главное в жизни — это дом.

— И что у вас было? — спросил Бовуар.

— Несколько картин, хорошая мебель, несколько икон. Дом для нас был важнее икон, — сказала Ханна.

— Кому вы все это продали?

— Одному дилеру в Нью-Йорке. Другу друзей. Могу назвать его имя. Он взял небольшие комиссионные, но сумел получить хорошую цену, — сказал Парра.

— Прошу вас. Я бы хотел с ним поговорить. Вы явно хорошо воспользовались деньгами. — Старший инспектор обратился к Рору: — Вы ведь еще и плотник?

— Да, могу плотничать.

— А вы? — спросил Гамаш у Хэвока, который в ответ пожал плечами. — Нет, мне нужно услышать ваш ответ.

— Я тоже могу.

Гамаш протянул руку и толкнул стружку по столу так, что она остановилась перед Хэвоком. Гамаш ждал.

— Я в лесу вырезал немного, — признал Хэвок. — Я люблю, когда работа закончена, посидеть немного и повырезать. Это дает возможность расслабиться. Подумать. Остыть. Я делаю игрушки и всякие штуки для Шарля Мюндена. Старик дал мне несколько чурбанов и показал, как это делается. По большей части у меня ничего толкового не выходит, и я выкидываю или сжигаю такие неудавшиеся штуки. Но иногда что-то получается, и я дарю игрушку Шарлю. А почему вас это интересует?

— Рядом с убитым был найден кусок дерева. А на нем вырезано слово «Woo». Сделал это не Якоб. Мы думаем, это дело рук убийцы.

— Вы думаете, что Хэвок… — Рор не смог закончить предложения.

— У меня есть ордер на обыск, и бригада криминалистов уже в пути.

— И что вы ищете? — спросила Ханна, побледнев. — Инструмент для

резьбы по дереву? Мы и так можем отдать вам его.

— Дело не только в этом, мадам. Из хижины Якоба пропали две вещи. Орудие убийства и маленький полотняный мешок. Их мы тоже ищем.

— Мы ничего такого не видели, — сказала Ханна. — Хэвок, принеси свои инструменты.

Хэвок повел Бовуара в сарай, а Гамаш остался ждать криминалистов, которые появились несколько минут спустя. Бовуар вернулся с инструментом и еще кое-чем.

Куски дерева. Красный кедр. С резьбой.

Было решено, что Бовуар останется руководить обыском, а Гамаш вернется в оперативный штаб. Перед тем как Гамаш уехал, они поговорили в машине.

— Ну и кто из них, как вы думаете? — спросил Бовуар, передавая Гамашу ключи. — Хэвок мог пойти следом за Оливье и найти хижину. Но это мог быть и Рор. Он мог обнаружить хижину, когда расчищал тропинки. Конечно, это могла сделать и мать. Для этого убийства не требовалось так уж много силы. Злости — да, адреналина, но не силы. Предположим, Якоб украл вещи у семьи Парра в Чехословакии. Потом он появился здесь, и они его узнали. А он узнал их. И спрятался в лесу.

— А может быть, Якоб и Парра действовали заодно, — сказал Гамаш. — Может быть, они втроем убедили друзей и соседей в Чехословакии отдать им свои семейные реликвии, а потом исчезли.

— И Якоб, оказавшись здесь, улизнул от своих партнеров — спрятался в лесу. Но Рор нашел его, обновляя старые ездовые тропинки.

Криминалисты начали свою работу. Вскоре они будут знать о Парра практически всё.

Гамашу нужно было собраться с мыслями. Он протянул ключи от машины Бовуару:

— Я прогуляюсь.

— Вы шутите? — спросил Бовуар, для которого ходьба была наказанием. — Это же за день не дойти.

— Мне это пойдет на пользу — проветрю мозги. Встретимся в Трех Соснах.

Махнув Бовуару на прощание рукой, он двинулся по грунтовой дороге в деревню. В ароматном осеннем воздухе жужжали несколько ос, но Гамаш их явно не интересовал. Они были жирные и ленивые, чуть ли не пьяные от яблочного, грушевого и виноградного нектара.

Казалось, еще вот-вот — и мир начнет разлагаться.

Гамаш шел все дальше, и знакомые запахи и звуки сошли на нет, а к

нему присоединились хранитель Джон, умеющая летать Лавина, маленький мальчик по другую сторону прохода на рейсе «Эйр Кэнада». Мальчик, который тоже летал и рассказывал истории.

Мотивом этого убийства на первый взгляд были сокровища. Но Гамаш знал, что это не так. Этот мотив был лишь внешним, кажущимся. А настоящий мотив был невидим. Как всегда и происходит при убийстве.

Мотив этого убийства — страх. И ложь, как производное этого страха. Но если смотреть еще глубже, то мотив этого убийства — истории. Истории, рассказываемые людьми миру и самим себе. Мифология и тотемы, эта тонкая граница между притчей и фактом. И людьми, которые падают в пропасть. Мотивом этого убийства были истории, рассказанные скульптурами Якоба. О Хаосе и Ярости, о Горе́ Отчаяния и Гнева. И о чем-то еще. О чем-то таком, что приводило в ужас даже Гору.

А в самой сердцевине всего этого, как знал теперь Гамаш, находились жестокие слова.

Глава тридцать шестая

Криминалисты уже дважды обыскали весь дом, но пошли по третьему разу. Смотрели под половицами, под карнизами, за картинами. Они искали, искали и искали.

И наконец нашли.

Нашли за кирпичами громадного камина. За тем, что казалось негаснущим огнем. Огонь пришлось погасить и удалить из камина чадящее полено. И тогда криминалисты полиции нашли сначала один, потом два, а потом и четыре незакрепленных кирпича. Когда их вытащили, за ними обнаружился маленький тайник.

Инспектор Бовуар осторожно засунул туда руку в перчатке, измазав сажей рукав и плечо.

— Что-то есть, — сказал он.

На него были устремлены все глаза. Все смотрели, как он медленно извлекает руку из тайника. Он поставил на стол перед старшим инспектором серебряный канделябр. Семисвечник. Даже Бовуар, который абсолютно не разбирался в серебре, понял, что перед ними нечто выдающееся. Простое, изящное и старинное.

Этот семисвечник пережил осады, погромы, убийства, холокост. Люди хранили его, прятали, стерегли, молились перед ним. Но вот однажды ночью в квебекском лесу кто-то уничтожил его.

Этим семисвечником убили человека.

— Парафин? — Инспектор Бовуар показал на кусочки полупрозрачного материала, прилипшего к серебру. И смешанного с сухой кровью. — Он сам делал для себя свечи. Вот почему в его хижине был парафин: не для консервов, а для изготовления свечей.

Гамаш кивнул.

Бовуар вернулся к камину и засунул руку в темную дыру. Они увидели, как его лицо немного изменилось от удивления — его рука нащупала что-то еще.

Рядом с семисвечником он положил небольшой полотняный мешочек. Все молчали. Наконец старший инспектор Гамаш задал вопрос человеку, который сидел напротив него:

— Вы заглядывали внутрь?

— Нет.

— Почему?

Последовала еще одна пауза, но Гамаш не стал его торопить. Теперь никакой спешки не было.

— У меня не хватило времени. Я взял это в хижине Отшельника вместе с канделябром, думая, что рассмотрю утром. Но тут обнаружили тело, и поднялась вся эта шумиха.

— Вы поэтому затопили камины до прибытия полиции, Оливье?

Оливье повесил голову. Все было кончено. Наконец-то.

— Откуда вы узнали, где искать? — спросил он.

— Я не знал. Поначалу не знал. Но пока сидел здесь и смотрел, как проходит обыск, я вспомнил, что прежде здесь был магазин строительных товаров. И камины вам пришлось перестроить. Они были здесь единственным обновлением, хотя их и сделали под старину. И я вспомнил огонь, который горел в то сырое, но вовсе не холодное утро. Первое, что вы сделали, найдя здесь тело. Почему? — Он кивнул в сторону находок на столе. — Чтобы мы не нашли вот это.

Арман Гамаш подался к Оливье, сидевшему напротив него за семисвечником и полотняным мешочком. К Оливье, переступившему черту.

— Так что случилось? Расскажите нам наконец правду.

Габри, который все еще не мог прийти в себя от увиденного, сидел рядом с Оливье. Поначалу, когда полиция вернулась из дома Парра в бистро, Габри это позабавило. Он произнес несколько натянутых шуток. Но обыск становился все более и более дотошным, и Габри стало не до шуток. Сначала он демонстрировал раздражение, потом злость. А теперь не мог прийти в себя — так был потрясен.

Но он постоянно был рядом с Оливье. Не покинул его и сейчас.

— Он был мертв, когда я его нашел. Я признаю, что взял эти вещи. — Оливье сделал движение в сторону семисвечника и мешка. — Но я его не убивал.

— Будьте осторожны, Оливье. Я вас очень прошу.

В голосе Гамаша слышалось что-то такое, от чего даже у присутствующих полицейских мурашки побежали по коже.

— Это правда.

Оливье закрыл глаза, почти веря, что если он ничего не видит, то ничего и нет. Серебряный семисвечник и грязный мешочек — их нет больше на столе в его бистро. Полиции нет в зале. Только он и Габри. И тишина.

Наконец он открыл глаза и увидел, что старший инспектор сверлит его взглядом.

— Я его не убивал. Что хотите со мной делайте — я его не убивал.

Он повернулся к Габри, который тоже посмотрел на него, потом взял его за руку и обратился к старшему инспектору:

— Послушайте, вы же знаете Оливье. Я знаю Оливье. Не делал он этого.

Оливье стрелял глазами то в одного, то в другого. Может быть, это спасение? Трещинка, пусть и самая узкая, через которую он сможет уйти.

— Расскажите мне, что случилось, — повторил Гамаш.

— Я уже рассказал.

— Еще раз.

Оливье глубоко вздохнул:

— Я оставил Хэвока закрывать дверь, а сам отправился в хижину. Пробыл там минут сорок пять, выпил чашку чая, а когда уходил, он захотел дать мне маленький кувшинчик. Но я забыл его взять. Я понял это, когда уже вернулся в деревню, и разозлился. Меня вывело из себя, что он все время обещал отдать мне это, — он ткнул пальцем в мешочек, — но дальше обещаний дело не шло. Только всякие мелочи.

— Этот кувшинчик был оценен в пятьдесят тысяч долларов. Он принадлежал Екатерине Великой.

— Но кувшинчик кувшинчиком, а эта штука — другое дело. — Он посмотрел на мешочек. — Когда я вернулся, Отшельник был мертв.

— Вы сказали нам, что мешочек исчез.

— Я солгал. Он был на месте.

— А семисвечник раньше вы видели?

Оливье кивнул:

— Он им все время пользовался.

— Для молитвы?

— Для освещения.

— Он тоже практически бесценный. Я полагаю, вы это знали.

— Вы хотите сказать, что поэтому я его и взял? Нет, я его взял, потому что на нем повсюду были отпечатки моих пальцев. Я брал его в руки сотни раз. Зажигал свечи, ставил новые.

— Опишите нам все это, — сказал Гамаш спокойным, рассудительным голосом.

Оливье заговорил, и перед их мысленным взором развернулась эта сцена. Оливье вернулся в хижину. Увидел, что дверь приоткрыта и через щель на крыльцо пробивается луч света. Оливье открыл дверь — и увидел Отшельника. И кровь. Оливье подошел, ошарашенный, и подобрал предмет, лежавший у руки Отшельника. И, увидев кровь — слишком поздно, — уронил его. Предмет отскочил под кровать, где его позднее

нашла агент Лакост. Boo.

Еще Оливье увидел на полу семисвечник. Покрытый кровью.

Он бросился из комнаты на крыльцо, собрался бежать. Но остановился. Ужасная сцена. Человек, которого он знал, с которым успел сблизиться, умер насильственной смертью. А за его спиной был темный лес и петляющая по нему тропинка.

И кто между тем и другим, как в западне?

Оливье.

Он упал в кресло-качалку на крыльце, задумался. Спиной к жуткой сцене в хижине, мыслями устремляясь вперед.

Что делать дальше?

Оливье понимал, что проблема состоит в ездовых тропинках. Он уже несколько недель понимал это. С того времени, когда Жильберы неожиданно купили старый дом Хадли и еще более неожиданно надумали обновить тропинки.

— Теперь я понимаю, почему ты их так ненавидел, — тихо сказал Габри. — Мне казалось, что ты преувеличиваешь. А дело было не только в конкуренции с бистро и гостиницей, да?

— Дело было в тропинках. Я был испуган и злился на них за то, что они наняли Рора прочистить старые тропинки. Я знал, что он найдет хижину — и все кончится.

— И что вы сделали? — спросил Гамаш.

И Оливье рассказал им.

Он просидел на этом крыльце, погрузившись в размышления, целую вечность. Взвешивал все снова и снова. И наконец пришел к coup de grâce.[86] Решил, что Отшельник может оказать ему последнюю услугу. Он может погубить Марка Жильбера и остановить прочистку дорожек — раз и навсегда.

— Я погрузил тело в тачку и отвез в старый дом Хадли. Я знал, что, если там будет найдено еще одно тело, это уничтожит бизнес. Гостиницу, спа-салон и дорожки. Рор прекратит работы. Жильберы уедут. Дорожки снова зарастут.

— И что потом? — спросил Гамаш.

Оливье помедлил.

— И тогда я мог бы забрать из хижины то, что мне нужно. Все бы сложилось к лучшему.

Трое людей уставились на него. Ни один из них не смотрел с восхищением.

— Ах, Оливье, — проговорил Габри.

— А что еще я мог сделать? — воззвал Оливье к своему партнеру. — Я не мог допустить, чтобы они нашли хижину.

Как объяснить, насколько разумным, даже блестящим казалось такое решение в половине третьего ночи, в темноте, с мертвецом в десяти футах?

— Ты хоть понимаешь, как это выглядит? — прошептал Габри.

Оливье кивнул и опустил голову.

Габри обратился к старшему инспектору Гамашу:

— Он бы никогда этого не сделал, если бы убил этого человека. Ведь я правильно говорю? Ты бы тогда пытался скрыть убийство, а не афишировать его.

— И что дальше? — спросил Гамаш. Он не игнорировал Габри — просто не хотел, чтобы разговор уходил в сторону.

— Я оттащил тачку назад, взял две эти вещицы и ушел.

Они посмотрели на стол. Самые роковые предметы. И самые дорогие. Орудие убийства и мешочек.

— Я принес их сюда и спрятал в тайнике за камином.

— И не заглянули в мешочек? — снова спросил Гамаш.

— Я думал, у меня будет куча времени — полиция все внимание будет уделять дому Жильберов. Но когда на следующее утро Мирна нашла здесь тело, я чуть не умер от ужаса. Я не понимал, как это могло произойти. Поэтому я растопил камины, чтобы вы не стали искать в них улики. И потом бистро было все время в центре внимания. И я решил делать вид, что этих вещей просто не существует. Что ничего этого не было.

Он закончил — и наступило молчание.

Гамаш откинулся на спинку стула и несколько секунд смотрел на Оливье.

— Расскажите мне конец истории — той, что Отшельник рассказывал своими скульптурами.

— Я не знаю конца. Не узнаю, пока мы не заглянем туда. — Оливье не мог оторвать глаз от мешочка.

— Я думаю, сейчас в этом нет нужды. — Гамаш подался вперед. — Расскажите мне историю.

Оливье недоуменно посмотрел на Гамаша:

— Я рассказал все, что знаю. Он дошел до того момента, когда армия нашла жителей деревни.

— И наступал Ужас — я это помню. А теперь я хочу услышать конец.

— Но я не знаю, чем кончается эта история.

— Оливье… — умоляюще произнес Габри.

Оливье выдержал взгляд партнера, потом посмотрел на Гамаша:

— А вы знаете?

— Я знаю, — кивнул Гамаш.

— И что вы знаете? — спросил Габри, поглядывая то на Гамаша, то на Оливье. — Скажите мне.

— Что эту историю рассказывал не Отшельник, — ответил Гамаш.

Габри уставился на Гамаша непонимающим взглядом. Потом посмотрел на Оливье. Тот кивнул.

— Ты? — прошептал Габри.

Оливье закрыл глаза, и бистро исчезло. Он услышал потрескивание огня в хижине Отшельника. Ощутил запах горящего дерева и дымка. Почувствовал теплую кружку с чаем в своих руках — он сотни раз пил там чай. Увидел скрипку, поблескивающую в свете пламени. Напротив него сидел этот жалкий человек в чистой, но латаной одежде и в окружении сокровищ. Отшельник подавался вперед, его глаза горели и наполнялись страхом. Он слушал. А Оливье говорил.

Оливье открыл глаза, возвращаясь в бистро.

— Отшельник боялся чего-то. Я понял это, когда впервые увидел его вот в этом самом зале. С годами он все больше и больше замыкался, а потом вообще перестал покидать хижину и появляться в поселке. Он спрашивал меня о том, что происходит в мире. Я рассказывал ему о политике, о войнах, о всяких местных делах. Как-то раз я рассказал ему о концерте в нашей церкви. Ты там пел. — Он посмотрел на Габри. — И он захотел прийти.

И вот он дошел до точки невозврата. Произнеся эти слова однажды, он уже не мог взять их назад.

— Я не должен был это допустить. Не хотел, чтобы с ним познакомился кто-то еще. Может быть, даже подружился. И я сказал Отшельнику, что концерт отменили. Он спросил почему. Не знаю, что на меня нашло, но я начал выдумывать историю про Гору и жителей деревни. И про мальчика, который украл что-то важное у Горы, убежал, спрятался.

Оливье уставился на кромку стола, вперился в нее взглядом. Он видел отполированную структуру дерева. Отполированную прикасавшимися к дереву руками, которые то гладили его, то просто покоились на нем в течение поколений. Как делал это теперь он.

— Отшельник боялся чего-то, а от моих рассказов его страх только увеличивался. Он погружался в смятение, становился более впечатлительным. Я знал, что, если буду рассказывать ему об ужасах, творящихся в мире, он мне поверит.

Габри отодвинулся от партнера, чтобы увидеть его целиком.

— Ты делал это специально? Вызывал у него страх перед окружающим миром, чтобы он не ушел? Оливье…

Последнее слово Габри выдохнул так, словно хотел поскорее избавиться от него.

— Но это еще не все, — тихо сказал Гамаш. — Ваши истории не только сделали его пленником, а его сокровища — недоступными ни для кого другого, они также вдохновили его на создание резных скульптур. Интересно, что вы почувствовали, когда увидели первую.

— Я и в самом деле чуть не выкинул ее. Но потом убедил себя, что это ценная вещь. Мои истории вдохновляли его. Помогали творить.

— Скульптуры с двигающимися горами, монстрами и армиями, которые угрожают ему? Беднягу, наверное, от твоих россказней кошмары замучили, — сказал Габри.

— И что же значит Воо? — спросил Гамаш.

— Не знаю, могу только догадываться. Иногда, когда я рассказывал ему историю, он произносил это слово. Поначалу я думал, это просто выдох. Но потом понял: он произносит слово. Воо.

Оливье повторил слово так, как это делал Отшельник, шепотком: Воо.

— И вы изготовили паутину с этим словом, в подражание «Паутинке Шарлотты», книге, которую он просил вас найти.

— Нет. Как я мог это сделать? Я бы даже не знал, с чего начать.

— И все же Габри говорит, что ребенком вы сами шили себе одежду. Если вам было нужно, то вы могли.

— Нет, — не отступал Оливье.

— И вы признали, что Отшельник научил вас искусству резьбы по дереву.

— Но у меня плохо получалось, — умоляющим голосом сказал Оливье.

По их лицам он видел, что они не верят ему.

— Резьба была не очень хороша. Но вырезанное слово Воо — ваших рук дело. — Гамаш подался вперед. — Вы сделали это много лет назад. Вам не обязательно было знать, какой оно несет смысл. Достаточно было и того, что оно означает что-то для Отшельника. Что-то ужасное. И вы хранили это слово, чтобы в один прекрасный день воспользоваться им. Так страны хранят самое убийственное оружие до дня, когда оно может понадобиться. Это слово, вырезанное на дереве, было вашим самым тяжелым оружием. Вашим Нагасаки. Последней бомбой, сброшенной на уставшего, запуганного и выжившего из ума человека. Вы играли на его чувстве вины, усиленном изоляцией. Вы догадывались, что он похитил эти

вещи, а потому придумали историю про мальчика и Гору. И она сделала свое дело. Надежно удерживала его в хижине. Но и подвигла на создание этих скульптурок, которые, по иронии судьбы, стали его главным сокровищем.

— Я его не убивал.

— Ты сделал его пленником. Как ты мог? — сказал Габри.

— Я не говорил ничего такого, чему он не хотел бы верить.

— На самом деле ты так не думаешь, — сказал Габри.

Гамаш посмотрел на два предмета перед ним. Семисвечник, которым было совершено убийство. И мешочек. Мотив убийства. Он дальше не мог это откладывать. Пришла пора для его собственных жестоких слов. Он встал.

— Оливье Брюле, — сказал старший инспектор Гамаш, — я арестую вас по обвинению в убийстве. — Голос Гамаша звучал устало, лицо было мрачно.

Глава тридцать седьмая

Когда Арман Гамаш появился в Трех Соснах в следующий раз, земля была схвачена морозом. Он остановил машину у старого дома Хадли и пошел по тропинке в лес — все глубже и глубже. Листья опали с деревьев и похрустывали под его ногами. Он подобрал один из них и в который раз изумился совершенству природы, придававшей листьям наибольшую красоту к самому концу их жизни.

Время от времени он останавливался, но не для того, чтобы сориентироваться, — он знал, куда идет и как туда добраться, — но чтобы насладиться природой. Тишиной. Мягкий свет теперь проникал сквозь голые ветви до самой земли, которая редко видела солнце. Деревья издавали терпкий, густой сладковатый запах. Гамаш шел медленно, без спешки и через полчаса оказался у хижины. Остановился на крыльце, опять с улыбкой отметив медные цифры над дверью.

Потом он вошел.

Он не появлялся в хижине с тех пор, как все сокровища были сфотографированы, проверены на отпечатки пальцев, описаны и увезены.

У густого ржавого пятна на дощатом полу Гамаш помедлил.

Потом обошел простую комнату. Он знал, что вполне мог бы жить здесь. Имея всего одну драгоценность. Рейн-Мари.

Два стула для дружбы.

Он стоял, смотрел, а хижина понемногу наполнялась старинными вещами, предметами антиквариата, первыми изданиями знаменитых книг. И навязчивой кельтской мелодией. Старший инспектор снова видел, как молодой Морен превращает скрипку в народный инструмент — его руки напрягаются, словно созданы для игры.

Потом он увидел Отшельника Якоба, который в одиночестве вырезал свои скульптуры у огня. На инкрустированном столике лежал томик Торо. К каминному камню прислонена скрипка. Человек, который казался гораздо старше своих лет. Человек, которого состарил страх. И что-то еще. То, чего боялась даже Гора.

Гамаш вспомнил две скульптурки, спрятанные Отшельником. Они отличались от всех остальных — шифром, вырезанным снизу. Поначалу он считал, что ключ к раскрытию шифра Цезаря — имя Шарлотта. Потом решил, что это числительное шестнадцать. Это объясняло бы странные цифры над дверью.

Однако шифр Цезаря так и остался неразгаданным. Тайна.

Гамаш задумался. Шифр Цезаря. Как его объяснял Жером Брюнель? Что сделал Юлий Цезарь со своим первым шифром? Он использовал не слово, а цифру. Сдвинул алфавит на три буквы.

Гамаш подошел к камину и извлек из нагрудного кармана блокнот и авторучку. Начал писать. Сначала написал в строку алфавит, а под этой строкой — буквы алфавита, начиная с шестнадцатой. Вот в чем был ключ. Не в слове шестнадцать, а в числе. 16.

А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я

П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч,Ш,Щ,Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О

Внимательно, боясь совершить в спешке ошибку, Гамаш проверил буквы. Снизу скульптуры, изображающей людей на берегу, Отшельник вырезал ИРБЬЯГГР… ШАРЛ… Гамаш был целиком сосредоточен, заставлял себя не спешить. ОТТА.

Он протяжно выдохнул, произнеся слово «Шарлотта».

Потом он принялся за шифр снизу скульптуры, изображающей исполненных надежды людей. НЭШЬШ.

Минута-другая — и он расшифровал и это.

«Эмили».

Он с улыбкой вспомнил, как пролетал над окутанными туманом горами. Вспомнил легенду. Духи и призраки. Он вспомнил место, забытое временем. И хранителя Джона, который никак не мог забыть прошлое. И тотемные шесты, увековеченные дурнушкой-художницей.

Какое послание отправлял Якоб Отшельник? Знал ли он, что ему угрожает опасность, и потому оставлял это послание, этот ключ? Или, как подозревал Гамаш, это носило какой-то более личный характер? Может быть, даже служило каким-то утешением?

Этот человек не случайно хранил те две скульптурки. И не случайно оставил на них шифр. Он написал имена Шарлотта и Эмили. И не случайно сделал скульптуры из красного кедра с островов Королевы Шарлотты.

Что требуется одинокому человеку? У него вроде бы всё есть. Еда, вода, книги, музыка. При нем его увлечения и искусство. Чудный огород. Чего же ему не хватает?

Компании. Общества. Не выходить за черту. Два стула для дружбы. Эти скульптурки составляли ему компанию.

Возможно, Гамашу никогда не удастся это доказать, но он точно знал, что Отшельник побывал на островах Королевы Шарлотты. Почти наверняка это случилось по его прибытии в Канаду. Там он научился искусству резьбы, научился строить лесные бревенчатые домики. Там он впервые вкусил покой, который вскоре был нарушен протестами. Место, где ты обрел покой, не забывается никогда, как первая любовь.

В этот лес он приехал, чтобы воссоздать то, что имел там. Он построил себе точно такую хижину, какие видел на островах. Он делал скульптуры из красного кедра, испытывая те же ощущения, чувствуя тот же запах. И для компании он вырезал людей. Счастливых людей.

Кроме одного.

Его творения стали для него семьей. Друзьями. Он хранил их, берег. Дал им имена. Спал, кладя их под подушку. А они в свою очередь составляли ему компанию в долгие, холодные темные ночи, когда он прислушивался к треску веток и приближению того, что страшнее смерти.

Тут Гамаш услышал, как под чьей-то ногой хрустнул засохший прутик, и напрягся.

— Позвольте присоединиться к вам?

На крыльце стоял Винсент Жильбер.

— S’il vous plaît.

Жильбер вошел, и они пожали друг другу руки.

— Я был у Марка и увидел вашу машину. Надеюсь, вы не против, что я последовал за вами?

— Ничуть.

— Вы, кажется, были погружены в свои мысли.

— Есть над чем подумать, — сказал Гамаш, чуть улыбнувшись. Он засунул блокнотик в нагрудный карман.

— Вы проделали очень непростую работу. Жаль, что это было необходимо.

Гамаш ничего не ответил, и двое мужчин некоторое время молча стояли в хижине.

— Что ж, не буду вам мешать, — сказал наконец Жильбер и направился к двери.

Гамаш помедлил, но пошел следом.

— В этом нет необходимости. Я здесь закончил. — Он, не оглянувшись, закрыл за собой дверь и присоединился к Жильберу на крыльце.

— Я подписал ее для вас. — Жильбер протянул Гамашу книгу в твердой обложке. — Ее переиздали после того, как поднялся весь этот шум

в связи с убийством и процессом. Похоже, это бестселлер.

— Merci. — Гамаш перевернул новенький экземпляр «Бытия», чтобы посмотреть на фотографию автора. Ни ухмылки. Ни нахмуренного взгляда. Вместо этого красивый, незаурядный человек оглядывался через плечо. — Félicitations, — сказал Гамаш.

Жильбер улыбнулся, потом разложил два алюминиевых садовых стула.

— Я захватил их с собой. Первое из того, о чем я бы хотел вам сообщить. Марк сказал, что я могу жить в хижине. Сделать ее своим домом.

Гамаш сел.

— Я вполне представляю вас здесь.

— Вдали от общества, — улыбнулся Жильбер. — Мы, святые, ценим одиночество.

— Тем не менее вы принесли два стула.

— Вы ведь тоже знаете это высказывание? — спросил Жильбер. — «В моем доме было три стула: один для одиночества, два для дружбы, три для общества».

— Мое любимое высказывание тоже из «Уолдена» Торо, — сказал Гамаш. — «Богатство человека измеряется количеством вещей, от которых он может отказаться».

— Ну, вы в вашей работе не можете позволить себе отказаться от многих вещей, верно?

— Верно. Но, покончив с ними, я от них отказываюсь.

— Тогда почему же вы здесь?

Гамаш несколько мгновений сидел молча, прежде чем ответить:

— Потому что есть вещи, от которых отказаться труднее, чем от других.

Винсент Жильбер кивнул, но ничего не ответил. Пока старший инспектор смотрел куда-то вдаль, доктор вытащил из рюкзака маленький термос и налил две чашки кофе.

— Как поживают Марк и Доминик? — спросил Гамаш, отхлебывая крепкий черный кофе.

— Прекрасно. Появились первые клиенты. Кажется, им нравится. И Доминик в своей стихии.

— А как поживает конь Марк? — Гамаш почти боялся задать этот вопрос. И его страхи получили подтверждение, когда Винсент отрицательно покачал головой. — Да уж, конь с причудами.

— У Марка не было выбора — ему пришлось избавиться от этого коня.

Перед мысленным взором Гамаша снова возникло это дикое, полуслепое, полубезумное раненое животное. И он понял, что его судьба была определена много лет назад.

— Доминик и Марк обустраиваются, и за это они должны быть благодарны вам, — продолжил Жильбер. — Если бы вы не раскрыли это преступление, их жизнь была бы погублена. Насколько я понял из хода процесса, Оливье не без задней мысли перетащил тело. Он хотел, чтобы гостиница и спа-салон закрылись.

Гамаш промолчал.

— Но дело, конечно, было не только в этом, — сказал Жильбер, не оставляя тему. — Я полагаю, он был корыстен.

Гамаш по-прежнему молчал, не желая еще больше усугублять вину человека, которого все еще считал своим другом. Пусть об этом говорят юристы, судьи, жюри присяжных.

— Голодный Призрак, — сказал Жильбер.

Эти слова заставили Гамаша приподняться со стула и посмотреть на осанистого человека, сидящего рядом с ним.

— Что-что?

— Это буддистское верование. Одно из состояний человека на колесе жизни. Чем больше вы едите, тем сильнее ваше чувство голода. Это считается наихудшим временем в жизни человека. Попытка заполнить яму, которая при этом только углубляется, чем бы вы ее ни заполняли — едой, деньгами или властью. Почитанием других. Чем угодно.

— Голодный Призрак, — проговорил Гамаш. — Как это ужасно.

— Вы и представить себе не можете, — сказал Жильбер.

— А вы можете?

После секундной заминки Жильбер кивнул. Он больше не казался таким величественным, как прежде. Гораздо более человечным.

— Мне пришлось отказаться от всего этого, чтобы получить то, что мне действительно нужно.

— И что же это такое?

Жильбер надолго задумался:

— Общество.

— И вы поселяетесь в лесном домике, чтобы обрести общество? — улыбнулся Гамаш.

— Чтобы научиться быть хорошим обществом для себя самого.

Некоторое время они сидели молча. Наконец Жильбер сказал:

— Значит, Оливье убил Отшельника ради богатства?

Гамаш кивнул:

— Он боялся, что хижина будет найдена. Знал, что это вопрос времени, когда ваш сын приехал сюда и Парра начал расчищать тропинки.

— Если уж вы заговорили о Парра — вы их подозревали?

Гамаш посмотрел на парок, поднимавшийся над чашкой, которая согревала его большие руки. Он никогда не расскажет этому человеку всю историю полностью. Не стоит признавать, что Хэвок Парра был их основным подозреваемым. Хэвок работал допоздна. Заперев бистро, он мог последовать за Оливье до самой хижины. И хотя лабораторные исследования резьбовых инструментов Хэвока дали отрицательный результат, у него вполне могли быть и другие. И разве не был Отшельник чехом?

А если не Хэвок, то его отец Рор, который расчищал тропинки и почти наверняка должен был выйти на хижину. Может быть, он уже нашел ее.

Может быть, может быть, может быть.

Эта широкая дорожка «может быть» вела прямо к Парра.

Гамаш не хотел говорить Жильберу, что попал под подозрение и он, как и его сын и невестка. Хижина находилась на их земле. Почему они приобрели старый разрушенный дом, когда могли купить недвижимость где угодно? Почему они сразу же решили расчищать тропинки? Это было чуть ли не первое, чем они занялись.

И почему праведный доктор Жильбер и тело появились почти в одно время?

Почему, почему, почему.

Эта широкая дорожка «почему» вела прямехонько к дверям старого дома Хадли.

Все они попали в категорию подозреваемых. Но все реальные улики указывали на Оливье. Отпечатки пальцев, орудие убийства, полотняный мешочек, резные скульптурки. Инструментов для резьбы у Оливье найдено не было, но это ни о чем не говорило. Он мог избавиться от них много лет назад. Но в гостинице они обнаружили нейлоновую леску. Того же размера и прочности, что использовалась в самодельной паутинке. Защита Оливье утверждала, что это стандартная леска и ее наличие ни о чем не говорит. Габри подтвердил, что использовал леску в саду — подвязывал ею жимолость.

Это ничего не доказывало.

— Но зачем вплетать то слово в паутину и вырезать его на деревяшке? — спросил Винсент.

— Чтобы напугать Отшельника, чтобы он отдал сокровище из своего мешочка.

Решение было потрясающе простым. Тропинка приближалась с каждым днем. Оливье понимал, что его время на исходе. Он должен был убедить Отшельника отдать ему эту вещь, прежде чем хижина будет найдена. Потому что когда это случится, Отшельник узнает правду: Оливье лгал ему. Нет никакой Горы. Никакой армии Страха и Отчаяния. Никакого Хаоса. А есть только маленький жадный торговец антиквариатом, который никак не может насытиться.

Никакого надвигающегося ужаса — только еще один Голодный Призрак.

Последняя надежда Оливье получить полотняный мешочек была на то, что ему удастся убедить Отшельника в неизбежности грядущей катастрофы. Ради спасения жизни Якоб должен был избавиться от сокровища. Чтобы Гора, добравшись до места, нашла только Отшельника, но не мешочек.

Но когда выяснилось, что его история недостаточно страшна, а тропинка почти дошла до хижины, Оливье воспользовался своим напалмом, горчичным газом, своей крылатой ракетой. Своей «Энолой Гей». [87]

Он разместил в углу паутинку. И подбросил куда-то в хижину деревяшку с вырезанным на ней словом. Оливье знал: когда Отшельник увидит это, он… Что? Умрет? Может быть. Но уж в панику впадет точно, когда поймет, что обнаружен. Обнаружен тем, от чего скрывался, от чего бежал. Тем, чего он боялся больше смерти. Оно нашло его и оставило свою визитную карточку.

Что пошло не так? Может быть, Отшельник не увидел паутинку? Может быть, Отшельник в жадности своей не уступал Оливье? Что бы там ни случилось, в одном Гамаш был уверен: терпение Оливье иссякло, нервы сдали, ярость переполнила его — он протянул руку, схватил подсвечник. И нанес удар.

Его юрист предпочел суд присяжных. Хорошая стратегия, решил Гамаш. Присяжных можно убедить в том, что это было временное помешательство. Сам Гамаш считал, что обвинение нужно предъявлять по статье «без предварительного умысла», а не «умышленное», и прокуратура с ним согласилась. Старший инспектор знал, что Оливье умышленно терроризировал Отшельника. Но убийство — дело другое. Да, он сделал Якоба пленником. Манипулировал им, использовал его в своих целях, сводил с ума человека, чье психическое здоровье и без того оставляло желать лучшего. Но убийство… Гамаш верил, что случившееся удивило и привело в ужас и самого Оливье.

Точное определение: убийство без предварительного умысла.

Именно это и совершил Оливье. Убил человека. Не одним решающим ударом, а медленно, постепенно. Запугивал его, отчего морщины тревоги избороздили лицо затворника, а его душа вздрагивала, стоило только хрустнуть веточке в лесу.

Но кончилось все это убийством… и самоубийством. Оливье в конечном счете убил себя. Он уничтожил все, что в нем было доброго, пока самоуважение не было утрачено окончательно, замещено самыми отвратительными качествами. Тот человек, каким он мог бы стать, оказался мертв. Его поглотил Голодный Призрак.

Но точку в деле Оливье поставили не домыслы, а факты. Улики. Никто, кроме Оливье, не бывал в хижине. Повсюду были найдены отпечатки его пальцев, включая и орудие убийства. Он знал Отшельника. Он продал часть его сокровищ. Он продал резные скульптуры. Он похитил полотняный мешочек. И наконец, орудие убийства было обнаружено в бистро вместе с мешочком. Его адвокат будет приводить аргументы, доказывать несостоятельность обвинения, но улики неубиваемы. Тут Гамаш не сомневался.

Но если фактов было достаточно для прокурора, судьи, присяжных, то Гамашу этого было мало. Ему требовалось еще что-то. Ему требовался мотив. То, что никогда невозможно доказать, потому что невозможно увидеть.

Что вынудило человека совершить убийство?

Именно этот вопрос и стал ключевым для Гамаша. Когда Гамаш возвращался в Три Сосны, приказав еще раз провести обыск в доме Парра, он размышлял о деле. Улики. Но еще и озлобленный дух.

Он понял, что все аргументы в пользу вины Парра применимы и к Оливье. Страх и корысть. Но если Парра не демонстрировали корыстных наклонностей, то Оливье был сама корысть, и это убедило Гамаша в вине Оливье.

Гамаш знал, что Оливье боялся двух вещей. Того, что его подноготная будет раскрыта. И того, что он останется без сокровищ.

Но и то и другое надвигалось, угрожало.

Гамаш отхлебнул кофе и снова вспомнил тотемные шесты, гниющие, наклонившиеся, упавшие. Но они пока еще могли рассказывать свои истории.

Именно там ему и пришла в голову эта мысль. Мысль о том, что разгадка расследуемого убийства связана с рассказанными историями. И ключом к ним были деревянные скульптуры Отшельника. Они не были

отдельными, случайными. Они составляли некое целое. Каждая была интересна сама по себе, но все вместе они рассказывали еще более цельную историю. Как тотемные шесты.

Оливье рассказывал истории, чтобы контролировать Отшельника, сделать его пленником. Отшельник использовал истории, чтобы на их основе создать выдающиеся скульптуры. А Оливье использовал эти скульптуры, чтобы обогатиться так, как он и не мечтал.

Но Оливье не понял, что его истории были правдивы. Аллегоричны — да. Но от этого не менее реальны. Гора страданий приближалась. Она росла с каждой новой ложью, новой историей.

Голодный Призрак.

Чем богаче становился Оливье, тем больше богатств ему хотелось. А то, что ему хотелось больше всего, он как раз и не мог заполучить. То, что было в полотняном мешочке.

Якоб прибыл в Три Сосны со своими сокровищами, которые почти наверняка были украдены у друзей и соседей в Чехословакии. У людей, которые доверяли ему. А когда рухнул «железный занавес» и эти люди смогли покинуть страну, они стали спрашивать, где их деньги. Стали их требовать. Угрожали ему разоблачением. А возможно, не только угрожали, но и действовали.

Он взял свое сокровище — их сокровища — и спрятался вместе с ними в лесу. Стал ждать, когда страсти утихнут, люди отступятся. Разъедутся по домам. Оставят его в покое.

И тогда он сможет все распродать. Купить себе самолет, яхту. Таунхаус в Челси, виноградник в Бургундии.

Стал бы он тогда счастливым? Удовлетворился бы?

«Узнайте, что он любил, и тогда, может быть, вы найдете убийцу», — так говорила Гамашу Эстер, старейшина народа хайда. Любил ли Отшельник деньги?

Поначалу, может быть, и любил.

Но разве он потом не использовал их как туалетную бумагу? Разве не затыкал он щели в стене своего домика двадцатидолларовыми купюрами?

Любил ли Отшельник свои сокровища? Может быть, поначалу и любил.

Но потом он начал расставаться с ними. Менял на молоко, сыр, кофе.

И компанию.

Когда Оливье арестовали и увели, Гамаш сел и уставился на мешочек. Что может быть хуже, чем Хаос, Отчаяние, Война? От чего бежала даже Гора? Гамаш много думал об этом. Что пугало людей больше всего и,

может быть, в особенности на смертном одре? Что преследовало их, мучило, ставило некоторых на колени? И Гамаш решил, что знает ответ.

Сожаление.

Сожаление о сказанных словах, о совершенных поступках, о несовершенных поступках. Сожаление о том, что они не стали тем, кем могли стать.

Наконец, оставшись один, старший инспектор открыл мешочек и, заглянув внутрь, понял, что ошибался. Страшнее всего было не сожаление.

* * *

Клара Морроу постучала в дверь Питера.

— Ты готов?

— Готов, — ответил он и вышел, оттирая краску с руки.

В последнее время он мазал краской руки, чтобы Клара думала, будто он напряженно работает, а на самом деле он вот уже несколько недель как закончил работу.

Наконец он признался в этом самому себе. Но больше никому.

— Как я выгляжу?

— Отлично. — Питер вытащил кусочек тоста из волос Клары.

— Я берегла его на ланч.

— На ланч я тебя приглашаю в другое место, — сказал он, ведя ее к двери. — Чтобы отпраздновать.

Они сели в машину и направились в Монреаль. В тот жуткий день, когда она ездила забирать у Фортена свой портфолио, она остановилась у скульптуры, изображающей Эмили Карр. На скамейке сидела какая-то женщина. Клара уселась в дальнем конце скамьи и принялась разглядывать миниатюрную бронзовую статую. И еще лошадь, собаку и обезьянку. Воо.

Эмили Карр вовсе не казалась одной из величайших художниц мира. Она была похожа на обычную женщину, какую можно встретить на улице. Низкого роста. Полная. Непривлекательная.

— Она немного похожа на вас, — раздался голос рядом с Кларой.

— Вы так думаете? — спросила Клара, которой это утверждение вовсе не показалось комплиментом.

Женщине было за шестьдесят. Хорошо одетая. Уверенная в себе и сдержанная. Изящная.

— Меня зовут Тереза Брюнель. — Женщина протянула руку. Видя недоуменный взгляд Клары, женщина добавила: — Суперинтендант

Брюнель, Квебекская полиция.

— Да, конечно. Извините, запамятовала — вы были в Трех Соснах с Арманом Гамашем.

— Это ваши работы? — Брюнель кивнула на портфолио.

— Да, только фотографии.

— Позволите посмотреть?

Клара открыла папку, и офицер полиции просмотрела фотографии, комментируя, иногда восторженно задерживая дыхание. На одной из фотографий она остановилась. С фотографии смотрела веселая женщина, идущая вперед, но оглядывающаяся назад.

— Она прекрасна, — сказала Тереза. — Я бы хотела с ней познакомиться.

Клара ничего не ответила. Она просто ждала. И минуту спустя ее собеседница моргнула, улыбнулась и посмотрела на Клару:

— В этой картине есть что-то настораживающее. Она — само изящество, но что-то случилось, правда?

Клара по-прежнему хранила молчание, глядя на воспроизведение собственной работы.

Тереза Брюнель снова перевела взгляд на фотографию. Потом она резко вдохнула и посмотрела на Клару:

— Грехопадение. Боже мой, вы же написали грехопадение. Это мгновение. Она даже не понимает этого, верно? Она предчувствует что-то, предвестие грядущего ужаса. Грехопадение.

Тереза погрузилась в молчание, глядя на эту привлекательную, счастливую женщину. И на это едва заметное, почти невидимое предчувствие.

Клара кивнула:

— Да.

Тереза внимательнее посмотрела на нее:

— Но это еще не все. Я знаю, в чем дело. Это ведь вы, правда? Она — это вы.

Клара кивнула.

Еще несколько мгновений — и Тереза прошептала что-то. Клара даже слов не разобрала. Может быть, это ветер прошелестел в листве?

— Чего вы боитесь?

Клара долго молчала, прежде чем ответить. Но не потому, что она не знала ответа, — она просто никогда не произносила это вслух.

— Я боюсь, что не узнаю рая.

Тереза тоже ответила не сразу.

— И я тоже, — так сказала суперинтендант Брюнель.

Она записала свой номер телефона и протянула бумажку Кларе.

— Я приеду на работу и позвоню одному человеку. Это мой телефон. Позвоните мне во второй половине дня.

Клара позвонила, и, к ее удивлению, эта изящная женщина, офицер полиции, договорилась со старшим куратором Музея современного искусства в Монреале, и та обещала посмотреть портфолио Клары.

Это случилось неделю назад. Много чего произошло с того дня. Старший инспектор Гамаш арестовал Оливье по обвинению в убийстве. Все знали, что это ошибка. Но по мере предъявления доказательств их сомнения росли. А Клара за это время отвезла свои работы в Музей современного искусства, и они сообщили, что хотят встретиться с ней.

— Они хотят увидеть тебя не для того, чтобы отказать, — сказал Питер, ведя машину. — Я в жизни не слышал, чтобы галерея пригласила художника, чтобы ему отказать. Это хорошая новость, Клара. Прекрасная новость. Гораздо лучше всего, что мог для тебя сделать Фортен.

И Клара позволила себе думать, что так оно и есть.

Питер вел машину и думал о картине на собственном мольберте. О той, которая, как он знал, была теперь закончена. Как и его карьера. На белом полотне Питер изобразил большой черный, почти — но не совсем — замкнутый круг. А там, где он мог замкнуться, Питер поставил точки.

Три точки. Для бесконечности. Для общества.

*** * ***

Жан Ги Бовуар находился в подвале своего дома, разглядывал клочки бумаги. Он слышал, как Энид наверху готовит ланч.

В последние несколько недель он использовал малейшую возможность, чтобы спуститься в подвал. Он включал трансляцию матча, а потом садился за письменный стол спиной к телевизору. Эти клочки бумаги гипнотизировали его. Он считал, что обезумевшая старая поэтесса написала все стихотворение на одном листе, а потом просто разорвала его на отдельные полосы, чтобы он мог их соединить, как части головоломки. Но нет, бумажные полосы не подходили одна к другой. Ему нужно было отыскать смысл в словах.

Бовуар солгал старшему инспектору. Делал он это редко и понятия не имел, почему солгал на этот раз. Он сказал шефу, что выбросил бумажки — все эти дурацкие слова, которые Рут приклеивала к его двери, засовывала в

его карманы, просила третьих лиц передать ему.

Да, он хотел их выбросить. Но еще сильнее было желание понять их смысл. Это было почти безнадежно. Может быть, Гамашу это и по уму, но для Бовуара стихи всегда были тайной за семью печатями. Даже если попадались ему на глаза не фрагментами, а целиком. Нет, собрать стихотворение — это работа не для него.

Но он пытался. Уже несколько недель.

Одну полоску он положил между двумя, потом нижнюю переместил наверх.

> Я сижу, где посажена, созданная
> из камня и желаемого, выданного за действительное:
> будто божество, убивающее ради удовольствия,
> может и исцелять,

Бовуар отхлебнул пива.

— Жан Ги, — крикнула ему жена. — Ланч!

— Иду.

> будто в разгар твоего кошмара,
> твоего последнего, добрая львица
> придет с бинтами в пасти
> и нежным телом женщины,

Энид снова его позвала, но он не ответил — он разглядывал строки. Потом его глаза зацепились за пушистые маленькие ноги, свисающие с полки над столом на уровне его головы, где они были ему видны. Плюшевый лев, которого Бовуар уволок из гостиницы в Трех Соснах. Сначала к себе в номер — для компании. Поставил его на стул так, чтобы было видно с кровати. И, лежа, он представлял себе ее. Страстную, полную жизни, способную довести тебя до белого каления. Она наполняла пустые, тихие уголки его жизни. Наполняла жизнью.

Когда преступление было раскрыто, он сунул львенка себе в сумку и привез сюда. Куда никогда не спускалась Энид.

Добрый лев. Пушистый, улыбающийся.

— Уимове, уимове, — мурлыкал он себе под нос, читая последние строки.

и вылижет тебя от лихорадки,
и за загривок нежно поднимет твою душу,
и осторожно в темень рая отнесет.

* * *

Час спустя Арман Гамаш вышел из леса и направился вниз по склону в Три Сосны. На крылечке бистро он глубоко вздохнул, собрался и вошел.

Несколько секунд — и его глаза приспособились к свету в зале. И тогда он увидел Габри за стойкой бара на том месте, где всегда стоял Оливье. Габри — прежде крупный — стал меньше ростом, потерял в весе. Вид у него был измученный, усталый.

— Габри, — сказал Гамаш, и два старых приятеля уставились друг на друга.

— Месье, — сказал Габри.

Он подвинул по полированной деревянной стойке вазочку с конфетами-ассорти и еще одну — с мармеладом, потом вышел из-за стойки и предложил Гамашу лакричную трубочку.

Несколько минут спустя появилась Мирна. Она вошла и увидела Габри и Гамаша, которые тихо сидели у огня. Разговаривали. Чуть не касаясь друг друга головами и коленями. Между ними лежала нетронутая лакричная трубочка.

Когда она вошла, они подняли головы.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я могу и попозже. Только хотела показать тебе вот это. — Она протянула Габри лист бумаги.

— У меня есть копия, — сказал он. — Последнее стихотворение Рут. И что оно может значить?

— Понятия не имею. — Она никак не могла привыкнуть к тому, что, заходя в бистро, теперь будет видеть только Габри. Что-то важное исчезло из жизни с тех пор, как Оливье оказался в тюрьме, — словно срубили одну из сосен.

Происходящее было мучительно. Деревня казалась разодранной, раненой. Люди хотели поддержать Оливье и Габри. Арест поверг их в ужас. Они не верили в то, что Оливье преступник. Но в то же время знали, что Гамаш никогда не арестовал бы Оливье, если бы не был уверен.

Ясно было и то, что решение об аресте друга нелегко далось Гамашу. Поддерживать одного, не предавая другого, казалось невозможным.

Габри поднялся, поднялся и Гамаш.

— Мы обменивались новостями. Ты знаешь, что у старшего инспектора теперь есть еще одна внучка? Зора.

— Поздравляю. — Мирна обняла счастливого дедушку.

— Мне нужно подышать свежим воздухом, — сказал Габри — он вдруг почему-то забеспокоился. У двери повернулся к Гамашу. — Вы со мной?

Старший инспектор и Мирна присоединились к нему, и втроем они пошли по деревенскому лугу, где все могли видеть Гамаша и Габри вместе. Рана не была залечена, но и не углублялась.

— Вы знаете, Оливье не убивал его, — сказал Габри, остановившись и заглянув Гамашу в глаза.

— Я восхищаюсь вашей преданностью.

— Я знаю, в нем много такого, что считается отталкивающим. И неудивительно, что это больше всего и нравится в нем мне.

Гамаш издал смешок.

— Но я хочу знать ответ на один вопрос.

— Да?

— Если Оливье убил Отшельника, то зачем ему понадобилось тащить куда-то тело? Зачем везти его в старый дом Хадли, чтобы его там немедленно обнаружили? Почему не оставить его в хижине? Или не спрятать в лесу?

Габри не мог смириться с тем, что Оливье убийца.

— Ответ был получен во время процесса, — терпеливо сказал Гамаш. — Хижину вот-вот должны были обнаружить. Рор прочищал тропинку, которая выходила прямо на домик.

Габри неохотно кивнул. Мирна смотрела, пытаясь взглядом внушить своему другу мысль о необходимости принять неоспоримую истину.

— Я знаю, — сказал Габри. — Но зачем тащить тело в дом Хадли? Почему не спрятать его глубже в лесу, где животные быстро бы сделали свое дело?

— Потому что Оливье не считал тело самой тяжелой уликой против него. Такой уликой была хижина. Годы вещественных доказательств — отпечатков пальцев, волосков, еды. Он не мог и надеяться, что ему удастся все это вычистить. По крайней мере, вычистить надежно. Но поскольку наше расследование сосредоточилось бы на Марке Жильбере и доме Хадли, расчистка тропинки, вероятно, была бы приостановлена. Если бы Жильберы были погублены, то и тропинки никому не понадобились бы.

Голос Гамаша звучал спокойно. Ни малейших признаков недовольства,

хотя Мирна знала, что в голосе старшего инспектора могут звучать и недовольные интонации. Она уже, наверное, в десятый раз слышала все эти объяснения Гамаша, но Габри не хотел им верить. Даже теперь Габри отрицательно покачал головой.

— Мне очень жаль, — сказал Гамаш, и было видно, что он не лукавит. — Другие выводы были несостоятельны.

— Оливье не убийца.

— Я согласен. Но он убил человека. Пусть и непредумышленно. Ненамеренно. Неужели вы и в самом деле верите, что он не может убить в состоянии аффекта? Он много лет пытался выманить у Отшельника его сокровище и боялся, что так его и не получит. Вы уверены, что Оливье не мог прийти в бешенство?

Габри помедлил. Гамаш и Мирна задержали дыхание, боясь спугнуть еще неуверенную трезвую мысль, витавшую над головой их друга.

— Оливье не делал этого. — Габри тяжело, раздраженно вздохнул. — Зачем ему понадобилось перемещать тело?

Старший инспектор уставился на Габри. Слова здесь были бесполезны. Если остался еще какой-то способ убедить этого несчастного человека, Гамаш будет продолжать попытки. Он и без того пытался. Ему невыносима была мысль о том, что Габри будет нести это лишнее ужасное бремя — веру в то, что его партнер осужден безвинно. Лучше принять ужасную правду, чем бороться, пытаться выдать желаемое за действительное.

Габри повернулся спиной к старшему инспектору и двинулся в самый центр деревни, сел там на скамейку.

— Какой изумительный человек, — сказал Гамаш, когда они с Мирной тронулись дальше.

— Да, он такой. Вы знаете, он будет ждать вечно. Будет ждать возвращения Оливье.

Гамаш ничего на это не ответил. Некоторое время они шли молча.

— Я встретился с Винсентом Жильбером, — сказал он наконец. — Он говорит, что Марк и Доминик понемногу привыкают к новому месту.

— Да. Выясняется, что, когда Марк не таскает покойников по деревне, он может быть совсем неплох.

— Плохие вести о Марке-коне.

— И тем не менее, может быть, для него так будет лучше.

Это удивило Гамаша, и он посмотрел на Мирну:

— Попасть на скотобойню — лучше?

— На скотобойню? Да нет, Винсент Жильбер отправил его в Лапорт.

Гамаш фыркнул и покачал головой. Ну и сукин сын этот святой!

Они прошли мимо бистро, и он снова вспомнил о полотняном мешочке. Той вещи, которая, будучи обнаружена за камином, более всего остального свидетельствовала о вине Оливье.

Открылась дверь дома Рут, и появилась старая поэтесса, закутанная в поношенное шерстяное пальто; она поковыляла прочь от дома в сопровождении Розы. Но сегодня на утке не было никакой одежды — только перья.

Гамаш настолько привык видеть Розу в одежде, что теперь явление утки в перьях ему показалось неестественным. Эта парочка перешла дорогу и, дойдя до центра деревенского луга, Рут раскрыла бумажный пакет и принялась кормить утку хлебом, а та, размахивая крыльями, устремлялась то туда, то сюда за крошками. Над лугом зазвучало кряканье, оно все приближалось. Гамаш и Мирна повернулись на звук. Но Рут не сводила глаз с Розы. По небу летел утиный клин — утки спешили на юг.

И тут с криком, очень похожим на человеческий, Роза взмахнула крыльями и поднялась в воздух. Она сделала круг, и несколько секунд все думали, что сейчас она вернется. Рут подняла руку, то ли предлагая утке крошки с ладони, то ли прощаясь с ней.

И Роза улетела.

— Боже мой, — выдохнула Мирна.

Рут смотрела, стоя спиной к ним, подняв руку и лицо к небесам. Крошки хлеба падали на траву.

Мирна вытащила из кармана смятую бумажку и дала ее Гамашу.

Она взлетела в небо, и оставленная земля испустила вздох.
Она взлетела выше телефонных столбов, выше крыш,
под которыми прятались те, кто лишен крыльев.
Она взлетела резвее ласточек, которые веселым циклоном
крутились вокруг нее.
Она взлетела выше спутников, и все сотовые телефоны
на земле зазвонили одновременно.

— Роза, — прошептала Мирна. — Рут.

Гамаш смотрел на старую поэтессу. Он знал, что́ маячит за Горой. Что́ все сокрушает перед собой. То, чего больше всего опасался Отшельник. Чего больше всего боялась Гора.

Совесть.

Гамаш вспомнил, как он открыл полотняный мешочек, ощутил внутри ровное дерево. Скульптурка была простая. На стуле сидел молодой человек. Слушал.

Оливье. Гамаш перевернул скульптурку и нашел три вырезанные на дереве буквы. СЮЮ.

Он расшифровал их в хижине несколько минут назад и уставился на получившееся слово.

«Воо».

Скульптурка из грубого полотняного мешочка была вырезана гораздо тоньше, чем другие, на которых было куда больше фигур. Она являла собой саму простоту. Смысл ее был изящен и страшен. Скульптура была прекрасна, но молодой человек казался абсолютно пустым. Все его несовершенства были стерты. Дерево было твердым и гладким, так что мир стекал с него, как вода. Отсутствовало соприкосновение, а потому не возникало и чувства.

Это был Король Горы в образе человека. Глухой ко всему. Гамашу хотелось зашвырнуть эту скульптурку подальше в лес. Пусть лежит там, где в свое время обосновался Отшельник. Прячась от монстра, которого сам и породил.

Но от Совести спрятаться невозможно.

Ни в новых домах, ни в новых машинах. Ни в путешествиях. Ни в медитации, ни в бешеной активности. Ни в детях, ни в добрых делах. Ни на цыпочках, ни на коленях. Ни в большой карьере. Ни в маленькой хижине.

Она тебя найдет. Прошлое всегда находило.

И потому было жизненно важно знать о действиях, совершаемых в настоящем. Потому что настоящее становилось прошлым, а прошлое вырастало. Поднималось на ноги и шло за тобой.

И находило. Как нашло Отшельника. Как нашло Оливье. Гамаш смотрел на холодное, жесткое, безжизненное сокровище у него в руке.

Кто бы не испугался этого?

Рут проковыляла по травке к скамье и села. Ее жилистая рука сжала ворот синего пальто, а Габри взял ее другую руку в свои, нежно потер и пробормотал: «Ну-ну, ну-ну».

Она взлетела, но не забыла на прощанье вежливо помахать…

Благодарности

И еще раз: эта книга стала возможной благодаря помощи многих людей. Я хочу и должна поблагодарить моего мужа Майкла, который читал и перечитывал рукопись и неизменно говорил мне, что это блестящая работа. Благодарю Лиз Пейдж, мою помощницу, за ее неутомимость и веселость, за ее великолепные идеи. Благодарю Шериз Хоббс и Хоуп Деллон за их терпение и редакторские замечания.

Как и всегда, я хочу поблагодарить лучшего из литературных агентов в мире Терезу Крис. Она прислала мне искренние поздравления, когда моя последняя книга попала в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс» (мне пришло в голову, что я должна упомянуть об этом!). Тереза — гораздо больше, чем агент, она еще и милый, заботливый человек.

Еще я хочу поблагодарить моих добрых друзей Сьюзан Маккензи и Лили де Гранпре за их помощь и поддержку.

И наконец, я хочу сказать несколько слов о стихах, использованных в этой и других книгах. Хотя мне и хотелось бы обойти это молчанием и надеяться, что вы будете думать, будто эти стихотворения вышли из-под моего пера, я должна поблагодарить замечательных поэтов, которые позволили мне использовать их слова и работы. Как вы можете догадаться, я восторженная почитательница поэзии, да что говорить — она насыщает меня словами и эмоциями. Начинающим писателям я советую читать поэзию, что, на мой взгляд, для них нередко является литературным эквивалентом совета есть брюссельскую капусту. Они не испытывают ни малейшего энтузиазма. Но для писателя стыдно хотя бы не попытаться отыскать стихи, которые найдут отклик в его душе. Поэты умудряются вложить в четверостишие то, что мне с трудом удается втиснуть в целую книгу.

Я решила, что настало время признать это.

В этой книге я, как и всегда, использую строки из тоненького томика Маргарет Этвуд «Утро в сожженном доме». Название не очень веселое, но стихи блестящие. Еще я цитировала из очаровательной старой работы «Колокола небес» Ральфа Ходжсона. И из замечательного стихотворения «Гравитация ноль» начинающего канадского поэта Майка Фримена, опубликованного в его книге «Кости».

Я хотела сообщить вам об этом. Надеюсь, эти стихи находят отклик в вашей душе, как они находят его в моей.

notes

Примечания

1

Спасибо *(фр.)*.

2

Мерман Этель — американская актриса и певица, одна из самых знаменитых бродвейских актрис XX века.

3

Да, алло? *(фр.)*

4

Добрый день *(фр.)*.

5

Хоккейный клуб «Монреаль канадиенс» в среде болельщиков-французов называется «Habs», от французского «les habitants», как называли поселенцев французского происхождения.

6

Тазер — специальное оружие типа электрошокера, используемое полицией.

7

Что касается меня, то я — пас, спасибо *(фр.)*.

8

«Плач аляскинского тюленя» *(фр.)*.

9

Канадский рок-ансамбль из Монреаля, пик популярности в Квебеке и Франции приходится на 1970-е годы.

10

Американская группа фолк-музыки из Нью-Йорка.

11

«Сегодня ночью лев спит», песенка, известная также как «Уимба уей», или «Уимове, уимове», написана южноафриканским певцом зулусского происхождения в 1920-е годы. Названия «Уимба Уей», «Уимове, Уимове» являются искаженным зулусским словом «мбубе» — «лев».

12

Лар Берт — американский комик, известен более всего как исполнитель роли Трусливого Льва в фильме «Волшебник страны Оз».

13

Лоялисты — сторонники единой империи, жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

14

Здесь: шеф, начальник *(фр.)*.

15

Английское слово havoc означает «опустошение, разорение».

16

Здесь: хозяин *(фр.)*.

17

Слова из английской морской песни, которая пелась при исполнении разных работ на корабле. Аналог русской песни «Эй, ухнем».

18

Входите *(фр.)*.

19

Лет *(фр.)*.

20

Опрятная *(фр.)*.

21

Хорошо *(фр.)*.

22

Спасибо, доктор *(фр.)*.

23

Прошу прощения? *(фр.)*

24

Коллеги *(фр.)*.

25

Дерьмо *(фр.)*.

26

Старший инспектор Жак Клузо — кинематографический комедийный персонаж, герой серии фильмов «Розовая пантера».

27

Нет *(фр.)*.

28

Боже милостивый. Это нечто исключительное *(фр.)*.

29

Мои поздравления *(фр.)*.

30

Нет, красавчик *(фр.)*.

31

Чайлд Джулия Каролин — американский повар, писатель и телеведущая, которая популяризировала французскую кухню среди американцев.

32

Будьте добры, пожалуйста *(фр.)*.

33

Ясно *(фр.)*.

34

Неужели? *(фр.)*

35

Гонтер — верховая лошадь, рожденная от чистокровного верхового жеребца и упряжной кобылы. В Англии и Ирландии издавна производили гонтеров для использования в конных охотах, где от лошади требуется большая сила, выносливость и способность преодолевать разнообразные естественные и искусственные препятствия.

36

Примите мои соболезнования *(фр.)*.

37

Моя красавица *(фр.)*.

38

Строка из стихотворения английского поэта Ральфа Ходжсона.

39

Да, конечно *(фр.)*.

40

Бедная лошадка *(фр.)*.

41

Моя вина *(фр.)*.

42

Чиппендейл Томас (1718–1778) — известный мастер английского мебельного искусства.

43

Здесь: Послушай *(фр.)*.

44

Киплинг Р. Заповедь. Перевод М. Лозинского.

45

Мать и сыновья *(фр.)*.

46

Компания с цифровым названием — компания, которая пользуется своим регистрационным номером вместо названия.

47

«Пригнись и накройся» («Duck and cover») — американский образовательно-пропагандистский фильм 1952 года о гражданской обороне в случае ядерной войны. Предназначался в основном для детей. Название фильма можно также перевести как «Утка в покрывале», на чем и основана шутка Габри.

48

Лила — древняя индийская настольная игра.

49

Прошу *(фр.)*.

50

Одну минуту *(фр.)*.

51

«Шато Фронтенак» — известный отель в Квебек-Сити.

52

Это всё, хозяин *(фр.)*.

53

Дерьмо! Черт! *(канадско-фр.)*

54

Перевод З. Александровой.

55

Хоффа Джеймс — деятель американского лейбористского движения, исчез в возрасте 62 лет, считается убитым.

56

Эрхарт Амелия — американская летчица, пропала без вести в 1937 г. при попытке совершить кругосветный полет.

57

Элмер Фадд — персонаж мультипликационной серии «Луни Тьюнс», главный враг другого знаменитого мультперсонажа — Багза Банни (Кролика Банни).

58

Каррер Белл — псевдоним Шарлотты Бронте.

59

Композиция известного канадского ансамбля «Leahy».

60

Для меня это удовольствие *(фр.)*.

61

Центр искусств в Монреале.

62

Невероятно *(фр.)*.

63

Боже милостивый! *(фр.)*

64

Но это невозможно *(фр.)*.

65

Турт Франсуа (1747–1835) — французский мастер смычков. Турта называют Страдивари смычков.

66

Сделано в Кремоне *(ит.)*.

67

Понимаете? *(фр.)*

68

Правильно *(фр.)*.

69

Паскаль Б. Мысли.

70

Согласен *(фр.)*.

71

В этом нет необходимости *(фр.)*.

72

Опрятной *(фр.)*.

73

Черт возьми *(фр.)*.

74

Не за что *(фр.)*.

75

Безделушки *(фр.)*.

76

Гостиница и спа-салон *(фр.)*.

77

Организация, помогающая иммигрантам или переселенцам устроиться на новом месте.

78

Ушедших временах *(фр.)*.

79

Хайда-Гуаи («Острова народа хайда») — так с 2010 г. называются острова Королевы Шарлотты, архипелаг у побережья канадской провинции Британская Колумбия.

80

Это удивительно *(фр.)*.

81

Спасибо *(язык хайда)*.

82

Название деревни народа хайда, являющейся частью национального парка Канады; место, где находятся последние сохранившиеся тотемные шесты.

83

Что? *(фр.)*

84

Это великолепно *(фр.)*.

85

Понимаю *(фр.)*.

86

Здесь: окончательному решению *(фр.)*.

87

«Энола Гей» — название самолета, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму. Это имя он получил в честь матери пилота Пола Тиббетса.